

ДЖУЛИ ДЕЙС

УДИВИТЕЛЬНО, КАК ЛЕГКО МОЖНО ДОСТИГНУТЬ
ЧЕГО-ТО, ЕСЛИ ЕСТЬ ЖЕЛАНИЕ

НАША
Our goal
ЦЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джули Дейс

Наша цель

Серия «Мечты сбываются», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65994873

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир может разрушиться из-за одного человека, который являлся опорой и основой для всего. Медленно и верно земля начинает давать трещины, и между зазорами застревают ноги. Попытка идти уверенным шагом может обернуться провалом, ведь, так или иначе, сбиваешься. Путь перед глазами размывается, и кажется, что остаться собой вовсе невозможно. Каждая частичка внутри сломана или нарушена. Ноющая дыра в сердце ежесекундно даёт о себе знать протянутыми воплями, оглушающими разум, и Алекс как никто другой чувствует ту разбитость, которая медленно и верно разрушает каждую сторону души и тела. Жизнь делает свой кувырок, заставляя начать с чистого листа в двух разных мирах. Там, где есть она, и там, где были они.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	71
Глава 5	95
Глава 6	117
Глава 7	140
Глава 8	162
Глава 9	192
Глава 10	210
Глава 11	232
Глава 12	253
Глава 13	271
Глава 14	293
Глава 15	307
Глава 16	326
Глава 17	357
Глава 18	375
Глава 19	390
Глава 20	406
Глава 21	421
Глава 22	454

Глава 23	474
Глава 24	488
Глава 25	505
Глава 26	523
Глава 27	543
Глава 28	563
Глава 29	582
Глава 30	599
Глава 31	622
Эпилог	643

Джули Дейс

Наша цель

Пролог

Алекс

Оказывается, для того чтобы ваши пути разошлись, достаточно одной вспышки. Всё начинается с мелочей. Эти мелочи оказываются ничем иным, как уничтожителями. Они миг разрушают то, что так долго строилось и укреплялось. Глупость, которая снежным комом катится с горы, собирая новые и новые порции снега в виде слов – помогает ворошить мерзкие вещи. Так произошло с нами. Я не знала, что скопленный с годами гнев вывалится таким потоком, что в один счёт убьёт всякую нежность, лёгкость и уют. Мы оба это не знали, потому что бросались большими словами, которые с каждой новой секундой топили нас.

Столько всего, что услышала я и столько же вывалено на Тома не пересчитать и невозможно измерить в каких-то масштабах. Нашим отношениям пришёл крах после восьми лет существования. И это наша общая вина. Рутину, которая затянула и уволокла в свои сети, помогла всему тому, что было сказано. Мои проекты, благодаря которым я опаздывала на

матч или приходила под завершение, его тренировки и работа, отбирающие многие силы и наше совместное время тоже сделали своё. Мы отдалились. Казалось, что мы вовсе стали чужими людьми друг другу. Но основной всего стало совершенно другое: я пошла наперекор и не послушала, это стало последней каплей в той чаше, которая постепенно копила в себе проблемы. Я даже не помню, с чего всё началось, потому что ссора закрутилось так стремительно и быстро, что за долю секунды мы успели устроить Армагеддон. В итоге: Том ушёл, хлопнув дверью, которая чуть ли не слетела с петель. Таким я его ещё никогда не видела. За всё время наших отношений, мне не доводилось слышать его крик, и особенно в свою сторону.

– Как же меня всё задолбало, Алекс, чёрт возьми! – скрепив руки за головой, он словно зверь в клетке бродил взад-вперёд, – почему ты не можешь послушать? Это так сложно?

– Мне хотелось, почему я не могу сходить куда-то?

– Потому что это ночью, твою мать! – испепелив меня секундным взглядом, Том со всей дури пнул ножку дивана, из-за чего я вздрогнула, – ты хрен знает с кем шляешься ночью!

– Это был наш общий знакомый, а не хрен знает кто. Мы работаем в одной сфере.

– Мне плевать. Я устал от твоих выходов. Устал от того, что хотел одного, а получил другое! Я не хочу отно-

шений, где паровоз ты, а не я!

Метнув в меня последний взгляд, он скрылся за дверью, предварительно хорошенько шарахнув ею.

Тот грохот до сих пор эхом отражается в ушах. Но я не ушла от него далеко, высказав собственные скопленные обиды.

– Вспомни, когда ты был рядом? – захлебываясь слезами, кричала я, – когда в последний раз ты что-то сделал? Сначала работа, а потом бейсбол, а я.. когда будет время для меня? Сколько я должна ждать своего поезда?

– Ты же знаешь, что я делаю всё не для себя, а для нас!

– Что делаешь? Сутками пропадаешь неизвестно где? Я вижу тебя утром и под ночь, когда ты падаешь в кровать, а я смотрю на твою спину! Сколько ещё? Сколько я должна ждать?

– Не жди, Алекс! – заорал Том.

С минуту, мы сверлили друг друга взглядом: расплывающийся мой и яростный Тома.

– Тогда проваливай! Занимайся бейсболом, работой, всем, чем угодно, но не мной, тебе некогда. Может, найдётся тот, которому будет когда уделить время мне.

– Что? – осевшим голосом, переспросил Том, словно я зарядила ему смачную пощёчину. Но мой язык уже не повиновался мне, как и здравый рассудок, который включил свою эмоциональность.

– Что слышал!

Слёзы покатались по щекам от воспоминаний.

Я всегда боялась бытовухи, и не зря, ведь она сыграла свою роль. И эта роль оказалось одной из главных. Мне так не хватало его. За этот злополучный год я успела почувствовать себя настолько одиноко, что практически каждую ночь заливала слезами подушку, пока Том спал на соседней стороне. Скрипя зубами и кусая губы, я сдерживала всхлипывания, хотя это было незачем, ведь у него крепкий сон. Мне не была нужна куча денег, мне нужен был он: тот, кто проводит время со мной. Возможно, это эгоистично с моей стороны, но разве я просила так много? Копя в себе обиды, я с каждым новым днём становилась раздражительней, Том не отставал, потому что периодически просто уходил в себя и не разговаривал со мной, словно я пустое место, которое хочет внимания, но никто не торопится его дать. Сейчас я понимаю, насколько важно просто разговаривать и делиться тем, что на душе, иначе это молчание приведёт к катастрофе. Неважно, какие разговоры, если хочется выговориться о том, что происходит на работе, что происходит в голове или на душе – можно лишь поделиться и станет легче. Но понимание пришло слишком поздно. Я и сама не лучше, потому что держала вихрь бушующих эмоций внутри, особенно, когда не успевала сделать проект или что-то шло не по планам.

Очередной салют в виде вспышки в голове, напомнил о себе.

Тишина и пустота в квартире стала привычной. Том ни-

когда не приходит раньше, разве что такое было больше года назад. Скинув сумку, я вновь растоптала собственные надежды на то, что застаю его дома. Слишком наивно с моей стороны, особенно после вчерашнего скандала. Я проревела всю ночь, а он так и не явился. Окинув взглядом гостиную, я поняла, что скорей всего тут никого не было. Он ушёл сумки назад. Никаких сообщений, звонков, записки – ничего. Закрыв глаза, которые начинали прожигаться слёзы, я выдохнула, и устало поползла к шкафу за домашней одеждой. Но сердце с тем же грохотом, что и сумка, которая только что упала на пороге, вдребезги рухнуло и разлетелось на кусочки. Он ушёл. Ни одной вещи на полке, ящике или вешалке.

На этот раз сдержаться не удалось. Упав на пол, я разрыдалась, как маленькая девочка, прячущая лицо в ладонях, которые моментально наполнялись океанами слёз.

Эта пара месяцев без него оказалась самым настоящим круговоротом ада. С трудом я принимала тот факт, что домой никто не придёт ни вечером, ни ночью. Никогда. Я никого не ждала, а написать Тому не набралась сил, ведь ушёл он, а не я. Он оставил меня, так и не сев и не поговорив спокойно. Стены душили меня ровно неделю. Переборов себя, я перестала ждать, сменив квартиру на новую совершенно в другом районе. Я ровно семь дней ждала у моря погоды, но так и не дождалась, поняв, что на этом всё.

Два месяца и три дня с тех пор, как он ушёл и с тех пор,

как мы не виделись. Сколько последующих дней я буду заниматься самоуничтожением?

Глава 1

Алекс

Последнее время я паникую, когда приближаюсь к дому Лизи. Мой страх основан на Томе, который может находиться там, хотя одновременно я искренне не понимаю саму себя, чего я должна бояться? Логичней предположить, что нервоз должен быть у него, ведь именно он молча ушёл, даже не сказав мне ни слова на прощание. Наверно, я боюсь посмотреть в глаза, которые люблю, и которые в ответ не смотрят на меня тем же влюблённым взглядом. Как бы мне ни хотелось или я не убеждала себя оставить в памяти только хорошее – не получается. В голове засели те самые воспоминания, когда он постепенно перестал тянуться ко мне. Медленно подходя к дому подружки, я на мгновение закрыла глаза и вернулась в зиму, когда первый раз прилетела в Нью-Йорк, где Том первым делом повёл меня на каток в центральный парк.

– Мне не холодно, и я не замёрзну, – хмыкнула я, занимая лавочку, у которой Том поставил коньки.

– Надевай, Алекс, – требовал он, протягивая мне мои же варежки.

Пока я морщилась, смотря на мягкую белую вещь в его руках, он сел рядом и силой взял мою руку, начал надевать варежки на мои ладони. Хоть это и было сделано с настой-

чивостью, я всё равно улыбнулась, смотря на то, как кисти рук прячутся в тёплом махровом облаке благодаря заботе Тома.

– Теперь я не смогу надеть коньки.

– Сможешь, – кивнул он, подхватив мои ноги и положив их к себе на колени.

Смотря на то, как сапоги сменялись на коньки, я растягивала губы в улыбке, чувствуя себя принцессой и просто самой счастливой девушкой на свете, о которой заботятся. Подняв голову, Том посмотрел на меня.

– Не туго?

Отрицательно закрутив головой, я не могла сдержать очередную улыбку.

– Что?

– Ничего. Я люблю тебя.

– Не подлизывайся, лиса.

– Я не подлизываюсь.

– Хорошо, – опустив голову, он сделал бантик из шнуровки и приступил ко второй ноге, – я тоже люблю тебя.

Наклонившись, я смогла дотянуться до щеки Тома, на которой оставила поцелуй, вновь вернувшись в начальную позу и продолжая наблюдать за его действиями.

Проглотив ком, я надела на лицо маску спокойствия, которую Лизи может снять секундным взглядом, но я всё равно попыталась. Как только рука поднялась, чтобы постучать в дверь, она тут же распахнулась, а на пороге появилась луч-

шая подруга.

– Ты за мной следишь?

– Да, ты – моя главная цель.

Когда родные объятия заключили меня в свои сети, я сама сняла маску и убрала её в дальний уголок. Она не тот человек, от которого я должна скрывать саму себя и свои эмоции. Единственное, для чего я это делаю – чтобы не нагружать её своими проблемами. Пока Лизи держала меня в кольце своих рук, я закрыла глаза и с горечью проглотила слюну, застрявшую промеж горла. Я едва сдерживала желание разреветься у её плеча, но тут же почувствовала, как слеза проскользнула по щеке. Возврата уже не было. Я позволила это сделать остальным. И вот мы стоим на пороге и обнимаемся, только я ещё реву. Положив ладони на мои плечи, Лизи посмотрела на меня и заправила спутавшиеся и прилипшие локоны с моего лица за уши.

– Как ты?

– Всё хорошо, – кивнула я.

– А слёзы, потому что солнце в глаза светит?

– Потому что мы не виделись полторы недели... прости меня... – всхлипнула я, утирая влажные капли с лица.

– Ты работала, – как ни в чём не бывало, она пожала плечами и закрыла за нами дверь, но я знаю, что Лизи не совсем верит моим оправданиям.

Положив тяжёлую папку с проектами на обеденный стол, я безжизненно упала на стул. Это и есть моё невербальное

алиби и оправдание всем отговоркам и отказам присоединиться к компании друзей, где может присутствовать он. Отчасти, я говорила правду.

– А где остальные?

– Джаред укладывает их спать.

– Картер в роли трепетной мамочки? Меня сбила фура?

Лизи улыбнулась, включив чайник и поставив на стол пирожные, которые всегда были её любимыми. Это всего лишь шутка, ведь Джаред сделал кардинальный поворот вокруг собственной оси, став кем-то другим. Я уже и не помню, когда видела придурка и бабника Картера, исчезнувшего в один миг, который никто не успел уловить. Сейчас это отец и муж, который сломя голову бежит домой, как на пожар. Сколько бы я не подначивала Лизи и не шутила не счёт Джареда, мы обе понимаем то, что это другой человек. Таким он стал благодаря ей. Наверно, даже с первых дней появления Лизи в его жизни, хотя они оба упирались очевидному, Джаред сам того не понимая, менял себя и свои дурные привычки. И вот с первого курса университета их ничем не отлепить друг от друга. В школе со мной и Томом было то же самое, как оказалось, всё может поменяться по щелчку пальцев. Я не желаю Лизи того же и, если нужно, я лично усажу их за стол переговоров, потому что они никогда не смогут быть счастливы по разным сторонам друг друга. Это уже проверенный этап их отношений.

– Придешь в субботу?

Посмотрев на папку, я вновь вернула внимание к подруге, занимающейся стул напротив.

– Я должна доделать несколько до конца недели.

– Тебе не кажется, что ты пашешь на работе, как проклятая? – шепчет Лизи, словно на втором этаже нас сможет кто-то услышать.

– Если ты помнишь, то у меня нет работы, я работаю на себя, – бубню в свою защиту я, но выдаю себя тем, что ковыряю рукава.

– Алекс, – вздыхает подруга, – хорошо. Тебе не кажется, что ты берёшь слишком много заказов? Тебе не кажется, что пора остановиться?

Я пытаюсь проглотить ком, но он не то, чтобы не лезет в горло, он выплёскивается наружу в виде быстрого потока слов, которые я не желаю выливать на Лизи. Но как показывает практика в последнее время, всё валится из рук и у меня не получается сдержаться.

– А что я должна делать? Мне больше нечем заняться! Я прихожу в эту гребаную пустую квартиру, смотрю на эти чёртовы стены и ненавижу всё вокруг! Напомнить тебе, что ты делала, когда Джаред улетел? Ты до ночи сидела на работе, а с утра пораньше вставала и изводила себя пробежками. Я вообще тебя почти не видела, а когда видела, ты делала вид, что не ревела всю ночь! Я нашла себя в работе, это моя отдушина!

Лизи смотрит на меня, хлопая большими карими глазами,

после чего, её взгляд поднимается за мою спину, куда я тут же перевожу свой. Джаред. Надеюсь, мою демагогию и монолог слушала только она, а не брат Тома.

– Привет, – говорит он, после чего едва заметно поднимает уголки губ. Он всё слышал. Джаред позволяет увидеть свои настоящие эмоции, по крайней мере, их видимы мы – те, кто хорошо его знает.

Я молча киваю, переводя взгляд на Лизи, которая отстраняется и не принимает поцелуй в щёку от мужа, чем ошарашивает Джареда, а я уже виню за это себя, из-за меня – она отстраняется от него. Ноги автоматически встают на пол, оставляя стул позади. Это ещё одна причина не появляться у них.

– Я понимаю, что ты делаешь это из-за меня, но оно того ни стоит. Если тебя поцелует муж, то я не откинусь и не заблую ваш обеденный стол.

– Алекс, это не из-за тебя, – тут же оправдывается Лизи, но я не верю ей, поэтому вздохнув, качаю головой.

– Люди расстаются ежедневно, не будем делать из этого трагедию, поэтому, прекратите разговаривать со мной, словно я инвалид. Мне уже надоело! – отчеканиваю я, но чувствую пустоту и ноющую боль в области сердца, – я должна доделать один проект к среде. Не провожай меня.

После своих слов, я еле выдавливаю кривую улыбку, из-за которой брови Лизи сводятся на переносице, а Джаред вздыхает, упираясь ладонями в столешницу. Папка резко оказы-

вається в моїх руках і чуть ли не розлітається в різні сторони, але я, ніби мангуст, який вважається твариною з найкращою реакцією, ловлю її і несусь до дверей.

– Алекс, почекай, – кричить мені вслід подруга.

– Поцілуй за мене Мэді і Мэйса, – відповідаю я, встигаючи закрити двері в їх дім.

– Але Алекс!

– Я люблю тебе, – відповідаю я, залишаючи її за спиною.

Ось і весь розмова. Дуже коротка зустріч з друзями за півтора тижні.

Я втомилася не тільки від тоски по ньому, але і від жальості. Особливо від жальості. Я бачу, як на мене дивиться Лізі, як періодично дзвонить Бекка і питає, як мої справи всім тим же тоном, в якому чується жальість. Я починаю ненавидіти це відчуття, починаю ненавидіти себе з-за того, що воно пожирає, як і пожирають почуття до Тому. Я люблю його, ніби не обманювала себе, я знаю, що люблю його. Це була всього лише сварка, але хто знав, що саме вона зробить розвилку в наших шляхах. І з-за цього в душі застрягла образа, але це не найстрашніше, найсмутніше, що я розчарувалася. Розчарувалася в парня, якого вважала розумнішою своїх років, але який виявився тим, хто просто пішов, не проявивши ні краплі мудрості. Ніякого іншого почуття не перебиває відчуття розчарування, тому що ти починаєш бачити абсолютно іншого чоловіка, ніби невидима стіна з рожевих грез падає, відкриваючи ту реальність, ко-

торая есть на самом деле. Том оказался не таким рассудительным и мудрым, каковым я его себе придумала, он оказался трусливым глупцом, поэтому молча сбежал, не посчитав нужным сказать «всё кончено».

Я хочу знать, что с ним всё хорошо, но не могу. Спрашивать у Лизи или Джареда не лучшая идея, да и у остальных друзей тоже, я знаю, что они общаются с ним и это нормально. Но я практически отстранилась от них. Каждый раз, когда кто-то звонит и говорит, что все решили собраться на выходных, я придумываю любую отговорку. В основном это касается работы, ведь каждый знает, что у меня нет определённого графика, я могу работать в любое время, даже ночью и, как правило, когда они решают собраться – у меня на носу горящий ярким пламенем проект. Лизи, права, я грёбу всё не глядя, лишь бы занять каждую свободную минуту собственной жизни. В таком ритме тянутся три месяца. Хотя, наверно, лучше сказать, что я выживаю. Предложение от издательства, которое предлагает мне колонку в журнале – так и висит на почте, которую я открываю и перечитываю вновь. Я до жути боюсь повторить судьбу Лизи, пережившую начальника, домогающегося её и то время, когда Джаред помахал кулаками, чуть ли не получив вип-клетку на несколько лет. Но изо дня в день я толкую себе то, что такое случается не с каждым и не везде, если ей попался ублюдок, то это не значит, что у меня будет такой же.

По возвращению домой, я открыла дверь и ступила на по-

рог всё того же пустого квадрата. Бежевая краска на стенах периодически раздражала, но если бы я не сменила квартиру, то могла вовсе наложить на себя руки, потому что за ту неделю, воспоминания буквально стёрли меня в пыль и превратили в лужу на полу. За все двадцать три года существования, я не привыкла жить одна. Изначально с родителями и Адамом, по приезду в Нью-Йорк – с Лизи, после её свадьбы – с Томом. Я не оставалась одна и сейчас с трудом привыкаю и приспосабливаюсь к такой жизни. Скинув обувь, я упала на диван, от чего подпрыгнула пятёрка подушек, и следом включился телевизор, но я тут же подскочила назад, вернувшись в вертикальное положение.

Заняв барный стул, я открыла ноутбук и окинула взглядом кухню, пока он загружался. Майские солнечные лучи били в глаза благодаря глянцевому белому гарнитуру. Я всегда мечтала, чтобы раковина была напротив окна, и мечта осуществилась, но сейчас я готовлю редко, да и делать это больше не для кого. Всё чаще я начала забегать в кафе поблизости и брать еду на вынос. Я собственноручно гроблю себя, но есть одно положительное в данном исходе – я не толстею, а наоборот. Лизи оказалась права: когда ты не зацikliваешься на собственном весе, он чудесным образом стоит на месте, а то и вовсе сам по себе уменьшается. Я успела сбросить несколько, и теперь смотря на себя в зеркало, иногда не узнаю собственное тело. Чёткие черты лица; ключицы, выделяющиеся так, словно я вовсе не питаюсь или сижу на наркоте; талия, с

которой спадают любимые джинсы. Наверно, стоит поблагодарить стресс, который помог такому чудесному похудению, но и это не радует меня.

Затерянное письмо среди кучи других, нашлось через несколько минут. Мне нужны изменения, а лучше те, где я не смогу вернуться к прошлому ни физически, ни морально. Я хочу всего нового, но пока смогла сменить только квартиру и номер, оставаясь душой в прошлом: где мы счастливы.

– Алекс, открой дверь! – прикрикнула с кухни мама, – у меня руки грязные.

– Хорошо, что у тебя есть зубы, – захихикала я, переключая каналы по телевизору и намекая на нестандартную встречу.

– Когда откроешь, тогда вместе посмеёмся, там скорей всего папа пришёл.

– А где его ключи? – оставив на маме секундный взгляд, я подошла к двери.

– Решил, что на полочке они смотрятся лучше, – с улыбкой ответила она.

– Отличная ид... – хотела было сказать я, но тут же замолчала, потому что дыхание сбилось в один счёт.

Закрутив головой, я зажмурила глаза, не доверяя увиденному. Он в университете. Не может быть. У меня просто галлюцинации и я схожу с ума несколько недель.

– Не хочешь меня видеть? – засмеялся Том, оживляя своим голосом миллионы бабочек.

Распахнув глаза, я завизжала и кинулась на его шею, которую крепко сжала в объятиях, от чего Том начал кашлять, но я всё равно не расслабила хватку. Осыпая его лицо сотней поцелуев, я не стремилась опуститься на пол, да и Том не торопился ставить меня, держа в своих руках. Он тут. Рядом. Я целую его и обнимаю. Ещё чуть-чуть, и могу вовсе задушить, а потом спалить планету, потому что чувствую, как свечусь ярче солнца.

– Сюрприз удался? – улыбнулся он, оставив ещё один поцелуй на моих губах.

– Самый лучший сюрприз, – закивала я, – я люблю тебя.

Я вновь позволила воспоминаниям напомнить о себе, хотя зареклась больше не позволять им пробираться с сознание. Они под тысячей замков, которые я лично закрывала и выкидывала ключи на дно океана, чтобы потом не найти их и не дать слабину. Смахнув слёзы с лица, я сжала челюсть и набрала номер, указанный в письме.

– Офис Фрэнка Ли, – послышался женский голос на другой стороне линии практически сразу.

Прочистив горло глотком воды, я набралась силы духа.

– Здравствуйте, мне приходило письмо от вашего издания с приглашением на пробу в дизайнерский отдел.

– Ваше имя?

– Алексис Блинд.

– Минуту... – телефон явно положили на рабочий стол, и отошли, пока я кусала губы из-за волнения.

Я тянула с этим письмом не день и не два, я тянула с ним несколько недель. Глупо удивляться, если они уже давно нашли человека на предложенное место, но слабая надежда всё ещё тлеет в груди. Это может быть мой спасательный круг, каким когда-то работа стала для Лизи. Скрестив по-детски пальцы, я послушно ждала ответа, секунды растянулись с часами, но в последнее время я привыкла и закалила своё терпение благодаря Тому, которого ждала. Как только послышалось то, что трубку взяли, я сильнее прижала телефон к уху.

– Да, Вы можете подойти завтра к десяти часам.

– Спасибо.

– Адрес указан в письме, доброго дня!

Посмотрев на экран, где только что отражался звонок, я разревелась. В последнее время я принимаю всё слишком близко к сердцу с особой эмоциональностью, но это нормально в моём положении. Единственной проблемой остаётся время, которое я не знаю, чем занять. Но папка, покоившаяся рядом с ноутбуком, говорит сама за себя. Пора разобраться хотя бы половину той кучи, в которой успела утонуть.

Глава 2

Алекс

Сжимая ремешок сумки, я спешила навстречу судьбе или шансу, который должен чем-то помочь моей жизни. Перебирая ногами и считая цоканье собственных каблучков, которые эхом отражались в холле, я попутно осматривала здание. Плитка, напоминая мрамор кремовым оттенком, заполняла стены и пол. Ничего вокруг, лишь лифты и такие же бегущие туда-сюда люди, а скорее всего сотрудники. Выискав глазами название нужного офиса, я вошла в лифт с кучкой других и заметила, как какая-то девушка выбрала нужный мне этаж.

Что со мной не так? Я стала неуверенной и боязливой, будто сказать или самой нажать нужную кнопку – что-то из ряда вон выходящее. Но я ведь меняю свою жизнь, поэтому доехав до нужного этажа, тут же остановилась и достала из сумки ежедневник и ручку, добавив новый пункт «Записаться к психологу». Это мой выбор, потому что я не хочу вешать на близких людей собственные проблемы, которых у них и без меня достаточно. Да, возможно, поддержка родного человека лучше, но сейчас мне нужен именно кто-то со стороны.

– Хорошая мысль, практически каждый американец име-

ет собственного психолога, ежедневная практика и норма, – раздался по правую руку мужской голос, из-за которого я вздрогнула и резко подняла голову, с силой захлопнув ежедневник.

Азиатская внешность мужчины примерно тридцати лет, граничила с типичной американской наружностью, держу пари, кто-то из его родителей обладатель европейской внешности, а второй азиатской. Янтарные глаза рассматривали меня с интересом, пока на тонких губах незнакомца играла лёгкая улыбка, этим же в ответ занималась я. Чёрные волосы ровно уложены; белая рубашка прячется под идеально отшитыми темно-синими брюками. Кому, как ни мне видеть дорогую одежду, ведь я сама периодически шью, не так, как раньше, но всё же редко прибегаю к старому хобби. И мне не нравится, когда меня детально рассматривают. Именно на такое добродушие и простоту купилась Лизи, за что Артур чуть ли не изнасиловал её несколько раз, а Джаред чудом избежал наказания в виде лишения свободы за избиение. Я запомнила ошибку подруги и теперь не такая доверчивая.

– Не вежливо читать чужие заметки, – сухо отчеканила я.

– Моя ошибка, и за это хочу попросить прощение, – продолжая немного улыбаться, кивнул он.

– Спасибо.

Со своими словами, я зашагала дальше, глазами выискивая нужный кабинет на вывесках стеклянных матовых дверей.

– Проходите, Алекс, – улыбнулся всё тот же мужчина, пройдя мимо и открыв дверь перед моим лицом.

Сведя брови, я прочитала табличку «Главный редактор Фрэнк Ли», после чего разинула рот, посмотрев на мужчину, который в ответ смотрел на меня.

– Вы...

– Всё верно, Фрэнк Ли, – улыбнулся он, после чего повернулся к девушке за рабочим столом, – Беверли, будь добра, приготовь пару чашек чая.

– С жасмином или без вкуса? – встав из-за рабочего стола, она кивнула головой, встряхнув чёрными волосами и устремив на меня взгляд карих глаз, что вместе с ней сделал мужчина.

– С жасмином, – неуверенно выдавила я.

– Отличный выбор, – кивнул он, – проходите за мной.

Открыв дверь, мистер Ли пропустил меня вперёд, но я тут же застыла на пороге, в итоге произошло неизбежное столкновение, когда он закрыл дверь. Дискомфорт и страх моментально подступили и стянули горло, где образовалась засуха. Отпрянув в сторону, я посмотрела на мужчину притупленным взглядом и уверена, он прочитал всё между строк, судя по моим распахнутым глазам.

– С вами всё в порядке? – пройдясь к креслу за рабочим столом, он медленно присел и сложил ладони в замок, пока я ступором застыла на пороге.

– Да.

– Вы в этом уверены?

– Вполне, – кивнув, я подавила страх и уверенной походкой зашагала к столу, разместившись в кресле напротив, – немного... растерялась. Прошу прощения.

– Ничего страшно, я сам напугал вас.

Положив руки на колени, я оглядела просторный кабинет и взглянула за спинку мистера Ли, откуда открывались чудесные виды на соседние небоскребы, которые достаточно ниже того, в котором моя задница находится сейчас. Кабинет практически пуст, тут лишь рабочий стол с компьютером, диван с журнальным столиком в левой стороне, рядом с которыми цветущее дерево, дарующее этим стенам хоть какую-то жизнь. Кажется, будто его только заняли, и тут прошёл капитальной ремонт.

– Мой психолог утверждает: незачем наполнять свою жизнь бессмысленными вещами, – махнул рукой мистер Ли, будто распознав в моём взгляде немой вопрос, – тут всё, что мне необходимо.

– А как же шкаф?

– Всё тут, – указав на компьютер, улыбнулся он. – Остальное необходимое я могу найти у Беверли или мне принесут.

– А её это правило не касается?

– Она – секретарь, у которого должна быть вся необходимая информация перед лицом. Но у неё всё под контролем, думаю, она может найти нужный документ с закрытыми глазами. Что касемо психолога, я могу поделиться своим.

– Нет необходимости, спасибо, – кивнула я. – Это лишь мнимые желания, к которым скоро исчезнет интерес.

Мистер Ли улыбнулся, но на этот раз загадочно, посмотрев в сторону, он вновь вернул внимание ко мне.

– Если хочется выговориться, то это того стоит. Вы сами поймёте, как станет легче дышать.

– У меня есть, к кому я могу прийти и выговорится.

– Но вы почему-то написали пункт «Записаться к психологу».

Сведя брови, я хотела было встать и уйти, но остановила себя в том, чем руководствуюсь всегда: в выводах, которые делаю заранее, и которые часто оказываются ложными.

– Я говорю о том, что иногда нам нужен взгляд со стороны, как в случае с вашими работами. Я ведь смотрел со стороны, не зная вас.

– Какие работы?

– Вы занимаетесь дизайном интерьера, мой друг недавно делал у вас заказ и остался доволен работой.

– Какой друг?

– Это уже не важно, я ведь через него узнал о вас.

– Хорошо, что я должна делать? У меня нет образования журналиста, чтобы писать статьи.

За спиной раздался стук, вслед которому в кабинет вошла Беверли с подносом в руках. Разместив перед нами белоснежные кружки, она наполнила их благодаря небольшому чайничку. Аромат жасмина моментально ударил в нос и

заполнил стены кабинета. Напоследок, Беверли улыбнулась и удалилась.

Поднеся кружку к губам, мистер Ли сделал небольшой глоток и вернул её на стол.

– Советую попробовать, это мой любимый, – указав на чай, улыбнулся он, – мне не нужен человек, у которого обязан быть диплом об образовании, хотя у вас он есть, разве только другой направленности. Мне нужен человек, который умеет правильно излагать свои мысли, а мой друг дал понять, что вы и есть такой человек.

– Простите, но кто этот друг?

– Это не так важно. Вы пробовали писать?

– В университете, – пожав плечами, я сделал глоток, и чуть ли не замычала от того, насколько сильно он был прав. Жаль, я не могу уточнить, какой именно это чай, такой вопрос можно принять за наглость.

– Ну, как?

– Что?

– Чай, – улыбнулся мужчина.

– Очень вкусный.

– Этот сорт я привёз из Гонконга, он – мой самый любимый. Честно говоря, я вообще туда осуществляю полёты только ради него.

– А в Нью-Йорке его не продают?

– Сколько бы я не искал – не могу найти. У вас остались эти статьи?

– Если только я займусь глобальной чисткой ноутбука, то вполне возможно. Почему за несколько недель, вы не взяли на эту вакансию кого-то другого?

– Потому что всё-таки надеялся увидеть вас.

В горле снова пересохло, а по телу пробежал холодок. Это мне не просто не нравится. Это мне уже абсолютно не нравится. История Лизи пугает меня до чёртиков, боюсь, что сейчас я не смогу сделать что-то ради своего же спасения, что удалось подруге. Настолько обессиленной и пустой я чувствую себя несколько месяцев, что скорей позволю этому случиться или же вовсе отключусь из-за страха. Поднявшись с кресла, я хотела поскорей покинуть стены кабинета, в котором со мной флиртует начальник или даёт вполне очевидные намёки. Уж лучше это прекратится прямо сейчас, чем я соглашусь на подобное и позволю произойти ужасному.

– Всего доброго, – сообщила я, зашагав к дверям.

– Мисс Блинд, мой парень был вашим заказчиком, – заговорил он, когда я уже положила ладонь на дверную ручку, но тут же повернулась и ошарашено посмотрела на мужчину за столом.

– Ваш... парень?

– Да, не хочу, чтобы Вы принимали мою вежливость за кокетство или флирт.

Не веря тому, что только донеслось до ушей, я застыла на месте не решаясь уйти или вернуться. Вероятно, видя мою нерешительность, он протянул руку к монитору от компью-

тера, из-за которого появилась стеклянная рамка. Повернув её ко мне лицевой стороной, он улыбнулся.

– Узнаёте?

– Рик? – удивлённо спросила я, разглядывая фотографию, где мистер Ли и Рик, с которым я распрощалась буквально полторы недели назад, смотрели на меня, обнимая друг друга на фоне заснеженных гор.

– Именно. Он знал, что мне нужен кто-то связанный с работой дизайнера и посоветовал Вас. Я сам предположил, что вы можете иметь навыки написания небольших статей на тему дизайна. Кроме того, вы видите, что у меня есть азиатские корни, с которыми Вы хорошо знакомы. Это мне тоже сказал Рик.

– Если у меня не получится? – выдохнула я, убирая ладонь с ручки.

– Так может, стоит попробовать себя в чём-то новом? Я не буду держать, если вам не понравится работа. Вы ведь хотите сходить к психологу, а я так понимаю, что раньше с подобным не сталкивались. Это будет как поход к психологу. Даю месяц на раздумья. За этот месяц работы, вы попробуете себя не только в роли человека, который делает проекты, а человека, который пишет статьи по своим проектам. После чего вы решите, остаётесь или нет.

– Какой график?

– Как и во всех официальных издательствах: пять рабочих дней.

– Хорошо, я согласна.

– Вот так сразу? – улыбнулся он.

– Мне нужно что-то новое.

Поднявшись с кресла, мужчина прошёл к двери и открыл её, пропуская меня вперёд.

– Я покажу ваше рабочее место, проходите за мной.

Получив вежливую улыбку от Беверли, я попрощалась с ней и вышла за двери, вновь попав в суету и бегство. Мимо пробегали сотрудники, кто-то с кучей документов в руках, кто-то вовсе с горой одежды, а кто-то просто торопился, змейкой вырисовывая свой путь мимо остальных.

Пока мы шли вдоль коридоров с дверьми, за которыми маячили силуэты, я искоса поглядывала на мистера Ли. Как этот мужчина может быть геем? Он совершенно не похож на того, кого не интересуют девушки. Хотя, о чём я думаю? Я училась четыре года и только ближе к окончанию университета узнала, что Дин – гей. Лизи верно хранила его тайну и уверена, что она могла и вовсе унести её в могилу, если бы он сам не сделал каминг-аут, ошарашив нас новостью. Держу пари, Джаред сотню раз перекрестился и теперь спит спокойно, хотя они всё-таки до этого пришли к перемирию через несколько лет непонятной вражды, но окончательно он успокоился только тогда, когда узнал о половой жизни Дина немного побольше. Думаю, что и Лизи начала спать спокойней, потому что Джаред периодически любил вынести ей мозг на счёт Дина, дружбу с которым она всячески отстаива-

ла и умалчивала секреты друга, не предавая его ради своего оправдания.

– Это всё ваше, – сказал мистер Ли, пропуская меня вперёд.

На достаточно просторном квадрате перед глазами с правой стороны расположился стол, напротив него кресло, а по левой стороне длинный шкаф, занимающий всю стену, но самое главное – вид из окна. Всю сторону напротив двери занимало панорамное окно. Тут стоит работать как минимум только из-за него.

– Одна? Я буду одна?

– Не совсем. Тут работает два сотрудника, одному принадлежит колонка дизайна интерьера, а второму – дизайна мелочей в интерьере. Вы пишете в общем, он пишет о тонкостях обстановки.

– Он?

– Выражаюсь образно. Гвенет будет отсутствовать полтора месяца, и вы познакомитесь, если, конечно, решите остаться. Я получаю её работы по почте.

– Сколько раз в месяц выходит журнал?

– Раз в неделю. Новое издание каждую субботу.

– Я буду работать в субботу?

– Нет. Но статью я должен получать каждую среду, чтобы было два дня для доработки, если это будет необходимо.

– О чём я должна писать и где брать работы?

– К статье прикрепляется три фотографии, в крайнем слу-

чае, пять. Пишите, как есть: что лучше сделать; как разграничить пространство и чем; что должно и не должно присутствовать; что лучше всего не делать или сочетать.

– Хорошо, когда я должна приступить?

– Думаю, вам нужно время, чтобы завершить то, что ещё осталось. Сколько потребуется времени?

– Неделя, – пожав плечами, я посмотрела на мистера Ли.

– Так быстро?

– Я завершила половину проектов за несколько дней, перед приходом сюда.

– Тогда отлично. Можете приступить с понедельника. Рабочий день начинается с девяти утра. Без опозданий. Заработная плата еженедельно. К ней прилагаются бонусы. У нас есть сайт и почта, куда читатели присылают свои отзывы и замечания. Если из ста процентов – восемьдесят положительных, то премиальные составляют сорок процентов от заработной платы, если отзывы пятьдесят на пятьдесят, то двадцать; если положительных меньше, чем отрицательных, то премии – нет. Вам нужно отработать две недели, чтобы получить первую заработную плату, они считаются по недельно. То есть, отработали эту неделю – получили через неделю и так далее. Надеюсь, я понятно объясняю.

– Думаю, что я пойму со временем.

– Через неделю начинается ваш месяц, когда вы присматриваетесь к нам, а мы – к вам.

– Хорошо.

– Думаю, я всё равно должен это дать, – улыбнулся мистер Ли, достав из кармана визитку и протянув мне, – когда-то мне тоже была нужна помощь постороннего, Дэйзи стала таким человеком, и я не жалею.

– Спасибо, – приняв визитку, я задержала на ней взгляд, после чего сжала в ладони. Возможно, мне стоит прислушаться.

Выйдя из кабинета, я посмотрела на дверь, где имя «Гвенет Старк» может вскоре дополниться моим. Я получила первую официальную работу, и сейчас моё настроение поднялось в десятки раз, уйдя из красной зоны в зелёную. Так в последнее время я понимаю саму себя. В голове у меня есть что-то напоминающее кубик с зарядкой, где красная часть – гнев, обида, разочарование и боль, а зелёная радость, любовь и счастье. Сейчас мой кубик почти полон. Не хватает одного, но так или иначе он когда-нибудь заполнится до конца, где я вновь стану целой. Сейчас это не так. Но в эту минуту я испытываю счастье благодаря новому шагу.

Распрощавшись с мистером Ли, я вышла из здания и втянула воздух, после чего облегчённо выдохнула. У меня есть работа. Конечно, можно сказать почти, она будет через неделю, и мой испытательный срок растянется в месяц, но это так или иначе дарит моей душе частичку хоть какой-то радости, которая испарилась с человеком, оставившим меня одну.

Шагая вдоль улицы, я чувствовала себя значительно лучше. Теперь я понимаю Лизи, которая когда-то лечила душу

именно работой. Пока я хочу сохранить это в тайне, но, кажется, что мой секрет может рухнуть в один момент, потому что я легко могу не сдержаться и рассказать об изменениях. Настолько сильно меня воодушевил новый шаг, что я решила не на ужин из кафе, а на ужин, который приготовлю сама.

Корзинка медленно, но верно начала наполняться продуктами, которые вскоре превратятся в ужин и наполнят приятным ароматом квартиру. Гуляя мимо витрин с различными вкусностями, я взяла банку мороженого, которое сегодня поможет скоротать вечер за проектами, которые я должна доделать за неделю и распрощаться. Телефон в кармане издал звук нового сообщения, сунув руку в карман нежно розовых брюк, я попутно стряхнула непонятные крошки с белой блузки и открыла сообщение.

«Издательство «Lifestyle» поздравляет Вас с получением колонки «Уютный дом». Надеемся на наше долгое и плодотворное сотрудничество. Главный редактор Фрэнк Ли».

Улыбаясь экрану, я закрыла сообщение и вернула телефон в карман. Я не знаю, отправляют ли подобные сообщения лично или же это автоматическая рассылка, но всё равно приятно. Следующим направлением должна стать касса, но я застыла, отказываясь верить собственным глазам. Том. На расстоянии нескольких футов, он берёт молоко, и ставит в корзину, не подозревая, что я тут, смотрю на него и позволяю вставлять ножи в своё сердце, потому что он общается с ка-

кой-то девушкой, волосы которой повязаны в рыжий длинный хвостик. И я вижу, что она улыбается ему той самой улыбкой, которой всегда улыбалась я. Она влюблена в него, но я не могу видеть его взгляд, чтобы говорить о взаимности. Пока девушка остается у холодильников, Том разворачивается и продолжает движение. Серо-голубые глаза поднимаются, когда он начинает шагать в моём направлении, я же желаю бросить покупки и бежать на край света, лишь бы что-то сделать, но ноги застыли. Я приросла к полу, встретившись с ним глазами.

– Алекс, – осевшим голосом говорит он, смотря на меня.

Кажется, что мы не виделись ни три месяца, а три года. Я не знаю, кто передо мной и одновременно знаю.

– Ты говорил, что никто не сможет заменить меня, – едва слышно, шепчу я, держа ту боль, которая готова вырваться наружу со слезами.

– Говорил.

– Ты соврал.

– Нет, я был честен, Алекс.

– Значит, у нас разные понятия честности.

– А ты ешь сыр с плесенью? – приближаясь к нам, спрашивает та самая девушка, попутно рассматривая меня.

Оставив на Томе последний взгляд, я вскинула подбородок и зашагала той уверенной походкой, которую он видел со спины, но если меня развернуть в обратном направлении, то по душераздирающим слезам всё было бы предельно по-

НЯТНО.

Это обманка. Ловушка. Желание казаться сильной, хотя на деле всё совершенно иначе. Том знает меня, но, кажется, сейчас между нами образовалась пропасть, шагнув в которую, ты так и не сможешь достигнуть дна, потому что его просто нет. Этот путь ведёт в никуда, где невозможно оттолкнуться от поверхности, чтобы выплыть. Сколько таких наигранно уверенных как я, разворачивались спиной и уходили, заплывая слезами? Миллиарды.

Продукты мне уже не интересны, поэтому оставляя корзину на кассе, я говорю о том, что вернусь за ними позже, но вру. Я не вернусь в этот супермаркет даже под предлогом смертной казни.

Как один человек способен так легко перевернуть твой мир на триста шестьдесят градусов, и разбить недавно полученные порции капли радости и счастья!? Как один человек может убить тебя морально лишь одним присутствием? Как ему удаётся выворачивать твою душу наизнанку? Легко. Скорей, этот человек даже не догадывается о своих способностях уничтожать другого.

Он заменил меня за три месяца. Три чертовых месяца понадобилось для того, чтобы стереть из своей жизни восемь лет. Восемь лет, где было всё. Или это я так думала? Какова цена словам «Я люблю тебя»? Неужели наши отношения были миражом? Сотня проклятых ножей в моём сердце, которое давно перестало биться. Муляж в виде любви, вот что

это было.

Настроение, которое было несколько минут назад – испарилось и моментально забылось. Из-за побегов кадров перед глазами за всё то время, где мы были вместе, я медленно начала сгибаться пополам от боли, которая резала, не зная пощады. За каждый проведённый день прошлого с ним – я получала новый нож и новый шрам на душе. Только что третий человек развёл нас по разным сторонам баррикад, говоря о том, что я зря питала хоть какие-то надежды на что-то. Бороться больше не за что. Нас уже нет. На моём месте новый человек. Оказывается, незаменимых нет. Всё растает вместе с годами, в случае Тома – в течении нескольких месяцев.

Заняв ступеньку у незнакомого дома, к которому чудом доползла, я зажмурилась и скрыла лицо в ладонях. Я знаю, что нет смысла пытаться успокоиться, проще переждать эти минуты эмоциональности, которые вскоре стихнут, и я смогу продолжить путь. Клаксон машины, который действительно сигнализировал прямо напротив меня или где-то с боку, возможно, раздражал остальных, но мне было плевать, потому что до сознания доносилось лишь эхо.

– Мисс Блинд, Вам точно требуется помощь Дэйзи.

Вскинув голову, я увидела вежливую улыбку мистера Ли и обеспокоенность на его лице. Чёрный Range Rover Sport стоял на обочине тротуара, пока мой настоящий или будущий начальник смотрел на меня своими янтарными глазами.

– Надеюсь, эти слёзы не из-за того, что мы желаем видеть Вас в числе сотрудников нашего издательства. Всё в порядке, это не приговор, возможно, Вам даже понравится.

Чудесным образом этому мужчине удалось поднять уголки моих губ. Страшно представить, как сейчас я выглядела, но судя по взгляду начальника – мне очень нужно зеркало.

– Я буду рад доставить вас в любую точку города.

Сумка повисла на плече, а я смахнула остатки влаги от слёз с лица и поднялась с лестницы. Заняв пассажирское кресло, я пыталась не глядя убрать остатки туши пальцами, но мистер Ли тут же протянул мне влажную салфетку, на которую я удивлённо посмотрела.

– Я – гей, если ты помнишь, поэтому забочусь о собственном имидже. Кроме того, они могут пригодиться в машине. Не против, если мы перейдём на менее деловое общение?

– Нет, я только за, – кивнула я, когда он опустил солнцезащитный козырёк и открыл задвижку с зеркалом.

– Тебе нужна помощь душевная и внешняя, тебе так не кажется? Ты же девушка, сама понимаешь, как это выручает при тяжёлых жизненных обстоятельствах, а как я понимаю, сейчас ты именно в подобной ситуации.

В это же мгновение, в голове вспыхнула идея. Боюсь, что Лизи будет в ужасе, но у неё не будет выбора не принять меня, я всё равно останусь собой. Или не останусь, ведь я уже не та Алекс, что была несколько месяцев назад.

– Мне нужно добраться до сто семнадцатой западной на

седьмой авеню.

– Принято, – улыбнулся Фрэнк, выезжая на дорогу, пока я приводила себя в нормальный внешний вид.

Спустя несколько минут, он посмотрел на меня, пока мы встали на светофоре.

– Это семейные проблемы или личного плана?

– Личного, – кивнула я.

– Тогда не буду интересоваться. Хотя по логике вещей – могу. Я ведь посторонний человек, могу выслушать. Зачем платить деньги тому, кто тебя просто послушает, когда это можно сделать бесплатно!?

– Спешу напомнить, вы... ты платил, но это так, к слову.

– Да, так и есть, – засмеялся Фрэнк. – Но я вроде взрослый мудрый и опытный дяденька, вдруг смогу помочь.

– И сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– Как много, – улыбнулась я. – Наверно, войну и мир пришлось пройти.

– Почти, Алекс, – коротко улыбнулся и выдохнул он. – Порой возраст – это всего лишь цифра. Она вовсе не говорит о том, что ты испытал за этот короткий путь. Некоторые за двадцать семь лет проходят огонь и воду, пока кто-то кичится опытом сладкой жизни в пятьдесят.

– Согласна. Значит, ты мудрый и опытный?

– Именно так.

– А где доказательства?

– Вот когда ты расскажешь – я докажу, а пока мы всего лишь водим пальцами по воде.

– Возможно, так и будет.

– Стоит только начать, дальше, как в тумане, – ободряюще улыбнулся Фрэнк, взглянув на меня, – не помню, как начал и выложил всю жизнь.

– Я всё равно подумаю, – засмеялась я, – не уговоришь.

– Хорошо. До понедельника?

– Да. До понедельника через понедельник, – улыбнулась я, вылезая из салона, – спасибо за доставку.

– Рад помочь, – кивнул Фрэнк, после чего я закрыла дверь и обошла машину, а он вслед добавил, – и выслушать тоже рад.

Уголки губ поднялись, когда я бросила быстрый взгляд в сторону машины.

Войдя на порог, я не застала тех, кто когда-то помог Лизи и должен был помочь мне. Девушка с идеальными белоснежными волосами встретила меня радушной улыбкой.

– Добрый день, я могу чем-то помочь?

– Здравствуйте. Тут работала Карла, я могу её увидеть?

– Да, но её нужно подождать.

– Я готова ждать сколько угодно, просто пусть моим мастером будет именно она.

– Да, конечно, – тут же кивнула девушка, – не желаете чай или кофе?

– Да, спасибо, кофе.

С улыбкой, блондинка поспешила к кофемашине, а я подхватила журнал со столика, начав листать. Через пару минут кружка с парой конфет и кофе легла на журнальный столик передо мной, за что я поблагодарила и сделала нервный глоток. Не знаю, как буду выглядеть после, но исправить волосы – не проблема. Я не понимаю, что нужно делать для возвращения прежней себя, но что-то подсказывает, что я уже не смогу быть прежней. Сейчас я чётко осознаю: человек может оставить тебя в любой момент так, словно в действительности ты никогда не был ему нужен. Как какую-то старую вещь или поломанную игрушку, тебя бросают в урну и уходят, не возвращаясь посмотреть, жив ли ты вообще. Обида душит меня, скребёт когтями по сердцу и разрывает изнутри, пока я судорожно беру нити, чтобы попытаться зашить лоскутки души. Но я не могу даже попасть в ушко иглы, чтобы для начала хотя бы сделать узелок, с помощью которого смогу остановить дальнейшие разрывы.

– Алекс? – слышался знакомый голос, из-за которого я чуть ли не вылила кружку с кофе на себя, – Боже, прости.

– Всё в порядке, я жива и без ожогов, – искренне улыбнулась я впервые за то время, как ушёл Том, – я рада тебя видеть.

– А я как рада, чёрт возьми, мы не виделись почти два года, – засмеялась Карла, махнув фиолетовыми кончиками волос, которые вверх переходили в розовый, – я уже думала ты не приходишь, потому что полысела или испортила волос

и теперь боишься моего гнева.

Приняв объятия человека, который когда-то делал из моих волос конфеты, я выдохнула.

– Я хочу кардинальных изменений.

– Насколько кардинальных? – засмеялась она.

– Чтобы не узнать себя, но не так, как у тебя, что-то более уравновешенное.

– Я рассталась с Диком, это был крик души. Кстати, как поживает Том?

– Не знаю, мы расстались, – выдавив кривую улыбку, которая далась особым трудом, я заняла кресло напротив огромного зеркала. Кнопка самоуничтожения только что была нажата, но я всеми силами пыталась найти путь отступления.

– Расстались? – ахнула она.

– Да.

– Ладно, вижу, ты не горишь желанием трепаться на эту тему.

Кивнув, я послала ей благодарную улыбку.

– Делай всё, что считаешь нужным, даже блондинкой.

– Нет, – засмеялась Карла, – это не твоё, но у меня есть другая идея.

– Вся во внимании.

– Это будет держаться в тайне до последнего. Впрочем, как всегда.

– Боже, хорошо, – вздохнула я, когда меня отвернули от зеркала, где я успела попрощаться с бывшей собой.

Когда отросшие волосы после каре начали вновь покидать меня, падая на пол, с ними одновременно падала я, но морально. Тогда я рискнула и сделала стрижку, как у Лизи, и честно признаться, мне понравилось, но длинные волосы мне нравятся ещё больше. В любом случае, я доверяю Карле, которая не может сделать то, что мне не придёт по вкусу.

Задница буквально прилипла к стулу спустя три часа, за ними последовал ещё час. А потом ещё час. Итого я просидела на одном месте пять часов, которые смогли убить мои нервы. Карла уже доделывала свою работу, делая волны на волосах, а это говорило о завершении. Спустя десять минут, она откинула яркие волосы назад и лучезарно улыбнулась, рассматривая меня.

– Это идеально для тебя.

– Хочу убедиться лично.

– Закрывай глаза, – засмеялась она, на что закатила глаза, после чего закрыла их, послушно выполняя её обычную просьбу.

Кресло сделало поворот, и я заерзала на поверхности. Волнение подступило к горлу, но я напомнила себе о том, что это Карла, которой я доверяю свои волосы не первый раз.

– Открывай, Алекс!

Распахнув глаза, я издала визг, закрыв ладонями рот. Темно русый цвет переходил волнами в светлый, едва достигая плеч. Я вернулась к тому, от чего совсем недавно ушла – каре. Но оно было новым, каким-то другим, либо мне хоте-

лось так думать. Я словно была собой и одновременно не была. Это какая-то другая Алекс, которая приобрела оттенки блондинки. И мне нравится.

– Ну, как?

– Мне нравится, – кивнула я, – чувствую себя... другой.

– Так всегда, – захихикала Карла, – тебе ведь этого хотелось?

– Да, – выдохнула я, пройдясь пальцами по лёгким волнам на волосах.

Покинув салон, я, наконец-то, улыбнулась. Это мой первый шаг к новой жизни. Где нет его. Где нет нас. Только я. Новая я, которая должна пережить это и перестать убиваться по человеку, который легко оставил меня в прошлом и получил новое, словно только этого и желал. Достав телефон, я навела камеру на себя и нажала кнопку снимка, на котором посылала улыбку Лизи, для которой он был сделан. Меньше, чем через минуту, имя лучшей подруги и смешная фотография высветились на экране.

– Алекс, скажи, что это парик!

– Боюсь, что нет, – засмеялась я, шагая вдоль заполненной людьми улице.

– Господи... но... мне так нравится, тебе очень идёт!

– Правда?

– Да, ты же сама видишь.

– Спасибо, – вздохнула я, – люблю тебя.

– И я тебя люблю. Приедешь на ужин?

– Не смогу, есть планы.

– Хорошо, – сказала Лизи, когда на заднем фоне послышался резкий грохот и смех Джареда, – Боже, Мэйс разбил тарелку... Картер, прекрати смеяться, это не смешно, у него всё лицо в каше!

– Занимайся семьёй, Лиз. Я не буду отвлекать, заеду, когда разгребу проекты.

– Ладно, но звони мне.

– Конечно.

Скинув вызов, я убрала телефон в сумку и медленным шагом поплелась домой. На самом деле, планов как таковых нет, я просто не хочу рушить своим присутствием их отношения. Я вижу, что она переживает даже больше положенного, но это ни к чему.

К сожалению или счастью, Лизи слишком переимчивый человек, который принимает чужое на себя. Я всегда говорила, чтобы она переживала за себя и своих близких, а не за посторонних, но она ведь не слушала. Их семья – это то, что в какой-то степени для меня святое. Наверно, сейчас я оберегаю их больше, чем себя, поэтому отказываюсь приходить и портить своим лицом и проблемами настроение подруги. Я должна сама пережить это. Я знаю, что у меня есть те, к кому можно прибежать и упасть лицом в плечо, но это только мои проблемы и только я должна найти путь среди запутанных лабиринтов.

Первым делом, что я сделала дома – скинула одежду и

встала напротив зеркала в ванной комнате. Обновлённая «я» смотрела на меня со слезами, застывшими в глазах. очередной раз, смахнув капли, проскользнувшие по щекам, я дала обещание самой себе:

– Он не должен думать, что сломал тебя, потому что ты не сломаешься.

Глава 3

Алекс

– Мне всегда нравилась йога, – усмехнулся Том, пока я меняла позы, стоя на коврике посередине гостиной, а он лежал на диване и наблюдал за мной, хотя отобрал у меня просмотр сериала, – особенно твой выбор одежды для занятий.

– Прекрати, – выдохнула я, не сдерживая улыбку.

– Почему я не видел эти шорты и майку раньше?

– Это не майка, а топ. И я купила их вчера.

– Хороший выбор.

– Одежда от Кельвина Кляйн не может быть плохим выбором.

– Я это запомню, – улыбнулся Том, продолжая взглядом гулять по голым участкам моего тела, задерживая взгляд на груди и ногах.

Если ему нравится мой выбор, то сейчас мне – он нравится вдвойне больше. Моя покупка стала чистой случайностью. Бродя мимо витрин, я искала шапку, в итоге обошлась серыми шортами и коротким топом, закрывающем только грудь.

– Я сейчас заберу пульт и снова включу своё, если ты не смотришь.

– Тебе будет некогда, – засмеялся Том.

Повернув голову, я выгнула бровь.

– Это моя любимая поза, – продолжал он, – собака мордой вниз, я запомнил.

– Я бы на твоём месте вспомнила, что в любой момент может прийти Джаред.

– Он слишком занят.

– Чем?

– Мы оба знаем, чем или кем.

– Я убью его. Ты сейчас нарушаешь гармонию, в которой должна найти своё дзен умиротворение. Кстати, отчасти, в моих поисках виноват Джаред.

Том засмеялся и поднялся с дивана, зашагав в мою сторону.

– Даже не думай об этом, Дуглас, – пробубнила я с опущенной головой.

– Я вообще ни о чём не думаю... когда на тебе эти шорты, – улыбнулся он.

Рука Тома заскользила по открытым участкам спины, и я уже сама начала путаться в том, чего хочу, но, когда она проскользнула вдоль внешней стороны бедра, я резко повернула голову в сторону её обладателя.

– Займёмся йогой вместе?

– Я так не думаю, – выдохнула я, запрыгнув на его шею и скрестив ноги на талии.

– Я придерживаюсь того же мнения, – улыбнулся Том у моих губ.

Открыв глаза, я встряхнула головой, чтобы выкинуть эти воспоминания прочь. Нет ничего хуже памяти, которая хранит в себе обрывки. Я бы с удовольствием форматировала всю ту область, где сохранился он, но, к сожалению, это невозможно. Этой мой опыт, хоть и печальный, но я была счастлива и должна быть счастлива с ним или без него.

Мимо мелькали дома, когда водитель вырулил на вторую авеню, а следом за ней на Бауэри. Прижав папку, которая значительно уменьшилась за несколько дней, потому что буквально днями и ночами я потела над ней, – тень улыбки мелькнула на губах. Отныне о таком количестве заказов я буду только вспоминать, официальная работа не позволит топить себя в проектах.

Сегодня крайняя встреча с заказчиком, которая освободит меня от оков, после которой у меня несколько свободных дней, которые я должна посвятить себе. Покинув такси, я выдохнула и достала из сумки телефон, к которому словно приклеилась та самая визитка, которую мне вручил мистер Ли. Набирая номер, я сочла это знаком. Мне нужно выговориться, потому что так больше продолжаться не может. Том начал новую жизнь, значит, я не просто должна сделать это следом, а обязана. Когда-нибудь я решусь рассказать о нашем расставании родителям, но пока мне проще держать их в неведении.

– Мисс Блинд, какая встреча, – раздался голос с порога.

Подняв голову, я встретила с знакомыми янтарными

глазами и улыбкой.

– Знаете, мне перестают нравиться наши случайные встречи.

– А кто сказал, что это случайно? – засмеялся он, в то время как я насторожилась и сжала телефон в ладони, – я же не говорил, что Вы делали проект только одному моему другу, у меня множество знакомых, Фредерика одна из них. Она не может встретиться с Вами сегодня, поэтому доверилась мне.

Нахмутив брови, я медленно зашагала к дверям. Да, возможно он говорит правду, но я не доверяю таким случайностям, сколько миллионов человек проживает в Нью-Йорке? И сколько тех, кто проживает тут неофициально? Несчетное количество, а я второй раз встречаю своего будущего начальника.

– Мы встретились чуть раньше понедельника, – улыбнулся мистер Ли, – и мы перешли на нейтральное общение за рабочими стенами, если мне помниться.

– Да.

– Алекс, проходи, я не лгу тебе, ты сейчас сама убедишься.

Коротко кивнув, я прошла мимо Фрэнка на кухню, где всегда решала вопросы с Фредерикой. Открыв папку, я достала мультифору, в которой хранились все заметки и готовая работа по данному проекту. Не без помощи Фрэнка, на стол легла рамка, где я обнаружила своего начальника и свою заказчицу среди других людей в костюмах. Тут они значительно моложе, словно это фото сделано в студенческие го-

ды.

– Мы знакомы со школы и учились вместе в университете. Мы давние друзья. Надеюсь, теперь ты мне веришь.

– Вполне может быть, – кивнула я.

– Тогда давай приступим к обсуждению, и я кое-что хочу сказать.

– Что?

– Тебе очень идёт, внешняя смена прошла успешно, осталась внутренняя, я не отказываюсь от своих слов. Я могу выслушать.

– Я подумую.

– Предлагаю пообедать вместе.

– А это нормально, что я буду обедать в компании своего начальника?

– Я ещё не твой начальник, – улыбнулся Фрэнк, – сейчас я твой знакомый и тот, кто помогает своей подруге, пока она в отъезде. Возможно, что даже будущий друг. Но, думаю для того, чтобы перестроить эту черту, мне придётся попотеть. Ты не слишком доверчива.

– Для этого есть причины, – едва слышно буркнула я, но Фрэнк меня услышал.

– Я могу знать какие?

– Да, – пожав плечами, словно это плёвое дело, я решила рассказать ему первую правду из своей жизни и опыта Лизи, – мою лучшую подругу чуть ли не изнасиловал начальник, после чего он чуть ли не попрощался с жизнью. Это бы-

ло не один раз, она молчала. И она была беременна в этот момент.

Выражение лица Фрэнка поменялось, оно вдруг стало хмурым и настороженным, а то и вовсе помрачнело, когда слова о беременности слетели с моих губ.

– С ней и ребёнком всё в порядке?

– Да, её парень занимается боксом. Она периодически занималась с ним. Думаю, только благодаря её собранности и навыкам, не произошло то, чего хотел этот ублюдок.

– Где он сейчас?

– Кто?

– Её начальник.

– Сидит за решёткой, ему повезло, он легко отделался.

– Повезло? – удивлённо выдохнул Фрэнк.

– Да, потому что Джаред встречал её с работы. Если бы не полиция, он бы стёр этого ублюдка с лица белого света. Он избил его практически до полусмерти.

– Как он узнал?

– Зашёл в здание и пока требовал сказать этаж, где она работает, двери лифта распахнулись, а там Лизи... с разорванной одеждой и ужасом на лице. Дальше ты сам понимаешь. Я не знаю, как Джаред не убил его одним взмахом. Он абсолютный чемпион в своём весе не первый год.

– Он на свободе?

– Джаред – да. Доказательств было много, и он отделался огромным штрафом, но это единичное чудо.

– Мне очень жаль, – подавлено кивнул Фрэнк.

На минуту между нами повисло молчание, в янтарных глазах читалась задумчивость, я же начала раскладывать листы по столу, чтобы обсудить проделанную работу и распроситься с проектом, конечно, если он понравится Фрэнку.

– Я рад, что ты сделала первый шаг.

– К чему? – на секунду подняв глаза, я вновь вернула их к листам.

– К доверию, сейчас ты что-то рассказала мне из своей жизни, а где один шаг, там второй. Сама не поймёшь, как выложишь всю свою подноготную.

– Это не была моя тайна, да и это в принципе ни тайна. Это жизненный опыт, который я не желаю повторить.

– Но ты рассказала мне его. Так всё-таки, обед? – улыбнулся он.

– Я подумаю, – ответно улыбнулась я, – для начала слушаю отзывы о работе.

– Что ещё за предвзятость? – засмеялся Фрэнк, начав гулять глазами по листам, – не принимаешь здравую критику в свою сторону?

– Сейчас посмотрим, насколько она здравая.

Поднимая лист за листом, он рассматривал каждую деталь. Я сделала всё так, как хотела Фредерика, хотя нам пришлось поспорить и не единожды. Эта девушка достаточно упёрта в своих вкусах, где-то мы придержались её мнения, а где-то непосильным трудом мне удалось переубедить её.

Особенно меня приводила в ужас цветовая гамма пёстрых цветов, благодаря которым быстро начнёт резать глаза, но на счёт неё Фредерика была бесспорной и мне ничего не оставалось, как сдаться.

– Это точно заказывала она, – улыбнулся он, – я уже вижу по выбору цвета. Она всегда носила яркую одежду, привлекающую внимание.

– Я долго с ней спорила, но сдалась.

– Ты не переубедишь её, учитывая вкусы моей подруги, мне всё нравится, только я не понимаю, зачем тут портрет какого-то правителя?

– Она считает его красавчиком, – вздохнула я.

– Да, – засмеялся Фрэнк, – он, конечно, красавчик, но немного не к месту.

– Скажи это ей.

– Что-то мне подсказывает, что зря потрачу силы.

– Вполне вероятно.

– Ладно, мне всё нравится, если руководствоваться вкусами Фредерики.

Кивнув, я собрала листы и вернула в мультифору, оставив их на столе. На этом моя работа завершена. Следом на стол лёг конверт, а Фрэнк улыбнулся.

– Вторая часть за работу.

– Хорошо, – кивнула я, убрав остатки в сумку.

Покидая дом, у меня одолевало странное ощущение пустоты, словно я лишилась чего-то важного, хотя дизайн все-

гда будет со мной даже на новой работе. За несколько месяцев я привыкла к большому объёму работы и мне даже понравилось, но это лишь потому, что я пыталась забить ту дыру, которую невозможно заштопать. Сейчас я понимаю: что бы я не делала, это ощущение ничем не исправить, возможно, боль утихнет, а рана затянется, но из-за понимания, что Тому удалось – я рою себе могилу.

– Прыгай, Алекс.

Взгляд вновь сфокусировался на Фрэнке, который открыв дверцу пассажирского сидения, ожидал меня, я же в свою очередь стояла прямо посередине тропинки, из-за чего людям приходилось обходить меня. Заняв кресло, я сдалась. Сегодня я забыла про завтрак и желудок начинает тянуть последние соки в организме.

– Не против моего выбора?

– Нет.

Фрэнк коротко улыбнулся и выехал на проезжую часть. Весь путь мы молчали, и мне даже было комфортно в его компании. Возможно, причина кроется в том, что я просто давно не находилась в обществе кого-то более часа, не считая похода салон. Всё чаще и чаще я абстрагируюсь от внешнего мира, хотя душой желаю оставаться той же открытой всей планете Алекс. Кто-то, наоборот, выбирает путь наименьшего сопротивления, постоянно прибывая в обществе друзей и вообще любого человека, лишь бы не оставаться наедине с самим собой. Скорей всего, меня нельзя отнести к числу

этих людей, потому что я закрылась и зарылась в самой себе ища причины. Мне до боли тяжело быть в стороне, особенно от Лизи, без которой я вовсе не помню себя, но считаю это правильным. Я не хочу, чтобы она переживала, хотя прекрасно знаю, что именно это она и делает. Каждый раз, когда я вижу её сообщение или звонок – получаю укол в сердце, но мне так не хочется вешать на неё свои проблемы. Но хуже всего то, что я редко вижу Мэйса и Мэди, при наших встречах я замечаю, как они растут и меняются, в то время как я остаюсь где-то за пределами зоны видимости их взросления. Это причиняет мне ещё большую боль. Я люблю их всей душой, даже Джареда, хотя никогда не перестану издеваться над Лизи и говорить что-то типа: «Ты замужем за Картером, это уже само по себе отвратительно». Это ложь, потому что именно он её достоин.

– Судя по твоему молчанию, Дэйзи ещё тебя не знает.

– Да, – в подтверждение киваю я.

– Ты боишься.

– Нет.

– Нет, ты боишься, Алекс. Думаешь, что поход к психологу вырежет на твоей спине клеймо сумасшедшей, но это не так, поверь мне. Это нормальное явление. Практически каждый американец раз в неделю посещает психолога, но не потому, что он псих, а потому что кто-то не имеет рядом человека, который может выслушать или банально ему нужно выпускать пар.

– Из какого числа ты?

– Наверно, сейчас принадлежу сразу двум категориям.

– У тебя есть Рик.

– Есть.

– Тогда есть, кто может выслушать.

– Всё не так просто, как ты думаешь, у нас тоже есть проблемы и ещё у меня такая работа, благодаря которой я должен выпускать скопившиеся эмоции. Поэтому и выбираю Дэйзи.

– А как же доверие?

– Оно есть, но это вовсе не обязывает меня вываливать помойное ведро на его голову.

– А на голову Дэйзи вываливать можно?

– Алекс, мы не маленькие дети, ты сама понимаешь, что каждый выбирает сам. Если Дэйзи выбрала сферу психологии, в которой она выслушивает людей, значит, она сама так захотела. Значит, ей это нравится. Для некоторых людей это простое дело, они не перенимают чужие проблемы, они просто слушают и помогают.

– Очень конструктивно.

– Сарказм? – улыбнулся Фрэнк, глянув в мою сторону.

– С небольшой долей иронии.

– Но помни, что я – посторонний человек, который может выслушать.

– Через полторы недели, ты станешь моим прямым начальником, а это уже не посторонний человек.

Выйдя вслед за Фрэнком, который обошёл машину и улыбнулся мне, я поплелась в ногу с ним.

– Я разделяю рабочие отношения и личные. Они портят друг друга.

– Это означает, что мы никогда не будем друзьями?

– Нет, – засмеялся он, открыв передо мной стеклянную дверь, отражающую наши фигуры, и пропуская вперёд.

– Нет – не будем, или нет – будем?

– Время покажет, ведь друзья должны доверять друг другу.

– Очень тонко, я поняла.

– Я старался.

Приятные ароматы ударили в нос, моментально доносясь напрямую до желудка, благодаря чему в животе заурчала симфония. Уверена, сейчас это что-то вроде мольбы, а после того, как порция подкрепления будет получена – благодарные овации.

Стены окутали тёплыми солнечными оттенками, автоматически в этом месте становилось спокойнее, скорей всего, благодаря лёгкой музыке на заднем фоне. Заняв столик, я открыла меню и моментально утонула в слюнях из-за описания блюд. Глаза разбегались, и я тыкала то в одно, то в другое, пока Фрэнк тихо посмеивался, да и официант улыбался. Выбить мозги, – вот что может сделать голод.

Но хуже стало, когда принесли мой выбор, я хотела открыть рот и вывалить туда всё одним махом. Кажется, у меня

одновременно может развиваться и анорексия, и булимия.

– Как с таким аппетитом ты останешься с такой фигурой? – посмеивался Фрэнк, пока я мычала, пережёвывая салат.

– Спонсор моей фигуры – стресс.

– И кто его основатель?

Проглотив ком, я на секунду позволила воспоминаниям промелькнуть перед глазами.

– *Открывай, Алекс, иначе я вышибу дверь.*

– *Не хочу,* – буркнула я, сверля глазами дверь ванной комнаты.

– *Давай поговорим спокойно, без истерик и скандала.*

– *Я не хочу разговаривать.*

– *Чёрт возьми, Алекс!* – захрипел Том, стукнув по двери явно ладонью, – *что ты придумала?*

– *Ничего.*

– *Я приезжаю сюда. К тебе. А ты придумываешь всякую хрень. Ты вообще помнишь, о чём мы говорили?*

– *О чём?*

– *О том, что мне никто не нужен кроме тебя. Прошло полгода, осталось ещё столько же, но ты успела вынести мне мозг всякой херней так, что я начинаю терять терпение. В какой момент я подорвал твоё доверие?*

Ни в какой, потому что это мои глупые и беспочвенные подозрения, которыми я терзаю саму себя. И я успела вынести мозг не только Тому, но и Лизи, которая постоянно

но слушает моё нытьё. Кажется, что она тоже теряет терпение, потому что последний раз оборвала меня на полуслове сварливым тоном, заставившим меня закрыть рот на замок. В тот момент я увидела огонёк ярости в её глазах, и он основан не на том, что она устала слушать мои подозрения, а на том, что она доверяет Тому, который никогда не давал повода усомниться в себе. Она зла на меня и на сомнения, которые одолевают мою голову.

– Ответь мне или я ухожу.

Упрямства во мне хоть отбавляй, я знала, что лучше выйти и поговорить, рассказать то, что беспокоит, потому что Том всегда понимает меня. Но я сидела на месте.

– Не знаю, когда мы увидимся. Я уезжаю прямо сейчас. Даже не думай, что я буду что-то обсуждать по телефону. Позвони мне, когда твоя дурасть выветрится.

Лишь отдаляющиеся шаги, заставили меня сорваться с места и распахнуть дверь. Том уже спускался по лестнице, когда я дёрнула его за руку.

– Подожди... – хмыкнула я, продолжая крепко удерживать его руку, – пожалуйста...

– Уже выветрилась? – выгнув бровь, Том посмотрел на меня хмурым взглядом.

– Я.. давай поговорим...

– Я слушаю.

– Тут?

– А где? Тебе кто-то мешает?

Родителей дома не было, и моей глупости это было только на руку.

– Я сглупила...

– Не исключено.

– Я боюсь.

– Чего именно?

– Что ты... с кем-то... я не хочу это говорить.

– Не хочешь говорить, но думаешь и на этой почве решила пить мою кровь. В какой момент я подорвал твоё доверие? Ответь мне на один вопрос.

– Я доверяю тебе.

– Тебе кажется.

– Прости меня. Да, я дура. Но я.. я просто боюсь тебя потерять!

– Алекс, если так будет дальше, то ты получишь желанный исход.

– Я не хочу этого!

– Почему тогда я еду сюда четыре проклятых часа во вторник из-за того, что ты что-то придумала? Сегодня вторник, я должен быть на паре, но я ехал сюда, чтобы поговорить с тобой, а ты закрылась в ванне и сидела там час! Час, Алекс! И я должен снова ехать туда четыре часа, потому что завтра среда!

– Я знаю, – всхлипнула я, – прости меня!

– Ты доверяешь мне?

– Да.

– Что будет, если это повторится?

Смотря в любимые глаза, я не находила ответ, но прекрасно понимала, что хочет сказать Том, только я к этому не готова и никогда не буду готова. Я никогда не смирюсь с тем фактом, что потеряла его. Глупо, но я не могу представить свою жизнь без него, я просто не вижу её смысла, ведь он и есть мой смысл. Моя мотивация, стимул, опора, друг, товарищ. Он – моё всё, потому что в нём заключена моя жизнь. Это громко, но ещё это правда.

– Ответь мне.

– Ничего не будет, потому что этого больше не повторится.

Выдохнув, Том потянул меня в свои объятия.

– Иди сюда.

И я вновь обрела дом. Втянув любимый аромат, я поцеловала его шею и вытерла слёзы.

– Прости меня.

– Надеюсь, ты держишь своё слово.

– Ау, Алекс, ты где витаешь? – улыбнулся Фрэнк, потрепав меня за руку, – у тебя телефон звонит.

Очистив сознание, я посмотрела на мужчину напротив, после чего полезла в сумку за телефоном. Имя лучшей подруги и её смешное личико улыбалось с экрана. Сделав глоток сока, я прочистила горло и постаралась весело поприветствовать подругу:

– Привет, маленькая задница.

– Не делай вид, что всё хорошо, я слишком хорошо тебя знаю.

– Но всё действительно лучше, чем было.

– Даже не сомневаюсь, но сейчас не об этом, – перешла на серьёзный тон Лизи.

– Что-то с Мэди или Мэйсом? Джаредом? У вас всё в порядке?

– Алекс, прекрати беспокоиться о нас, это напрасная затея. Сейчас ты дашь мне обещание.

Сведя брови, я посмотрела на Фрэнка, который несмотря на то, что ел, внимательно слушал и смотрел на меня. Я знаю, что такое обещание для Лизи: ты не сможешь нарушить его, иначе упадёшь в её глазах и разобьёшься насмерть. Слишком важна для неё цена слова.

– Что ты хочешь?

– Пообещай мне, что придёшь в субботу к нам, потому что будут все. Ну, почти все. Да, будет Том, но хватит бегать друг от друга.

– Мы не бегаем друг от друга, – тут же запротестовала я.

– Может быть он и не бегает, а вот ты занимаешься именно этим. Посмотришь в его глаза и увидишь, раскаялся он или нет.

– Мне безразлично, раскаялся ли он.

– Не ври мне, Алекс. Только не мне. Тебе самой не хочется увидеть его?

– Ничего не поменяется.

– Ты в этом уверена? Думаешь, что за несколько месяцев можно всё забыть? Это глупо. Просто приходи, потому что наша компания начинает давать трещину.

– Хорошо, но я буду не одна, – выдохнула я, сама не понимая, кого имею в виду, но взгляд тут же сфокусировался на Фрэнке. Он легко примет меня за больную, но я не знаю, кого должна привести.

Именно такой мужчина рядом со мной может что-то пробудить в Томе, либо я на это надеюсь. Кроме того, я не хочу чувствовать себя униженной и брошенной, если он будет не один. Сегодня он совершенно не тот, кого я встретила в офисе. На нём простая серая футболка с надписями, под которой выделяются мышцы, джинсовые шорты, закрывающие отличные ноги, над которыми работают в зале, плюс ко всему бейсболка, лежащая на панели, где располагается руль. Он многогранен, и сейчас сложно сказать, что передо мной главный редактор популярного журнала.

– Не одна?

– Да, я буду с другом.

– Это уже интересно, Алекс.

– Я знаю, и у меня кое-что есть для Мэди и Мэйса. Я скоро к вам заеду.

– Вот и встретитесь раньше субботы.

– Я не буду заходить, у меня много работы, – затараторила я. Только не сегодня и не сейчас, я не готова увидеть его.

– Хорошо, но ты дала обещание.

– Я поняла, люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Сбросив вызов, я свела брови и поджала губы, потому что теперь должна каким-то образом сообщить отпадные новости своему начальнику. Если быть точной до конца, то будущему начальнику.

– Ты можешь стать мне другом.

– И каким образом? – засмеялся Фрэнк, – дай угадаю: ты будешь не одна, а со мной?

Согласно кивнув, я выдохнула.

– Я не настаиваю, и сказала совсем не подумав, но... я больше не знаю, кто должен быть... у тебя могут быть планы, прости меня, я просто сглупила.

– Алекс, я не против познакомиться с твоими друзьями, но давай на чистоту? Там есть тот, кто причинил тебе боль.

– Он не причинял мне боль.

– Может быть физически нет, но душевно – да. У тебя на лбу написано, я как будто титры твоих мыслей читал.

– Да, – кивнула я, сдаваясь и убирая броню скрытности и лжи.

– Я всё ещё согласен выслушать тебя. И я тоже не даю. Мы ведь друзья, а друзья доверяют друг другу. Расскажи мне, это будет только между нами. Я обещаю.

Проглотив ком, я опустила голову. Мне так тяжело носить всё в себе. Работа отвлекает, но не помогает залечить душу, потому что она не выслушает. Мне не нужна жалость, сове-

ты и поддержка, этот ком недосказанности терзает изо дня в день, благодаря чему вес с геометрически регрессирует. Я плохо сплю, аппетит желает лучшего так же, как и мировоззрение.

Я начала с малого, но, как и говорил Фрэнк – это затягивает как воронка. Ты уже не можешь остановиться. Поток боли выливается, а скорей даже извергается, словно вулкан, который долгое время дремал и копил в себе лаву, сжигающую нутро. Я рассказала всё, начиная с того дня, как увидела его и влюбилась ещё в начальной школе. Всё это время Фрэнк молчал. Он не кивал, не крутил головой, и казалось, что я вовсе говорю сама с собой, только вслух. Я замечала, как люди косятся в нашу сторону, потому что захлёбывалась слезами и задыхалась как физически, так и морально. После своего рассказа, я потянулась к сумке и достала оттуда дневник, положив его на стол перед собой. Пройдясь пальцем по корешку золотистого цвета, который сплетал наши счастливые мгновения, я подняла глаза.

– Я всё записывала, когда он улетел. Это мои воспоминания с того самого дня, как я увидела его, потому что я помню всё, даже наши некоторые диалоги.

– Мы оба понимаем, что это твой камень. Ты топишь себя им. Ты ведь открываешь его.

– Каждый раз перед сном.

– Он его видел?

– Нет. Я начала его писать, когда он улетел в университет.

– Почему ты решила, что между ними что-то есть? Он целовал её? Обнимал? Смотрел определённым взглядом?

– Она спросила, любит ли он сыр с плесенью, значит, они собирались готовить вместе ужин. Он ненавидит сыр с плесенью.

– И что? Это разве что-то даёт?

– Вполне, если ты девушка.

– Да, вы любите приукрасить.

– Он говорил, что никто не сможет заменить меня, – шёпотом выдавила я.

– Никогда не слушай, Алекс, всегда смотри в глаза и чувствуй. Что ты ощущала?

– Не знаю... мне было больно, когда она подошла к нам. Я просто ушла.

– Сказав, что у вас разные понятия честности?

– Да.

– Хочешь послушать моё мнение?

– Да.

– Я не буду говорить конкретно про этот случай, я хочу обобщить. Никогда не слушай слова, всегда смотри в глаза, они никогда не соврут. Что бы тебе не говорили и не обещали, то, что говорит твоё сердце и есть истина. Можно обещать и говорить всё, что душе угодно. Слова лживы, поверь моему опыту. И я пойду с тобой не потому, что хочу насолить ему, чего желаешь ты, а потому что хочу увидеть его чувства. Невозможно любить и забыть всё по щелчку паль-

цев. Это твоя история и твой опыт, тебе нечего стесняться и бояться, если ты честный человек.

– Спасибо, но ты не обязан.

– Не обязан, но имею желание, тем более я свободен. В субботу?

– Да.

– Хорошо, я заеду за тобой, скинешь адрес. Алекс, не закрывайся от всех только из-за одного человека, потому что оно того ни стоит. Будь собой, будь настоящей, это самое главное. Если хочешь кричать – кричи, хочешь плакать – плач, смеяться – смейся и тому подобное, главное не уходить в себя, потому что ты можешь заблудиться и остаться в этом лабиринте с тупиками. Никогда твоя жизнь не должна зависеть от другого человека. Ты можешь быть с кем-то, но не забывай, что этого человека может не стать по любой причине.

– Спасибо.

– Не за что.

– Нет. Спасибо, что выслушал мои бредни.

– Это не бредни, не называй так свои чувства. Я рад, что стал тем, кому ты доверилась.

– Ты был прав, – улыбнулась я, вытирая слёзы, – стало легче.

– Знаю, – подмигнул Фрэнк, – отвезти тебя домой?

– Мне нужно заехать к Лизи, наверно, я лучше на такси.

– Значит, мы заедем к Лизи, а потом я доставлю тебя прямо до дома, заодно узнаю адрес.

– Спасибо, но ты слишком добрый.

– Делать добро приятней, чем не делать ничего.

Остатки еды были съедены с гораздо большим аппетитом, и я подозреваю, что это благодаря внутреннему опустошению. Вулкан всё же взорвался, но я рада, что это случилось. Возможно, я не должна была выливать свои мучения на будущего начальника, но в его словах не послышалось ни капли жалости и осуждения. Он просто выслушал меня, и, по моему же согласию дал свою оценку. Лизи не любит раздавать советы, родителям я не хочу рассказывать о своих внутренних переживаниях, чтобы лишний раз не беспокоить, но Фрэнк удивил меня тем, что изначально спросил, хочу ли я услышать его мнение и советы перед тем, как учить меня жизни. Да и учениями это назвать сложно, скорей, он просто высказал своё мнение и поделился каким-то жизненным опытом и пониманием.

Глава 4

Том

– Ты самый большой дебил из всех тех, которых мне доводилось видеть. Я был прав.

– Что за дерьмо ты несёшь? В чём ты прав?

– В том, что прошло почти десять лет, а ты так и остался куском идиота.

Метнув в сторону Джаредда убийственный взгляд, я посмотрел на экран телефона, где отражалась парочка новых сообщений и один пропущенный звонок от Чарли. Резкий грохот оторвал меня от сверления дыры в телефоне.

– Чёрт! – выругался Джаред, собирая кастрюли по полу.

– Что?

– Ничего, мелкие, как всегда, наводили порядок.

– Ты живой? – раздался улыбчивый голос Лизи, спускающейся по лестнице.

– Да, они спят?

Лизи молча кивнула и, присев рядом с Джаредом, начала собирать кастрюли и сковородки на место. Несмотря на то, что я вновь уставился в экран, делая пальцами массаж у висков, от меня не ускользнуло то, что Джаред поцеловал Лизи в щёку и выпрямился, что следом за ним сделала жена. До сих пор не могу поверить, что мой брат не только женат, но

ещё успел заделать парочку детей и самое охрененное, что он стал примерным семьянином и лучшим мужем на свете. Я не шучу, потому что я вижу это собственными глазами. Иногда мне хочется стукнуться головой, чтобы поверить в реальность происходящего, но нужно ли? Я пока не страдаю слепотой. Не знаю, как Лизи удаётся терпеть замашки моего брата и в принципе его в целом, но смотря на них, у меня что-то ёкает в груди. И я знаю, что.

– Вы поели?

– Я не собираюсь кормить этого идиота, пока его что-нибудь не ударит по башке для озарения.

Теперь уже Лизи бросила в сторону Джареда взгляд, который всегда помогал ему заткнуться со времён университета. Чудеса и не более. Но через минуту, он вновь вернулся к своему и бросил:

– Должен же ему кто-то вправить мозги на место. Я не вижу никого другого, кто желает занять эту должность.

– Я говорила тебе, чтобы ты не лез, Картер? – хмуро сказала Лизи, доставая из холодильника тарелки с едой.

– И что?

– И хочу, чтобы тебя тоже осенило, и ты понял, что лезть в чужие отношения – плохая идея.

– Мой брат страдает идиотизмом.

Наверху раздался детский плач, на который Лизи тут же поспешила, как на сирену о возгорании, предварительно кинув в его сторону презренный взгляд, Джаред же буравил

взглядом её спину до тех пор, пока она не скрылась за поворотом. Как только на втором этаже послышался щелчок дверной ручки, темно-карие глаза брата обратились ко мне. Это дерьмово, я успел хорошенько узнать его.

– Что я делал, когда мы разошлись?

– Что за тупой вопрос, ты сам помнишь.

– Я делал всё, чтобы её вернуть, идиот, мне было плевать на всё. Я был готов разорвать контракт или пойти против соглашения ради неё. Я всё отдам за неё, потому что она и есть моя жизнь.

– Не путай, Джаред, у нас разные ситуации. Ты сам просрал её по своей же невнимательности.

– Ты сам знаешь, что меня поставили перед фактом. Суть в том, что я вернул её, как видишь, а ты идиотничаешь. И ты тоже просрал Алекс, только я сделал это сам того не желая, а ты оказался дауном.

– У нас разные ситуации.

– Вы разругались, и что? Что мешает тебе поднять задницу и пойти к ней? Ты идиот, потому что сам её оставил, а теперь сопли на кулак мотаешь.

– Алекс осталась той Алекс, которую не приручить.

– Заведи собаку.

Выгнув бровь, я уставился на Джареда, после чего закатил глаза и скрестил руки под грудью.

– Что за бред?

– Хочешь кого-то приручить – заведи собаку.

Покачивая головой, я пододвинул тарелку и взял вилку, начав медленно засовывать салат в рот. Телефон снова зазвонил, и на экране высветилось имя девушки, которая до этого прислала мне пару сообщений и сделала звонок. Не знаю, для чего я это начал, но понимание того, что я пытаюсь забить ту дыру в сердце, медленно приходит к сознанию.

– Хочу сделать ДНК.

Овощи встали поперёк горла, когда я поднял глаза на Джареда, который поясницей упирался в столешницу и, скрестив руки, смотрел на меня. Еле как, откашлявшись, я сделал глоток сока. Джаред даже не пытался помочь мне хотя бы постукиванием по спине, он молча ждал, когда я приду в чувство или же откинусь у него на глазах. Даю сотню баксов, он бы даже пальцем не пошевелил до тех пор, пока моё лицо не приобрело один или несколько оттенков флага ЛГБТ. Хотя, даже в таком случае, он мог только пнуть меня ногой и пойти по своим делам. Сейчас я желаю двинуть ему, потому что у него даже в голову не должны закрадываться такие сомнения. Мэйс и Мэди сто процентов его, даже следпой подтвердит.

– Что за дерьмо, Картер? Это твои дети, – с гневом прорычал я.

– С тобой, идиот. Сомневаюсь, что такой тюфяк может быть моим братом. Лизи и дети всегда будут моими, и я знаю, что они от меня, поэтому не отпущу тех, кого люблю, в отличие от тебя.

– Я сам решу.

– Что ты решишь? Ты даже трубку от неё брать не хочешь, потому что тебе похрен. Сколько раз ты игнорировал и не перезванивал Алекс?

Я не стал отвечать Джареду, потому что как бы мне ни хотелось признавать его правоту, я упирался, но прекрасно знал, что он говорит правду. Не понимаю, когда упустил тот момент, где мы сменили роли и теперь место отбитого занял я. Я сижу в доме своего брата, которого называл идиотом и хотел повеситься из-за одного его приезда на выходные, а теперь сам еду к нему, чтобы побыть в обществе его семьи. Конечно, они и моя семья, но у них свой выстроенный мир. Да и не только из-за этого, я осознаю, что он становится близким мне человеком. Мы родственники, но это не обязывает нас взяться под ручки и поскакать вприпрыжку, именно сейчас я нахожу в нём своего друга, а не просто двоюродного брата. Джаред своеобразный, и эта черта берёт своё в плане пенделя под зад.

– Я так и думал. Твоё дело, я больше ни слова не скажу. Засирай свою жизнь дальше. Можешь даже сделать Чикки или Чарли, как её там, предложение, но будешь смотреть на Алекс и понимать, что ты – кусок идиота. Стоит только дождаться, когда кто-то появится у неё на пути.

От одной мысли, что Алекс кто-то будет целовать, обнимать и ложиться в одну постель – скрутило желудок, из-за чего я чуть ли не вывалил его наполнение в тарелку перед

собой. Джаред же довольный собой, сел за стол и подхватил вилку, начав с аппетитом совать салат в рот. Быстро пролетающая по ступенькам Лизи, пробежала мимо нас и выско- чила за входную дверь.

– Лиз? – нахмурился Джаред, смотря на распахнутую дверь.

– Я сейчас, – крикнула она, когда на подъездной дорожке послышались заезжающие шины.

Поднявшись из-за стола, Джаред подошёл к двери и облокотившись на локоть присвистнул, поставив вторую руку на бок.

– Привет, – сказал он. В голосе брата послышалась улыбка, и следом донёсся тот, что парализовал и прибил к стулу.

Алекс. Не знаю, специально ли Лизи выбежала из дома или же её подруга торопится, но тот факт, что она не зайдёт – ясен как божий день. Я, который день не могу выбить из головы образ девушки, которую встретил в супермаркете. Секундная встреча разбила и без того разбитого меня. Я даже не понял, это была реальность или галлюцинация, если мне всё-таки показалось, то не только мне, но и Чарли, которая спросила кто такая Алекс. Я в смутном сознании помню наш короткий диалог, после которого она ушла, а я лишний раз изъязвил желание упасть виском на угол ближайшего прилавка. С той самой минуты, яма, которую я всеми силами пытался засыпать, вновь стала чистой. Это моя могила, куда проще лечь. Я пытался вырвать собственную память, и воз-

можно, где-то у меня даже получалось, но встреча с Алекс вновь вернула всё назад с ударом двойной силы.

– Хоть бы представила друга, – усмехнулся Джаред, пока у меня пробежал холодок по спине. Теперь я уже готов сорваться с места, чтоб проверить слова Джареда.

Алекс что-то ему ответила, после чего, раздался радостный визг Лизи. Благо, что парковочное место у дома Джареда можно разглядеть с моего места. Наклонив стул, я попытался рассмотреть машину, но увидел только чёрные цвета. Это точно не легковушка. Это хренов кроссовер класса люкс, на который Алекс явно не смогла бы накопить за три месяца. Из-за страха, парализовавшего тело, я чуть ли не рухнул вместе со стулом на пол. У неё кто-то появился? Спустя минуту, дверца хлопнула, и шины вновь подали звук, с которым стало понятно: она уезжает. Если разумом я желал выйти и встретиться с ней ещё раз, то тело отказывается повиноваться мне. Джаред вернулся за стол, а Лизи поспешила с каким-то свёртком наверх, в это время, её лицо озаряла такая лучезарная улыбка, которая свойственна ей, но я знаю её не первый день, чтобы понимать – она что-то узнала.

– Прими уже этот проклятый звонок, он задолбал.

Посмотрев на экран, где очередной раз высветилось имя, я смахнул трубку и приложил мобильник к уху. Пора прекращать её игнорировать. Я занимался этим с той самой минуты, когда увидел Алекс. Возможно, Чарли что-то поняла, но я не пытался и торопился ей выкладывать и львиной доли

своего прошлого, которое мучает изо дня в день.

– Ты занят? – первое, что раздалось по ту сторону линии.

Да, чёрт возьми, я хочу воткнуть вилку в висок.

– Я у брата.

– Ладно, ты не хочешь сходить в кино?

– Давай не сегодня?

– Что с тобой такое в последнее время?

– Ничего, я просто хочу сегодня отдохнуть.

– А кино – это не отдых?

– Нет.

– Ладно, как скажешь. Позвони мне, если передумаешь.

Не передумаю.

– Хорошо.

Скинув вызов, я положил телефон на стол и повернулся к Джареду, рядом с которым уже сидела Лизи. Я что, при разговоре уставился в одну точку, как какой-то псих?

– И сколько вы уже *вместе*? – с открытой насмешливостью, спросил Джаред, положив руку на спинку стула Лизи и выделив последнее слово.

– Мы не вместе, ходили пару раз в кино. Мы знакомы месяц, если у тебя амнезия.

– И уже надоела?

– Прекращай, – буркнула Лизи, – я больше повторять не буду.

С нежностью посмотрев на неё, Джаред заправил волосы за её ухо и улыбнулся.

– Как скажите, миссис Картер.

– Как дела? – улыбнулась Лизи, посмотрев на меня, игнорируя заигрывания мужа.

Дерьмово.

– Неплохо.

Проницательные глаза Лизи на несколько секунд застыли на мне, после чего она перестала сканировать моё лицо, но я не идиот, чтобы не знать, – она всё поняла. Если Джаред в открытую бросает шутки и сарказм в мою сторону на счёт Чарли, то Лизи воздерживается, хотя уверен, она тоже не в восторге. Я и сам не бьюсь в истерии от радости и влюблённости, потому что ничего этого нет. Я практически использую кого-то, но стараюсь по максимуму ограничить наше общение.

Мне хотелось говорить совершенно о другом: где живёт Алекс, потому что я знаю, что ту квартиру она сменила практически сразу; как у неё дела с заказами; что она планирует делать дальше. Я хотел узнать о той, что не могу забыть, а занимаюсь дуростью, которую пора прекращать. Я пытаюсь жить так, как и хотел, но понимание того, что желаемое в разрез шло с действительностью – бьет с каждым днём сильней. Я встретил соглашающуюся, послушную и в какой-то степени тихую, но почему это начинает раздражать? Я не знаю, произошло бы такое с Алекс, которая любила идти наперекор моему слову, но всё же соглашалась. Факт остаётся фактом: мне не хватает того огня, что был в ней. Кажется, что я

вовсе не помню себя без неё.

Парочка ног застучала по лестнице, на которые мы завернули головы. Волнистые волосы Мэди качались из стороны в сторону, пока она тёрла глаза кулачками, а Мэйс в бодром состоянии опережал её.

– Привет, – улыбнулся я, когда Мэди разместилась на коленях Джаред, а Мэйс на коленях Лизи.

Голубые и карие глаза уставились на меня, после чего на маленьких мордашках расплылись улыбки. Мой брат в роли отца, я в параллельной вселенной? Поглаживая макушку Мэди, он крепко обнял её и оставил несколько поцелуев на щеке, которая смешно надувалась при соприкосновениях. Мэйс в это время утащил со стола вилку и начал возить ей по тарелке Лизи, издавая неприятные звуки. Это какие-то игры судьбы, потому что он первый стал отцом и не той, что была очередным развлечением на вечеринке, а той, что посылала его на все четыре стороны. Не понимаю, когда мы успели вырасти не только физически, но и морально. В особенности Джаред, которому я пророчил судьбу вечно валяющего дурка. Видя то, как он смотрит на детей и на Лизи, я не понимаю, как смог распрощаться с тем, что люблю, потому что Джаред не смог. Он снова прав, потому что говорил правду: мой брат был готов продать и отдать всё, что у него есть, лишь бы вернуть Лизи.

– Как дела, малышня?

– Хорошо, – с погрешностью в букве «Р», улыбнулась Мэ-

ди, пощипывая руки Джареда.

– А у тебя? – обратившись к Мэйсу, я получил энергичный кивок, после чего, он практически скрылся с поля зрения, остались лишь глаза и темная макушка, потому что Лизи встала из-за стола, усадив его на стул одного.

Но он не стал отсиживаться долго, потому что через минуту перебрался на колени Джареда, а Мэди и вовсе залезла на его шею. Не знаю, как у Лизи, но видя эту картину – у меня задёргался глаз. Если она резко дёрнется, то упадёт, а я их дядя и мне захочется уронить следом Джареда. Поддерживая её за руку, Джаред слушал лепетания Мэди в одно ухо, а от Мэйса во второе. И самое главное, что он успевал. Что-то тихо сказав Мэди, он следом заговорил с Мэйсом. Не знаю, по какой причине, но я не мог оторвать от них глаз до тех пор, пока пара тарелок не легла на стол и они не вернулись на колени родителей, принимая обед, в то время как я впал в собственные думки.

Всё произошло на эмоциях. Я был не просто зол, я был в ярости, больные слова Алекс резали нутро, и под их влиянием я совершил глупость – я ушёл. Но ещё хуже то, что я попытался забить эту пустоту внутри кем-то другим. Я не знаю, пошла ли на такой шаг Алекс, но я растерял остаток мозга и сходил на пару свиданий с Чарли. Не знаю, возможно ли это вообще назвать свиданиями, потому что я просто соглашался на просмотр фильмов, которые хотел увидеть. Сейчас я оправдываю самого себя, ведь на деле мог позвать любого

человека, но пошёл именно с Чарли. Хотя, нет, я ошибаюсь, самое худшее то, что я целовал её. До чего-то большего не дошло, и я готов выбить себе мозги, потому что не получил желаемого эффекта забвения о прошлых отношениях. Когда я думаю о том, что Алекс сейчас или минуту назад мог целовать кто-то другой – кровь моментально стынет в жилах, но я не понимаю, по какой причине, ведь сам выбрал этот путь и с моей стороны эгоистично и наивно полагать, что она останется одна. Такие как она, никогда не остаются одни, слишком много желающих на лакомый кусочек. Я же отдал свой добровольно, хоть и на эмоциях.

С радостным визгом, Мэди полетела к дивану, где нашла пульт от телевизора, который включила. Следом к ней присоединился Мэйс. А я встряхнул головой.

– Когда они стали такими самостоятельными? – вздохнул я, смотря на племянника и племянницу.

– Им почти два, они же не вечно будут пускать слюни, – бросил Джаред, с улыбкой смотрятся парочку, занимающую диван.

Лизи собрала тарелки со стола и, убрав их в посудомоечную машину, зашагала наверх. Проводив её взглядом, я посмотрел на Джареда.

– Кто приезжал?

– Не строй из себя идиота, ты сам прекрасно знаешь, – усмехнулся он, поднимаясь из-за стола, – продолжай в том же духе и получишь приглашение.

Упав на мягкий ковёр, Джаред тут же завоевал внимание детей, которые переключились на него, завалившись следом на его тушу.

– Какое к чёрту приглашение? – хмуро кинул я, занимая место на диване.

– На свадьбу, – не глядя на меня, выдал Джаред, играясь с Мэди и Мэйсом, которые скакали на его животе, а он издавал звуки, говорящие о том, что сейчас выплюнет далеко ни один орган.

– Бред.

– Ага.

Наблюдая за тем, как он трепетно возится с ними, я катал в горле ком, потому что сейчас мог быть на его месте, но с Алекс, которая была согласна к детям. Воспоминания окунули сознание в пропасть.

– Я не знаю, как тебе сказать, – выдохнул я.

– Что? – подняв голову, Алекс защекотала кончиками волос мою грудь.

– Он порвался.

– Я не вижу в этом проблем, – улыбнулась она, возвращая голову на мою грудь, – Лизи родила в двадцать два и всё смогла, а у неё сразу двойня. Мне уже двадцать два.

– Ты уверена?

– Да, почему я должна сомневаться? Если, конечно, ты боишься...

– Я не боюсь, – тут же опроверг её сомнения я, – но наши

планы...

– У нас есть пример того, что при желании можно успеть всё.

– Ты права, – улыбнулся я, поцеловав темную макушку.

Прогулявшись пальцами по волосам Алекс, которые, словно песок рассыпались между пальцами, я одновременно боялся и желал нашего продолжения в виде хотя бы одного ребёнка. Но у страха – глаза велики, и что-то внутри начинает паниковать из-за мысли того, что всё пойдёт наперекосяк.

Упавшая на диван Лизи, улыбалась, смотря на детей и Джареда, тут же на её колени залез Мэйс, положив голову на плечо и дёргая за волосы, которые успели отрасти. В это время Мэди легла на живот Джареда и, подперев кулачками подбородок, начала рассматривать лицо отца, пока тот смотрел мультики по телевизору. Мэйс хоть и полная копия Джареда, всё равно тянется к Лизи, а Мэди – к отцу, хотя успела отнять и от них двоих, но голубые глаза ей передались от нашей бабушки: мамы моей мамы и отца Джареда.

– Телефон, Дуглас, – говорит Джаред, – у тебя развивается глухота?

Закатив глаза, я вытащил мобильник из кармана и, не глядя, принял вызов, не удостоив вниманием экран с именем абонента.

– Алло.

– Ты разобрался с делом Максвелла?

Вздыхнув, я прошёлся ладонью по лицу. Малек достанет меня из-под земли и высосет мозги.

– Нет ещё.

– Завтра все документы должны быть на столе, а сегодня заключение медицинской экспертизы. Ни одного листа перед собой – я не вижу.

– Он самым первым лежит в жёлтой папке, возьми на столе.

– Я жду, когда ты сам положишь его на мой стол.

После своих слов, он скинул вызов, а я фыркнул.

– Ублюдок.

Поднимаясь с дивана, я окинул взглядом мелких, после чего Джаред и Лизи. Темно-карие глаза первого сощурились и ответно посмотрели на меня с какой-то пронизательностью.

– Пошли его нахрен, – бросил Джаред, поглаживая по спине Мэди.

– Картер! – процедила Лизи, тут же получая сожалеющий взгляд мужа.

– Я не могу послать своего начальника.

– Кто сказал? – усмехнулся он.

– Воспитание и рамки рабочих отношений. Ты посылал Люка или Кита?

– Ежедневно.

– Марсело? – выгнув бровь, я ожидал ответ, который заранее знал.

– Уволься и не парься. Ты мужик или кто? Так и будешь полировать его яички.

– И кто мне будет платить за то, что я ничего не делаю?

– Ты можешь играть в бейсбол.

– Это вечные разъезды.

– А у тебя есть, что терять?

Удар в нужную точку выбил из лёгких весь дух. Мне больше нечего терять, разве только самого себя. Джаред как хороший боксёр, всегда бьет в самое яблочко как физически, так и морально.

– Я должен ехать, – кивнул я, игнорируя слова брата, которые успели изрядно подкосить.

– Тряпкухвати, – продолжал насмехаться Джаред.

– Отвали.

– Когда решишь стать мужиком – сообщи мне. Возможно, я помогу тебе, расскажу, что делают настоящие мужчины, а не те, кого наделили буквой «м» в паспорте.

Пока Мэди и Мэйс смотрели телевизор, я показал ему средний палец и улыбнулся Лизи. Сунув ноги в кроссовки, я вышел за дверь дома, в котором царит мир, любовь и тепло. Это то, чего нет в моей жизни. Я сам разрушил свои отношения. Смешно, ведь я всегда думал, что это скорей сделает Алекс, формально, она помогла, но чего она требовала? Да практически ничего, кроме внимания, про которое я забывал, пытаясь насытить нашу жизнь деньгами. Метаясь между работой и бейсболом, я забыл, что самое главное – вни-

мание. Если я хотя бы дарил ей цветы или приносил тот же самый киндер, которому она всегда была рада – всё могло быть иначе. Я ошибался, думая, что смогу залатать всё деньгами. Оказалось, это бумажки, которые успешно затуманили рассудок и сбили с пути.

Стремительно долетев до работы, я со скрипом зубов схватил нужный лист и всё то, что требовалось, после чего скрепил кучку документов, которые через несколько минут легли перед лицом Малека. Оливковые глаза сощурились, а на его губах заиграла довольная улыбка, которая успешно помогала расти ярости внутри. Почесав подбородок, он прогулялся взглядом по листам и кивнул, устремив внимание на меня.

– Вот теперь порядок.

– Они лежали поверх остальных документов, взять их – дело одной минуты, чтобы скрепить, нужна пара, – процедил я.

Забавно, что мужик под сраку лет, а точнее под сорок, пытается выносить мне мозг по любому поводу и без. Я не знаю причину столь предвзятого отношения, но это начинает раздражать. В принципе, он относится так ко всем сотрудникам, но именно ко мне испытывает пылкое желание вывести и вставить палки в колёса. И моё терпение даёт перебои. Прогоулявшись ладонями по столу, Малек поправил рубашку и вновь провёл ладонями по гладкой поверхности. И этот вечный жест уже бесит каждого. Стол не хренов кот, кото-

рого нужно наглаживать. Думаю, кто-то должен ему об этом сказать.

– Отличная работа.

– Знаю, – бросил я, разворачиваясь, чтобы уйти, но следующие слова вырвались раньше, чем я подумал, – поэтому увольняюсь.

– Увольняешься?

Слава нельзя возвращать назад, особенно с такими людьми как Малек, они тут же наматывают это на ус и запомнят для будущих упрёков.

– Да, заеду завтра, чтобы подписать заявление. Если нужно, составлю сам.

– Дуглас, ты что-то перепутал, – раздался за спиной свирепый голос начальника.

Джаред чертовски прав: пора прикрыть эту воронку с дерьмом, которые изо дня в день помогали мне разрушать собственные отношения и жизнь. Я продержался год, больше не намерен.

– Я увольняюсь. Могу напомнить трудовой договор или объяснить смысл демократии.

Бросив последний взгляд, я вышел за дверь, когда лицо Малека начало покрываться красными пятнами в виде ярости. Вероятно, он не привык, что парень двадцати четырёх лет может легко отказаться от должности в пристежной юридической конторе или разговаривать с ним в такой небрежной манере. Телефон снова начал верещать в кармане и на

это раз я не стал игнорировать звонок Чарли, которую до этого послушал только благодаря Джареду, бесившегося из-за не принятых вызовов.

– Ты не передумал?

– Нет.

– Хорошо, скажи мне хотя бы где ты.

– Ухожу с бывшей работы.

– Уходишь с бывшей работы?

– Да.

– Это как?

– Уволился.

– Уволился из бюро? – ахнула она.

– Да.

– Том, ты с ума сошёл? Что ты будешь делать? Чем ты займёшься?

– Они не единственные в Нью-Йорке.

– Но они одни из лучших.

– Мне плевать. Я устал и хочу заниматься тем, что люблю.

– Только не говори, что ты решил уйти в бейсбол.

– Именно это.

– Ты меняешь шило на мыло, не совершай глупостей.

– Я должен собрать вещи. Пока.

Скинув вызов, я ещё пару секунд задержал взгляд на экране. Если бы это была Алекс, что бы сказала она? Придерживалась мнения Чарли или поддержала бы подобный шаг? Я не знаю. И смогу ли вообще узнать это, хотя, почему не смо-

гу? Набрав её номер, я получил тишину, после которой эхом в ушах откликнулись слова: «Номера не существует». Она сменила его. Чего я ожидал?

Выйдя на улицу, я посмотрел на вывеску и зашагал к машине. У меня нет вещей, разве только канцелярия, но её я оставляю на том самом месте, где она покоится сейчас. Мне ни к чему эти безделушки. Плевать, продолжаю ли я рушить собственную жизнь дальше или наоборот сейчас помогаю ей наладиться и вновь влиться в калию, это покажет время. Следующую клавишу вызова я нажал с номером тренера. Сидя в машине и нервно постукивая по рулю, я послушно ожидал ответ.

– Хочешь потренироваться?

– Нет.

– Тогда даже не знаю, чем могу помочь.

– Я хочу в команду.

На несколько секунд между нами воцарилась тишина, и я знал, что он в смятении или даже шоке, потому что год назад я выбрал работу в бюро, а не команду, соглашаясь быть в запасном составе и при этом, даже не в основном запасном составе. Что я там получаю? Ничего от слова совсем. Ни денег, ни развития. Я будто вернулся в свои шестнадцать, где играл для того, чтобы получить место в команде. Но даже в те шестнадцать, я развивался, а не шёл на дно.

– В команду? – наконец, начал тренер.

– Да.

– Что тебя подвигло принять такое решение?

– Моя жизнь рушится у меня на глазах. Я занимаюсь не тем, чего всегда хотел.

Такая честность удивила даже меня, но я не рассчитывал на пощаду или снисхождение, ведь сам поставил себя на то место, которое занимаю сейчас – на заднее место.

– Следующая тренировка команды в пятницу с утра. Посмотрим, на что ты способен сейчас.

– Спасибо.

Скинув вызов, я хотел позвонить Дилану или Джареду, но решил отложить эту затею. Не они помогли мне зайти в болото, в котором я повяз до колен. Я не успел уловить тот момент, когда начал плотно общаться с Джаредом или где-то прислушиваться к его мнению, но рад хотя бы тому, что всё же начал это делать. К чёрту. Он ведь мой брат, который не будет подталкивать в дерьмо дальше.

Чувство того, что сейчас я делаю что-то не благодаря Чарли, которая явно настроена выносить мне мозг на счёт работы в бюро, а не мотивировать. Скорей, это благодаря Алекс, которую я видел пару секунд. Хотя, зная Чарли месяц, очень удивительно, что сейчас я услышал подобные слова, обычно она тише воды, ниже травы. Я не состою с ней в отношениях, но скорей всего так думаю только я, и это не идёт мне на руку, это топит меня. Я не понимаю, должен ли быть один или должен вернуться к Алекс, потому что впервые я запутался в себе так, что не могу найти выход. Закрывая глаз перед сном

и открывая их утром – я вижу Алекс, которая разворачивается и уходит в том самом супермаркете и той самой уверенной походкой, которая всегда была ей свойственна. Лишь однажды в ней было изменение – когда я впервые приехал к ней и дождался с курсов. Лишь тогда она неуверенно направилась в мою сторону, и мы провели одно из лучших свиданий. В супермаркете я не увидел ни одной эмоции. Между нами выстроилась непробиваемая стена. И я стал тем, кто делал для неё упор и платину, Алекс лишь выкладывала кирпичи, пока я был слепым. Самое печальное, что я одновременно знаю и не знаю, в какую сторону должен идти. Один шаг уже был сделан: я ушёл с работы, которая тянула из меня все соки, что дальше? Переборов собственную гордость, я всё-таки набрал номер человека, который в последнее время намного умнее меня.

– Если ты звонишь для того, чтобы я помог тебе, то забудь об этом. Я не собираюсь тереть чей-то член.

– Я не знаю, что мне делать, – выдохнул я, сжав руль до беления костяшек.

– Я должен решать за тебя и подтирать твои слюни?

– Нахрена я вообще тебе позвонил, идиот.

– Для начала объясни, в чём помочь, я не умею читать мысли.

– Я ушёл с работы.

– Отдал документы, как верная слуга или поступил, как мужик?

– Я уволился. Попросился в команду, тренировка в пятницу утром.

– Можно я помолюсь за тебя? – засмеялся Джаред.

– Можно, ты перестанешь быть придурком на время?

– Я подумаю.

На пару секунд между нами повисло молчание. Я не уверен в верности своего решения, и, наверно, хочу найти в ком-то поддержку и слова того, что я поступил правильно, хотя, Джаред сказал их ещё до моего ухода из их дома.

– Что ты хочешь делать?

– Я не знаю, чёрт побери, я даже не знаю, где теперь должен брать деньги, чтобы оплачивать квартиру.

– До какого числа аренда?

– Я плачу каждое двадцатое число.

– У тебя четыре дня, – усмехнулся Джаред.

– Не смешно, Картер.

– Разве? – засмеялся он, на что я закатил глаза и уже хотел сбросить вызов, – в пятницу ты должен порвать задницу, иначе я точно сделаю ДНК. Можешь пожить у нас или я дам тебе денег.

– Мне не нужны твои деньги.

– В долг, идиот. Отдашь, как сможешь.

– Ладно, лучше в долг, я не хочу видеть тебя голым.

– И не увидишь, а если увидишь, то потеряешь самоуверенность и самооценку.

– Подожди минуту, я поплачу от смеха.

– Скорей от горя, – засмеялся Джаред, после чего его тон резко сменился на твёрдый и уверенный, – соберись и верни то, что принадлежит тебе, идиот.

С этими словами, он скинул вызов, а я бросил телефон на соседнее кресло. Возможно, где-то на свете есть другие братья, которые выражают поддержку иначе, но мой брат – Джаред, а от него скорей можно услышать сарказм и одновременно серьёзность. Хотя, возможно, так даже лучше, потому что, таким образом, ему удаётся дать пинка под зад, что я и говорил. Но мне не хватает тех слов, которые когда-то я слышал от Алекс:

– Ты уже в команде. Я люблю тебя.

Глава 5

Том

Друзья. Я. Но нет одного – её. Она снова не пришла. Я не знаю причин, но догадываюсь, ведь это поймёт даже слабоумный. Причина – я. Она избегает встреч с друзьями из-за меня. Каждый проклятый раз, когда мы собираемся, у меня саднит в горле. Все делают вид, что ничего не произошло и всё хорошо, но факт остаётся фактом. Это какое-то лицемерие. Все мы прекрасно понимаем, что есть либо я, либо она. Хотя, вероятней всего, есть только я, потому что за всё проведённое время с друзьями, она так и не появлялась.

Я самый настоящий трус, потому что оставил её и теперь боюсь посмотреть в глаза. Конечно, это уже было, ведь мы случайно встретились в супермаркете, но преднамеренная встреча пугает меня до чёртиков. У меня не хватает силы духа спросить у кого-то, будет ли он, а на счёт Алекс – я не могу быть уверен, либо она спрашивает у Лизи, либо находит причину избегать наших встреч. Сделав глоток пива, которое казалось горьким и одновременно безвкусным, я упёрся взглядом в одну точку – детская площадка, которую Джаред устанавливал лично. Пара качель, над которыми небольшая выпуклая дорога в виде радуги, по левую сторону лестница, а с другой – горка. Мэди и Мэйс без ума от них, поэтому

всегда тянут кого-то за руку для того, чтобы их покачали или поиграли. Мой брат чертовски везучий.

Ароматы, шедшие от гриля, сворачивали желудок, и выделялась слюна, но как такового аппетита не имелось. Стол ломился от еды, за которым уместились все: Трент, Крис, Ками, Дин, Лизи и Джаред, но парочка последних в сторонке порхали над мясом и тихо смеялись, обнимаясь и целуя друг друга, они соприкасались даже руками, когда Лизи держала тарелку, а Джаред выкладывал на неё мясо. Если раньше я не особо наблюдал за ними, то сейчас они очень часто приковывают моё внимание. Парочка стульев пустовала, и я думал, что они по праву должны принадлежать Бекке и Алекс, но в который раз один из стульев меня разочаровывает и угнетает.

– И кого ты там увидел? – толкнув меня локтем, усмехнулся Дин.

– Темноту, – кивнул я, говоря совсем не о ночной тишине, окружающей район, а о собственной душевной черноте.

Свет на детской площадке отключён, но достаточно того, что освещает зону отдыха, где находимся мы.

– Тебе не помешает сходить к специалисту, я одного знаю.

– Возможно, ты прав, – выдохнул я, делая новый глоток и бросив взгляд в сторону Трента, который как обычно перепирался с Крисом, пока Ками закатывала зелёные глаза, сидя между ними.

Если Алекс избегает встреч не только со мной, но и с дру-

зьями, то сейчас я хочу сделать то же самое, потому что как бы они не старались – она фигурирует в разговорах или воспоминаниях и после чего, несколько пар глаз устремляются на меня, словно я должен что-то добавить или завывать на Луну. Собственно, завывать мне действительно хотелось. Лизи и Джаред заняли свои стулья, и от меня вновь не ускользнуло то, что Джаред сразу протянул руку по спинке её стула, показывая свою территорию, следом он склонил голову на бок, посмотрев на жену, дарующем ему взгляд, в котором даже слепой мог заметить блеск. Мой брат явно ляпнул подобную себе хрень, из-за которой улыбка на лице Лизи прибавила блеска глазам. Я терзаю самого себя, когда смотрю на них. Конечно, есть ещё Крис и Ками, но не они были теми, с кем мы делили диван под просмотр фильмов, кто спал в соседней комнате, с кем мы завтракали, и кто просто сносил всё вокруг из-за испытываемых чувств, словно ураган Сэнди. Лизи отвлеклась на телефон, который зазвонил, и прижала его к уху. Сведя брови, она тут же вскинула их и вновь показала счастливую улыбку. Прокатив по горлу ком, я устремил взгляд на площадку.

Какого чёрта со мной происходит, и что я делаю? Эти вопросы я успел задать самому себе не меньше сотни раз, но ответа так и не нашёл. После нашего расставания, я боялся её увидеть, но сейчас желаю этого всей душой, потому что секундная встреча уже случилась.

Что ж мысли материальны.

Услышав приветственный гул друзей, я медленно повернул голову, встретившись с глазами, которые вижу каждый чертов раз, когда закрываю свои. Она другая. Изменённая. Новая. Обновлённая. Это Алекс новой версии. Светлый оттенок волос, которые спадали волнами на одну сторону, едва достигали плеч; белый топ, заправленный в джинсы, открывающие её щиколотки, и под которым нет ничего, заставил меня проглотить слюну и втянуть воздух в лёгкие; открытые туфли на каблуке, благодаря которым её ноги кажутся длиннее и стройнее, но это заслуга не только каблукам, я не вооружённым глазом вижу, как она похудела, у моей Алекс были щечки, сейчас черты её лица острее, розовые губы кажутся пухлее, а глаза больше. Но важно не то, как она изменилась, важно то, что она держит предплечье парня рядом с ней. На вид лет двадцати пяти, азиатской внешности, но скорей это смесь национальностей. Взгляды друзей тут же обращаются ко мне, но я делаю спокойный вид и ловлю только один взгляд – Джареда, в котором читается ехидное «Я же говорил». Хочется показать брату средний палец, но я не рискую жестиковать. Первым человеком, кто подлетает с места и чуть ли не сбивает её с ног, конечно, Лизи, дальше за ней это делает Ками. Они скучали по ней, но лишь я знаю, насколько сильно переплюнул их в тоске по девушке, чья улыбка сейчас направлена в сторону подруг.

– Всем привет, – улыбается Алекс, когда девочки выпустили её из своих объятий, – это Фрэнк.

Парни приветствуют его рукопожатием, протянув ладони через стол и называя свои имена. Последним человеком, кто принимает его приветствие – я. Я снова чувствую пристальные взгляды друзей на себе, но с тяжестью выдавливаю короткую улыбку.

– Том.

– Приятно познакомиться, – вежливо улыбается он, но я чувствую и вижу, как его оценивающий взгляд скользит по мне. Она ему рассказала?

Не особо.

– Взаимно.

Занимая пару свободных стульев, Алекс больше не касается парня, но это всё равно не отменяет того факта, как сильно я вжался в спинку стула. Искоса я бросаю в его сторону взгляд из-под лба, рассматривая каждую деталь. Самые простые джинсы синего цвета, белая футболка и кроссовки. Абсолютно ничего необычного, и пока парни начинают вести с ним диалог, я понимаю, насколько он прост и одновременно воспитан. В его речи нет пафоса, высокомерия и заносчивости, он смеётся и приветливо улыбается им, что ещё больше меня злит, ведь я желаю другого: чтобы они не приняли его и даже возненавидели. К сожалению, это лишь мои желания и не более, в реальности всё иначе. Им не за что испытывать к нему неприязнь и тем более ненависть. Лизи и Ками слушают Алекса, из речи которой я улавливаю обрывки фраз о работе, журнале, колонке и фотографиях. Я не пони-

маю и не могу сопоставить один к одному, чтобы правильно понять её, парни сидят ближе и гогочут громче девочек, и это бесит. Но моё сердце начинает разрываться и реветь от радости, когда я слышу следующие слова:

– Мой парень говорит...

Дальше я уже не слушаю, потому что цепляюсь лишь за три слова. На лицах парней чёрным по белому отражается удивление, но я больше не смотрю на них. Я смотрю на Алекс, которая улыбается Фрэнку, обвинив его руку своей. Он – гей. Они не пара. Не вместе. Он не её парень и никогда им не будет, если, конечно, не бисексуален, но, тем не менее, у него есть парень. Твою мать, парень.

– Серьёзно? – восклицает первым Крис, в принципе, как обычно. – Чувак, ты гей?

– Я думал, что вы это сразу поняли, – смеётся Фрэнк, пока голова Алекс покоится на его плече, за которой я слежу, словно ястреб.

– Ты скрытый гей или как? – продолжает Крис.

– Открытый.

– Тогда какого хрена ты на него не похож?

– Я же не обязан наматывать флаг на шею, чтобы транслировать свою личную жизнь.

– Мир сошёл с ума, ты – гей, – выдыхает друг, после чего указывает на Дина. – Он – гей. Какого хрена? Посмотрите на девочек, они вам совсем не нравятся? Моя задница намного лучше сисек? Серьёзно?

– Я сейчас тебе врежу, – бурчит Камилла и сверлит в нём взглядом дыру.

– А что? – смеётся Крис, широко ей улыбаясь, – у тебя самые лучшие, ты же знаешь, Луна.

Камилла тяжело выдыхает и качает головой, дав Крису подзатыльник и назвав его идиотом, пока парни смеются, а девочки улыбаются. Я слишком сильно скучал по этой улыбке. Мне не хватает её как солнечного света, благодаря которому организм насыщается витамином D. Восемь лет Алекс дарила её мне. Конечно, остальным тоже, но именно я получал ту нежную, наполненную любовью улыбку. Она совершенно особенная. Не такая, как другие. В ней столько эмоций и глубины, что я струсил и выплыл на поверхность, найдя первый попавшийся круг спасения, который оказался камнем, унёсшим меня в темноту собственного отчаяния. Алекс не смотрела в мою сторону, чего не сказать обо мне, ведь я не мог отвести от неё взгляд. Она обводила глазами компанию и цепляла в ней меня, но не останавливалась, словно во мне нет ничего особенного, словно я посторонний и чужой для неё человек, словно я сливаюсь с остальными. Хотя, вполне возможно, что именно таким я и стал. Внутри меня самый настоящий шторм, буря, ураган, потому что я помню её слова.

– Я люблю смотреть на тебя.

– И что в этом интересного?

– Когда ты задумчивый – хмуришь брови, когда решаешь

примеры – кусаешь колпачок, когда сосредоточен на игре – шуришься, когда смотришь фильм – внимательно следишь за всем, что на экране.

– Дополнить? – улыбнулся я, смотря в зелёные глаза.

– Давай, – засмеялась Алекс, сложив руки на обеденном столе и положив на них подбородок.

– Когда я смотрю на тебя – я улыбаюсь.

Смех Алекс тут же затих, через секунду она подскочила с места и, склонившись над столом, заключила моё лицо в свои ладони, впившись губами в мои.

– Тост? – предлагает Трент, подняв бутылку пива.

– Валяй, псих, – усмехается Крис, который всегда его так называл, в то время как Ками снова закатывает глаза.

– Псих? – переспрашивает Фрэнк, переглядываясь между парнями.

– Я учился на психолога, – кивает Трент.

– Какая нахрен разница? Хочешь быть с ними наедине, значит нужно стать психом, – фыркает Крис.

Пока парни снова начинают перепираться, я смотрю, как медленно лучезарное лицо Алекс меняется на мрачное. И это, мать вашу, ещё не всё. Фрэнк берёт её ладонь и сжимает в своей, из-за чего я чувствую, как мои кулаки начинают чесаться, а лицо приобретает красный оттенок. Она смотрит на него, и улыбка трогает уголки её губ. Я знаю эту улыбку. Так она улыбается в знак благодарности. Меня буквально трясёт, а стекло в виде бутылки пива, вот-вот готово распол-

заться трещинами. Когда-то она сжимала мою ладонь, чтобы получить поддержку. Это тоже для неё в прошлом. С каждой новой минутой в её обществе, я хочу завывать, потому что с её стороны не чувствую ничего, в то время как моё нутро разрывают чувства.

– Давай тост, – говорит Джаред, но смотрит на меня, мысленно посылая просьбу успокоиться, но держаться всё сложнее и сложнее.

Если он – гей, то хреновый, потому что сейчас он улыбается и держит ладонь моей девушки. И я готов разбить эту чертовку бутылку об его башку.

– Во-первых, за то, что мы собрались, во-вторых, за знакомство и, в-третьих, за Тома, – улыбается Трент, взмахнув бутылку в воздух.

Все понимают, о чём говорит Трент, кроме Алекс и Фрэнка, которые устремили на меня взгляды, я же в ответ смотрю на них, точнее, на их руки, где крепко переплелись пальцы.

– Я занимаюсь бейсболом, – сообщаю я для Фрэнка, хотя говорить с ним – это последнее, что желаю сейчас. Мне с трудом удаётся открывать челюсть и оставаться спокойным, а не цедить сквозь зубы. Фрэнк задаёт немой вопрос, смотря на меня и на остальных.

– Он ушёл с работы и вернулся в команду, – говорит за меня Трент, потому что я не в состоянии продолжать свой монолог.

– Сколько уже не играл? – дружелюбно улыбается Фрэнк.

Много, но снесу твою бабку максимально точным ударом.

– Год был в запасном составе.

– В запасном составе запасного состава, – дополняя, гогочет Крис.

– Заткнись, придурок, – вступает Джаред, удивляя друзей и меня в том числе, – одумался и вернулся, с кем не бывает. Я рад, что ты перестал горбатиться на этого мудака.

– Кем работал? – продолжает спрашивать Фрэнк.

– В юридической конторе адвокатом.

– В любом случае, поздравлю, всегда нужно выбирать дело по душе, – он отпускает ладонь Алекс и протягивает её мне, я же принимаю её только по той причине, что она могла сохранить тепло моей девушки и то, что он, наконец, больше не касается её.

– Поздравляю, – говорит Алекс, едва приподняв уголки губ и это первые слова от неё за сегодняшний вечер в мою сторону. Благо, что я уже отпустил кисть Фрэнка, потому что руки затряслись, а ладони вспотели. Так убого я ещё никогда себя не ощущал, я буквально смотрю ей в рот. Неужели она отпустила меня и нас?

– Спасибо, – киваю я, желая получить кулак Джареда в направлении своего лица.

Зелёные глаза больше не смотрят на меня, теперь они обратились к остальным. Я последний присоединяюсь к бокалам и бутылкам друзей, которые звенят в знак тоста. Секун-

ды, пока она смотрела на меня, – я не могу выкинуть из головы. Это словно отпечаток, который будет сопровождать тебя на протяжении всей жизни.

Сейчас я как никто другой понимаю Джареда, который бежал из-за Дина, но парадокс в том, что до признания, ему пришлось обуздать себя несколько лет, я же получил ответы практически сразу, но это ничего не меняет.

– Мы идём? – нависающий над Лизи Дин, улыбается ей широкой улыбкой.

– Конечно, – кивает она, поднимаясь со стула.

В эту же секунду я перевожу взгляд на брата, который готов рвануть с такой силой, что подорвёт не только Нью-Йорк, а весь штат, а то и вовсе всю страну. Жму ему ладонь, он сидит молча, но сжав челюсти и скрипя зубами за ровной полоской из губ. С одной стороны – это забавно, а с другой страшно. Джаред на многих наводит ужас не только из-за своего пофигизма за содеянное, но и из-за того, что профессионально занимается боксом. Я редко вижу таких смертников как Дин, которые смотрят на него, как на равного. Они практически сразу не нашли мир между друг другом, хотя причина совершенно неизвестна, да и Дин не особо рвётся конфликтовать с ним, хотя легко даёт отпор, не поведя и глазом.

– Увидимся дома? – улыбается Лизи, смотря на Алекс, которая ей кивает, после чего, она окидывает взглядом толпу. – До завтра.

Практически каждый в один голос говорит «пока», но не Джаред, который сверлит её взглядом. Этот ураган в виде их взаимоотношений может пошатнуть каждого. Но Джаред сам виноват, когда уходит от прямых вопросов об их отношениях, Лизи же принимает его позицию и по этой причине не считает себя ему чем-то обязанной. Мы провели достаточное количество времени в компании друг друга ещё в школе, чтобы я хорошо её узнал. Она не будет бегать за ним, и выяснять отношения. Возможно, это тоже бесит Джареда.

Бомба всё-таки рванула, когда Дин закинул руку на плечо Лизи, а она в ответ обняла его за талию, над чем-то смеясь. Поднос Джареда взлетел вверх и опустился на стол с таким грохотом, что удивительно, если Лизи и Дин не услышали и не вернулись. Кукуруза оказалась везде, даже в волосах Алекс, из которых я её тут же убрал. Стакан был пуст, чему мы все были благодарны, а в тарелке осталась только кукуруза и яблоко. Ещё минуту, Джаред смотрел из-под лба в ту сторону, где исчезли Лизи и Дин, после чего он поднялся.

– Только попробуйте мне что-то сказать, – прорычал Джаред, направляясь к выходу.

Все молчали, смотря ему вслед. Когда двери ударились друг о друга, я перевёл взгляд на Криса. Он – лучший друг Джареда, которого знает со времён школы, они практически всегда вместе и похожи характерами. Логично, что он

должен стать тем, кто пойдёт обуздать его ярость и будущие ошибки.

– Пойдёшь за ним?

– Не-а, – закрутил он головой, на что я вопросительно выгнул бровь, – проверенная хрень, живому сейчас к нему лучше не приближаться.

– Это же Картер, он может сотворить какую-нибудь хрень! – вступает Бекка.

– Нет, он просто пробьёт какую-нибудь стену кулаком, – усмехается Крис и делает глоток сока, словно это привычное дело. – Советую не трогать его, сам успокоится. Проверенный факт. И он сам виноват. Тут я поддерживаю Лизи.

– Ты же его друг! – восклицает она.

– Вот именно. Я его друг и поэтому говорю правду, которая не всем нравится. Можете засудить меня за это.

Взгляд вновь фокусируется на Алекс. Меня бесит, что она улыбается ему, смеётся, позволяет касаться себя. Если они ходили вместе по магазинам и при нём она мерила лифчик, я сейчас же снесу его голову. Никто и никогда не коснётся её так, как это делал я. Даже если для этого мне придётся держать свечку над ней – я буду это делать на протяжении суток и всей жизни в целом. Телефон верещит в кармане, но я не тороплюсь доставать его, хотя стоит. Джаред снова сморит на меня с ухмылкой и выгибает бровь, на что я тут же достаю мобильник и прикладываю к уху, не посмотрев на имя звонящего.

– Привет, сынок, – с нежностью отзывается голос мамы.

– Привет, – улыбаюсь я, получая частичку тепла. В эту секунду глаза Алекс встречаются с моими, но она тут же отводит взгляд в сторону. Либо мне кажется, либо тень боли всё же промелькнула. И я всеми возможными способами хочу показать, а лучше закричать о том, что это мама, а не Чарли.

– Как дела? Почему не звонишь? Как Алекс?

Глоток пива попадает не в то горло, из-за чего я начинаю закашливаться, привлекая внимание друзей. Один вопрос и я погиб. Я не могу признаться родителям, на что пошёл по своей же тупости. Они ничего не знают и, судя по дружелюбному тону мамы, Алекс ничего не сказала, она молчит так же, как и я. Искоса взглянув в сторону девушки, которая держит моё сердце и мысли в плену, я прочистил горло и обобщил.

– Всё хорошо. Вы как?

– Тоже чудесно, хоть бы приехали в гости или мы к вам.

– Мам, работы много навалилось, – отвернувшись от друзей, тихо вру я, – обязательно приеду... приедем.

– Хорошо. Люблю тебя. Поцелуй за меня Алекс.

– Конечно.

Скинув вызов, я потираю шею и смотрю на звездное небо, где ярко светит полная Луна. Не знаю, поняла ли она, кто звонил, но я жутко хочу оправдаться перед ней, хотя это глупо. Я боюсь посмотреть на неё, не причинив себе и ей боли, уже ничего не говоря о поцелуе.

Её поцелуй.

Они самые лучшие. Нежные, трепетные, страстные, горячие, вкусные и сладкие. Я уже забыл, какого это – целовать Алекс. Кажется, что последний раз это было лет десять назад, хотя прошло несколько месяцев. Из воспоминаний меня вырывает звук бьющейся бутылки.

– Охренеть, ты придурок, – фыркает Крис, смахивая пиво с шорт.

– У тебя руки дырявые, – выдыхает Трент, закатив глаза.

– Сам ты дырявый, нахрена ты так сильно лупишь по бутылке? Она не железная.

– Ты сам её уронил.

– Ты сам её уронил, – передразнивает Крис, продолжая вытирать штаны.

– У тебя экстернальный локус контроля, Купер.

– Псих. Лечи своих больных.

– Это типы личности, идиот.

– Я нормальный тип.

– Нормальный с экстернальным локусом.

– Иди нахрен, – морщится Крис, и я улыбаюсь. Их тупое панибратство иногда бывают веселыми. Особенно, когда Трент приписывает Крису отклонения, а второй посылает его нахрен.

На пороге дома появляется Мэйс, за которым следует Мэди, оба они довольно бодро и весело бегут к столу около двенадцати ночи.

– А кто будет спать? – хмурится Лизи, усаживая на колени

Мэйса, в то время как Мэди подбегает к Джареду, но тут же отклоняется в сторону Алекс, которая принимает её к себе и начинает целовать в щёку. От одного вида у меня ноет сердце и появляется улыбка на губах.

Я не могу оторвать взгляд от этой картины, потому что фантазия тут же рисует нас и нашего ребёнка. Я не знаю, кто это будет: мальчик или девочка, ведь сейчас даже Алекс не моя. Мэди что-то тихо лепечет ей на ухо, после чего Алекс представляет её Фрэнку, и лицо моей племянницы со стеснительной улыбкой прячется в шее, которую я когда-то целовал. Следом, она спрыгивает с рук Алекс и идёт ко мне, я уже знаю зачем.

– Мэдисон, он не даст тебе конфет, – строгим тоном говорит Лизи, когда маленькие ручки обнимают мою ногу, а голубые глаза заглядывают прямо в душу. Я готов отдать ей всё, даже последние носки и меня пугает такая лёгкая отдача с моей стороны. Один взгляд и я готов сдаться, купив ей всё, что она пожелает.

Мэди обращает взгляд к Лизи и смешно надувает щёчки, выпучив нижнюю губу.

– Не пытайся, это не работает, – продолжает Лизи, пока Джаред тихо посмеивается рядом, а Мэйс кусает сосиску, смотря на сестрёнку.

Топнув ножкой, она бежит к Джареду и умещается на второй ноге. Эта маленькая хитрюга знает, что он не сможет отказать ей точно так же, как и я. Она – наша общая слабость.

Косым взглядом я вижу, как на них смотрит Фрэнк и как на его губах играет улыбка. Алекс протягивает Мэди ладонь и что-то тихо щебечет ей с улыбкой, пока Лизи щурит глаза, смотря на подругу. Хоть Мэйс и молчит, все мы знаем, насколько страшен его союз с сестрой. Лизи и Джаред иногда готовы взвыть, но терпят и переносят их проказы с дёргающимися глазами. Это не удивление, что у них такие дети, было бы странно, если бы в этой семье родилась парочка послушных тихонь.

– Скажите маме, что вы любите её, и мы пойдём спать, – говорит Джаред, переглядываясь между детьми.

– Я люблю маму, – кивает Мэйс, заключая шею Лизи в кольцо своих рук и оставляя след от гриля на щеке.

– Не буду, – хмурится Мэди, скрестив руки под грудью, – она не даёт конфетки.

– Мама дала тебе сегодня часть своей шоколадки, а этого она не делает даже для меня, потому что мама любит шоколадки. И если ты не любишь маму, значит, мы поделим с Мэйсом твою часть маминой любви. Да?

Мэйс тут же согласно кивает, а брови Мэди ещё ближе сводятся друг к другу, из-за чего все тихо начинают посмеиваться. Джаред тянется к Лизи и обоюдно с Мэйсом, они начинают целовать её щёку.

– Наша мама, теперь у нас больше мамы, – улыбается Джаред, добиваясь нужной реакции от дочери и это работает.

– Это моя мама! – восклицает Мэди, начав отгонять их,

но они продолжают настойчиво целовать щёку Лизи, из-за чего Мэди начинает брыкаться и хныкать, – отдайте, это моя мама!

– Твоя-твоя, но, если ты не будешь обижаться на маму. Мы договаривались, что ты получаешь две конфеты в день. Так?

Мэди кивает, смотря на Джареда с обиженным лицом.

– Сколько ты сегодня съела?

В ответ, она показывает два пальца.

– Значит, на сегодня всё.

– Но дядя обещал!

– Вот завтра он тебе и даст, а сегодня уже всё.

– Обещаешь? – протягивает Мэди, смотря на меня.

– Обещаю, – киваю я, – только ради этого остаюсь у вас.

Личико Мэди вновь озаряет улыбка, после чего она целует Лизи столько же раз, сколько и Джаред с Мэйсом, а то и больше, затем эта тройка вышагивает к дому. Пока Мэди подпрыгивает, держа его ладонь, Мэйс поднял голову и слушает.

– Он – хороший отец, – улыбается Фрэнк.

– Да, – с улыбкой, кивает Лизи.

Поймав секундный взгляд Алекс, которая заговорила с Лизи и Ками, а Фрэнк в это время общался с парнями, я поднялся со стула и зашагал следом за Джаредом. Находится рядом с ней и понимать, что сам потерял и выбрал этот путь – становится невыносимо, но я должен разобраться с са-

мим собой, чтобы не повторять ошибок прошлого. Она нужна мне, как вода для жизни, но пока я не излечил самого себя, не думаю, что смогу осчастливить её. Возвращаться к тому, от чего мы ушли – значит, повторить этот круг ада. Я хочу видеть ту девушку, которая была со мной всегда, а не ту, кого я сделал из неё за год.

Тёплый мягкий свет освещал угол комнаты, взгляд нашёл Джареда, который лежал на постели Мэди, а она на его груди. Мэйс же всегда засыпал сам, сколько я его помню. Он вообще самостоятельный, Джаред категорически против того, чтобы с ним сюсюкались как с девочкой, но сам обнимает и целует его, что порой очень смешно. Но это даже не дело воспитания Джареда, а то, что Мэйс сам по себе такой, он всё любит делать сам и не любит получать помощь со стороны. И это кое-кого очень напоминает. Мне страшно, потому что он не просто внешняя копия Джареда, но и внутренняя. Я надеюсь только на взросление, которое поменяет его характер.

Облокотившись боком на дверной проём, я потёр шею, смотря на брата, черты лица которого, можно едва различить при тусклом свете ночника в розетке.

– Тебе повезло, – шепчет он.

– В плане чего?

– В плане того, что он по мужским задницам спец. Но это ещё ничего не означает.

– С какой стати?

– С такой, что он не единственный мужик на планете.

– Я не могу вернуться к ней таким.

– Каким?

Выдохнув, я пожал плечами и упёрся взглядом в окно.

– Запутавшимся в самом себе.

– Советую шевелить задницей в поисках, иначе опомнишься слишком поздно.

– С какого момента ты начал думать головой, а не членом?

– Я всегда думал ею, придурок.

– Да, когда познакомился с ней. Кровь от члена в голову ударила, благодаря чему заработал мозг.

– Сейчас я встану, выйду из комнаты, посмеюсь и заеду тебе в челюсть, – с улыбкой в голосе, шепчет Джаред.

– Буду не против, сам хотел попросить.

– Не будь идиотом, Том. Брось свою Чарли и вернись к Алекс.

– Ты всё-таки запомнил её имя, – посмеиваюсь я.

– Я же не конченный идиот с проплешиной в башке.

– Мне не нужно никого бросать, я уже говорил, что мы не вместе.

– Хочешь сказать, ничего не было?

– Не было... раз поцеловал... может пару раз... – вздыхаю я, – вот дерьмо.

– Алекс лучше об этом не знать.

– Я не буду ей врать.

– Не начинай с этого, иначе можешь даже не рассчитывать на дальнейший разговор.

– Я в курсе, но кто знает, может, она тоже пошла на подобный шаг.

– Не пошла.

– Тебе откуда знать?

– Потому что они похожи, сам знаешь. Слава Богу, что мы – нет.

– С чего ты взял?

– С того, что я не пытался забыть Лизи или заменить кем-то. Я знал, что хочу её и то, что она будет только со мной.

– Я на боковую.

Со своими словами, я медленно побрел в гостевую комнату, оставляя Джареда с детьми.

– Не хочешь побыть с ней? – слышится из комнаты.

– В том то и дело, что хочу, – выдыхаю я, после чего закрываю дверь и падаю на кровать.

Находится с ней в одной компании не трудно, трудно понимать, что я не могу коснуться её или хотя бы просто поговорить с ней. Может, Алекс и улыбается, поздравила меня, но я знаю её восемь лет. Я вижу в этом взгляде обиду и разочарование, из-за чего хочется рвать и метать. Это только моя вина, Алекс тут не при чём, это я загубил отношения. Это я уничтожил нас.

Когда я думал о том, что мне лучше найти такую же, как я сам – я глубоко заблуждался. Оказывается, что мне нужна буря. Как жаль, что осознание и понимание ценности в ком-то, приходит именно тогда, когда теряешь. Смотря на неё, я

готов кусать локти, потому что собственноручно отказался от самого себя. Хотя, кажется, что я совсем себя не знаю, а это то, с чем должен разобраться. Сейчас я чётко осознаю свою ошибку. Алекс хотела говорить и пыталась поговорить со мной, но я совершенно ополоумел и не слышал её.

Глава 6

Том

Смотря в зелёные глаза, которые были на несколько оттенков темней тех, что принадлежат Алекс, я посмотрел за спину Чарли и протянуто выдохнул, потерев пальцами глаза и лицо. Я тупо не знаю с чего начать, поэтому завёл разговор с того, что завтра у меня тренировка.

– Я могла бы пойти с тобой, – улыбнулась она, подхватив вилкой ломтик помидора и курицы, которые затерялись среди сыра.

– Нет, – отрицательно закрутив головой, я вернул внимание к Чарли, которая занимала стул напротив.

Посылая мне короткую улыбку, она дальше занялась салатом, пока я не решился притронуться к заказу. Я неустанно сравниваю Чарли и Алекс, насколько они разные, между ними буквально пропасть. Алекс напоминает бурю, которая разжигает во мне пожар лишь одним взглядом, в то время как Чарли спокойная, даже через-чур. Когда я сказал о том, что уволился, я, было подумал, что она хоть немного покажет себя, но ничего, Чарли молча приняла и не сказала ни слова, разве только единожды при разговоре по телефону. Может, это хорошо, но ощущение того, что рядом пытается быть человек, которого я просто-напросто не представляю в

виде того, с кем пройду жизнь – гложет и терзает. Я не звоню ей сам, не пишу, я вообще ничего не делаю, в то время как она тянется ко мне всеми возможными способами. Я и сам не понял, как всё дошло до того, где мы сходили несколько раз в кино и поужинали вместе. Сегодня ко всему добавляется обед, но сейчас я планировал остановить то, чего не желал.

Единственным человеком, который приходил со мной на тренировки – Алекс. Я не хочу очернять эти воспоминания, когда она переживала и верила в меня больше, чем я сам. Попытка уйти – громко провалилась, сейчас я, наконец-то, чётко осознаю свою ошибку и понимаю, что совершил самую большую глупость за всю свою жизнь: я ушёл от человека, без которого жизнь теряет всякий смысл. Никто и никогда не заменит её. Я согласен на всё: пусть она упирается, идёт мне наперекор, ведёт себя, словно ребёнок, что угодно, потому что мне до безумия не хватает именно этого. Я прожил три месяца в тумане. С уходом, я наивно полагал, что так будет лучше, но оказался идиотом, потому что жизнь стала настолько серой и едкой, что я практически задыхался в кругу собственного ада в виде работы. Приходя в наш дом, я хотя бы получал объятия, когда замертво падал на кровать, тут же нет ничего. Я остаюсь наедине с самим собой.

– Том? – голос Чарли помог вернуться из собственных мыслей и сфокусировать на ней взгляд.

Собравшись с силами, я знал, что сейчас могу разбить чьё-то сердце, но это мой крест и только мне его нести, по-

тому что именно я позволил подобному случиться.

– Нам нужно прекратить это.

– Что? – сведя брови, Чарли начала бегать по моему лицу глазами в поисках ответов.

– Прекратить общение.

– Прекратить общаться? Хочешь сделать перерыв?

– Нет.

– Я не понимаю, Том.

– Нам нужно прекратить общение и встречи.

Смотря в глаза девушки, я видел, как в них медленно раскалывается её сердце, и таким ублюдком мне ещё никогда не доводилось себя ощущать. Хотя, было хуже, когда я просто ушёл от Алекс без слов и объяснений, посчитав это правильным.

– Но почему? – дрожь в голосе лишь подтверждала мои догадки, и из-за этого становилось только хуже.

– Потому что я не могу дать тебе того, что ты хочешь.

– Я ничего не прошу.

– Посмотри правде в глаза. Ты ищешь встречи со мной, для чего это делается? Для того чтобы быть рядом.

– Но...

– Мы не будем парой, Чарли.

– Я ничего не понимаю, – всхлипнула она, когда по щекам девушки покатались слёзы.

В эту же секунду силы начали испаряться. Отвратительно быть причиной чьих-то слёз и разбитых надежд. Прочистив

горло, я тяжело выдохнул и напомнил себе слова Джареда. Я не хочу получить приглашение на свадьбу Алекс, потому что мне должна быть отдана совершенно иная роль в этом событии. Пока я тут идиотничаю, как говорит Джаред, мою девушку может обнимать кто-то другой. Но я не могу прийти к ней таким, не она должна собирать меня и наставлять на путь истинный, хотя у неё получается это и на расстоянии.

– У меня есть человек, которого я люблю.

– Почему ты тогда не с ней?

– Потому что я совершил глупость.

Впившись в меня глазами, из-за которых струились слёзы, Чарли открыла рот, но её нижняя губа задрожала, и она тут же его закрыла. С трудом я пытался оставаться беспрекословным, дать слабину – значит, из желтого цвета перейти в зелёный, а я желаю уйти в красный раз и навсегда.

– Я должен уйти, – выдохнул я, поднимаясь из-за стола, – прости.

Сунув в руки в карманы, я вышагивал к двери, но позади раздался грохот, заставивший обернуться.

– Вот так просто? – закричала Чарли, тут же получая внимание каждого человека в кафе, – ты бросаешь меня?

Стул валялся на полу, а сама она казалась той, которая только что совершила побег из психушки.

– Мы даже не были вместе, Чарли.

– Это для тебя ничего не значило? – продолжает вопить она.

– Не делай из этого трагедию, между нами ничего не было.

Ты всё выдумала.

– Я выдумала? – теперь эта девушка грузными шагами направляется ко мне и, ткнув пальцем в мою грудь, кричит так, что звенит в ушах, – выдумала? Ты чёртов придурок! Это ты дал мне повод так думать, а сейчас разрушаешь меня!

– Ты права, но я ошибся. Больше никаких лживых надежд. Ничего нет, и не будет.

Острая боль моментально пронзает щёку, по которой добродушно зарядила Чарли. В зелёных глазах бегают искры безумия, и эти демоны готовы сожрать меня, не оставив и косточки.

– Я ненавижу тебя. Ненавижу так сильно! Это только твоя вина!.. Убирайся!..

Вздыхнув, я подхожу к двери именно в тот момент, когда в нескольких дюймах от головы прилетает стакан, разлетающийся на сотни осколков. Это напоминает мою жизнь, которая разрушилась в один момент, разлетелась на осколки, которые я сейчас пытаюсь собрать воедино. Мужчина, стакан которого сейчас покоится на полу, с шоком смотрит на Чарли, она же, ничего не замечая, сверлит взглядом меня: размазанная тушь, красные глаза, мокрое от слёз лицо, спутавшиеся рыжие локоны. Я не вижу в ней ту, что встретил.

– Я ошибся в тебе дважды.

– Как ты смеешь мне говорить это?

– Ты казалась мне понимающей, как теперь известно –

нет. Прости.

– Катись к чёрту и засунь в задницу свои извинения! Я ненавижу тебя!..

Оставляя за спиной разъярённую девушку и десятки людей, которые наблюдали за происходящим, я покидаю кафе. Плюс один человек, который ненавидит меня, хотя в Алекс я не так уверен. Если судить по последней встрече – ей просто плевать на меня. Я хочу знать, как ей удалось забыть меня так легко, что нужно для того, чтобы так просто выкинуть кого-то из своей жизни. Набрал номер брата, я медленно вышагиваю туда, куда смотрят глаза. Как только гудки перестают раздаваться, смотрю на экран, где начался отсчёт времени разговора.

– Я хочу поговорить с ней.

– С кем?

– С Алекс. Где она живёт?

– Я не скажу тебе её адрес.

– Какого хрена, Картер? – рычу я.

– Забыл, что говорил?

– Я всё помню!

– Значит, сейчас у тебя временная потеря памяти, – усмеяется он, – когда подружишься с собственной головой, тогда и поедешь к ней.

– Ты шутишь? – цежу я, – ты, мать твою, шутишь!

– Нет, у тебя катушку двинуло. Приезжай и поговорим.

– Я не собираюсь к тебе приезжать, – фыркаю я.

– Ладно, где ты?

– Тебе какое дело?

– Я сам приеду, – спокойно говорит Джаред, на заднем фоне слышится, как он что-то делает, а после убирает телефон в сторону и сообщает Лизи, – малышка, я скоро приеду... нет, дела образовались... пока идите без меня.

Одновременно я благодарен ему за то, что он не стал говорить Лизи своё направление, а с другой стороны бешусь из-за того, что он оставляет их и собирается приехать ко мне или за мной, я не знаю, как обозначишь его действия. В такое время они обычно выходят на прогулку, я практически знаю их распорядок дня, хотя, они любят внепланово рвануть куда-нибудь.

– Ты меня слышишь или успел оглохнуть? – голос брата раздражённый.

Оглядевшись вокруг, я осмысляю, куда успел дойти.

– Мэдисон авеню.

– Ты прикалываешься? И где я должен тебя искать?

– На пересечении с тридцатой.

– Иди к Бельвью.

– К госпиталю?

– Да, жди меня там. Проветришь мозги морским воздухом.

Джаред скидывает вызов, а я заворачиваю на первом попавшемся перекрёстке.

Никогда бы не подумал, что он может поступить так. Ли-

зи всегда для него была приоритетом во всём, и, если будет выбор между ней и кем-то или чем-то ещё, он всегда выберет её, можно даже не спрашивать. Мой брат повяз с головой ещё с двадцати лет. Если сопоставлять мои отношения с Алекс и отношения Джареда и Лизи, то это две разных крайности. Конфликтов между нами практически не было, мы всегда понимали друг друга лишь при помощи взгляда, в то время как у Джареда и Лизи всё напоминает кардиограмму. Они могут повздорить, покричать на эмоциях, но возможно, что так даже лучше, ведь таким способом избавляются от эмоций, которые не копятя внутри, мы же их накопили и они помогли самоуничтожению. С трудом я начинаю признавать, что где-то Джаред мудрее и на настойчивее меня. Хотя, бьюсь об заклад, я лишился интеллекта, который перешёл к ему. Их отношения со своими изъянами, но так они и создают свою идиллию, да и вряд ли их может что-то отрезать друг от друга. Я должен был взять пример с брата, а не совершать ошибку. Итог вынесенного урока: я не могу без неё, моя жизнь теряет краски без Алекс.

– Садись, – говорит Джаред, смотря на меня через опущенное стекло, в то время как я уставился вдаль.

Молча обойдя машину, я занимаю пассажирское кресло и выгибаю бровь, смотря на брата.

– А где твоя снежника?

– Взят, что ближе стояло. На ней в основном ездит Лизи.

Это ещё больше удивляет меня. Джаред всегда сдувал пы-

линки со своей белоснежной BMW, он даже перегнал её из Бостона, сейчас же я всё чаще вижу его за рублем X7. Выезжая на дорогу, он усмехается:

– Это всего лишь железяка, Том, не смотри на меня так. И Лизи категорически отказывается садить за руль этой, приходится ездить мне.

– Раньше ты говорил другое.

– Теперь хочу спорт, – довольно улыбается он, – охрененный.

– Ренж? Он ломается часто.

– Плевать, это не проблема.

Закатив глаза, я откидываюсь на спинку кресла и наблюдаю, как Джаред сворачивает на парковку к набережной.

– Будем гулять под ручку, как подружки? – язвлю я.

– Если надо будет, то будем, – кивает Джаред, вылезая из машины и тут же получая улыбки близ проходящих девушек в свою сторону.

Больше всего мне нравится смотреть, как он не замечает этого, либо делает вид. По крайней мере, я на девяносто девять процентов уверен, что ему просто плевать, а один процент льстит самолюбию. Даю не одну сотню, что в голове у него картинка обнаженной Лизи. Что-то типа обезьяны, которая хлопчет в тарелки, только жена и голая. Но это ещё не всё, больше всего меня веселит то, как он старается показать кольцо на пальце. Он не прячет руку и не убирает кольцо, он готов каждому подвести кулак к лицу и показать золотой

круг на безымянном пальце. Останавливает ли это кого-то? Не особо, они продолжают ему улыбаться, в то время как карие глаза брата не замечают ничего вокруг, а внимательно рассматривают моё лицо.

– Не смотри на меня так.

– Как? Как на идиота? – усмехается Джаред.

Закатив глаза, я подхожу к бортикам, которые разделяют обрыв и зону отдыха.

Опираясь на них ладонями, я смотрю вдаль. Мимо пролетают катера для отдыха с визжащими людьми и те, что перевозят жителей с одной стороны города на другую, работая, как общественный транспорт. Каждый из них оставляет волны и заставляет биться их о камни, создавая умиротворяющий звук морского прибоя. Если бы не шум машин, которые пролетают мимо, тут можно было бы найти свою тишину, хотя, смотря на некоторых людей, которые занимаются йогой или читают, я понимаю, что можно найти всё.

– Лизи всегда приходила сюда, когда у неё портилось настроение. Ну, в основном, я был тому виной, но тут ей становилось легче.

– Она гуляла тут с Дином.

– С ним тоже. Он её друг, – без капли раздражения кивает Джаред.

– Что изменилось?

– В плане? – он меняет позу и становится поясницей к бортикам, сложив руки под грудью.

– С каких пор ты так спокойно об этом говоришь?

– Он же гей, да и сам знаешь.

– Знаю, – соглашаюсь я, вспоминая то, что Дин стал именно тем, кто был на связи с Джаредом, когда она сменила работу. Изначально это был Крис, но после Дин сменил его и постоянно держал Джареда в курсе всех событий.

– Он хороший парень.

– Ты не мой брат, – смеюсь я.

– Да, я бы тоже двинул себе, если бы сказал это несколько лет назад. Он и мой друг, хрен с ним, хоть и гей.

– Что ты имеешь против гомосексуализма?

– Ты сейчас как Лизи. Ничего не имею против, если не трогают мою задницу.

Выдохнув, решаюсь на вопрос, который уже давно мучает меня.

– Ты должен сказать мне.

– О чём?

– Причину разлада с отцом, что произошло?

Настроение Джареда тут же делает поворот, теперь его брови съехались на переносице, лицо сморщилось, а губы, как и челюсть, сжались. Он напрягся, и я уже сомневаюсь в правильности того, что решился спросить.

– Успокойся, – говорю я. – Я – твоя семья, ничего не изменится. Ты всегда был с ним на одной волне.

– Был, – кивает Джаред, дав подтверждение сквозь сжатые зубы.

– Что бы он не сделал, ты продолжаешь держать на него обиду и злиться, пора прекратить.

Он молчит, смотря куда-то вперёд. Уверен, сейчас перед ним пусто, мимо не проходят люди, девушки не улыбаются ему, словно вовсе никого нет. Зрачки карих глаз расширились и напоминают бездну, а кулаки сжались.

– Он гулял.

– Гулял?

– Налево гулял, не будь идиотом.

– С чего ты взял?

– С чего надо, не просто придумал.

– Чёрт, ты видел его?

– Видел, – кивает он.

– Это было в прошлом, оставь это там. Рейчел простила его. Ты тоже должен.

– Не могу.

– Ты трахался с Элис и шёл к Лизи.

– Нет, – рыкнул Джаред, наградив меня быстрым смиренным взглядом.

– Ты забыл, где тебя носило всю ночь? Ты был в баре с Элис, когда уже был с Лизи.

– Я не спал с ней! Чёрт, я не помню... я проснулся в джинсах, а она голая. Ты не знаешь, что было! – хрипит Джаред, продолжая смотреть перед собой. – Даже если так, я сделал это ради неё.

– Не оправдывайся. Напомнить, что сделала Лизи?

Ядовитый взгляд брата обращается ко мне, но я и не думаю отступить, Джаред и так начинает сомневаться в нашем родстве. Сделаю шаг назад, и этот придурок точно сделает тест ДНК.

– Она простила тебя.

– Ничего не было. Я почти уверен, я бы не пошёл на это. Я не спал с ней ещё после того, как она заблевала весь диван на какой-то вечеринке. Я ещё не был знаком с Лиз, когда перестал контактировать с Элис.

– Каждый может совершить ошибку.

– Я никогда не сделаю такой ошибки, я никогда не пойду налево от Лизи. Всё что я хочу – могу получить от неё.

– Если она на это не согласна? Если то, что ты хочешь, не хочет она?

– Мы говорим об этом. И я не собираюсь трепаться на тему своей сексуальной жизни с женой с кем-то ещё, кроме неё самой.

– Хорошо, – смеюсь я, – возможно, это первое подтверждение, что мы братья.

– Будешь идиотничать, и я вырву клоч твоих волос ночью.

Усмехаясь, я закатываю глаза, но настроение даёт новый сбой.

– Я разговаривал с Чарли.

– О чём?

– Ну, если говорить коротко, то кафе лишилось стакана, им нужно реставрировать одну стену и собрать осколки по

углам.

– Не знал, что ты такой псих, – посмеивается он.

– Тогда было не смешно. Я больше не хочу повторять подобное дерьмо.

– Ты сам им обложился. Выложил кружком, как защитный круг, только из дерьма.

– Я облажался. Знаю. Я хочу всё исправить. Она нужна мне.

Джаред внимательно наблюдает за мной, пока я опустил голову и закрыл глаза. Я действительно в дерьме. Так отвратительно мне ещё не доводилось себя чувствовать.

– Хреново даже не то, что я ушёл, а то, что я её вижу.

– Где?

– У вас. Она пришла раз, придёт дважды и трижды. Они не исключают себя из жизни друг друга только из-за того, что мы разошлись. То же самое у нас: ты не перестанешь быть моим братом.

– Вы не разошлись. Ты сам ушёл.

– Спасибо, что напомнил.

– Не за что, – смеётся Джаред, хлопнув меня по спине.

– Ничего не было. Я не шучу. Раз или два поцеловал, даже скорей по-другому: она сама это сделала. Я просто хотел забыться... не знаю... я не знаю, как это объяснить. Просто для того, чтобы что-то понять.

– И что понял?

– Ошибку.

– Дважды?

– Дважды.

– Идиот, Том.

– Я знаю, – выдыхаю я, разочаровываясь в самом себе, но это не так страшно, как то, что разочаровалась Алекс.

На несколько минут мы погружаемся в тишину, и я вновь не верю тому, что сейчас разговариваю с братом, как с другом, а не как с придурком, у которого единственный мозг и тот штанах. Я в принципе не разговаривал так ни с кем, может быть за исключением Дилана, но мы ограничивались поверхностью. Сейчас же я ощущаю, как успешно Джаред внедряется в моё сознание. Я позволяю это делать, потому что сам не могу разобраться. Мне нужна помощь, а именно он был в моей шкуре.

– Ты не поедешь к ней, забудь об этом.

– Я в любом случае должен поговорить с ней.

– Ты сам сказал, что ничего не сможешь ей дать в таком состоянии. Найди самого себя и тогда иди к ней.

– Сколько на это потребуется времени? В то время как я расставляю по местам собственную жизнь, она уже может быть не одна.

– Хотя бы разберись с командой.

– Уже разобрался. Я в ней.

– Скоро игра?

– Через пару недель. Тренер сказал, что это мой единственный шанс показать себя в деле.

– Он поставил тебя в основной состав?

– Да. Либо приношу очки, либо нахрен. Говорит, мастерство не растеряешь.

– Согласен.

– Она нужна мне.

– Я уже понял, повторять не надо.

– Нет. Она нужна мне там. На игре. Приведите её любой ценой. Она обещала.

– Что обещала?

– Обещала быть на каждой игре. Это первая важная, она должна там быть.

– Она устроилась на официальную работу, если будет выходной.

– На работу? Куда?

– В издательство, потом скину.

– Плевать, закинешь её на плечо, как делал это с Лизи и принесёшь. Любой ценой, Картер.

– Успокойся, – посмеивается Джаред, – постараюсь.

– Не пойдёт. Дай слово, а лучше обещание.

– Обещание? – продолжает смеяться он.

– Да, и именно то, что даёшь Лизи, это как оберег на выполнение. Всё, что связано с ней – для тебя святое, значит, обещание будет святым.

– Хрен с тобой, – выдыхает он.

– Говори, Картер.

– Твою мать, обещаю, – гогочет он, – как будто в прошлое

вернулся.

– Теперь принимаю. Не делай вид, что она не просит его сейчас.

– Она редко их просит.

– Потому что делает это только в случае важности.

Между нами снова повисает молчание и ни я, ни Джаред не торопимся завести разговор. Мы оба смотрим вдаль. Город медленно начинает погружаться в вечер, а небо приобретает лиловый оттенок, и я вспоминаю, что он вырвался от семьи, приехав ко мне ради разговора. Для меня это много значит, но собственная семья всегда должна быть важнее, а у Джареда она уже есть.

– Спасибо, – выдыхаю я, выпрямляя спину.

– За что?

– За то, что приехал. Вышло дерьмово, и я должен извиниться перед Лизи.

Джаред кивает и вытаскает из кармана джинс мобильник, который тут же прислоняет к уху.

– Вы где? – на губах брата играет улыбка, пока он слушает жену, а глаза начинают блестеть, и я счастлив за него, – хорошо, скоро будем. Люблю тебя.

Ещё секунду он держит телефон у уха, после чего убирает его назад в штаны и смотрит на меня.

– Что?

– Люблю тебя? – смеюсь я.

– Да, я люблю свою жену и всегда ей об этом говорю, по-

пробуй сказать мне что-то и у тебя совершенно случайно сломается черепная коробка.

– Когда ты успел стать таким милым?

– Ты сам знаешь, – кивает он, – поехали, извинишься лично, ужин почти готов.

– Я лучше домой.

– Что за нахрен? Ты теперь будешь обходить наш дом стороной?

– Я не обхожу ваш дом стороной.

– Пошли, – машет рукой Джаред, выбиваясь вперёд.

Что ж, разговаривая по телефону, он выглядит так, словно четыре года влюблённый придурок, хотя, на самом деле так и есть, а сейчас он бежит вперёд, будто на пожар, но и тут я его понимаю. Думаю, что и сам не против бежать в такой дом. Кто вообще откажется от такого? Разве только полный кретин.

Иногда я пугаюсь из-за того, как быстро летит время. Те времена, когда я только поступил в университет – давно за спиной. Мы взрослые, конечно, не такие, чтобы песок сыпался из задницы, но подростковая и студенческая жизнь за плечами. Порой, я так хочу вернуться в то беззаботное время. И выбирая между школой и университетом, я бы однозначно выбрал университет, хотя и школьные годы манят. Тогда я и не подозревал, что в мою жизнь легко внедрится вихрь с именем Алекс. Этот ураган снёс мою голову на последующие восемь лет. И я согласен на все остальные года,

которые предоставит судьба. Я должен найти себя ради неё. Другого выхода нет. Как говорил Джаред: «Она всегда принадлежала мне, и будет принадлежать только мне». В моём случае, эти слова можно посвятить Алекс.

Войдя на порог, в мои ноги тут же въехало тело Мэйса, который мгновенно отскочил и резво побежал дальше, огибая диван в направлении выхода на задний двор, следом за ним с писком бежала Мэди. Тишину, повисшую в гостиной, нарушали только их визги, раздающиеся с площадки. Завернув голову, я обнаружил Лизи, которая расставляла четыре тарелки по столу.

– Привет, – улыбнулся я, – ты ещё жива и не оглохла?

– Ненадолго, – захихикала она.

Пройдя на кухню, Джаред поцеловал Лизи, и направился к заднему двору, следом за ним пошёл я. Парочка младших Картеров заняла качели, а Джаред приступил к своей работе – помогать им рассекать воздух и смеяться, болтая ногами в самой верхней точке.

Застыв в проёме, я наблюдал за происходящим улыбкой. За прошедшее время, у него действительно прибавилось серой жидкости. Хотя можно поспорить, что Джаред просто прятал наличие интеллекта за придурковатостью, потому что на таких клюют девочки, но думаю, даже если бы он был ботаном, всё равно получал свою долю внимания.

С улыбкой, Джаред подталкивал качели Мэди и Мэйса, изображая какое-то чудовище, которое их ловит, из-за чего

парочка младших Картеров визжала и буквально билась в истерическом смехе, отбиваясь от его рук. Всё это время, я просто стоял и наблюдал за ними. Верните меня на десять лет назад, я недоверчиво и озорно посмеюсь над ситуацией, которую вижу сейчас, после чего скажу, что такое невозможно. Как оказалось, возможно всё.

– Как дела? – раздался рядом голос Лизи, которая вытирала ладони полотенцем.

– Более-менее.

– Это прогресс или регресс?

– Не знаю, думаю, что всё также неплохо. Хотя, ты сама всё видишь.

– Вполне возможно, – кивнула она и коротко улыбнулась, но грустно.

– Как она? – тихо спросил я, хотя нас и так никто не мог услышать.

– Более-менее.

– Не говори ей, что я спрашивал, – выдохнул я, смотря на Лизи, – я люблю её. Мне нужно время, чтобы разобраться в себе.

– Хорошо.

– Они всегда такие?

– В основном. Обычно они переворачивают дом вверх дном.

Смеясь, я выгнул бровь, смотря на жену своего брата и одновременно хорошую подругу.

– Убирают тоже сами, – кивнула Лизи, отвечая на мой немой вопрос.

Переведя взгляд на семью, её лицо озарила лучезарная улыбка. Видеть их такими счастливыми – бальзам для меня.

– Ужин!

Три пары блестящих глаз устремились в нашу сторону, после чего, Мэйс и Мэди покинули качели, через секунду, они залезали на стулья, а Джаред поравнялся с нами. Прижав к себе Лизи, он поцеловал её макушку и улыбнулся.

– Люблю, когда ты дома.

– Рабский труд? – засмеялась Лизи.

– Вкусный ужин, – кивнул он.

Заняв место за столом, я втянул приятные ароматы. Эти три месяца я не особо задумываюсь об ужине, обеде и завтраке, да и о питании в целом. Скорее, нормально я ем только тогда, когда прихожу к ним. Уже несколько лет я не могу адаптироваться и понять, что это моя реальность. Я в доме Джареда, который в двадцать один женился, а в двадцать три дважды стал отцом. И этот засранец чертовски счастлив.

С каждым новым шагом, я втягивал приятный аромат, который сочился из квартиры по всему коридору. Ноги скорее перебирали друг друга в направлении нашего дома. Теперь мы живём только вдвоём. Я и она. Никакой соседней комнаты с Джаредом, мне не нужно приезжать к ним, чтобы быть с Алекс. Только я и она.

– Привет, – улыбаюсь я, скинув вещи у двери.

Короткие шортики на Алекс моментально дают свои плоды, а благодаря тому, что в этот момент она тянулась к верхней полке – я вовсе хочу, как Брюс Всемогущий скинуть с себя одежду лишь откинув руки назад. Глаза следуют по стройным ножкам вверх, огибая задние формы, спрятавшиеся под шортами персикового цвета, после которых её тело вновь открыто, остается лишь спортивный лифчик, поддерживающий грудь. Подойдя ближе, я достаю нужную баночку и ставлю её на столешницу. Следом, в моих руках оказывается Алекс, которую я одним движением усаживаю рядом с ней, в ответ она обвивает мою талию ногами и зарывается пальцами в волосах. Не став медлить, я подтягиваю её ближе и прокладываю дорожку поцелуев по шее. Это не иначе, как мой дурман. Алекс выдыхает и откидывает голову назад, я же крепче сжимаю её талию. Ладонь следует выше и добирается до груди, которую я сжимаю и следом оголяю, прокладывая дорожку к ней. И как только кусаю её кожу, Алекс издаёт стон, а я улыбаюсь, стягивая с неё шорты. К ним присоединяются мои джинсы и футболка.

– У меня лекция в три, – невнятно лопочет она.

– А у меня голая сексуальная девушка на столешнице, я сам читаю ей лекцию. Эта лекция ей понравится больше.

– Я тоже так думаю, – выдыхает Алекс, когда я встречаюсь с ней губами и получаю второй стон, находясь в ней.

– Бери или отдай мне, – отбирая у меня тарелку, Джаред, сведя брови, смотрит в мои глаза и мне становится слишком

неловко.

– Я что, залип с тарелкой?

– Да, слюни подбери и не надейся, что позову ещё раз.

Знал бы он, из-за чего я должен подобрать слюни – выбил бы мои мозги. Встряхнув головой, я пытаюсь выбросить воспоминания, которые преследуют на протяжении каждого дня, который проживаю. С годами создавая своё счастье, я разрушил его за миг. Мне нужно её прощение. Я готов на многое, чтобы его получить.

Глава 7

Алекс

Привыкнуть к тому, что теперь каждое утро будильник оповещает меня о том, что пора делать подъем – новинка. Последний раз я жила таким ритмом только в университете, хотя периодически приходилось подниматься по звонку, сейчас мои будние дни сделали сальто и поменяли свои планы. Я далеко не консервативный человек, новинки всегда приходились мне по вкусу, наверно, определённый режим на работе тоже должен стать таковым. Эйфория от чего-то нового, заряжает энергией и воодушевляет, хотя я пока даже не представляю, с чего должна начать и каким образом продолжать. Кроме того, я даже не знала, какого дресс-кода должна придерживаться, поэтому выбрала что-то между. В любом случае, к каждому образу нужно лишь добавить красную помаду, которая выделит среди окружающих. Это я и сделала. Чёрный топ с V-образным вырезом отлично сочетался с таким же цветом брюк, вслед которым на ноги легли чёрные туфли. Женщина вамп – это сегодня я. Ещё раз сделав круг вокруг собственной оси напротив зеркала, я закинула сумку на плечо и уже вышла из квартиры, когда вновь вернулась назад. Мне нужна хотя бы моральная поддержка, потому что я одна. Коммуникабельность – это про меня, но чувство то-

го, что кто-то держит твою ладонь в знак поддержки намного больше. Схватив рамку с фотографией, где я, Лизи и Бекка в центральном парке корчим рожицы, я сунула её в сумку и выбежала из квартиры.

Чистым везением было то, что я живу в пятнадцати минутах ходьбы от офиса, на такси это время можно увеличить вдвое, если не втрое, особенно утром, когда город просыпается и торопит каждого её жителя. Солнечные лучи сочлились между высоток, освещая путь и согревая тело благодаря чёрному цвету, которое оно так любит. Я погрузилась и вошла в колею тех спешащих с самого утра людей, которые забегают в Старбакс для того, чтобы прихватить с собой стаканчик ароматного кофе. Это как ритуал каждого жителя, есть ещё один: пробежка с утра, но пока я должна понять специфику новой работы, чтобы позволить бодриться подобным занятием. Наверно, Нью-Йорк сложно представить без двух вещей: кофе и тех, кто занимается пробежкой, это стиль жизни и мода города, кроме того, полезно для здоровья.

Как только я вошла в стены лифта, они моментально наполнились ароматом из стаканчика. Странное тихое утро в понедельник, словно я перепутала дни и пришла в воскресенье.

– Придержите, пожалуйста! – выкрикнул мужской голос, из-за чего я на автомате вскинула руку, которую тут же защемили двери. Резкая боль пронзила кисть и заставила зажмуриться, но было ещё одно: стаканчик того самого вели-

колепного напитка покоился не во мне, а на мне, точнее, на одежде.

– Чёрт! – хмыкнула я, стряхивая напиток с одежды, хотя было бы проще просто снять её и выжать.

Из-за произошедшего, двери лифта открылись, впустили соседа и вновь закрылись, но он так и не взметнулся вверх. Подняв глаза, я встретилась с серыми, прожигающими и рассматривающими меня. Под пристальным вниманием к себе, я перекатилась с пятки на пятку и выпрямилась, боль в руке и вовсе испарилась, либо же я просто перестала её чувствовать. На вид лет так двадцать пять. Белый джемпер закатан до локтя; чёрные джинсы и белоснежные кроссовки, которые удивляют меня не меньше, чем джинсы; русая копна волос напоминает оттенок Тома так же, как и серые глаза, разве только в них нет ноток голубого; длинные пальцы держат в руках телефон, а одна нога стоит на носке, перекрестив впереди первую. Запустив пятерню в локоны, парень убирает их назад и пухлые губы поднимаются в улыбке.

– Джинсы? – первое, что выдыхаю я, – кроссовки? А так можно?

– Можно, – смеётся он. Этот голос дружелюбный, приятный и отдаёт мужественностью, из-за чего я вновь перекатываюсь с пятки на пятку.

В ответ я свожу брови и перестаю пялиться на парня, вновь начиная копошиться с топом и брюками, которые прилипли так, словно стали вторым слоем кожи.

– Тебе, кажется, нужна новая одежда, – улыбается он, на что вскидываю голову и стреляю в него ироничным взглядом.

– Отличная дедукция, – киваю я, – я уже жалею, что придержала лифт.

Незнакомец смеётся и нажимает на кнопку моего проклятого этажа. Хочется спросить «за что?», что я, собственно, и делаю, но у себя в голове.

– Готов загладить вину, – весело проговаривает он, из-за чего я вновь стреляю в него смиренным взглядом.

– Во-первых, это не смешно, во-вторых, я не думаю, что у тебя в ящичке завелись женские брюки и топ.

– Ты всегда такая злоюка или это только по понедельникам?

– Думаю, если это повторится ещё раз, то может войти в привычку.

Как только двери лифта открываются, напротив я застаю своего начальника во всей красе идеально отшитого костюма цветом мокрого асфальта. Разглядывая стопку документов в руках, он поднимает янтарные глаза и удивлённо вскидывает брови.

– Мисс Блинд, мистер Мактаггарт, – кивает Фрэнк, который с сегодняшнего дня стал для меня мистером Ли.

– Доброе утро, – весело выдаёт мой путник и покидает лифт.

– Видно, оно не у каждого доброе, – подняв уголки губ,

мистер Ли, рассматривает мою одежды.

Хочется сказать что-то в ответ, но я держу язык за зубами, потому что Фрэнк чётко разделяет рабочие отношения и личные. Да, за небольшой промежуток времени, он успел стать мне кем-то вроде друга. Я не люблю называть таковым каждого, но именно он приходил на помощь и был рядом в ту субботу, когда я решила провести время с друзьями, а не придумывать отговорки.

– Так ты идёшь? – с улыбкой и блеском в серых глазах, обращается ко мне парень.

– Благодаря тебе, я вылила стаканчик горячего кофе на одежду. Ещё ошпарилась и ушибла запястье, но, несмотря на это, была дружелюбной, а спасибо так и не услышала.

– Спасибо, – смеётся он, – отблагодарю тебя новым стаканчиком и одеждой сегодня, а если быть точным – прямо сейчас.

– Мисс Блинд, я зайду к Вам в ближайшее время, – уведомляет меня мистер Ли, когда я делаю шаг из лифта, в котором продолжала стоять.

– Хорошо, – киваю я, получив короткую улыбку, которая сказала о многом, после обращаю взгляд к парню.

Двери лифта закрываются, оставляя нас одних в тишине офисных стен. Это действительно странно, что мимо в спешке не пробегают сотрудники и не галдят на весь коридор. Около восьми утра, тут пусто, словно сегодня первый выходной, а мы те, кто не завершил работу и пришёл, чтобы её до-

делать.

- Мартин, – представляется парень, протянув мне руку.
- Алекс, – говорю я, вкладывая свою ладонь в его.
- Милый топ, залитый кофе, Алекс.
- Клёвые кроссовки, подстать известному издательству,

Мартин.

- А ты не любишь оставаться в долгу, – смеётся он.
- Тут ты прав.
- Я должен исправить свою ошибку и загладить вину.

Идём.

Он не отпускает мою ладонь, продолжая держать её в своей, из-за чего становится неловко. Я вновь возвращаюсь в прошлое и те времена, когда мою руку мог взять только Том. Только с его пальцами я переплетала свои и получала наслаждение, приливы счастья и гордости. Всё в прошлом, но моя память не считает это поводом для того, чтобы забыть. Наоборот, при каждом удобном случае, она проводит параллели с настоящим.

Открыв дверь через несколько других, Мартин с азартом усаживает меня на кресло, и пока я гуляю взглядом по кабинету, он успевает нажать на кофемашине кнопку запуска, начав перебирать груду одежды, висевшую на напольной вешалке. Положив ладонь на серебристые подлокотники, я посмотрела на идеально прибранный стол, где каждая папка стояла к папке, а карандаш к карандашу, словно это рабочее место самого настоящего педанта. На моём жизненном пути

есть один перфекционист с именем Лизи, но у неё всегда одно из двух: порядок или хаос, другого не дано. Думаю, если сейчас заглянуть в ящик, то там всё лежит ровно по размеру, что даже забавно, ведь Мартин не похож на человека, страдающего подобной чертой идеальности. Хотя, я о чём я говорю? В офисе никого нет, кроме нас, либо кто-то ещё может тонуть в бумагах ещё с пятницы. Время перевалилось за восемь, а я так и не вижу спешки за стеклянными дверями, которые должны открывать сыр-бор в это время.

– Где все?

– В плане? – не оборачиваясь, спрашивает Мартин.

– Когда я была тут в последний раз, тот каждый носился как курица без головы.

– Скорей всего ты попала под конец недели, – посмеивается он, – ближе к выпуску всегда так. У нас нет нормативного режима, Алекс.

– Что? – в недоумении переспрашиваю я.

– Он есть только у новичков. Все остальные работают по своему времени. У мистера Ли интересная политика. Его не волнует, сколько ты сидишь на рабочем месте и вообще бываешь ли в офисе, для него важно то, что ты сдаёшь. Мы все люди творчества, и нам требуется подкрепляться вдохновением.

– Зачем тогда ты тут?

– Потому что я – швейцар, мне нужна точность, и я могу делать всё тут. Для меня так даже удобнее.

– И мистер Ли не думает, что его сотрудники сейчас могут нажиться в постели?

– Понимает, он ведь не глуп, но это его интересует в последнюю очередь. Главное – работа, которая ложится к нему на стол вовремя.

Протянув мне брюки, похожие на мои собственные и топ, Мартин рассматривает мою одежду и улыбается, словно подобрал почти точную копию. Только то, что на мне – я шила сама, а то, что протягивает он – пахнет брендом. И я оказываюсь права, когда вижу язычки с названиями.

– Ваш кофе, – улыбается он, поставив кружку на стол, – мы в расчёте.

– Что у тебя в кабинете делает эта одежда?

– Висит.

– Я уже говорила, насколько точны и гениальны твои изречения?

– Ты что-то упоминала о дедукции, но я готов послушать ещё раз, – смеётся Мартин и усаживается за рабочий стол.

– Не в моих привилегиях повторять.

– Как жаль, надеюсь, услышу ещё раз.

Сделав первый глоток, я закрыла глаза и замычала. Я уже говорила, насколько невероятно выпить кружечку кофе с утра? Скажу ещё раз: это прекрасно. Особенно, если никуда не торопиться и не вылить этот чудесный напиток на себя. Но через секунду понимаю: я сижу напротив незнакомого парня и издаю чуть ли не стоны от удовольствия. Распах-

нув глаза, я встречаюсь с дымчатыми серыми, которые внимательно следят за мной.

– Из тебя чудесный бариста, но мне пора. Фр... – успевая остановить себя на полуслове, я хочу вылить новую порцию кофе на голову, дабы мозги выплыли на нужную позицию в черепе. Никто не должен знать о том, что мой начальник на самом деле человек, с которым я провожу хоть и малую, но часть дня. Кроме того, он знает намного больше, чем положено знать человеку, который принял тебя на работу.

Марин щурит глаза и продолжает сверлить меня взглядом, из-за чего я ёрзаю на стуле. Не понимаю, почему чувствую себя неуютно в его компании, но, когда встаю и подхожу к двери – всё становится предельно понятно. Я вижу в нём Тома. Они похожи, только Том не такой любитель точности и порядка, скорей, это внешняя схожесть. И я вновь меняю мнение, когда Мартин закусывает колпачок ручки. Так делал Том, когда над чем-то размышлял. Хочется биться головой о стену до тех пор, пока не вышибу собственную память, хотя сомневаюсь, что и это поможет выбить образ бывшего парня.

– Алекс! – останавливает меня Мартин, когда я делаю шаг за порог его кабинета.

Завернув лицо в его сторону, я ожидаю вопрос или то, что мне желают сказать.

– Как на счёт ужина в семь?

– Спасибо, я не ем после шести, – говорю я и закрываю дверь, слыша смех Мартина.

Долго у двери постоять не удаётся, ведь они стеклянные, разве только матовая поверхность не может показать моё лицо Мартину, а поверьте, его лучше не видеть. Я чувствую, как язык закатился куда-то в гортань, как отхлынула кровь от головы, и как вытянулось лицо. Я ожидала всего, что угодно, но не такого предложения. Мартин может быть и не плохой, но смотря на него – я думаю о Томе. Кому я лгу? Я смотрю на каждого и думаю о нём, дело даже не в их схожести. Скорей, суть в том, что я только что увидела: идеальность. Возможно, это не плохо, ведь он разложил свою жизнь по полочкам, как и карандаши по цвету и размеру, но я не такая и никогда такой не буду. Моя жизнь – это безумие, сейчас одно, а через минуту – другое, я быстро меняю планы. Моя квартира – хаос и непостоянство, я люблю в нём работать, потому что это и есть мой порядок. Такие люди никогда не смогут ужиться вместе, это вечные споры, придирки, упрёки и нотации.

Плюхнувшись на кресло в кабинете, который ещё месяц может быть моим, я повернула голову к окну, за которым слышались сигналы клаксонов и проезжающие шины. Одновременно и тишина, и шум, напоминающий мою жизнь последнее время. Снаружи озорство, внутри пустота. Улыбаясь самой себе, я зажгла новый огонёк в душе, как символ того, что я – новая. Другая Алекс. Свободная. Я не знаю, какого это. Не знаю, как быть одной, ведь я не помню себя без него. Одинокая слеза покатилась по щеке, но я быстро её смахнула и вновь улыбнулась. Я должна найти себя без него. Стать

улучшенной версией Алекс.

– Слезы радости? – раздался мужской голос, из-за которого я подскочила на кресле и ударилась коленом о стол, издав что-то вроде писка.

Взгляд сфокусировался на мистере Ли или Фрэнке, я даже не определилась с тем, как должна называть его хотя бы собственной в голове. Занимая кресло напротив, мужчина смотрит на меня тем же добродушным взглядом, который был в те дни, когда мы познакомились. Если говорить о знакомстве, то оно не удалось, потому что я его испортила. Но важно не начало, а продолжение.

– Наверно, – выдыхаю я, а он поднимает уголки губ.

– Второй раз в офисе и новое происшествие.

Не сразу понимая, о чём он говорит, я вспоминаю, что сейчас на меня залитая кофе одежда.

– Вероятно, понедельник не станет моим любимым днём.

Фрэнк посмеивается и ставит локоть на подлокотник, подперев кулаком подбородок и вытянув из пятерни указательный палец, который ложится на щёку. Несколько минут мы молчим: я вновь обращаю взгляд к окну, а Фрэнк продолжает смотреть на меня. Между нами словно проходит немой разговор, и я прекрасно понимаю, о чём он думает.

– Он, кажется, тоже разбит.

– Думаю, что ты преувеличиваешь, причём через-чур, – киваю я, продолжая наблюдать за проплывающими мимо пышными облаками.

– Думаю, я преуменьшаю.

– Я хорошо его знаю.

– А что, если ты знала не того человека?

Переключив внимание на Фрэнка, я смотрю в янтарные глаза, которые в ответ смотрят на меня.

– Возможно, ты прав. Том, которого я знала, никогда бы так не сделал.

– Ты ведь всё равно меня не будешь слушать? Так? – улыбается он.

– Может быть, – смеюсь я.

– Тогда хотя бы смени одежду, смотрю, Мартин поделился с тобой.

– Это его вина, так что да, он должен был всё исправить.

Фрэнк покинул кресло и подошёл к окну. Засунув руки в карманы, он молча смотрел в одну точку, пока я наблюдала за ним. Конечно, спина мужчины мало что может рассказать о чувствах или показать то, о чём он думает, но я почему-то чувствую его эмоциональное поле. Он не торопится что-то рассказывать о себе, да и нужно ли? Он – хороший человек, который может прийти на помощь в трудную минуту, и он пришёл.

– Иногда нужно отпустить, чтобы найти себя, Алекс. Поверь мне, я как никто другой это знаю. Мы совершаем ошибки, за которые приходится платить не деньгами. Мы платим за это разбитым сердцем. Ты любишь его?.. Хотя, зачем спрашиваю, ведь всё вижу сам. Если скажу, что он тоже тебя

любит, ты всё равно ни поверишь, будешь отрицать и начнёшь спорить, приводить свои аргументы, но твоя правда не обязывается быть истинной. На самом деле, всё может быть в точности наоборот. Я хочу попросить тебя только об одном: дай ему время.

– Сколько? Прошло три месяца. Сколько я должна ждать? Я могу ждать всю жизнь, но чего я буду ждать? Призрака? Да, он найдёт себя, но сделает это без меня... он уже это сделал.

– Если любишь, то будешь ждать хоть всю жизнь.

– Я люблю, но я не хочу быть одна. Я не хочу ждать человека, который не желает приходить.

– Просто дай ему время.

Покачивая головой, я подхватила новую одежду и встала на ноги.

– Понимаешь, это как ждать у моря погоды: ты надеешься, веришь, ждёшь сутками напролёт, а ничего не случается. Ты понимаешь, что ждать больше некого. Он не придёт. Он ушёл. И вдруг ты вспоминаешь, что у тебя есть ты. Ты понимаешь, что беречь нужно себя, ведь ты у себя одна. Ты заслуживаешь счастья, даже если его подарит другой человек.

– В тебе говорит обида, Алекс.

– Да, обида, – соглашаюсь я, позволяя слезам покатиться по щекам, – а разве это не естественно? Разве это не обидно, когда тебя оставляют молча, без объяснений и прощаний!? Но обида не самое главное. Я разочаровалась, понимаешь? Я знала другого человека, это был мой идеал, но он вдруг ис-

парился. Исчез. Передо мной предстал другой человек: тот, кто не способен посмотреть в глаза и сказать прощай.

– И ты сможешь спокойно смотреть на него?

– Я уже это делала на выходных.

– Ты избегала его взгляда.

– Может быть, но это не столь важно. Пройдёт время. Раны затянутся. Я смогу посмотреть на него не для того, чтобы узнать ответы на свои вопросы, я сделаю это для того, чтобы сказать спасибо за опыт.

Фрэнк поворачивается ко мне и выгибает бровь. Уголки его губ поднимаются.

– Говоришь как я когда-то.

– Я оказалась права?

– Отчасти, да, но не полностью. Ты простишь любимому человеку всё, даже его отсутствие.

– Ты всё ещё мой друг или всё-таки начальник? – улыбаюсь я, когда Фрэнк оглядывает собственную рубашку и расправляет брюки.

– Так ты всё-таки добавила меня в список друзей?

– Ты где-то между. Я пока не определилась.

Фрэнк смеётся и качает головой.

– В таком случае, мисс Блинд, что за вид на рабочем месте? Советую переодеться и приступить к рабочим обязанностям.

С этими словами, он шагает к дверям, но от меня не ускользает улыбка на губах, когда он покидаем кабинет. Его

принцип разделения рабочих и личных отношений явно рушится с каждым новым днём. Не удивлюсь, если скоро мы под ручку будем ходить на обед.

Последующее время я переодеваюсь и погружаюсь в работу. Благодаря одиночеству, возможность включить музыку для вдохновения – становится реальной, следом проходят поиски проекта, который станет моим первым. С каждым новым часом, работа начинает нравиться мне всё больше и больше. Не найдя ничего лучше, я останавливаюсь на интерьере в китайском стиле и духе, который интересовал меня ещё со школьных времён. Воспоминания вихрем проносятся в голове, и многие связаны именно с Томом: наш вечер, когда мы ужинали в китайском кафе. Я в точности помню этот день, потому что он стал практически первым свиданием с ним. Уходя от одной точки, я вновь возвращаюсь к ней. Таково моё проклятие.

Тройка счастливых лиц подглядывает на меня с фотографии, которую я прихватила с собой, и за это я салютую себе пять. Мысленно каждая из них со мной. Бекка прилетает раз в месяц, и только по одной причине – мы. Но я пропустила её прилёт по собственной глупости. Том больше не должен быть тем, кто станет между мной и друзьями. Они у нас общие. Пора поверить в слова, которые я когда-то сказала в доме Лизи и Джаред: люди расстаются каждый день, это не конец света.

Я направляю мысли в нужную сторону и по крупице, по

копеечке, начинает получаться то, что я должна делать еженедельно: статья. В дверь стучат, и только через минуту я отрываюсь, смотря на силуэт, ожидающий разрешения войти. Это тоже в новинку.

– Входите.

На пороге в ту же секунду появляется Мартин, из-за чего я застываю с карандашом в руке, который давно отвлекся от темы, рисуя платье, которое вскоре должно стать явью, а не зарисовкой.

– Обед? – с улыбкой, предлагает он, держа руки за спиной, – или ты не ешь после двух?

– Пока не нагуляла аппетит, и ты уже загладил вину.

– Хорошо, что я знал твой будущий ответ, – смеётся он, вынимая из-за спины пару ланч пакетов.

Занимая кресло напротив, пока я медленно выгибаю бровь, Мартин ставит один передо мной, и в нос ударяют ароматы того самого кофе, которое я планировала выпить утром.

– Я купил именно тот, что был у тебя.

– У тебя сверхобоняние?

– Да, особенно если это запах моего любимого вкуса.

– Ладно, ты загладил вину дважды, теперь я могу сказать о том, что утром ничего не было.

– Хорошо, только верни завтра одежду, – посмеивается он, разрывая бумажный пакетик.

– Забираю свои слова назад. Возьми мои вещи, потому

что всё произошло по твоей вине.

Мартин усмехается, посмотрев на меня из-подо лба. В эту секунду телефон начинает звонить, а я, не глядя на экран, принимаю вызов, удерживая взгляд на парне напротив, который раскрывает чёрную пластмассовую упаковку, издавая трескающиеся звуки, следом перед глазами появляются невероятной аппетитной красоты пончики с глазурию.

– Передумала? – смеётся он.

– Вполне возможно, – киваю я, вспоминая, что держу телефон возле уха.

– Надеюсь, об ужине после шести.

– Не хочу тебя расстраивать, – улыбаюсь я, и переключаюсь на звонок, – алло!?

– Спасибо, что принимаешь мой звонок, но разговариваешь с кем-то другим, – хихикает Лизи.

– Прости, – откликаюсь я, растягивая губы в счастливой улыбке, – как дела?

– Ничего не меняется. Как первый рабочий день?

– Если не учитывать утро, то всё чудесно.

В эту секунду Мартин забирает рамку с фотографией и начинает с интересом рассматривать её, искоса поглядывая на меня. Пухлые губы парня трогаются в улыбке, а после, он тихо начинает смеяться.

– Познакомишь с подругами? – шепчет он, на что я закатываю глаза.

– Ты ведь понимаешь, что мы можем обедать вместе? –

продолжает Лизи.

– Да, если наш обед будет составлять два часа или больше.

Ты забыла, где ты и где я?

– Всего лишь разные стороны Нью-Йорка, – хихикает она.

– Да, можешь позвать Джареда, он придет с третьей стороны.

– Он и так приезжает, – довольно провозглашает Лизи, из-за чего я вскидываю брови.

– Господи, что будет, если вас разлучить на сутки в одном городе?

– Ничего.

– Да, ничего, вы всего лишь пророете новую ветку метро для себя.

– Возможно, – хихикает подруга.

– Как Мэди и Мэйс?

– Отлично, драконят Джареда.

– Это моя месть, – улыбаюсь я.

– За что?

– Не буду говорить, я не одна, но мы обе знаем, – смеюсь я, – и не закатывай глаза. Я всё ещё мирюсь с вашими отношениями.

– Мне почти двадцать четыре. Мы в отношениях четыре года и у нас двое детей.

– Да, ещё ты замужем за Картером, я смирюсь с этим только в следующей жизни, но даже в этом сомневаюсь. Дай мне время привыкнуть.

Лизи хихикает, Мартин держит в руках рамку, но смотрит на меня, в ответ я смотрю на него. Кто первый моргнёт, тот и выиграл. В негласную игру – играю только я, но это меня совсем не останавливает. И он проигрывает, потому что отводит серые глаза к окну.

– Ладно, Джаред приехал, возможно, мы доедем до тебя.

– А где Мэди и Мэйс?

– Ками решила устроить Крису адский день.

– За что? – смеюсь я.

– За что-нибудь, когда дело доходит до Джареда или Криса – причины не нужны.

– Хорошо, приятного аппетита и не только.

– Спасибо, отомщу ему за тебя. Возможно, даже дважды.

– Боже, избавь меня от этой информации.

Со смехом, Лизи скидывает вызов, пока я тоже хохочу. Ужасно слышать такое, лицо морщится, представляя её и Джареда. Тфу. Пусть эти картинки выпадут из моей головы раз и навсегда.

– Забудь об этом, – говорю я, когда Мартин улыбается, готовый вновь повторить свою просьбу, – одна живёт в Калифорнии, вторая замужем.

– Ладно, – смеётся он, – я уже всё равно сделал выбор.

– Что?

– Ничего, – издевается он, на что я закатываю глаза и открываю свой подарочный ланч.

Кофе и пончики с радостью принимает мой желудок, но

первого было критически мало, я становлюсь зависимой от кофеина, но не могу противиться. По этой причине, я решаюсь повторить попытку дойти с целым стаканчиком до офиса.

– Извини, но мне мало, – сообщаю я, поднимаясь с кресла.

– Согласен, – выдыхает Мартин, принимая вертикальное положение следом за мной.

Соглашаясь на его компанию, мы покидаем стены здания, наслаждаясь уличным воздухом. С каждым новым днём, в городе теплеет, и этот факт расстраивает, потому что раньше я была свободна. Но, есть одно *но*. Мартин говорил, что у них нет определённого режима, и возможно, пройдя путь стажировки и адаптации, я решуь остаться.

Забежав в кофейню, мы берём парочку новых стаканчиков, но в отличие от меня, Мартин покупает маленький. И этот парень оплачивает оба, пока я достаю кошелёк.

– Не смотри на меня так, это дело чести.

– Хорошо, – смеюсь я, – загладил вину трижды.

Мартин смотрит на часы, в то время как я, не спеша, перебираю ногами к зданию.

– Обед почти завершён.

– Какая досада, – язвлю я, – ты всегда такой?

– Точность швейцара, Алекс, – улыбается он, постукивая указательным пальцем по циферблату на запястье.

Качая головой, я посмеиваюсь над такой глупостью быть всегда и везде предельно точным. Жизнь состоит из момен-

тов, и особенно тех, которые происходят неожиданно. По возвращению, я настраиваюсь на то, что впереди меня ждёт отбор фотографий, потому что не знаю, какие мне нужны и сколько. Но со мной следует тот, кто знает, поэтому я решаюсь обратиться к нему.

– Ты не можешь помочь мне?

– В плане? – серые глаза обращаются ко мне, когда мы уже готовы разойтись по кабинетам.

– С фотографиями.

– Без проблем, – кивает он.

– Спасибо.

Закрывая дверь, я улавливаю ту самую кипу людей, но сегодня они не спешат и не бегают с безумными глазами. Каждый спокойно шагает в нужном направлении: кто-то улыбчиво беседует по пути с коллегами, кто-то уткнулся взглядом в листы перед собой; кто-то без капли эмоций на лице проходит мимо. Вероятно, с каждым новым днём всё идёт только по накатанной, и я уже жду не дождусь, когда увижу ту суматоху, которую застала первый раз.

Мартин помогает сделать выбор, комментируя и давая советы почти по каждому снимку. Я никогда не была против критики, она делает только лучше, если, конечно, является рациональной. А замечания со стороны Мартина полностью конструктивны и только по делу. Я как Губка Боб впитываю каждый его совет, потому что тут он знает лучше меня. На данный момент лучше прислушаться, чем выставить

себя душой. Кроме того, он даёт советы по статье, и я записываю каждое слово в голове, подчеркивая их дважды красной ручкой. Покидая мой кабинет, Мартин подмигивает, а я благодарю его за помощь. Первый день можно официально назвать более-менее легким. Всё не самое красочное осталось утром, хотя даже ему я благодарна, ведь таким образом познакомилась с ним – парнем, готовым прийти на помощь и загладить свою вину трижды. И я начинаю сомневаться в том, что не ем после шести.

Глава 8

Алекс

– Ты позвала меня, чтобы я поцеловала дверь, приехав к вам? – нахмурилась я, наблюдая за тем, как чета Картеров рассаживается по местам в машине.

Лизи резко вскинула голову и издала нечленоразборное ругательство из-за того, что стукнулась головой. Скрестив руки под грудью, я смотрела на друзей. Подруга в это время приложила ладонь к затылку и массировала место удара, а Джаред издал смешок.

– Это метод бумеранга, карма тебя настигла, – улыбнулась я.

Лизи подняла уголки губ и закатила глаза.

– Она обошлась со мной слишком просто, спасибо.

– Не благодари, в следующий раз будет хуже.

– Ты не могла позвонить и предупредить о том, что ваши планы изменились?

– Нет. Ты едешь с нами, – усмехнулся Джаред, обходя машину и крутя ключи на пальце.

– И куда?

– Увидишь.

– Что за бред, Картер? – поморщилась я.

– Садись в машину и не ной, это жизненно важное дело.

Глядя на то, как он вальяжно шагал к своей стороне, я выгнула бровь и не верила ходу собственных мыслей. Джинсовые шорты, идеально облегающие его задницу, подчеркивали ноги, как и белая футболка, которая огибала руки. Встряхнув головой, я поморщилась и мысленно вдарила себе по мозгам. Это, мать вашу, Картер, с каких пор я смотрю на него не с кривым лицом, словно за раз съела целый лимон!?

Это отвратительно, Алекс.

– Ты в курсе, что у твоего мужа отличная задница? – выдохнула я, смотря на Лизи, которая заключала тельце Мэди в крепления кресла.

Джаред откинул голову к небу и громко засмеялся, подруга тоже сквозь смех протараторила:

– Мне тоже нравится.

– Моя задница – общее табу. Можете любоваться, но не трогать.

– Сколько напыщенности, Картер, но я-то знаю, что ты любишь, – хихикнула она.

– Фу, это ужасно, – поморщилась я.

Лизи поспешила к своему месту, я же наблюдала за всем происходящим сомнительным взглядом. Каждый из них странный и по-своему сумасшедший, но, когда они вместе – это еще хуже. Тандем, который создали и вершили сами небеса. Кстати, работу все сверху сделали довольно неплохо, я бы даже сказала величественно. Скорчив рожицу Картера-ми, которые смотрели на меня с ожиданием, я поплелась к

машине.

– Я сейчас буду как девочка из звонка.

– Я выбрал эту конфетку для того, чтобы ты залезла нормально.

Окинув взглядом железную «конфетку» Джареда, я выгнула бровь.

– И когда ты успел променять свою старую конфетку?

– Не трогай принцессу, – смеётся Джаред, пока я карабкаюсь через детские кресла и занимаю место между Мэйсом и Мэди, которая уже восклицает в ответ.

– Это я – принцесса!

– Малышка, ты моя самая главная принцесса, – кивает Джаред, смотря на неё через зеркало заднего вида.

– Эй, – тут же протягивает Лизи, – это я твоя малышка.

– Господи, – смеётся Джаред, пока Мэйс пьёт сок и медленно качает головой под музыку, слушая и наблюдая за семейной перепалкой.

Выезжая на дорогу и, переглянувшись между женой и дочерью, он говорит:

– Вы обе мои малышки-принцессы.

Лицо Мэди сияет от улыбки, да и Лизи от неё не отстаёт. Обе они выглядят счастливыми и довольными исходом спора.

– Можно я узнаю, куда меня везут?

– Тебе понравится, – усмехается Джаред, но от меня не успевает ускользнуть сомнительный взгляд Лизи, из-за чего

я щурю глаза, смотря на подругу. Это мне не нравится. Они ведут себя слишком подозрительно.

– Мне уже не нравится.

– Ты должна там быть, – кивает Лизи без капли веселья в голосе и на лице.

– Чушь какая-то, – фыркаю я и падаю на спинку, из-за чего получаю извиняющийся взгляд подруги.

Следующее время мы едем молча. Я с хмурым лицом, а Лизи и Джаред иногда переглядываются между собой, чем ещё больше доводят меня до приступа раздражения и непонимания. Я не знаю, что на уме у этих двоих. Но тут же в голове что-то щёлкает. Я сижу между двумя маленькими будущими предателями. Решив начать с лёгкой Мэди, я поворачиваюсь к ней и растягиваю губы в улыбке.

– Как дела?

– Хорошо, – лопочет она, направив на меня взгляд небесных глаз.

– Куда ты так красиво нарядилась? – продолжаю я, проведя по краюшку её молочного платья.

– Я выбрала красивое платье.

– И для какого праздника?

– Мама не говорила, – пожимает плечиками Мэди, и я разочарованно выдыхаю.

Попытка не пытка, потому что следующим я разворачиваюсь к Мэйсу. Будет не просто, но я хотя бы попробую. Мэйс – это Джаред, который не будет трепаться даже в таком неосо-

знанном возрасте. Закусив нижнюю губу, я не знаю, с чего начать, поэтому смотрю на копию Джареда и пытаюсь найти хоть что-нибудь в своей голове для начала. Но всё тщетно. Карие глаза смотрят на меня, и я каюсь, решив не ходить во-круг.

– Куда мы едем? – шепчу я.

– Смотреть игру.

Так просто? Я ведь не ослышалась?

Глаза Мэйса продолжают смотреть на меня, и в это мгновение я чувствую, как изменилось моё лицо. Но не только оно. Сердце подаёт мерзкие скрипучие ноющие стоны, эхом откликающиеся в других органах.

Смотреть игру. Смотреть игру. Смотреть игру. Смотреть, вашу мать, игру.

Я до последнего надеюсь на то, что он перепутал слова и имел в виду бой. Бой Джареда. Но что-то внутри шепчет о том, что Мэйс сказал правду. Он не спешит исправить самого себя и дать мне надежду, из-за чего я впадаю в наибольшую панику. Мне страшно. Так страшно мне было только тогда, когда Эван решил взять меня на слабо и поцеловать Тома. Медленно переведя взгляд на Лизи, я смотрю на подругу, которая крутит, а то и нервно теребит кулоны на шее, Джаред же остается с тем спокойным лицом, что было до этого. Сожалеет о молчании тут только Лизи.

Джаред что-то говорит, но я не слышу. В уши слово заложили хлопушку, которая не позволяет его словам добраться

до сознания. Лишь через минуту я приобретаю голос, хотя он осел и начал отдавать хрипотой.

– Что?

– Ты нужна ему, – вновь повторяет он без шуток и ёрничества.

Медленно скольжу взглядом по панели над рулём и поднимаю глаза. Большое скопление машин, которые без умолку сигналият, занимая места на парковке. И я сразу понимаю, где мы – домашний стадион Янкиз. Руки начинают дрожать, а тело категорически отказывается повиноваться сознанию. И в тот момент, когда Мэйс и Мэди уже на ногах, я не сдвигаюсь с места.

– Идём, Алекс, – говорит Лизи.

– Вы должны были мне сказать.

– Ты обещала, – вступает Джаред.

– Что я тебе обещала?

– Не мне. Ты обещала ему.

Сверкнув в подругу хмурым взглядом, я сдержала желание поморщиться, потому что Том не выполнил своё обещание. Он заменил меня. Сердце вновь получило сотню игл, достигающих самого ядра.

– Алекс, ты должна пойти.

– Не должна.

– Не будь ребёнком.

– Там будет она?

– Кто? – выгнув бровь, Лизи внимательно смотрит на ме-

ня.

– Она.

Джаред издаёт смешок, но тут же подставляет ко рту кулак, изображая чихание или кашлянье, в любом случае у него ничего не получилось. Я всё замечаю.

– Мы пошли, – улыбается он, взяв за руки Мэди и Мэйса.

Взгляд следит за отдаляющийся тройкой. Они кажутся такими безмятежными и счастливыми, хотя это на самом деле так и есть. Два похожих личика смотрят вверх, пока Джаред переглядывается между ними, с улыбкой что-то рассказывая.

– Не будь такой упрямой.

– Я не упрямая. Я начала жить без него. Я смирилась и привыкла.

– Что за бред?

– Бред? Ты считаешь это бредом? – выкрикиваю я, выбираясь из салона машины.

Лизи следит за каждым моим движением. Приняв вертикальную позу, я выпрямляю спину и смотрю ей прямо в глаза.

– Он бросил меня!.. Оставил!.. Заменял!.. Он сделал мне больно, ты не понимаешь? Я не хочу. Я так решила.

– Вытри слёзы и пошли, – ровным тоном говорит Лизи и, развернувшись, следует за семьей, оставляя меня одну.

Я не сразу нахожу в себе голос, но он всё же прорезается.

– Ты серьёзно? – кричу я, смахивая слёзы, которые сама

не заметила, как побежали по щекам.

– Ты обещала, Алекс, – не поворачиваясь, сообщает она.

– И что? Он тоже обещал!

– Будь лучше и сдержи своё.

Разинув рот, я свожу брови на переносице и на автомате начинаю перебирать ногами вслед за Лизи. Всё происходит, словно в тумане. Всё это время я молчу, и даже тогда, когда мы занимаем места – я продолжаю молчать, хотя хочется кричать. На Лизи. На Джареда. На себя. На всех. Я не понимаю, для чего тут я. Том уже забыл свои слова, я же пытаюсь забыть свои. Возможно, Лизи права, и я должна быть лучше, но мне страшно. Я не могу найти свой покой. Сердце бешено стучит в груди. Знаю, страдания на последующее время мне снова обеспечены, ведь я увижу его. Лизи больше не принимает мои отговорки, да и я не пытаюсь. Единственное, что я пытаюсь делать – держать себя в руках, делать вид, что всё в порядке. Но ничего не в порядке, каждый раз после того, как я вижу или нахожусь в компании Тома – собираю себя по кусочкам последующее длительное время. Мне никто не помогает, я режу пальцы осколками, но делаю это одна. Когда-нибудь у меня получится, но сейчас всё не так радужно, как бы хотелось.

– Успокойся, всё будет хорошо, – шепчет Лизи, положив ладонь поверх моей.

– Всё и так в порядке, – отчеканиваю я без какой-либо эмоции. По крайней мере, я стараюсь.

– Да. У тебя даже получается. Иногда я тебе верю и верила бы, если бы не знала тебя. Заберёшь свой Оскар после игры.

Бросив в её сторону взгляд, я посмотрела на поле, которое вернуло назад в прошлое, как самая настоящая машина времени. Там, где мы были вместе. Где только он и я. Вдвоём.

– Бросай, Алекс, – улыбается Том, крепко держа биту.

– Ты же всё равно отобьёшь, я проиграю, в итоге, это не честная игра, – хнычу я.

– Хватит занимать только одну позицию, пора менять приоритеты.

– Да, я тоже об этом говорю, но ты отказываешься.

Том начинает смеяться, а я улыбаюсь, слушая и жадно впитывая каждый исходящий от него звук. Смех, разговоры, крик, стоны, вдохи и выдохи, хоть что, просто дайте мне кусочек от него.

– Бросай уже, маленькая извращенка.

– Я не извращенка, но придерживаюсь позиции «Живём один раз». Давай играть на что-то?

– Например?

– На раздевание, – улыбаюсь я.

– На тебе только платье и сандалии, – смеивается Том, – два удара и ты голая.

– Ты забываешь про кольца, серьги, цепочку, браслет, нижнее бельё.

– Это не считается.

– Мы ещё не приступали к обсуждению условий или ты

уже согласен?

– Хорошо, что дальше? – усмехается Том, закинув биту на плечо.

– Посмотрим, – пожимаю плечами я, – по ситуации.

– Ок'ей. И какие правила?

– С каждым верным броском ты снимаешь одежду.

– Если я не отобью? Серьёзно? – смеётся Том.

– Забудь о правилах бейсбола, куда хочу, туда и кидаю.

– Ты шутишь? Ты же зарядишь в другую сторону, и как я добегу?

– А это не мои проблемы. Снимай трусы, Том.

Со своими словами, я резко бросаю мяч, и из-за такой скорости изменений, он не успевает опомниться и взмахнуть битой, потому что в эти секунды закатывается смехом.

– Какого чёрта? – восклицает Том.

– Снимай футболку, – пальцем указываю я и довольно улыбаюсь.

– Это не честно.

– Я не играю честно. В бейсболе нет честности, ты сам говорил.

– У нас хотя бы есть правила. И мы же не играем в бейсбол!?

– Снимай футболку, – хихикаю я.

– Тебе не жить, Алекс, – выдыхает Том, стянув футболку и откинув её в сторону, – куда я должен бежать? Или я должен отбивать твои броски на одном месте?

– На одном месте, – киваю я и снова бросаю мяч, но Том успешно его отбивает, успевая зацепить битой.

– Выбираю обувь.

– У тебя нет выбора.

– И как это понимать?

– Как хочешь, – посылаю ему улыбку, и платье падает с плеч. Зацепив его ногой, я откидываю одежду в сторону.

– И зачем ты говорила про украшения, если сразу сняла главное?

– Тут мои правила, оно мне мешает.

Том начинает смеяться, я же в это время наполняю рот слюнями, смотря на его голый торс, как самая настоящая фетишистка и извращенка. Но мне плевать, потому что каждая частичка в нём – это моё оправдание аргумент в свою же защиту.

Новый бросок, который он пропускает, а я указываю на кроссовки, которые Том послушно скидывает в сторону, оставаясь в серых шортах, которые тоже скоро падут, оставляя только одно. Почти у цели раздеть собственного парня.

– Это первый и последний раз, когда я играю по твоим правилам, – усмехается он, но я прекрасно вижу, что получила желаемое. Серо-голубые глаза блестят под солнечными лучами и гуляют по моему телу.

– Посмотрим, – театрально лениво, протягиваю я.

Глаза Тома, наконец-то, находят мои, на что я улыба-

юсь и шевелю бровями в знак его скорого поражения. Новый мяч отбит, и я откидываю сандалии в сторону платья. Ещё несколько попыток снимают с меня пару колец, браслет и одну серьгу. Осталась цепочка, кольцо и вторая серьга, к которым добавляется нижнее бельё и резинка на волосах, собирающая локоны в хвостик. Но я уже не планирую играть. Подняв руку, я стягиваю резинку, и волосы тут же падают на плечи. Том же внимательно наблюдает за каждым моим действием, ожидая подвоха. И со мной он есть. Чуть сощурился глаза, он поджимает губы, и они поднимают уголки. Я знаю, его мысли далеко за пределами только что придуманной мною игры. Он думает о другом. И наши мысли сходятся. Вновь подняв руку, я одним движением расстегиваю застёжку на спине, которая поможет упасть верху, но я прижимаю лифчик к груди.

– И чего ты ждёшь? – спрашивает Том хриплым голосом.

Растянув губы в улыбке, я поворачиваюсь к нему спиной и убираю лифчик, отведя его в сторону, а после роняю к остальным вещам. Закрыв грудь одной рукой, я поворачиваюсь к Тому и начинаю пятиться назад. Последний мяч летит в его сторону, но теряется в траве, потому что бита из рук Тома падает, а сам он следует за мной. Смеясь, я бегу к реке, в которую ныряю с головой. В это же мгновение руки Тома захватывают и прижимают меня к себе, в ответ я обвиваю его талию ногами и впиваюсь губами в его.

Воспоминания обрываются, потому что толпа начинает

реветь от эмоций. Группа парней в белой форме вышагивает по полю, пока вторая заняла позиции на поле, дыхание сбивается тогда, когда я нахожу в этой толпе одного человека – своего. Сейчас уже не моего, но когда-то того, кто учил и играл со мной не только на поле, но и за его пределами. Сжав под собой лавочку, я кусаю губу до привкуса крови, потому что воспоминания давят на сознание, из-за чего перед глазами темнеет, но я пытаюсь собраться и сфокусировать свой взгляд, вернувшись из этой тьмы в реальность. Взгляд Тома направлен вперёд, пока товарищ по команде что-то ему рассказывает. Прогулявшись глазами по его телу, я проглатываю слюни, ведь знаю, что скрыто под ней. Я помню каждую клеточку его тела: родинку, шрам, рубец, всё вплоть до волосинки. Я всё изучила, потому что хотела помнить его наизусть. Это моя ошибка, теперь я ничего не могу забыть.

– Он в команде? – шепчу я, не отрывая взгляд с Тома.

– Да, – в голосе Лизи слышится улыбка, – сегодня первая игра.

Сдерживая горестные слезы, я жмурюсь и вновь смотрю на Тома. Он смог, но сделал это без меня. Я была помехой? Разве я стала той, что отобрала у него любимое занятие и посадила в клетку? Эти догадки сводят с ума, но я чудом остаюсь внешне спокойной. Одновременно в душе зарождается желание уйти и остаться, и последнее выигрывает. Я больше не помешаю ему. Это никак не может произойти. Серо-голубые глаза встречаются с моими. На этот раз я не успеваю

выстроить стену и закрыть все чувства. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, хотя находимся на приличном расстоянии, я всё равно вижу его, а он – меня. Я первая, кто отводит взгляд. Я тут для того, чтобы выполнить своё обещание – это моё напоминание для самой себя.

Игра начинается, и я вновь слежу только за Томом, хотя должна смотреть на всех. Знаю, у него всё получится, ведь он посвящал практически всё свободное время бейсболу. Это его увлечение и любимое занятие. На поле он становится сосредоточенным, словно абстрагируется от реальности, внедряясь в игру. Когда очередь доходит до него, я захватываю воздух ртом и не дышу, но волнение вновь исчезает, и я расслабляюсь, когда понимание того, что он всегда отобьёт – напоминает о себе.

– Ты даже не переживаешь? – тихо спрашивает Лизи.

Бросив в сторону подруги быстрый взгляд, я возвращаю внимание к полю.

– Нет. Мы обе знаем, что у него всё получится.

Чувствую, как на губах Лизи играет улыбка, и мне даже хочется ответить взаимностью, но я держу это желание в себе. И оказываюсь права. У него с лёгкостью получается пробежать все базы и принести команде ран. Внутренне я ликую, поёт каждая клеточки моей души, но, как и всегда, внешне я остаюсь непринуждённой. Парни из команды хлопают его по спине в знак благодарности, пока моя маленькая девочка запускает внутри салюты. Он смог, как я и говорила.

Игра завершается со счётом шесть—три в пользу команды Тома, из-за чего я вновь радуюсь, ведь один ран принёс он. Что бы ни было между нами, я радуюсь за него, как за себя. Возможно, когда-нибудь его победы не будут причинять мне боль, но сейчас отголоски нашего расставания до сих пор сжимают и заставляют сердце ныть.

Желание сбежать с поля боя появляется тогда, когда Том вышагивает в нашу сторону, а со всех сторон начинает раздаваться женский визг. Отдаю им должное, обложка действительно идеальна, я сама смотрела на неё два года. Вслед за Лизи и Джаредом, со своего места встаю я. Подруга целует Тома в щёку, а Джаред хлопает его по плечу, поздравляя с победой и принесённым в команду раном. Три пары глаз обращаются ко мне, к которым присоединяется ещё парочка. Меня спасает Мэди, которая визжит и падает на шею Тома, пока Мэйс просто ему улыбается. Когда парочка спасителей опускается с рук родителей на дорожку, они тут же решают погулять, а точнее улизнуть, и по этой причине за ними следует Джаред. Но беда в том, что он не успевает за двумя, поэтому Лизи покидает нас следом. В эту секунду я хочу провалиться сквозь землю.

– Алекс... – выдыхает Том.

– Поздравляю, – в один голос с ним, говорю я, продолжая держать взгляд на Лизи и Джареде, которые бегают за детьми.

– Я должен сказать...

– Нет, – кручу головой и обращаю внимание к парню напротив, – ты ничего мне не должен.

– Алекс, послушай.

– Я не хочу, правда. Не хочу слушать. Я оставила это в прошлом, когда желание было. Я не буду тебе врать и говорить то, что пришла сама. Это был обманчивый ход со стороны Лизи и Джареда. Я не знала, Том, понимаешь? Не знала, что ты в команде и куда они едут. Я не планировала тут находиться.

Ложь. Ложь. И ещё раз ложь.

Я хочу услышать, но гордость и чувство собственного достоинства побеждают.

– Ты тут Алекс. Не говори, что поехала бы сюда без желания. Мы оба знаем, что это не так. Ты хотела.

– Возможно, ты прав, но это ничего не меняет. Я выполняю своё обещание, но думаю, его пора забыть.

– Я слишком эгоистичен, чтобы его забыть и желать, чтобы забыла ты.

– Тогда ты хочешь угнаться за двумя зайцами, но ты не понял: один сошёл с полосы и не играет.

Том смотрит на меня, я же делаю то же самое в ответ. В этих глазах я тонула и чего скрывать, до сих пор тону, но знаю, между нами стена. Я не позволю ему сломать её, для этого есть как минимум две причины.

– Заедем куда-нибудь поужинать? – раздаётся где-то в стороне голос Джареда, на которого я перевожу взгляд. Лизи

следует за ним, на руках у подружки сидит Мэди, а Джаред ведёт за руку Мэйса.

– Мартин обещал помочь мне, я не могу, – говорю я в тот самый момент, когда телефон начинает звонить.

– Какой ещё к черту Мартин? – фыркает Джаред, поравнявшись с нами.

– Не имеет значения, Картер.

Имя того самого человека, о котором мы говорим, мелькает на экране, и я принимаю вызов, окидывая взглядом круг из друзей и бывшего парня.

– Скажи мне, что твоя задница сейчас двигается в направлении офиса, – раздаётся его весёлый, но требовательный голос, из-за чего губы трогает улыбка, и я едва сдерживаюсь, чтобы не издать смешок.

– Не совсем, но уже начинает.

– Советую поторопиться, мы договаривались ровно на час и ровно с семи. Точность швейцара, Алекс.

– Я помню, – смеюсь я, вспоминая, как он касается указательным пальцем места на руке, где обычно носят часы, и говорит эту фразу.

– Я буду любить тебя вечно, если ты не опоздаешь. И да, я даже готов не есть после шести, если ты успеешь.

– Тогда ты точно будешь любить меня вечно, – киваю я, – я буду через пятнадцать минут, максимум двадцать, но тогда я выпрыгну из такси и побегу или изобрету телепорт. И да, ты не сможешь удержаться. Слишком слабая сила воли.

Как только телефон возвращается в сумку, я обращаю внимание на друзей, каждый из которых смотрит на меня по-разному: Лизи с удивлением, Джаред с шоком, а Том и вовсе кажется каким-то мрачным, из-за чего я желаю спросить, где та рыжая девушка, но стойко держусь.

– И что это за хрен? – фыркает Джаред.

– Хрен, который спасает мою жизнь, дальше тебе знать не обязательно. Я должна ехать.

Звучит двояко, но я не придаю этому значение.

– Но Алекс... – выдыхает Лизи, когда я делаю шаг в сторону.

– Мне нужна помощь, а Мартин тот, кто помогает.

Со своими словами, я спешу к выходу, чувствуя на спине несколько взглядов. Они должны были меня предупредить. Кажется, что с завершением работы на себя и разгруженной кучи проектов, я получила новую кучу из того, что должна писать. Вообще, описание никогда не было для меня проблемой, я легко и точно могла рассказать свойства каждой детали, но сейчас, когда в этом заключается моя работа – я полный ноль. Чайник. Начинаящий. Хотя, судя по тому, что я получила пару одобрений Фрэнка и других коллег, можно считать, что я на правильном пути. Эти статьи дались мне очень тяжело, но как говорится: стоит только начать. Всё не без помощи Мартина. Именно он помог мне разложить неразбериху по полочкам в голове и сформулировать мысли правильно. Я только учусь, у меня практически нет опыта, а

если он и был, то, как минимум три года назад.

За тринадцать минут, такси доставило меня до офиса, в который я поднималась. За это промежуток, я успела получить сообщение от Лизи, которое гласило: «Надеюсь, оно того стоит, чтобы ты уехала». Я же ответила ей тем, что она сама слышала мой разговор с Мартином. Это не оправдание, я не знала, куда они хотят поехать и если бы знала, то могла предупредить заранее. А то и вовсе не прийти.

Моя палочка-выручалочка гордо посиживает в моем кресле и покачивается, словно это кресло-качалка. Застав меня на пороге, Мартин тут же переводит взгляд на запястье.

– Тринадцать пятьдесят одна.

– Я старалась, – улыбаюсь я, – покинь моё рабочее место.

– Кто первый пришёл, тот и получает место.

– Это уже наглость.

– Это моё второе имя, – довольный собой, Мартин продолжает покачиваться в кресле, пока я щурю глаза и метаю в него невидимые лучи, – и я уже всё сделал.

– Что? – хмурюсь я.

– Я. Уже. Всё. Сделал.

– И что ты за это хочешь?

– Свидание.

– Что!? – восклицаю я.

Мартин откидывает голову назад и заливается смехом, в то время как мне совершенно не весело. Нотки шока, ужаса и недоверия к собственному слуху вырисовываются на моём

лице. Я не готова к свиданиям, хотя почему-то хочется выкрикивать согласие. В самом деле, у меня новая жизнь, а я не могу позволить себе ужин с парнем. До одурения смешно, потому что Том и вовсе находится в отношениях, лишь его слова про эгоистичность заставляют сомнения просыпаться, но я ведь не слепая и видела её лично.

– Ладно.

– Я не ослышался?

– Нет. Дважды повторять не буду. Место, день и время – выбираю я.

– Не-а.

– Нет? – переспрашиваю я.

– Нет.

– А тебе не кажется, что это должно быть за мной?

– Не кажется, потому что приглашаю я.

– Да ты, вероятно, шутишь.

– Ни капли.

– Что за бред?

– Сейчас, Алекс.

– Сейчас? – снова ахаю я, из-за чего Мартин издаёт смешок.

– Для этого я и сделал всё без тебя. По правде говоря, мы даже не нарушим твой режим питания.

– Если ты переведёшь стрелку часов на несколько часов назад, то попытка не очень.

– Ты не ешь после шести, но время перевалило за семь,

следовательно, ты не ела после шести, а вот после семи поешь.

– Ты ненормальный? – смеюсь я.

– Нет, всего лишь следую твоим правилам.

Поднявшись с моего кресла, Мартин выпрямляется и посылает мне улыбку. Он определенно всё продумал и теперь доволен собой. И отдаю ему должное, потому что теоретически – он прав. Опустив глаза, я смотрю на чёрные конверсы, взгляд поднимается по чёрным джинсам, рванным на коленях, такой же цветом толстовке и косухе, которую он накидывает следом. Подхватив бейсболку, Мартин завершает свой образ и уносит меня в прошлое. Да, очередной раз. Потому что, надевая бейсболку, Том всегда поворачивал её козырьком назад. Ком с трудом, но пропихивается по сухому горлу и с грохотом падает в пустую душу.

– Покатаемся по метро? – улыбается он, открыв дверь и ожидая того, чтобы я вышла первой.

– Что?

– Шучу.

– Господи.

– Не упоминай имя Божье всуе.

– Это какая-то клиника, – выдыхаю я, выходя из кабинета.

Мартин вышагивает по правую руку от меня и посмеивается, пока приступы паники медленно, но верно подступают к горлу. Не удивлюсь, если я скажу, что удаляюсь в дамскую комнату, а сама, поддавшись страху, ускользну домой. Мне

страшно. Я не помню, когда последний раз ходила на свидание с кем-то другим. Всё это кажется диким, новым. Чувство того, что я буквально изменяю Тому – убивает. Мы уже давно друг другу ничего не должны, но то ли моя совесть, то ли подсознание живут отдельно от здравого смысла. Наш короткий разговор вновь напоминает о себе. Я перетираю каждое слово, слетевшее с его губ. Хотелось бы мне его послушать? Да. Но нужно ли оно? Нет. Разговаривать нужно было три месяца назад, а не сейчас. Несмотря на то, что я говорю и пытаюсь вбить факт того, что всё в прошлом – у меня плохо получается, потому что не могу это принять и поверить. Но должна. Сейчас я иду на свидание с другим, а Том скорее всего гуляет по супермаркету с другой.

Так было с нами. Я полюбила ходить за покупками именно с ним. Это казалось так по-семейному, объединяющему и уютному. Я с трепетом ждала момента, когда холодильник опустеет, мы пойдём в супермаркет. Том возьмёт тележку, в которой иногда катал меня ради дурости, пока я весело хохотала, а после мы обоюднo набивали её продуктами. Всё это мы будем делать с другими людьми, и это одновременно убивает и подавляет всякое настроение.

– Советую улыбаться, ты же сама согласилась, – усмехается Мартин, когда мы вышагиваем по тротуару.

– Как прикажете, – говорю с улыбкой я. Мартин не виноват в том, что моё сердце отдано другому, и сейчас я пытаюсь прибить на это пустое место новое.

Открыв двери близлежащего кафе, Мартин пропустил меня вперёд, но я тут же застыла. Этот китайский рестораник средних размеров заставил внутренности высохнуть за долю секунды и упасть под ноги. Не решаясь сделать шаг, я со страхом и пеленой перед глазами, смотрела в одну точку – красную точку в виде зала. Сегодня я видела его. Разговаривала с ним. Он заставил меня сомневаться в собственных догадках. Этим же днём я соглашаюсь на свидание и иду куда иначе, как в китайское кафе.

– Боюсь, что тут не так сильно приветствуют стиль трапезы в Китае, Алекс. Перед нашими ногами не накроют стол, до него нужно дойти.

– Хорошо, – сипло выдавливаю я, но всё ещё не решаюсь сдвинуться с места, – почему?

– Что почему? – удивленно, но улыбается Мартин.

– Почему это кафе?

– Ты написала свою первую статью именно по китайской стилистике, я подумал, что это важно для тебя. Когда мы первый раз приступаем к работе, мы всегда возвращаемся к прошлым истокам, понимаешь? Мы берём то, что было важно для нас, или это когда-то имело значение. Это как дежавю, хочется вспомнить и поделиться воспоминаниями. Даже если никто не поймёт, для себя мы знаем значение. Пробовала янчжоу чао фа?

– Нет.

– Тогда я не зря тебя сюда привёл, – улыбается Мартин,

положив ладонь на мою поясницу, он подталкивает меня вперёд, и помогает дойти к столику.

Медленно сев на стул, я пытаюсь закрыть сотни замков на двери, где хранятся воспоминания. Они не должны мешать двигаться дальше, а я хочу двигаться дальше.

– В таком случае, ты заказываешь кунг пао, – выдыхаю я.

– Без проблем, – соглашается Мартин.

Мы обоюдно останавливаемся на чае с жасмином и блюдах, которые предложили друг другу. Не знаю, как у Мартина, но в моём есть подвох. Пытаясь расслабиться, я постукиваю пяткой по полу и разглядываю помещение. Глупо, но так я пытаюсь унять волнение. Смотреть куда угодно, но не в его глаза – очень даже удобно, потому что, глядя в них, я представляю Тома, которого должна забыть или же хотя бы оставить в прошлом.

Я даже не знаю, о чём мы должны говорить, да и должны ли вообще. С Томом всё шло самой собой. И кажется, мне пора бы потрясти головой, чтобы вспомнить о существовании здравого смысла. Печатная машинка в голове начинает набирать один вопрос за другим, но я, стукнув кулаком по столу, задаю себе только один: какого чёрта я думаю об этом? Остановись, Алекс, и посмотри на парня напротив. Он чертовски привлекательный, смешной, готов подать руку помощи, ну и что, что он похож на него? Да плевать, так можно остаться одной на всю жизнь, не искать же брюнета или рыжего ради того, чтобы забыться.

Благодаря подобному ходу мозгового штурма, я обращаю взгляд к Мартину, который смотрит на экран телефона и бежит глазами. Сейчас он сосредоточен, я уже видела это выражение лица означающее, что он задумался. Пока он молчит, я разглядываю каждую клеточку его лица: взъерошенные волосы, которые он только что потрепал пальцами, торчат в разные стороны; брови сведены на переносице, а взгляд направился в сторону, словно он обдумывает что-то важное; пухлые губы вырисовывают ровную линию. Большим пальцем, Мартин тихо постукивает по затемнявшему экрану, и я уже думаю, что у него могло что-то произойти, но он не знает, как сказать мне.

– Что-то случилось? – тихо спрашиваю я, но он не реагирует, словно вовсе не слышит.

Проглотив слюну и смочив пересохшие губы, я едва касаюсь пальцами тыльной стороны его ладони, чтобы вернуть в реальность.

– Мартин?

– Да? – зрачки серых глаз увеличиваются, когда он переводит внимание на меня.

– Что-то случилось? – повторяю я.

Уголки губ парня дёргаются в улыбке.

– Нет, просто задумался.

– Хорошо.

В эту же секунду, я одергиваю руку, потому что вспоминаю, где она находится. Я понимаю, никакого тока от нашего

касания не происходит, пожары в душе не начинают воспламеняться, а бабочки в животе не взмывают ввысь. Ровным счётом ничего. Возможно, это глупость и такого вовсе быть не должно произойти. Выдумки из книг, не более, но почему тогда в присутствии Тома, по коже бегали мурашки, мозги плавилась, а все органы сплетались в косички, разливая по венам тепло!? Разве тело не способно рассказать о чувствах лучше слов?

– Поболтаем? – предлагает Мартин.

– Я думала, что беседа должна вязаться сама по себе.

– Но если я хочу узнать о тебе что-то, то так просто ты мне не расскажешь.

– Смотри, что именно. Некоторыми вещами мы не поделимся даже под дулом пистолета.

– Я бы поспорил, ходить по земле приятней.

– Да, – соглашаюсь я, – но всё равно.

– И что за секреты ты хранишь?

– Сейчас я тебе расскажу...

Поёрзав на стуле, я склоняюсь над столом и улыбаюсь, словно хочу поделиться чем-то очень сокровенным.

– Тебе нравятся девушки?

– Если я позвал тебя на свидание, то логично, что ответ положительный, – посмеивается Мартин.

– Мне тоже, – шепчу я.

Секунда, и глаза Мартина округляются, а я чуть ли не давлюсь смехом, но изо всех сил стараюсь сохранять спокой-

ствие и серьёзность. Спустя минуту, он перестаёт хохотать, видя моё лицо, которое говорит о том, что я не думаю шутить.

– Ты серьёзно? – выдаёт он, сделав глоток воды.

– Я больше по части брюнеток, а ты?

– Твою мать, мы девочек будем обсуждать? Почему ты мне не сказала?

Секунда, и я бью ладонями по столу из-за недержания. Закатываясь смехом, я начинаю колотить по поверхности и второй рукой держаться за сердце.

– Господи, оно того стоило, – сквозь приступы истерии, выдавливаю я по одному слову из предложения.

– Ты серьёзно, Алекс!?! – всё ещё не доверяя, спрашивает Мартин.

– На счёт чего?

– Ты... по девочкам?

– Нет, а ты?

– Ты убьешь меня своей аллегорией и иронией, – выдыхает он, ероша волосы.

– Бывает, – киваю я.

Моё блюдо из риса, креветок и овощей, затмевает ароматом разум из-за чего я, не раздумывая, хватаю вилку и начинаю есть, но через минуту понимаю, что должна увидеть лицо Мартина. Подняв глаза, я щурюсь из-за недовольства, потому что этот парень сидит и спокойно пережевывает то, что я выбрала для него. Он словно не чувствует остроты, на

его лице не дрогнул даже мускул. Моя попытка с проваливается в никуда с громким протянутым свистом. Радует только то, что заказанное блюдо для меня – вкусное. Он явно не задумывался подшутить, возможно, за это плюс. Ещё он не называется меня детка, за это тоже плюс. Ко мне не подкатывают и не шутят пошло, третий плюс. У него есть чувство юмора, четвёртый плюс, но я тут же передумываю, когда прямо в лоб мне прилетает арахис. Жирный минус, чёрт возьми. Хотя, возможно, это пятый плюс.

– Скажи, что мне показалось, – говорю я, вытирая лоб салфеткой.

– Только что в твой лоб влетел арахис, – подтверждает Мартин с улыбкой Чеширского кота.

Выколулав горошину, никак иначе это не назовёшь, я бросаю её в ответ, но промахиваюсь, потому что он уворачивается. Но следующая попытка не такая удачная, потому что морковка попадает прямо в лоб Мартина между глаз, из-за чего я начинаю громко смеяться, ведь она прилипла.

– В яблочко! – хохочу я, и мне уже плевать, что в моё лицо летит следующее зернышко.

В итоге, к нам подходит официант и отчитывает, как малых детей, после чего, нас с позором выставляют из кафе, прежде заставляя расплатиться по счёту. Но это настолько незначительно, что я гордо вскидываю подбородок, Мартин делает то же самое. Стены кафе мы покидаем с таким надменным видом, словно являемся его держателями. На улице,

мы хохочем и стряхиваем с одежды остатки пищи, которой успели обкидать друг друга, и которая прилипла к телу.

- Ты не должен был так делать, – улыбаюсь я.
- Кто сказал?
- Честь и достоинство.
- Я сделал достойно и помог тебе развеселиться.
- Я была весёлой.
- Не ври себе, думаешь, свидание удалось?
- Учитывая то, что нас выгнали – определённо.
- Значит, я могу рассчитывать на ещё одно.
- Я подумаю.

Мартин закатывает глаза и посмеивается.

- Спасибо, было вкусно, – сообщаю я.
- Спасибо за компанию, – кивает Мартин.

Посадив меня на такси, он подмигивает на прощанье и провожает взглядом машину. Это приятно, ведь он не уходит до тех пор, пока мы не сворачиваем за угол. Телефон начинает звонить, и я уже подумываю, что это Мартин, но смешная рожица подруги смотрит на меня с экрана.

- Ты уже освободилась?
- Да, – улыбаюсь я, и Лизи явно распознаёт эти звуковые волны моего ошарашенного настроения.
- Ты точно была на работе? – хихикает она.
- Да, но... вообще-то, я была на свидании...

Хихиканье подруги моментально затухает, на смену ему приходит удивленный и недоверчивый тон.

– На свидании? – ошарашено, но шёпотом, выдаёт она.

– Да, – закусив нижнюю губу, подтверждаю я.

– Но я ничего не понимаю...

– Я знаю, это вышло случайно, так не должно было быть...

– Алекс... – волнительно шепчет Лизи, – ты... ты ведь...

– Господи, нет, мы просто поужинали, Лиз. Я потом тебе всё расскажу, честное слово, мне нужно бежать...

Со своими словами, я скидываю вызов и убираю мобильник от уха, чтобы Лизи не успела меня остановить. Знаю, они всё ещё надеются на наше воссоединение, но, думаю, всё уже понятно. Глупо говорить, но наверно, много воды утекло. Том сделал выбор, сейчас я должна сделать свой. Когда мы пришли в кафе, первая мысль была о нём, но потом Мартину удалось отвлечь меня, и я горжусь тем, что смогла. Мне удалось не думать о нём, я была с парнем, который заставлял меня искренне смеяться. Разве это не может стать шагом к началу для чего-то нового?

Глава 9

Алекс

Утро пятницы уже знакомо. Я привыкла и мне это нравится. Видеть обеспокоенные и взволнованные, а у кого-то радостные лица – наименьшее, что я получаю тут. Есть как минимум ещё два пункта, благодаря которым мне нравится работать. У этих пунктов есть имена. Улыбнувшись суматохе, я вошла в кабинет. На смену улыбке пришла хмурость и презрение. Белая коробочка в квадратном стиле, оформленная одной зелёной ленточкой, мирно покоилась прямо по центру моего стола. Вряд ли это мог сделать кто-то кроме Мартина, получать от него подарки – что-то не естественное и не привычное, хотя бы, потому что он этого ещё не делал. Но вполне возможно, что это извинение за арахис в моём лбу. Вспомнив такую глупость, я улыбнулась и заняла кресло, потянув за ленточку и медленно отодвинув крышку. Сердце моментально оборвалось, лишив меня жизнеспособности. Простой бейсбольный мяч заставил слёзы жечь глаза, а руки дрожать. Один процент из ста тому факту, что подарок принадлежит Мартину, но кому я вру? Мы не говорили о бейсболе, и вообще не обсуждали спорт.

Зажмурив глаза, я провела по мягкой поверхности пальцем и проглотила комок из болезненных чувств, которые пы-

таюсь вырвать и подавить. Забыв о дыхании, я вынула мяч, на котором не было и слова, но было другое – маленький и коротенький прямоугольник бумаги на дне. Осколки разбитого сердца подлетели и вновь ударились о пол, разлетевшись ещё на более мелкие, когда я скользнула глазами по выведенным знакомым почерком словам:

«Ты верила в меня больше, чем я сам. Он принадлежит тебе. Спасибо»

Всё что я возводила непосильным трудом – моментально рухнуло, погружая сознание в груды пыли, где я потерялась и не могу найти выход. Каждая клеточка души разрывается, а тело бьется дрожью. Желание кинуть коробочку прямо в лицо Тому – появилось моментально. Он словно играет со мной. То появляется, то исчезает, словно мираж или галлюцинация. Как только мне кажется, что я начала видеть вдалеке верный путь – он испаряется, как влага под палящим солнцем. Вложив весь псих и ненависть, я засунула мяч назад и со всей дури бросила её в стену напротив, смотря на картину происходящего размытым взглядом. В ту же секунду за дверью появился силуэт, а я ринулась смахивать слёзы с лица и приводить себя в порядок, предварительно крикнув:

– Минуту!

В большее раздражение меня привело то, что зеркальца, которое обычно покоится в кармашке сумки – нет, а это означает то, что привести себя в порядок нужно интуитивно. Отбросив сумку в сторону, я начала нервно смахивать слёзы

и вытирать тушь, которая размазалась под глазами. Только благодаря камере на телефоне, я ужаснулась и стала собой. Хотя, смотря в каком смысле собой. Глаза всегда были моими предателями: после слёз, они всегда краснеют. Именно сейчас, с экрана телефона на меня смотрят распахнутые покрасневшие зелёные глаза. В дверь снова постучали, а я тут же кинулась к коробочке, спешно собирая выпавший скомканный прямоугольник и мяч.

– Войдите.

На пороге появился Фрэнк или мистер Ли, я, чёрт возьми, ещё не подружилась с мыслями и не успела дать ему точное имя и место в своей жизни. Пачка листов в его руке и удивлённый взгляд, всматривающийся в моё лицо, заставляли нервные клетки превращаться в хлопущку и хлопаться одну за другой. Проницательные янтарные глаза всегда видели меня насквозь, это пугало. Я, словно не могу что-то скрыть от него, находясь под рентгеном.

– Завтра суббота, – обнадеживающе улыбнулся начальник.

– Что? – в смятении и дрожью в голосе, переспросила я.

– Ну, ты же именно поэтому выглядишь так, будто хочешь откинуться из-за тяжёлой рабочей недели. Или не из-за работы, а, Алекс?

Пройдясь к столу, я упала на кресло и засунула в ящик измятую ударом коробочку. После чего, подняла глаза и постаралась выдавить улыбку, на что Фрэнк выгнул бровь и за-

нял кресло напротив. Проглотив слюну, я поерзала на стуле и посмотрела на экран компьютера. Я просто не нахожу места, когда он так смотрит на меня. Кажется, будто не нужно что-то рассказывать, он и сам всё знает.

– Знаешь, я тебе не говорил, но ты читаешься, как открыта книга.

– Это плохо?

– В какой-то степени да. Люди видят тебя и твою уязвимость, которую нужно прятать.

– А что, если я не хочу прятаться? Если я не хочу скрывать истинных чувств?

– Этим может кто-то воспользоваться.

Фрэнк коротко улыбнулся.

– Хотел сказать, что твоя статья одобрена. Но я вижу, там присутствует рука Мартина. Алекс, не пойми меня неправильно, но тебе нужен свой стиль. Я рад, что он тебе помогает, командный дух и тому подобное, но я ценю оригинальность, собственную изюминку. Вы двое сблизились, это хорошо и не хорошо одновременно.

– Почему?

– Потому что ты используешь его как заплатку.

– Что за бред?

– Это не бред, Алекс, ни стоит клин клином выбивать.

– Мне просто комфортно в его компании.

– Тоже враньё. Находишься с ним, а думаешь о другом.

– Это ничего не меняет. Я двигаюсь дальше.

– Двигайся, но не делай это с помощью кого-то. Вообще-то, я зашёл к тебе не просто так.

Подставив ладонь под подбородок, я посмотрела за окно. Возможно, Фрэнк прав, но я не знаю, как по-другому. Я просто не умею быть одна. Рядом всегда кто-то был. Лизи, родители, Адам, Том, сейчас ближе подбирается Мартин, а я подпускаю. Если Фрэнк прав, то какого это? Как двигаться самой, без кого-то рядом? Как научиться тому, о чём ты никогда не думала и вообще не знала до той самой минуты, пока не осталась одна?

– Ты поедешь?

– Что? – хмурюсь я, – прости, мозги набекрень.

– Я зря только что перед тобой душу раскрывал? – засмеялся Фрэнк.

– Прости, я.. просто утро выдалось отвратительным.

– Я в курсе. Решила не выбрасывать?

Резко вскинув голову, я почувствовала, как вместе с этим подлетели мозги в голове.

– Что?

– Подарок. Я тебе его положил, Алекс.

– Ты?

– Да, он попросил меня. Я не знаю, что там, но, видимо, тебе не особо понравилось.

Достав из ящика коробочку, я бросила её на стол и вновь повернулась к окну, сдерживая слёзы тем, что закинула голову к потолку. Попытка была неудачной, они всё равно про-

скользнули по щекам.

– Не буду читать записку, это личное.

– Она эпицентр всего.

– В любом случае, это личное. Любишь бейсбол?

– Не особо. Особенно сейчас.

– Тогда подарок в виде бейсбольного мяча явно не для тебя, – улыбнулся Фрэнк.

– Я была на игре.

– Решилась сходить?

– Лизи и Джаред устроили сюрприз. Привезли меня туда.

– И как?

– Отстойно. Если коротко, то я сказала ему, что не хочу слушать, всё в прошлом.

– Соврала?

– Да.

– Гордость сильнее тебя. Возможно, это даже к лучшему.

– К лучшему?

– Да, только лучшее не даётся нам легко. Самые вкусные яблоки висят на верхушке. Не пойми меня превратно, он должен постараться заслужить тебя снова. Тем более первый раз ему удалось всё слишком просто, практически на блюдечке с золотой каёмкой. Если он осознал и понял свою ошибку, то должен срывать звезды к твоим ногам.

– А если я не хочу их?

– Не ври себе. Ты можешь лгать ему, мне, всем вокруг, но не себе. Не торопись, Алекс, и не думай за него, ты не

знаешь, что в его голове. Он сделал первый шаг.

– А если этот шаг для нас имеет разное значение? Если я думаю о нас, а это обычная благодарность?

– Опять же, ты не можешь знать. Возможно, что вы думаете одинаково. Хотите одного и того же, только на этот раз чтобы получить желаемое, ему нужно приложить усилия. И сейчас ты меня слышишь?

– Слышу, – улыбнулась я.

– Спасибо, хотел убедиться перед тем, как говорить. Я хочу улететь.

– Командировка?

– Нет, просто хочу улететь на выходные.

– Один?

– Да, – вздохнул Фрэнк, – наши отношения потихоньку изживают себя, на прошлых выходных мы летали вдвоём. Вышло не очень. Сейчас хотим по одному.

– Отдохнуть друг от друга?

– Возможно и так.

– Тебе не кажется это ненормальным? Нужно отдыхать от всех вдвоём, а не наоборот.

– Мы пытаемся.

– Хочешь спросить мой совет или разрешение?

– Хотел предложить тебе поехать вместе. Нам двоим, нужен глоток свежего воздуха.

– А это нормально?

– В плане чего?

– Что начальник и подчинённый поедут вместе?

– А с каких пор начальник и подчинённый не могут быть друзьями за пределами работы?

– Ты прав, но что-то идёт не по твоим планам. Наши отношения не за пределами работы.

– Это только тогда, когда мы находимся вдвоём. В остальных случаях, я приветствую обращение на Вы.

– Хорошо, мистер Ли, – смеюсь я, – но сейчас Фрэнк. И куда ты хочешь улететь?

– Не знаю.

– Завтра суббота, а ты не знаешь, куда полететь?

– Да, но... кхм, если я закажу билеты прямо сейчас, то ты готова улететь сегодня?

– Когда?

– После работы.

– Хорошо, – пожимая плечами, я улыбаюсь.

– Я думал, что ты сочтёшь меня за сумасшедшего.

– Нам ведь нужен глоток свежего воздуха, и чем раньше, тем лучше. Но куда?

– Не знаю.

– Ты хочешь отдохнуть и веселиться или духовно обогащаться?

– Не знаю.

– Слетаем за чаем?

Фрэнк смеётся, но после чего, его взгляд фокусируется на мне, в янтарных глазах сотни вопросов, не шутка ли это, и

я сразу подтверждаю:

– Я не шучу. Мне он понравился. И я не бывала в Китае.

– Почему тогда увлекаешься им?

– Не знаю, мне просто нравится стиль.

– Я никого не возил на свою Родину.

– А как же знакомство с родителями?

– Я.. рос в приёмной семье.

– Вы не общаетесь?

– Не особо, я не единственный ребёнок в семье. Мне дали кров до совершеннолетия, после чего дали понять, что я должен двигаться сам.

– Это ужасно.

– Возможно, но это помогло стать тем, кто я есть сейчас.

– Если ты против, то ничего страшного. Я всегда мечтала побывать в Амстердаме. И на мой день рождения, Лизи и Джаред подарили нам путёвки. Там красиво, мне нравится, но...

– Ты не хочешь туда сейчас, потому что была там с Томом?

– Да, – выдыхаю я.

– Ладно, если ты не хочешь окунаться в прошлое, а я не горю желанием окунаться в своё, то мы можем выбрать что-то между.

– Например?

– Я не знаю, – вновь смеётся он.

– С такими темпами, мы определимся к пенсии. Будем выбирать пансионат.

– Куда ты бы хотела слетать?

– У меня даже нет идей.

– Знаешь, возможно, я должен перешагнуть эту черту.

– В плане?

– Гонконг?

– Хорошо, в любом случае, ты не обязан тащить меня к своей семье и рассказывать о прошлом. Мы просто едем за чаем.

– Согласен, – улыбается Фрэнк, поднимаясь с кресла, – у меня есть твои данные. Я забронирую билеты, если возможно, то на сегодня. Ты точно согласна?

– Когда ещё, если не сейчас?

Пройдясь к двери, он кладёт ладонь на ручку, но обращает взгляд ко мне.

– Спасибо, Алекс.

Посылаю ему улыбку, когда Фрэнк выходит за порог моего кабинета, но снова оборачивается, на что я выгибаю бровь.

– Надеюсь, Вы меня услышали на счёт изюминки? – кивает он.

– Безусловно, мистер Ли, – ответно киваю я и улыбаюсь, когда дверь закрывается.

Это очень странно, иметь подобные отношения с прямым начальником. Несколько секунд назад он был Фрэнком, а сделав шаг за порог – мистер Ли. Забавно и не очень. Ничто не должно подрывать его репутацию среди подчинённых, и я

не хочу стать той, что заставит остальных сомневаться в нём.

Я всегда была тем человеком, который поддержит любую идею, даже если его поднимут в три часа ночи и сделают безумное предложение. Когда, если не сейчас? Вокруг нас целый мир, а мы теснимся в бетонных коробках. И если Фрэнк предлагает мне такую сумасшедшую идею улететь прямо сейчас, то почему бы и нет? Что меня держит? Ничего. Я одна. Полностью свободна от всего. Моя работа сделана, у меня нет отношений, и я никому ничего не должна. Кроме того, Фрэнк прав. Сейчас я именно в том положении, где нужен глоток свежего воздуха. И, вероятно, ему он нужен тоже. Мне приятно, что этот мужчина совсем немного, но что-то рассказал о себе. Судя по тому, как неторопливо и не с особым рвением он говорит о прошлом, значит, там есть то, что он вспоминать не желает точно так же, как и возвращаться к этому. В любом случае, он подпустил меня ближе и приятно то, что я могу стать той первой, кто побывает на его Родине в его же компании.

К концу рабочего дня я была рада тому, что Мартин не забежал в мой кабинет. Фрэнк прав, я не должна хвататься за него и использовать как заплатку. Я должна пережить трудные этапы собственной жизни самостоятельно. Это только мой театр, я им управляю. Если нужно, я должна заменить каждого актера собой. Мне необходимо стать той, что может удержать себя на плаву самостоятельно без спасательного круга.

Решив развлечь себя поездкой на метро, я прыгнула в первый попавшийся поезд. Мне доводилось его использовать крайне редко, ведь я всегда жила рядом, да и пара остановок не сделает погоды. Так я думала ровно до того момента, пока не поняла то, что приехала далеко не туда, куда требовалось. Прежних высоток не было, на смену им пришли трёх и четырёхэтажные кирпичные дома с небольшими окнами, где я раньше не была. Что ж, вот и прокатилась. Попытка не самая успешная. Когда ноги добрались до выхода, телефон начал верещать в кармане благодаря выходу на свободу. Имя начальника мелькало на экране.

– Алло.

– Пакуй чемодан и не забудь паспорт, самолёт в одиннадцать, – улыбчиво, заявил он.

– Да, только я в заднице.

– Передумала?

– Нет, похуже. Я решила прокатиться на метро и укатила неизвестно куда.

– Алекс, ты серьёзно? – засмеялся Фрэнк.

– Вполне. Сейчас я на рокавей-парк. Я даже не знаю, где я, понимаешь?

– Это Квинс. Через пролив – Бруклин, где живут твои друзья.

– Ох, отлично, не переживай, я сама найду дорогу к ним, сейчас активирую карту Нью-Йорка в голове и переплыву.

– Скинь мне свои геоданные, я заберу тебя, только не ухо-

ди никуда.

– Я не собираюсь двигаться с места и ездить на метро. По крайней мере, с сегодняшнего дня.

– Ты вообще смотрела, куда садишься? – смеивается Фрэнк.

– Я живу в нескольких остановках от офиса, зачем мне это?

– Затем, что у метро есть линия и маршрут. И зачем ты тогда вообще пошла туда?

– Теперь буду знать, что ни стоит садиться в эту колесницу смерти, лучше прогуляюсь пешком.

– Хорошо, – смеясь, говорит он, – я скоро приеду.

Чувствую себя беспомощной тупицей, которая не удосужилась выбрать верный поезд, зато теперь буду знать, что пешие прогулки намного лучше. Несмотря на жажду, я так и не решилась отойти в сторону. Сейчас зайду в магазин, а когда выйду, попаду куда-нибудь ещё, но скорей всего, я просто заплутаю и нарисую тут сотню кругов, в таком случае лучше остановить такси. Ковыряя асфальт носком туфли, я ещё раз ругаю себя за такую глупость, особенно сегодня. Имя подруги высвечиваете на экране, когда я поворачиваю телефон, чтобы посмотреть время.

– Привет, – улыбаюсь я.

– Привет, как рабочая неделя? – улыбчиво, спрашивает она.

– Неплохо, а твоя?

– Отлично, ты приедешь?

– Когда?

– Можешь хоть прямо сейчас.

– Я не смогу, Лиз... я улетаю.

– Улетаешь? – удивлённо восклицает она.

– Да.

– Куда?

– Прости, что ничего не говорю тебе, но так лучше, ты не должна решать мои проблемы.

– Алекс, я уже ничего не понимаю...

– Я знаю. Обещаю в воскресенье вернуться назад и сразу приехать к тебе, даже если это будет в три часа ночи.

– Одна?

– Нет.

– Алекс...

– Тебе не о чём переживать, правда. Я всё тебе расскажу в воскресенье, но ты всё увидишь раньше.

– Увижу?

– Ты же не думала, что я буду без интернета? – улыбаюсь я.

– Боже, в последнее время ты меня сильно пугаешь.

– Знаю, но у меня всё в порядке. Я не позволю тебе повесить всё на себя.

– Береги себя, люблю тебя. Хотя бы позвони, когда приземлишься.

– Хорошо. И я тебя люблю, поцелуй за меня малышей.

Лизи выдаёт чмок в динамик, и я улыбаюсь. На этом мы

обоюдно сбрасываем вызов, но ещё несколько секунд я смотрю на экран, где только что шёл отсчёт времени разговора. Я знаю, она всегда будет рядом, и случилось подобное раньше, я бы в первую очередь прибежала к ней, как уже когда-то делала, но не сейчас. На сегодня я понимаю, что мои проблемы совсем не стоят её нервов и переживаний. У неё своя семья, в которой достаточно своих нюансов и проблем. Конечно, всегда проще перевесить и затянуть кого-то в свои внутренние агонии, но нужно ли это и стоит ли такие нелепости переживаний близких? Я решу за них и скажу – нет.

– Мисс Блинд, Вы долго собираетесь топтаться на месте?

– До тех пор, пока мистер Ли не увезёт меня в счастливые выходные, – улыбаюсь я, на что получаю ответную улыбку Фрэнка.

– Тогда, ему осталось помочь Вам погрузить чемоданы в багажник.

– Тогда мне осталось их собрать.

– Мне нравится Ваша лёгкость на подъем, мы далеко пойдём.

Занимая пассажирское кресло, я улыбаюсь человеку, дружбу с которым совершенно не планировала точно так же, как и хамить ему при первой встрече. Фрэнк молча протягивает мне телефон, куда я забиваю адрес своего местожительства. В какой-то степени, это напоминает меня и Тома, ведь мы понимали друг друга без слов.

– Знаешь, ты говорил, что я должна пережить это само-

стоятельно, не пытаясь заменить его кем-то.

– Говорил, – кивает Фрэнк.

– Но получается так, что рядом есть ты.

– Я говорил совершенно о другой роли в твоей жизни, Алекс. Между нами могут быть любые отношения: рабочие, дружеские, товарищеские, но не будет любовных. Я не тот человек, кто сможет восстановить твоё сердце и залечить раны. А вот Мартин может стать таким. Но нельзя заменить кого-то кем-то. Да, возможно, у тебя даже получится, но что будет дальше? Смею сказать, что ничего хорошего. Ты поймёшь, что этот человек выполнил свою функцию, как тромбоциты.

– Тромбоциты?

– Не знаю, почему подумал о них. Это клетки, которые останавливают кровотечение. Они образуют тромб, который выступает в роли заплатки. Таким сейчас выступает Мартин, ты позволяешь ему. Он вроде как заклеивает твои стенки, но давай не будем обманывать себя? Мы оба понимаем, что это временный эффект, ты ковыряешь рану. Именно поэтому мы едем вместе.

– Ты тоже ковыряешь рану?

– Можно сказать и так.

– Ладно, мы ведь едем за глотком свежего воздуха, – улыбнулась я, посмотрев на Фрэнка, – ты не обязан рассказывать что-то мне. Я поделилась, потому что этого хотела.

– Во всём нужна взаимность.

– Согласна, но ещё нельзя требовать от кого-то взаимности, пока кто-то сам не захочет дать её в ответ.

– Думаешь, я не хочу? – бросив в мою сторону быстрый взгляд, Фрэнк вновь вернул внимание к дороге.

– Не знаю. Думаю, что ты либо не готов, либо это то, чем ты никогда не захочешь делиться.

– Может быть, и то и то, я пока сам не понимаю.

– Как человек, который является главным редактором одного из популярных журналов, не может разобраться с собственной жизнью?

– А кто сказал, что не могу? – улыбается мужчина, – может, я просто не хочу или мне так комфортно. Да и вообще, у нас разве есть проблемы сейчас? Мне кажется, что мы едем подкрепиться вдохновением.

– Тут спешу не согласиться, – довольно улыбаюсь я, смотря на него, в то время как Фрэнк удивлённо вскидывает брови, искоса смотря на меня, – мы едем за чаем.

– Да, точно, – смеясь, кивает он.

С улыбкой, падаю на кресло и смотрю на дорогу и толкучку автомобилей. Медленно, но верно, мысли начинают проясняться, словно после затянутой пасмурности, выглянуло долгожданное солнышко. Я уже не размышляю так, как делала это прежде. Смочив губы и горло слюной, я, не поворачиваясь к Фрэнку, тихо говорю:

– Знаешь, ты говорил, что Мартин может стать моей заплатакой, но я так не думаю. Сейчас не думаю. Думаю, для

того чтобы восстановить и зашить дыру не обязательно прибегать к чувствам. Вполне возможно, помочь выплыть на поверхность может тот, кому ты нагрубила в первый день, когда пришла на собеседование. Возможно, это тот самый человек, который поможет тебе встать на верный путь, и вам не обязательно иметь любовные отношения. Достаточно того, что он понимает тебя, а ты понимаешь его.

Фрэнк задерживает на мне несколько секундный взгляд, и на его губах начинает мелькать тень улыбки.

– Не могу отрицать.

Глава 10

Том

Я уже начинал ненавидеть вселенную, потому что стук в дверь действовал на нервы. В последнюю очередь я хотел покинуть постель, потому что голова Алекс покоилась на моей груди. Волосы, раскиданные по моему телу, горячее дыхание, опаляющее кожу и разливающее тепло по венам, ладонь, ласкающая живот тем, что просто огибала талию и спадала на бедре – это причина того, что я несколько минут не могу встать. Но новый, более громкий стук, всё же поднял меня. Аккуратно и осторожно, я выполз из-под Алекс, которая тут же перевернулась на бок и показала бархатную спину, из-за чего я лишний раз проклял того, кто явился. Но я же не идиот, и знаю, кого могло принести. Я убью Картера, серьёзно.

Щёлкнув выключателем по пути, коридор осветил тусклый свет светильников. Любимый брат и вообще лучший человек во вселенной, встретил меня кривой улыбкой и зловономием спиртного.

– В честь чего? – фыркаю я, смотря на то, как он упёрся одной ладонью в стену и чуть опустил голову.

– Что? – еле шевеля языком, отвечает вопросом на вопрос Джаред.

– В честь чего ты так уделался?

Джаред выдаёт непонятный и нечленораздельный набор слов, которые я не разбираю и особо не пытаюсь.

– У тебя ключи есть, придурок, или тебе голову отбили?

– Я не знаю, где они, – более-менее понятно бубнит он, шатаясь на ровном месте.

– В руке, идиот.

Взгляд брата медленно переводится на одну руку, после чего, на вторую, я же в этот момент смотрю на него с выгнутой бровью, а Джаред ухмыляется и поднимает глаза на меня.

– Точно, – смешок и он валится на ровном месте, но я успеваю подхватить его тушу и затаскиваю домой.

Массивное тело брата падает на диван пластом, и я понимаю, что он отключился. Я не помню, когда видел его таким. Джаред может выпить, но крайне редко, для этого нужна сверхпричина. Конечно, он не святой, да и нимб над его головой явно не торопится ослеплять каждого, но после того, как он ударился в бокс – алкоголь за гранью его тяги. Последний раз он пил год назад и то, на дне рождения Рейчел, и даже там он позволил лишь бокал, легко взяв себя под контроль. В горле моментально пересыхает, когда в его ладони я нахожу не только ключи от квартиры, но и от машины.

– Ты идиот? – рычу я, – ты приехал на машине?

Джаред что-то бормочет, но я снова не могу понять,

что, поэтому схватив футболку, начинаю трясти его.

– Ты приехал на машине? – цежусь я.

– Не говори ей, – выдыхает он, и из-за этого дыхания я сам могу опьянеть.

– Кому? – продолжаю тормошить его тело я, – твою мать, Картер! Кому?

– Лизи...

– Ей наплевать, – фыркаю я.

– Не говори ей! – одновременно восклицает, и в то же время бормочет Джаред.

Со своими словами, он полностью отключается, обмякнув в моих руках, а я обращаюсь на шум за спиной. Алекс, конечно. Скрестив руки под грудью, которую закрывает моя футболка, она хмурит брови и переминается с пятки на пятку.

– Кому не говорить и что?

– Не бери в голову, пьяный бред.

Выдохнув, я выпрямляюсь и пытаюсь успокаивающе улыбнуться. Я знаю Алекс. Сейчас стоит только назвать имя её лучшей подруги и на лице Джареда появится подушка, ставшая его погибелью. Алекс не просто против их отношений, она настроена негативно и категорично так, как никогда ранее.

– О ком он, Том? – продолжает настаивать она.

– О маме, – вру я. Первый раз я прибегаю ко лжи с ней, ведь она никогда не требовалась. Может это оправдание,

но моя ложь во благо. Они сами разберутся.

– Том!

– Прекрати, Алекс.

Пройдя мимо неё, подхватываю в ванне тазик и несу к дивану. Я не хочу убирать то, что может вырваться из Джареда, да и сам он тоже не будет торопиться. Это наименьшее из зол. Таблетка аспирина и стакан воды тоже покорно ожидают его пробуждения на журнальном столике не без моей помощи.

– Пошли спать, – предлагаю я, бросив связку ключей на стол.

– Он просит не говорить Лизи, так?

– Да, – наконец, соглашаюсь я. Уже нет смысла скрывать.

Глаза Алекс моментально вспыхивают, и теперь полный ненависти и презрения взгляд, упирается в человека, который мирно сопит на диване.

– Пошли спать, – повторяю я, положив одну ладонь на её талию, а вторую на щеку, повернув лицо к себе.

– Ты защищаешь его?

– Нет, но я не желаю лезть туда, куда не следует. Ты тоже должна придерживаться этой позиции.

– Тебе наплевать? – недовольно выдаёт она, скинув мою ладонь в лица, – хочешь, чтобы она стала одной из его шлюх?

– Алекс, прекрати, – устало выдыхаю я.

– Что прекратить? Остановливать то, чего не должно быть? Она никогда не будет с ним, потому что он будет только с себе подобной!

– Прекрати! – повышаю голос я, из-за чего зелёные глаза становятся ещё больше.

– Я хочу уехать домой, – фыркает Алекс и, развернувшись на пятках, спешит к комнате.

– Чёрт возьми, Алекс, прекрати!

Но несмотря на то, что я хорошо её знаю, всё равно прошу то, чего никогда не произойдёт. Она никогда не перестанет. Она всегда будет идти мне наперекор, и никогда не будет слушать. И сейчас она натягивает одежду, чтобы уйти среди ночи. Вина Джареда автоматически становится моей, теперь я – главный изменник и предатель, ведь поддержал его, что тоже спорно.

Мои воспоминания – моя клетка в аду. Даже такие не самые красочные терзают и мучают. Недопонимания между нами происходили крайне редко, а то и вовсе таких не было, но именно отношения Джареда и Лизи вставляли палки в колёса наших. Я оставил всё, решив, что они сами разберутся, но не Алекс, она хотела рвать и метать. Все скачки напряжения между нами происходили благодаря Джареду, которому, собственно, абсолютно похрен. Не получалось у него, а вместе с этим, рушились мои. Я благодарю всё на свете, что этот шторм не сломил нас. Но чему я радуюсь? Нас сломил другой.

Струйки пота не переставая стекали по коже, пока я, сжимая зубы, ломал себя. За год, я успел буквально заплыть спортивной ленью, потому что занимался другими – моральным. Я уже чувствую и предвещаю боль в мышцах завтра, но радуюсь тому, что они помогут заглушить душевную, по этой причине, сжимаю челюсти и прикладываю ещё больше усилий.

Ощущение того, что я нахожусь под пристальным взглядом – не покидало, но я не торопился оглянуться, ведь без лишних движений знаю, кто находится за спиной. Вот уже на протяжении полутора недели, тренер смотрит на меня, а я мастерски изображаю дурака. Хотя, иногда мне кажется, что прибегать к театральности не нужно, этот идиотизм уже прибил. Я получил своё похлопывание по плечу за принесённый ран, но, вероятно, это не всё, о чём мне должны поведать. Благо, что для маршрута в раздевалку и душ поворачиваться не нужно. Сделав ещё несколько тяг руками веса за спиной, я добавил окончательный штрих, соединив рукоятки перед лицом, а следом их отпустив. Бутылочка с водой давно опустела, как и зал, в котором я остался один. Моментальная тишина воцарилась, когда я встряхнул головой и вытянул ноги. Следующей точкой станет душ и кровать дома.

– Том, подожди минуту.

Завернув голову, я закинул полотенце на плечо и покрывал шей, в которой захрустели костяшки.

– Ты прибегаешь к излишней загруженности. Я ценю твоё

рвение, но желаю видеть борца, который умеет остановиться. Ты уже не можешь. Нельзя каждый день, Том, мы оба знаем. К чему это?

К тому, что я не знаю, как выдернуть себя из сточной канавы. Это моя заглушка боли.

– Хочу прийти в форму, – вру я.

– Хорошо, но делай это постепенно.

– Ок'ей, – киваю я, ожидая, могу ли идти, на что тренер Долтон коротко улыбается, а в дверь стучат, удивляя меня, но не его, словно это привычное дело.

Мы обоюдно переводим внимание на порог, где появляется знакомая мне девушка.

– Папа, я иска... – начинает она, но тут же замолкает, обращая взгляд за, мать вашу, отца. Да, именно на меня.

Отец? Почему я, чёрт возьми, не знал? Совсем недавно, благодаря ей, в моё лицо чуть и не влетел стакан, но спасибо ловкости, он лишь подпортил стену. И вот, ниточки начинают стремительно распутываться, проясняя всю картину, которую я с дурусти не удосужился рассмотреть.

Ведя очередные диалоги с самим собой, я стремительно вышагивал на выход. Малек выпотрошит из меня последнее самообладание, если его имя я увижу на экране телефона ещё раз. Ему недостаточно позвонить сто раз, это число нужно умножить ещё раз так на десять, чтобы наверняка. Есть люди с тупой привычкой названивать каждые пять минут для того, чтобы спросить, где ты. Это

про моего начальника. Он может стоять над душой и каждый раз спрашивать: «Уже сделал?», следующей минутой: «Сделал?», ещё через минуту: «Ты ещё не сделал?». Оба глаза начнут дергаться, медлительность будет не из-за того, что его зависание над работой желаемо, а в точности наоборот, хотя единственным желанием будет то, чтобы он свалил, так работа потечёт сама собой. Дерьмо то, что в свой выходной, я должен вновь ехать в контору. Этот день я планировал провести иначе: изнемогать тело и тренироваться, чтобы забыться. Всё, как всегда, пошло не по плану, собственно, в последнее время это привычное дело. Телефон очередной раз начал верещать в рюкзаке, который я на ходу скинул с плеча, чтобы принять вызов, но белые листы, плавающие по воздуху – заставили меня передумать. Зелёные глаза рыжеволосой девушки неустанно хлопали, когда она смотрела на меня.

– Извиняюсь, – быстро выдохнул я, начав спешно собирать бумагу по полу, ко мне присоединился и их почтальон.

– Ничего страшного, – улыбнулась она, – как в романтическом фильме.

Послав ей короткую благодарную улыбку, я продолжал спешно сгребать листы, чтобы скорей продолжить путь. Телефон вновь начал разрываться в рюкзаке, пришлось вытянуть его одной рукой и прислонить к уху, поддерживая плечом.

– Ты где?

– Выезжаю уже, – с натянутым дружжелюбием, процедил я.

– Поторопись.

С этими словами, Малек скинул вызов, а я едва сдержал брань, которая желала вывалиться изо рта.

– Ни стоит помогать, – улыбнулась девушка, – правда, это я не заметила тебя.

– Это мило, что ты пытаешься оправдать меня, но я помогу.

В итоге, листы вновь неравномерной стопкой легли в руки незнакомки, которая, не переставая, улыбалась мне. Я же в свою очередь чувствовал себя неловко и не в своей тарелке. Зелёные глаза на оттенок темнее напомнили о той, что я пытаюсь забыть, но не могу. Что касаясь остального – они абсолютно разные, начиная цветом волос, завершая какими-то повадками характера. Алекс вряд ли бы улыбалась первому встречному в подобном случае, хотя, кто знает. Она, может и поблагодарила бы за это обычным «спасибо», но ещё могла глупо улыбаться и пускать слюни, что, в общем-то, на неё не похоже. Но она бы не сделала то, что сделала эта девушка: Алекс никогда бы не поцеловала в щёчку за такой жест в виде помощи, которую в подобном случае обязаны проявить, ведь виновата вовсе не она. Я не сразу понял, что чужие губы коснулись моей щеки.

– Меня зовут Чарли, Том, – улыбнулась она, направляясь дальше, пока я обернулся ей вслед.

Она знает моё имя? Хотя, думаю, каждый сотрудник тут знает имена игроков основного состава и запасного.

Если бы не та тупая ситуация, когда я, словно в романтическом фильме, столкнулся с ней на повороте, из-за чего она выронила телефон и листы, то ничего бы между нами не завязалось. Чарли не торопится здороваться со мной, чуть приоткрытые губы и распахнутые глаза говорят о том, что она удивлена и я не меньше, только не своим присутствием, я – член команды, глупо удивляться моему присутствию тут. Вскинув подбородок, она подбирает челюсть, и губы вытягиваются в ровную линию.

– Я подожду тебя за дверью.

С этими словами, она покидает зал и хлопает дверью, а взгляд её отца, как и лицо в общем, говорит о смятении и замешательстве, но через пару секунд, морщины вновь разглаживаются, а карие глаза обращаются ко мне. Короткая улыбка говорит одновременно о многом и ни о чём.

– Она говорила про тебя.

– Говорила про меня? – хмурюсь я.

– Да. Я так понимаю, что ты ей симпатичен.

Твою мать. Я буквально ликую, что она сказала только об этом, оставив остальное при себе.

– У меня есть девушка, – отрезаю я, хотя разумней было бы сказать правду. Ни его дочь и ни один другой человек во вселенной не заменит Алекс. Это проверено.

Оставляя тренера одного, я захожу в раздевалку, скиды-

ваю одежду и направляюсь в душевую, но слышу его внятные слова мне в спину:

– Девушка может пододвинуться.

От подобного изречения меня передёргивает. Я же не ослышался? Он только что сказал о том, что девушка может отодвинуться? Она, чёрт возьми, диван? Он только что самовольно и собственноручно подложил под меня свою дочь? Или это меня положили под неё? Это какая-то хреновая шутка? Стукнув кулаком плитку, которую заливала вода, я закрыл глаза и расставил ладони по стенке, позволяя каплям стучать по голове. Возможно, так я могу пробудить собственный интеллект.

Не знаю, сколько я мог стоять в таком положении, но кожа на пальцах сморщилась, будто за короткий период мне удалось постареть на лет пятьдесят. Обмотав бёдра полотенцем, я вышел из душевых, но застыл в пороге раздевалки. Рыжеволосая девушка, облокотившаяся спиной на параллельный моему шкафчик, скрестила руки под грудью, и гуляла глазами по полу.

– Чем обязан?

Взгляд Чарли моментально нашёл меня, когда я открыл дверцу. Флакон в виде ненависти, обиды, разочарования, непонимания и обеспокоенности – как ясный день читался в зелёных глазах. Расставив руки по обе стороны бёдер, я вскинул брови, смотря на неё в ожидании ответа.

– Папа хотел, чтобы я дождалась тебя.

– Ты меня дождалась, что ещё?

Отстранившись от дверцы шкафа, она с болью посмотрела на меня.

– Почему ты такой жестокий? – прошептала девушка.

– Я не жестокий. Я прямолинейный.

– Нет, это жестокость, я ведь ничего тебе не сделала...

Покачав головой, я тяжело выдохнул и повернулся к ней спиной. С какой стати меня должно беспокоить чьё-либо мнение? Да плевать на всех и сразу, мне интересно только то, что принадлежит близким людям. Если прямолинейность кажется ей жестокостью, то другого выхода я не вижу. Выкиньте подобное в лицо мне, и всякие чувства внутри могут кануть в бездну в ту же секунду, как только рот собеседника выпустит слова. Но, видимо, Чарли поощряет такое отношение к себе. Ей нравится обманываться, думая, что чувства взаимны.

– Ты будешь тут стоять или выйдешь? – не глядя, спросил я, захватив боксеры с полки.

Позади молчали, на что я фыркнул и скинул полотенце. Трижды плевать, не думаю, что она – Пресвятая девственница, ни разу не лицезрящая мужскую задницу, как и гениталии в целом. Следом я натянул джинсы и футболку, а полотенце сунул в рюкзак. И когда повернулся, глаза Чарли были готовы вывалиться на пол. Ошарашенный взгляд бегал от моего лица к ногам и обратно, останавливаясь на части ниже живота, куда я посмотрел. Расправив футболку, которая так

и осталась закатанной на прессе из-за влажности, я выпрямился и зашагал к дверям, оставляя её одну.

Позади не раздавался топот второй пары ног, следовательно, она осталась в раздевалке. Через секунду, я забрал свои слова назад, потому что каблуки эхом отстукивали ритм. Я точно знаю, это она. Во-первых, никого не было, кроме девушек за административной стойкой, во-вторых, успел запомнить свойственный ей ритм. Проходя мимо девушек, я уже было хотел пройти мимо, как взгляд зацепился за журнал, обложку которого занимала знакомая работа. Пара шагов, и расстояние полностью сокращено.

– Извиняюсь, – бросил я, забирая журнал из рук брюнетки, которая сердито посмотрела на меня. На это мне тоже плевать.

Наспех листая страницы, я нашёл ту, что указывалась на обороте. Глаза быстро пробежались по статье, и я нашёл то, что искал – её. Имя девушки, занимающей все мои мысли, чёрным по белому выведено на глянцевом обороте. Сердце сдавило, из-за чего я крепче сжал журнал, буквально смяв первую страницу. Рядом появилась Чарли, с грохотом бросив ключи на стол девушек.

– Чёрт возьми, Алекс... – выдохнул я имя, которое ласкает слух.

– Что ты делаешь!?! – восклицала парочка девиц, – ты же порвёшь его!

Вернув назад журнал, я кинулся к выходу, спешно бродя

взглядом по улочке, где могу достать точно такой же. И ещё парочку, где найду её имя. Удача была на моей стороне, пара минут понадобилась для того, чтобы найти киоск с печатными изданиями. Благо, что в Нью-Йорке они на каждом шагу, потому что тут предпочитают физическое соприкосновение с бумагой: газеты, журналы, книги, – тут всё любят в печатном варианте. Первым в руки попал тот, что я буквально отобрал у девушек за стойкой.

– Извиняюсь, есть ещё? – обратился я к женщине.

– Вам какой номер нужен?

– Покажите все предыдущие, которые у Вас есть.

Стопка журналов легла перед лицом, я буквально обезумел, находясь в поисках её имени. Джаред говорил, что она устроилась на официальную работу пару недель назад, или это он говорил три недели назад, я не помню, да и похрен. Я обыщу каждый. Я точно уверен, что мне нужны последние номера, только там я могу обнаружить её. И это оказалось правдой. Отдав деньги за пачку, я сунул её в рюкзак и поспешил к машине.

Один за другим я листал и перечитывал статьи не меньше, чем на сотню раз. Даже уйдя в официальность, она всё та же Алекс, которая любит всё, что связано с дизайном: интерьер, одежду, графику и тому подобное. Гордость за неё разрывает изнутри, но вместе с этим, я чувствую тяжесть груза боли, напоминающий паровоз, за которым тянутся десятки вагончиков, переезжающих меня в области груди. И то, что пару

недель назад она выбрала китайский стиль – напоминает о нашем свидании. Почему я такой идиот? Если это не её воспоминания или не намёк, то что? Она не могла не думать о нас тогда, когда писала. Если, конечно, я не пытаюсь приписать смысл тому, где он отсутствует.

Схватив телефон, я нашёл профиль той, что так дорога мне. Да, я убрал её везде: соцсети, фотографии, номер, но не из головы. Я помню всё. И когда взгляд обнаружил последнее фото, пальцы сжали мобильник практически до хруста. Казалось, что я слышу, как медленно трескается экран и его наполнение. Сложив ладони в молитвенном жесте, она стояла на одной ноге, а вторую подогнула и ступнёй уперлась в области колена. За её спиной выше разместились огромная статуя Будды, которого освещала подсветка. Белый топ, поверх которого накинута прозрачная изумрудная кофта с рукавом до локтя, белые джинсы, оборванные на щиколотках, сумка, кажется, темно-зелёного цвета, перекинутая через плечо и закрытые глаза, в дополнение ко всему – самая яркая и обворожительная улыбка на лице, заставляющая встать каждую волосинку на теле. Она всегда мечтала побывать там, ведь со школы увлекается китайской культурой. Я не исполнил её мечту, за меня это сделал кто-то другой. Пока моя Алекс осталась где-то в прошлом со мной, новая двигается дальше. Глаза вновь прогулялись по девушке, которую я знаю наизусть в области души и тела. Короткая надпись под фото гласила: «Спасибо. Теперь за чаем», и в оконча-

нии, Алекс решила разбавить слова любимым зелёным сердечком. Именно поэтому я выбрал этот оттенок для ленты на коробочке. В последнее время она очень полюбила изумрудный цвет. Она и есть самый настоящий изумруд.

Достав телефон, я набрал номер брата. Он должен был мне сказать, он наверняка всё знает и знал, но молчал. И я готов убить его.

– Привет.

– Где ты? – говорю я, сохраняя спокойный тон.

– В зале.

– Я скоро буду.

Машина буквально летит со скоростью света по шоссе, пока я одной рукой продолжаю сжимать телефон, а второй – руль. С каждой новой минутой приступ ярости и обиды заполняет горло. Помимо того, что он не сказал мне такую мелочь о журнале, ещё он не говорил, что она улетела хрен пойми с кем в Китай. Иногда мне кажется, что я убью Джареда, неважно, каким способом, я сделаю это. Он держит меня в стороне от её жизни, но я больше не намерен там быть. Я связался с Фрэнком для того, чтобы он передал мой подарок, но я не додумался спросить место, где она работает, чтобы привезти самостоятельно. Пусть она бросает мне его в лицо, пусть кричит, плачет, пусть делает что угодно, но только не молчит. Молчание убивает лучше всего. Я не получил ничего, словно она и вовсе не открывала коробочку. Что я сделал не так? Конечно, глупо надеяться на прощение, но я и вовсе

не получил никакой реакции. Этот факт медленно пожирает изнутри, а я буквально вою на Луну и солнце днями и ночами без неё.

Схватив журналы, я зашагал на поиски Джареда, хотя его и искать не нужно, я знаю, где он занимается. Войдя на порог, к своему счастью, я застал брата в одиночестве. Несколько журналов упали на маты, эхом отдавая грохот падения в стенах.

– Ты не хотел мне рассказать? – процедил я, смотря на него.

Джаред же чувствовал себя по-прежнему спокойно, словно я не выгляжу так, будто готов кинуться на его шею с удавкой. Подняв бинты, он начал наматывать один на ладонь, при этом продолжая смотреть на меня. Из-за такого спокойствия, я жутко желал зарядить ему в челюсть.

– Что ты хочешь услышать?

– Ты не мог сказать мне, где она работает? Не мог сказать, что она улетела?

– Успокойся, Отелло, это только на выходные. Что бы дала тебе информация о работе?

– Нихрена! – заорал я, на что Джаред лишь вопросительно выгнул бровь.

– И? Придёшь туда и разнесешь офис? Давай проясним: ты сам ушёл от неё, а сейчас строишь из себя обиженного. Чего ты ожидал? Алекс, как и Лизи, они не побегут. Очнись, наконец. Побежишь ты, потому что когда-то побежал я. Это

не плохо. Признавать свои ошибки и быть слабым по отношению её – не стыдно. Лучше быть счастливым рядом с желанной, даже если для этого придётся похоронить собственное самолюбие и гордость. А что сделал ты?

– Что?

– Что ты сделал ради неё? Ушёл с дерьмовой работы, хорошо, что ещё?

Я буквально рычал, смотря на Джареда, но понимал, что не могу ничего подобрать в ответ, ведь он снова бьет в цель. Что я сделал? Ровным счётом ничего. Я даже не поговорил с ней. Брать те нелепые попытки в пример ни стоит. При хорошем желании, я могу усадить её на стул и примотать к нему скотчем, чтобы она выслушала, но есть парадокс – мне нужно её желание. Я никогда не прибегал к силе в отношении неё, разве только один раз, когда она испортила сюрприз к собственному дню рождения, но на этом всё. Вероятно, сейчас тот самый второй случай, когда стоит вбить ей в голову то, что есть в моей.

– Я прав. Ничего. Шевели задницей, чёрт возьми.

– С кем она улетела?

– А ты как думаешь?

– Тебе сложно мне сказать? – вновь повышаю голос я.

– С Фрэнком она улетела, ты успокоился?

– Нет! – рывкаю я, пиная стопку под ногами.

Запустив обе пятерни в волосы, я начинаю бродить взад-вперёд, тяжело вдыхая и выдыхая. Меня бесит, что Джаред

прав. Меня бесит, что Алекс улетела. Меня бесит, что она улетела с ним. Меня бесит, что она вообще сделала это. Меня бесит буквально всё. Я не могу найти покой без неё. Она – моё успокаивающее и обезболивающее. Я не могу разобраться с самим собой. Но должен это сделать, потому что делаю это ради нас. Ради неё.

Пока я сменяю один поток мыслей за другим, Джаред начинает избивать грушу так, что с каждым его ударом, я представляю там любого парня, который может забрать её у меня. Мне действительно страшно, потому что он машина для убийств. Его движения быстры и точны, а карие глаза внимательны и сейчас в них бегают самые настоящие дьявольские искры. Я видел его на ринге, видел, как он дерётся вне его. Могу сказать, что это два разных Джареда, и я всегда боялся его драк, потому что один удар может унести чью-то жизнь в могилу. Но сейчас передо мной третий Джаред: тот, что не жалеет силы, и отрывается на мешке. Нанеся ещё один удар, он встряхивает головой, из волос которой разлетаются капли.

– Ты поспорил с Лизи?

Джаред делает глоток воды и обращает взгляд ко мне.

– С чего бы?

– Ты только что хотел убить грушу.

– Я разрабатываю и увеличиваю на ней силу.

– Вы вообще ругаетесь?

– Бывает, – пожимает плечами Джаред.

– Из-за чего?

– Из-за какой-нибудь мелочи.

– Например?

– Дал сладкое, поздно положил, бросил одежду. Мелочи жизни.

– Из-за таких мелочей разошлись мы.

– Нет, не из-за таких. Я признаю свою неправоту. Им нельзя много сладкого, пару раз уже вылезла аллергия, но не могу отказать, когда они смотрят на меня. Лизи полтора месяца приучала их к режиму для сна, а я позволял газетку в телевизор. Понимаешь? Я более лояльно отношусь к этому, а детям нужна дисциплина, особенно нашим. Секунда, и они шею себе свернут. Вот тут я не прав. Мы вместе пять лет, а я не могу перестроить себя. Возможно, это уже и не нужно, ведь она делает всё на автомате. Моя невнимательность или неряшливость, Том. Она хмурится, и я признаю свою неправоту в таких мелочах. Лизи, к примеру, не любит много соли, поэтому обычно не досаливает, но я ничего не говорю ей, я молча беру соль и солю столько, сколько нужно мне, хотя она тысячу раз извинялась за эту нелепость, потому что чувствует себя виноватой. Я бросил футболку – она убрала. Она не досолила – досолил я. Всё просто. Не бывает ничего идеально гладкого, но мы просто привыкли и закрываем на это глаза, потому что такие мелочи не стоят наших отношений. Зачем портить друг другу настроение?

Я не стал отвечать на риторический вопрос брата, да и это

не требуется. Он прав. Подобные мелочи бытовой жизни не стоят ссоры. На самом деле, Джареду повезло в том, что Лизи быстро отходчивая. По щелчку пальцев, она может выкинуть всё из головы и продолжит быть собой дальше. Алекс в этом плане другая. Ей нужно время, чтобы отойти. Ближайшие десять минут её лучше не трогать, после которых она сама может подойти. Я всегда думал, что они две капли воды, но нет, это я понял спустя пару месяцев отношений с ней.

– Она всегда мечтала побывать в Китае, – выдыхаю я, смотря на журналы под ногами.

Джаред поднимаем глаза, и смотрит на меня из-под лба, начав перематывать бинт на руке.

– Она же мечтала о Голландии.

– Да, но китайскую культуру она любит со школы. Амстердам – это просто идея фикс, как и другие.

– Мучаешься из-за того, что кто-то другой исполнил её мечту?

– Можно сказать и так, – киваю я, запуская пятерню в волосы.

– Китай – не один город, там их сотни, увезёшь в другой. Это не проблема. Для начала верни её, вряд ли она сейчас согласится ехать с тобой хотя бы до магазина.

При упоминании супермаркета, мне хочется стать грушей для Джареда.

– Чарли – дочь тренера, – безапелляционно заявляю я.

Джаред, который подошёл к груше и уже встал в стойку,

резко завернул голову в мою сторону.

– Её отец сам хочет подложить её под меня, – следом добавил я.

– Ты прикалываешься?

– Нет.

– Каким образом он это делает?

– Сегодня говорил, что я ей симпатичен, но я сказал о Алекс.

Джаред выгибает бровь и задаёт немой вопрос.

– Сказал, что у меня есть девушка. И охренеть, но этот старик заявил, что она может пододвинуться.

– Да он приколист, – усмехается Джаред.

– Я тоже так подумал, пока не застал её в раздевалке после душа.

– И?

– Попросил уйти, но она видимо не решалась, пришлось скинуть полотенце и посверкать задницей.

– Придурок, – смеётся Джаред.

– Думаю, что она уже видела подобные.

– Ты мог оставить ей травму на всю жизнь, – продолжает насмехаться Джаред.

– Уже оставил при встрече в кафе полностью одетый.

Джаред усмехнулся и вновь начал колотить грушу, а я, подхватив журналы, открыл ту страницу, где черным по белому прописан мой маяк в виде имени любимой девушки.

Глава 11

Алекс

Такси с Фрэнком продолжало стоять на подъездной дорожке, ведущей к дому Лизи и Джареда, пока я стучала в дверь. Я обещала ей приехать даже в три часа ночи, что ж, моя лучшая подруга относится к этому слишком серьёзно, поэтому не в три часа, но в начале пятого утра, я поехала с аэропорта напрямую к ним. Ещё один стук и я слышу топот ног, ожидая Джареда, но удивляюсь, когда застаю на пороге сонную Лизи.

– Джа... – лопочет она, когда я бросаюсь ей на шею с объятиями.

– Почти угадала, – хихикаю я.

– Алекс?

– Я же говорила, что приеду к тебе хоть в три часа ночи.

И я не одна.

– Я вижу, – кивает Лизи, смотря на машину, которая уже отъезжает, но Фрэнк опустил стекло и машет ей в знак приветствия.

– Я о подарках, – улыбаюсь я, указывая на пару чемоданов, – и почему дверь открываешь ты, а не твой муж?

– Он на пробежке, думала, забыл ключи.

– Ладно, но ты хотя бы спрашивай, кто пришёл. Отбитых

на свете много.

– Будешь учить меня? – смеётся Лизи, помогая затаскивать чемодан в дом.

– Если надо, то буду, – киваю я, – и мне нужно кофе, очень срочно.

– Знаю.

В несколько шагов, она преодолевает расстояние до кофемашины, которая тут же начинает шуршать зёрнами, а Лизи подставляет кружку по будущую струю моей бодрости.

– Сироп?

– Лесные ягоды?

– Он вчера закончился, есть клубника, банан, ежевика, мята.

– Клубника. И ещё мне нужно в душ после самолёта.

– Иди, я принесу одежду и полотенце.

Лизи устремляется наверх, а я к двери, ведущей в ванную комнату.

Тёплые струйки, стекающие от макушки по плечам, расслабляли тело. После кресла в самолёте, простое вертикальное положение на ногах дарит радость. Но это состояние усталости кажется таким приятным. Два с половиной дня, я находилась в Гонконге, познавала китайскую культуру, своего друга и начальника в одном флаконе, и просто отдыхала душой, радуясь прогулкам и новому вдохновению, которое подарил этот город. Такое чувство, что внутри зародилось какое-то новое, доселе неизвестное мне чувство свобо-

ды. Закрывая глаза, я всё ещё вижу Тома и думаю о нём, но всё то проведённое время в обществе Фрэнка – практически забывалась. Приходя в номер, я попросту валилась с ног в кровать, засыпая самым сладким и желанным от усталости и переизбытка эмоций сном.

– Ты жива? – раздаётся голос Лизи.

– Можно сказать и так.

С минуту, мы молчим, и я слышу, как она чистит зубы, после чего, вода больше не журчит.

– Алекс? – тихо начинает подруга.

– Да?

– У тебя всё хорошо?

– Да, – выдыхаю я, проглотив ком недосказанности.

Лизи снова замолкает, и я вижу её размытый силуэт за стеклом. В эти самые секунды, я чувствую себя самой худшей лучшей подругой на свете. Но я обещала. Обещала всё рассказать ей по прилёту. И спустя несколько месяцев, я понимаю, что пора. Как бы я не старалась удерживать Лизи и Джаред на расстоянии вытянутой руки, они в автоматически становятся замешанными в наших отношениях. Подруга покидает комнату, следом это делаю я, предварительно натянув её пижаму и накрутив полотенце на голову.

Ароматная кружка с кофе в одиночестве дымится на журнальном столике, вторая покоится в руках Лизи, занявшей уголок дивана; смотря куда-то в сторону стеклянных дверей, ведущих на задний двор, за которыми скоро начнёт подни-

маться солнце, она подпёрла колени к корпусу и о чём-то задумалась. Занимаю место рядом с ней, делаю глоток напитка и выдыхаю.

– Я не вмешивала тебя, потому что оно того не стоило. Я не хочу, чтобы наши разлады и расставание как-то отразилось на вас, понимаешь? Проще держать в незнании, чем вываливать все проблемы, у вас и своих достаточно, зачем вам чужие?

– Вы не чужие, Алекс.

– Когда дело касается наших отношений, мы становимся чужими. Не может присутствовать кто-то третий, понимаешь? Он автоматически становится виновным. Это как говорить об измене.

Лицо Лизи меняется: приоткрыв губы, она с ужасом смотрит на меня.

– Нет, такого не было, я просто беру пример. Если бы кто-то из нас изменил, представь, что ты знаешь, с одной стороны, ты должна сказать, ведь ты – подруга, а с другой стороны не можешь, потому что это выльется боком, и ты вовсе останешься виноватой. Вот что я имею в виду. Лучше не лезть в чьи-то отношения. Чужая семья – потёмки. Вы ведь тоже ругаетесь, и это нормально, я ни за что не поверю, что ты не злишься на Джареда или он на тебя, это априори невозможно. Просто вам удаётся сгладить конфликт. У нас всё накопилось. За год всё поменялось. Всё медленно, но верно, покатилося на дно и вот что получилось. Мы хотели разного.

– Что ты имеешь в виду под *разным*?

Делаю глоток и бросаю на подругу быстрый взгляд.

– Не знаю. Он сошёл с ума со своей работой, а я хотела его, правильной сказать так. Я.. наверно, мы просто стали разными.

– Не говори ерунду, Алекс. Вы всегда были разными. Спичка и коробок. Масло и огонь. Том всегда был более рассудителен и спокоен, а ты – нет. Вы и есть тот самый плюс и минус. Противоположности, которые притягиваются. И все восемь лет вы благополучно уживались.

– Вот именно: уживались.

– Ты сейчас утрируешь. Я говорю о другом, ты прекрасно меня понимаешь. Он не может вечно быть с тобой, Алекс, понимаешь? Он работал, как и ты.

– Работал. Настолько сильно заработался, что между нами ничего не было. И когда я говорю «ничего», это означает абсолютно ничего. Как будто привычка. Отработал, пришёл домой, поужинал и лёг спать, а я? Дополнение к нему. Между нами ничего не было пару месяцев, понимаешь? Либо был кто-то ещё, либо собственный парень перестал мной интересоваться. Может, это моя вина, я не могу говорить за него. Но он ушёл, Лиз...

Проглотив новый ком, я не стала сдерживать слёзы.

– Мы не поговорили. Я пыталась. Десятки раз пыталась поговорить с ним, но не получалось. Он не слышал или говорил, что мне просто скучно. И я перестала. Вышло то, что

есть сейчас. Но если я пыталась, то он – нет. Он предпочёл уйти, даже не поставив точку. Я пришла домой, а его вещей нет, как и его самого. Пусто. Он даже не попрощался. И если быть честной до конца, то я наткнулась на них в супермаркете. *А ты любишь сыр с плесенью?* Возможно, что полюбил, я ведь его совсем не знаю. Такое чувство, что я знала совсем другого человека все эти годы. И сейчас, когда розовые очки спали, я увидела иного. Этот Том мне не знаком. Он слабый и трусливый. Возможно, что тот был моей выдумкой. Я люблю фантазировать.

Смахнув слёзы, я вымученно улыбнулась.

– Видимо, нам лучше по разные стороны баррикад. Обещаю, со временем всё станет проще, конечно, лучшими друзьями – мы не станем, но наши посиделки будут в привычном ритме.

– Мы обе понимаем, что не будут.

– Будут, Лиз. Однажды он придёт с ней, а я.. наверно я приду не с Фрэнком, хотя с ним мне комфортно больше всего. Знаешь, это напоминает тебя и Дина, только он мог противостоять Джареду. Фрэнк не пытается и не скрывает своей ориентации, возможно, так правильно, хотя, иногда мне хочется, чтобы он молчал, как и Дин, ведь тогда я видела реакцию Джареда. Все её видели. Возможно, так бы было что-то понятно. Если честно, Фрэнк его защищает, что мне непонятно, возможно, это мужская солидарность. В любом случае, всё в прошлом. Мне нужно время, это не так просто...

Я не знаю, что такое быть одной, Лиз... Я не знаю себя без него. Сейчас я только знакомлюсь с самой собой. И я сходила на свидание с Мартином.

Из-за воспоминания, я издаю смешок, а Лизи выгибает бровь.

– Это было смешно, – выдыхаю я, – нас выгнали, потому что мы начали бросаться друг в друга едой. Такого позора в моей жизни ещё не было, но даже за эту глупость я ему благодарна. На время, я забыла про Тома. Но они похожи. Это страшно, понимаешь? У них практически одинаковый оттенок волос, у Мартина серые глаза, в чём-то они схожи характерами. Когда он сводит брови и о чём-то думает, я сразу провожу параллели с Томом. Это как проклятие, которое преследует. Фрэнку не нравится это.

– Фрэнку?

– Да. Он говорит, что я пытаюсь заменить его кем-то, хочу использовать, как заплатку. Но это не так... вроде не так, я даже не уверена, что хочу чего-то сейчас, я просто не знаю себя. Можно всю жизнь прыгать от одного к другому, только это как бежать от самой себя.

– Где-то я уже это слышала, – улыбается Лизи, на что я вопросительно смотрю на неё, – не бери в голову, так, мысли вслух.

– Знаешь, он пришёл ко мне в кабинет и предложил улететь на выходные. Мы знаем друг друга несколько недель, и вот так просто, он предлагает улететь... Я боялась. Я вооб-

ще боялась идти на собеседование, потому что это как будто паранойя. Я всегда думала о тебе... то, что было у тебя, но это глупо приписывать чьё-то моральное уродство всем. Господи, я вообще нахамила ему в коридоре у лифта.

– В плане?

– Я записывала в ежедневнике, что хочу сходить к психологу...

– К психологу? – удивляется Лизи.

– Да, я не хотела грузить тебя... прости. Он заглянул и сказал, что каждый второй или третий американец каждую неделю ходит к психологу, это нормально. Я разозлилась, сказала, что это дикость, читать чужие записки. А потом я нахожу кабинет с именем: главный редактор Фрэнк Ли. И он такой открывает передо мной дверь со словами: «Мисс Блинд, проходите, пожалуйста». Чёрт возьми, я в первый день нахамила начальнику. Я вообще не понимаю, как он меня принял.

Лизи начинает хихикать, а я утираю слёзы и улыбаюсь.

– Он извинился, и я тоже. А Мартин и вовсе пролил на меня кофе в первый рабочий день. Я грёбаная неприятность, это какой-то кошмар, Лиз, но он дал мне новую одежду.

– Он носит женский гардероб в сумочке?

– Почти. У него в кабинете одежда, он пишет колонку по стилю. Он хороший. Помогает мне... но я не уверена...

– Что он нужен?

– Да. Кажется, что я ничего не хочу. Останусь старой де-

вой, и до конца жизни буду приезжать к вам с Фрэнком.

– Ты торопишься, Алекс, почему ты не поговорила с ним?

– С кем?

– С Томом.

– Мне кажется, что это уже не нужно. Думаю, что уже поздно.

– Глупая привычка делать выводы заранее. Я не буду говорить за него, но он сам попросил Джареда, чтобы ты приехала с нами.

– На матч?

– Да.

– Я приехала, но это последний матч. Первый и последний.

– Не зарекайся. Я скажу только одно: дай ему шанс объясниться, но Алекс, я прошу это не ради себя или его. Я прошу это ради тебя. Ты обижена, гордость играет, но дай ему сказать, а потом решишь. Не делай преждевременных выводов. Дай ему время.

– Говоришь, как Фрэнк.

– Значит, мы думаем одинаково. В любом случае, подожди, не руби с горяча.

– Все говорят: «Подожди, дай ему время». Прошло три с половиной месяца, и у него был целый год, но ничего. Сколько ждать? Я не хочу ждать у моря погоды. Да и зачем? Я не понимаю, что изменится.

– Ты же любишь его, Алекс, почему ты не хочешь дать ему

время?

– Потому что в это время он развлекается с кем-то другим, а я жду или должна ждать.

– Ты не должна его ждать. Но если ты его любишь, то выслушаешь. Неважно, расставить окончательные точки или найти какие-то точки соприкосновения, чтобы начать заново, в любом случае, решать не мне и ни кому-то другому. Но не совершай мою ошибку.

– Ошибку?

– Я не дослушала Джареда до конца, я убежала, Алекс. Он не знал, что улетит, он думал, что должен прилететь временами. Да, он давил на счёт моего переезда, это было ошибочно с его стороны, но мы нашли выход. Я сама улетела, ты помнишь. Но мы вернулись вместе и сейчас вместе. Сейчас ты убегаешь, думаешь и решаешь за него, но у него совсем другое в голове.

– Что?

– Он сам должен с тобой поговорить. И.. это очень странно, я серьёзно, – хихикает Лизи.

– Что странно?

– Они, кажется, с Джаредом становятся подружками, не разлей вода.

– Ты сейчас шутишь?

– Нет, – смеётся Лизи, – сама не верю, что это говорю, но Том часто к нам приезжает или они просто где-то вдвоём.

– Мир сошёл с ума, – качаю головой и хихикаю я, – Том

и Джаред.

– Да, – кивает подруга, – просто дай ему шанс, хотя бы выслушай и потом решишь.

Подпрыгнув на диване, я лечу к чемодану и начинаю сумбурно рыскать по нему в поисках женских штучек, пока Лизи смотрит на меня, как на отбитую.

– Ты знаешь, что я привезла?

– Удиви меня.

Найдя нужные пакетики, я бегу назад и вываливаю всё на диван.

– Маски?

– Ага, они нереальные, Лизи.

– Давай проверим.

Я киваю и устремляюсь в ванную комнату, где быстро ополаскиваю лицо холодной водой и снова падаю на диван.

– Может, ты хотя бы включишь свет? – предлагаю я, – или это утро для романтики и первых лучей солнца?

– Только если включишь ты, – хмыкает Лизи, – я слишком удобно сижу.

– Я могу действовать интуитивно, – хихикаю я, делаю глоток почти остывшего кофе и открываю упаковку с маской.

Лизи протягивает мне пакетик, и ей попадает белая глина, которую она молча предлагает мне нанести ей на лицо.

– Очень умно, мне придётся вставать, чтобы помыть руки, а тебе – нет.

Подруга хихикает и забирает идентичный пакетик из мо-

их рук.

– Я тебе, а ты – мне.

– Договорились.

По-дурацки хихикая, мы наносим друг другу на лицо глину, которая пахнет розой, и попутно болтаем о поездке. Я рассказываю о выходных в Китае, который зарядил новой энергией и вдохновением. Рассказываю о работе и свидании, даже столь коротком, но свидании. Порой кажется, что сейчас мне подвластны любые горы без предварительной подготовки. Словно я могу совершить что-то невероятное. Я всегда мечтала там побывать, и мне действительно повезло с Фрэнком, который родом из Гонконга. Я всё ещё чувствую ту приятную усталость в ногах. В номерах мы были только ближе к ночи, покидая их с утра после завтрака. Я не ожидала того, что он поведёт меня знакомить с семьёй и не требовала раскрыть свою душу. В пятницу по прилёту, Фрэнк и вовсе был в нервном состоянии. Но в субботу ближе к вечеру расслабился и позволил мне узнать город. Я не знаю, что такого было в его жизни, но эта поездка выдалась невероятной. Как ни странно, но я рада, что посетила этот город именно с ним. И, кажется, ему тоже приятна моя компания. Я видела, что ему нравится рассказывать истории и видеть мои эмоции при посещении тех или иных мест.

Брови Лизи практически соединились, когда она смотрит вниз и недовольно бурчит себе под нос, из-за чего я хихикаю.

– Я не вижу собственных ног. Во всём виноват Картер.

– В том, что ты забеременела?

– Да, не у меня же слишком активные сперматозоиды.

Почему в это чудесное время я должна выглядеть, как слон?

– Ты хорошо выглядишь, – улыбаюсь я.

– Мой второй подбородок тоже так говорит, когда мы встречаемся в отражении.

Я начинаю смеяться, а Лизи строит недовольную мордашку, со стоном поднимаясь с дивана.

– Мне срочно нужно заесть горе.

– Ты же только что говорила о слоне в виде тебя.

– Я на девятом месяце, и я не вижу своих ног, мне срочно нужно мороженое и родить, – говорит она, начав рыскать по морозилке, а её телефон разрывается из-за звонка.

Посмотрев экран, я сообщаю:

– Джаред звонит.

Лизи устремляется к журнальному столику. Подхватив телефон, она подносит его к уху и молча слушает. Медленно её брови начинают сходить на переносице, и чёткое осознание того, что жизнь Джареда продлится до тех пор, пока он не вернётся домой – приходит моментально. Он буквально на волоске.

– Я. Хочу. Целый. Ананас, – отчеканивает подруга, из-за чего я начинаю смеиваться, – что непонятного, Картер?

Джаред начинает оживлённо тараторить в трубку, но до меня доносится лишь непонятное бульканье, что смешит ещё больше. Эти месяцы он проходит полосу с препят-

ствиями, которые ему лично устраивает Лизи, и иногда мне кажется, что подруга делает это специально. Но мне нравится смотреть на такого Джареда, я буквально ликую.

– Значит, вырасти его, Картер, – морщится она и убивает мобильник от уха, скидывая вызов.

Лизи падает на диван, а я довольно улыбаюсь.

– Я ужасно хочу ананас. Ты даже не представляешь, насколько сильно. Я уже не могу, Алекс. Это когда-нибудь закончится? – выдыхает она.

– Потерпи ещё месяц.

– Я просто хочу родить и ананас.

Карие глаза находят собственные ноги, и носик Лизи морщится.

– И новый педикюр.

– В этом могу помочь, – смеюсь я, принимая вертикальное положение, – где лак?

– На полке в ванной, ты правда это сделаешь? – недоверчиво хмурится Лизи.

– Да, чего мне стоит?

– Ты самая лучшая подруга из всех лучших подруг.

– Знаю.

Найдя бутылочку с пудровым цветом, возвращаюсь к дивану и кладу ноги Лизи к себе на колени. Знаю, она сделает для меня то же самое, стоит только попросить. И мне не сложно, такие глупости сближают.

– Как думаешь, сколько он ещё продержится? – заразно

улыбается Лизи, когда я поднимаю на неё глаза.

– Сколько потребуется, Джаред крепкий орешек, и особенно тогда, когда дело касается тебя.

– Вчера я захотела его в три часа ночи.

– Джареда?

– Нет, ананас.

– И?

– Он съездил и купил.

– Ты была счастлива?

– Я уже уснула, когда он вернулся, – хихикает Лизи, а я издаю смешок, – и он просто лёг спать, а утром его почистил, пока я ещё спала, понимаешь? Что с ним не так? Тебе не кажется, что я давно должна получить нокаут?

– Нет, у тебя просто гормоны.

– Я бы не хотела быть на его месте, – выдыхает подруга, когда дверь открывается.

На пороге появляется Джаред. Держа ананас за верхушку, он поднимает его в воздух, словно знамя победы и довольнo улыбается.

– Купил.

Глаза Лизи становятся размером с цент, а рот открывается.

– Я люблю тебя, – выдаёт она на одном дыхании.

Пройдясь до нас, он целует её макушку и взъерошивает мои волосы на голове, из-за чего они начинают магнититься и подниматься вверх, после чего направляется к кухне.

– Знаю.

Через пять минут на спинке дивана образуется тарелка с кусочками ананаса, а я, щурю глаза, смотря на Джаред, который падает за Лизи, обнимает её талию и начинает листать каналы. Он что, Санта? В это время подружка буквально с сердечками в глазах и стонами, кладёт кусочек за кусочком в рот. У неё точно фетиши по этому фрукту.

– *Такими темпами у нас родится парочка ананасов, – улыбается Джаред, положив ладонь на живот с так называемыми комочками.*

– *Будет вкусно, – пожимает она плечами и ответно улыбается, накрыв его ладонь своей.*

Картер и милости, я схожу с ума.

Упав на спинку дивана, мы смотрим друг на друга и хотим, вспоминая школьные и университетские дни. Мне слишком не хватало такого беззаботного времени с Лизи. Сейчас я понимаю, что отказалась из-за расставания с Томом от многого. Оно того не стоило, даже при нашем разрыве. Нам придётся уживаться на одном квадрате, потому что Джаред – его брат, а Лизи – моя лучшая подруга. И то, что они вдруг ни с того ни с сего начали так близко контактировать – что-то сверхнепонятное для меня. Их сложно назвать лучшими друзьями, но, вероятно, Том нашёл друга именно в брате, в то время как я обзавелась новыми.

Щелчок дверной ручки и мы замолкаем. При тусклом свете, который падает из окна, Джаред проходит на кухню, бро-

сает ключи на столешницу, открывает холодильник и начинает пить молоко. После чего, он закрывает дверцу и издаёт резкий писк как девочка, из-за чего мы обе буквально выплевываем смех.

– Твою мать, какого хрена!?! – ворчит он, прижимая ладонь к сердцу, – что за птичий помёт у вас на лице?

– Это маска, придурок, – хохочу я, потому что Лизи и слова выдавить не может из-за смеха.

– Какого хрена вы тогда молчите!?

– А что нам говорить? Петарды пускать из-за твоего вращения?

– Смойте это дерьмо, – бурчит он, – нихрена не смешно, Картер, ты могла остаться вдовой.

– Ты хотя бы под ноги смотри, в дверях чемоданы, – хихикает Лизи.

– И что? Вы могли отрубиться по комнатам. Нахрена это делать в пять утра? Я чуть не откинулся.

Джаред морщится, когда Лизи весело скачет к нему и повисает на шее, начав её целовать и попутно марать глиной.

– Мерзость, – гундит он, но улыбается, позволяя ей целовать себя.

– Знаешь, я никогда не думала, что буду это делать, – выдыхаю я, поднимаясь с дивана.

Джаред вскидывает брови, а Лизи, понимая меня, крепче сжимает его шею и хитро улыбается. Быстро миновав расстояние, я повисаю на его шее и трюсь о футболку и вторую

щёку, потому что первую уже измазала Лизи.

– Фу, – бурчит он и вырывается, но мы обоюдно виснем на нём и, смеясь, продолжаем мазать глиной, – что за дерьмо!?

– Я люблю тебя, – хихикает Лизи.

– Извини, я женат.

– Я знаю, – пищит Лизи, когда он начинает щекотать её и меня.

– Тогда верни мне мою жену, – морщится Джаред и ему удаётся выскользнуть из нашего кольца, – мне надо помыться и отъехать.

– Куда? К жене? – улыбается Лизи.

– Почти, – смеётся Джаред и сам притягивает её к себе.

Лизи переводит взгляд на меня, и вновь посылает хитрую улыбку, на что я делаю несколько шагов к журнальному столику, словно не планирую ничего дальше. Моя соучастница отвлекает мужа, а я беру оставшуюся в упаковке глину и возвращаюсь назад. Лизи поднимется на носочки и целует Джареда в губы. Пока наша жертва ничего не подозревает, она отводит назад руку, и я вкладываю в неё часть глины. После чего, мы с визгом: «Атака», мажем Джареда и хохочем, как безумные.

– Предательница, – ворчит Джаред, но смеётся вместе с нами.

Лизи повисает на его шее, и я спешу сделать это следом, запрыгнув со спины. Картина что ни на есть прекрасная, когда входная дверь открывается. Наша троица застывает.

Джаред, в полусогнутом положении, на котором с обеих сторон виснем я и Лизи. В горле моментально пересыхает, когда я встречаюсь с взглядом серо-голубых глазах. Лизи искоса поглядывает на меня, и мы плавно отпускаем Джареда, а Том поднимает бровь.

– Сделаю вид, что меня не уделала парочка девчонок, – усмехается Джаред, – мне нужно в душ.

– Мне тоже, – соглашается Лизи, из-за чего я бросаю на друзей яростный взгляд.

– Я помоюсь наверху и нужно поспать.

– А работа? – хмурится Лизи.

– Фрэнк дал мне сегодня отгул.

– Как любезно с его стороны, – тихо бубнит Том, из-за чего Джаред едва сдерживает смешок, а Лизи закусывает нижнюю губу. Я же делаю вид, что ничего не слышала. Выходит глупо, ведь это похоже на то, что я уронила вазу, и теперь стою в одиночестве с осколками на полу, подняв голову к потолку и посвистывая, словно она упала сама.

На минуту, между нами повисает тишина. И я первая её нарушаю тем, что подхожу к журнальному столику. Подняв кружки, ставлю их в посудомоечную машину и выкидываю упаковки в мусор. Всё это время, пристальный взгляд Тома сверлит мою спину. С одной стороны, радуюсь хоть чему-то, но с другой борюсь с этим чувством. Я совершенно не хочу обманывать себя. Джаред уходит в ванную комнату, следом за ним спешит Лизи, и когда дверь закрывается, я перевожу

взгляд с деревяшки на Тома.

– Как слетала? – сухо спрашивает он, и с помощью по-добранного тона, я откидываю всякие сомнения и надежды. Ему плевать.

– Хорошо, спасибо, – киваю я, направляясь к лестнице, чтобы поскорей скрыться.

Будь я дома, сейчас могла достать дневник, залезть под одеяло и заливать его слезами, но я не дома. И я больше не хочу плакать из-за него. Как только я равняюсь с ним в направлении лестницы, Том останавливает меня рукой, ладонь которой кладёт мне на живот. Не поворачивая лицо, я борюсь с самой собой, ведь эти касания одновременно воскрешают и вновь губят всё живое внутри.

– Убери руку, пожалуйста.

Тёплая ладонь покидает моё тело, из-за чего чувство одиночества моментально напоминает о себе.

– Спасибо. Больше так не делай, пожалуйста.

Шагая по лестнице, я едва сдерживаю слёзы, когда слышу в спину:

– Алекс....

Кусая внутреннюю сторону щеки, но с гордо поднятым подбородком, захожу в комнату и закрываю глаза, поддаваясь слезам, которые проскальзывают по щекам. Обещание самой себе нарушено, ведь я снова тут и снова плачу из-за него.

Смыв глину, я валюсь на кровать и закрываю глаза. Утро

началось прекрасно, но всё резко поменялось с приходом одного человека. Тело всё ещё помнит его касания, которые разум желает забыть. В дверь тихо стучат, и я думаю, что это Лизи, но сердце обрывается, когда слышу голос Тома.

– Алекс, я могу зайти?

Смотря в одну точку в виде двери, я утыкаюсь лицом в подушку, чтобы сдержать всхлипывания и кручу головой в разные стороны, будто он может увидеть меня. От меня не исходит и звука, я застыла.

– Поговори со мной...

Но я не готова и особенно в доме друзей. До ушей доносится тяжёлый выдох Тома. Следом, его шаги удаляются, а я закрываю глаза и погружаюсь в сон. Так я не вымоталась даже в Китае.

Глава 12

Алекс

– Ты не должен этого делать.

– Может быть и не должен, но хочу, – улыбается Мартин, вышагивая за мной по тротуару, – почему я не могу помочь тебе, Алекс? Ты же не знаешь, где я живу, возможно, нам по пути.

– Что-то я не замечала тебя по утрам, помнится, ты всегда шёл с противоположной стороны.

– Там такси останавливается, – смеётся он.

– Интересно, почему я не верю? – шурюю и бросаю в его сторону презренный взгляд.

– Мне тоже интересно, не думал, что могу вызывать подозрения.

Выдыхая, я останавливаюсь на перекрёстке и смотрю на своего спутника. Вишневая водолазка, закатанная до локтя, обволакивает отличные мышцы на руках; всё те же по-бунтарски оборванные на коленях чёрные джинсы подвернуты и открывают щиколотки; белые кроссовки в сочетании с такой же контрастирующей доброй улыбкой, которая должна вызывать у меня приступ асфиксии и дрожь в коленях, но ничего нет. Моё проклятие со мной, как же иначе. Удерживая папки под боком, он поправляет рукав, который начал

сползать и снова улыбается мне.

– Я могла дойти сама.

– Знаю, ты всё можешь сама, я уже слышал. Но мне не сложно тебе помочь.

– Я могла поехать на такси.

– Но пошла пешком.

– Боже, – выдыхаю я, – ну что за детские перепалки?

– Я о том же. Дай мне возможность тебе помочь и всё,

Алекс.

Внутри отпадает один механизм, помогающий сдерживаться и оставаться спокойной. В одну секунду скопленные эмоции вырываются наружу со словами:

– Почему все хотят мне помочь? Зачем? Я не хочу помощи, я хочу справиться сама! Почему мне не дают возможности!?

Мартин и глазом не повёл. Выгнув светлую бровь, он смотрит на меня и на его губах играет тень улыбки.

– Всё?

– Что? – фыркаю я.

– Вулкан взорвался, ураган стих, землетрясение прошло?

– Имей в виду: чай мы пить не будем, как и заходить ко мне.

– Я просто помогу тебе дойти до лифта.

Выдохнув, я уже закатываю глаза и устремляюсь вперёд. Это бесполезно. Сколько бы я не просила, никто не слушает меня. За пару дней я превратилась в раскалённую лаву, кото-

рая сжигает, стоит лишь до неё дотронуться. Всё это благодаря одному человеку. Ему вновь удалось сбить меня. Стоит только Тому появиться на горизонте, и я чувствую ту жгучую боль внутри так, как будто всё произошло вчера. Три гребаных месяца, и сейчас четвёртый – мой личный котёл напрямую из ада. Сколько ещё? Обычно говорят о семи кругах ада, и если верить, то мне осталось три с половиной. Если на том мои мучения закончатся, то я приклоню колено и сниму шляпу за эти бесконечные будни. Сейчас ощущение того, что время не лечит, а только калечит – как никогда актуально.

Останавливаясь на парковке, я, наконец, выдыхаю. Свежий воздух пошёл мне на пользу, потому что вся ярость словно развеялась вместе с ветром. Мартин протягивает мне папки и, подобрав их под второй бок, потому что под первым уже парочка, я благодарно улыбаюсь. Одна пешком я бы дошла только ближе к ночи.

– До завтра, мисс-я-сама, – улыбается он.

Подмигнув на прощанье, Мартин шагает в ту сторону, откуда мы пришли, а я смеюсь.

– А ты разве не живешь где-то рядом? Нам же по пути!?

– Я сказал, что возможно нам по пути, – смеётся он, шагая теперь уже лицом ко мне и спиной к нужному направлению.

– И ты просишь меня доверять тебе? Я оказалась права, Магнаггарт.

– Я – Мактаггарт, – улыбается он, – хватит коверкать мою

фамилию.

– Мне так больше нравится.

Мартин качает головой и улыбается, после чего отворачивается.

– Спасибо за помощь, Малвагат, – кричу я, за что получаю смех и новое покачивание головой.

Хихикая, я рывком подтягиваю папки по обе стороны от себя и плетусь домой. Сегодняшний вечер обещает быть убойным. В моём шкафу – бардак, как и в душе, в папках полная неразбериха, как и в голове, а в холодильнике пусто равным счетом, как и на сердце. Проводить параллели – вот что я люблю.

Бросив папки на диван, я хлопаю дверцами шкафчиков и понимаю, что из еды у меня только бутылка красного вина. Оно и будет моим ужином. Это почти фрукты, только простоявшие несколько лет в темных подвальчиках. Ладно, возможно, я что-нибудь закажу. Оглядев свою одинокую обитель, первым делом я приступаю к шкафу и уборке по квартире. Странно, что при проживании одной, мне удаётся накопить мусор и вообще нахрюкать. Дома я только сплю и периодически ужинаю, а бардак такой, как будто ещё тут проживает пара тройка нелегалов.

Спустя час, квартира сияет в отличие от моего внутреннего состояния. Да, я снова прибегаю к самобичеванию, поэтому залезаю под душ, чтобы выбить всякие мысли из головы. Знаю, это очередной будущий провал, но я снова пытаюсь.

Папки покорно ждут меня, и я оттягиваю этот момент до последнего, но всё же занимаю место на полу и приступаю к тому, что вываливаю работы рядом для распределения каждого листочка. Это занятие не на час и не на два, я определено проторчу на одном месте до ночи. Это навивает дежавю воспоминаний.

– *Может, ты лучше для начала разберёшься с фотографом, а потом займёшься флористом?* – закусив нижнюю губу в знак раздумий, обращается Лизи к Бекке.

– *Не думаю, хорошего фотографа оторвут с руками и ногами, а цветы мы найдём хоть где,* – в ответ жмёт плечами Бекка.

– *Давайте распределим?* – предлагаю я.

– *Что?* – обращается ко мне взгляд зелёных глаз.

– *Ты возьмёшься за фотографа, я за флориста, а Лизи решит кондитерские вопросы.*

– *И ты так просто позволишь мне пробовать торты?* – хихикает Лизи, – *не будешь ворчать ещё неделю?*

– *Да, это же для благого дела, мы должны помочь подружке в её малом бизнесе.*

– *Боже, вы вообще понимаете, как я вас люблю?* – хнычет Бекка, стискивая наши шеи крепкими объятиями, – *дома я успевала всё, но с проклятыми лекциями и работами совсем забылась. Это мой первый заказ после затянутого перерыва.*

– *Когда войдёшь в калию, устрой нам женский вечер,* –

улыбаюсь я, обнимая её в ответ.

– Если всё пройдёт хорошо, и я не умру от счастья, то я устрою нам лучший вечер, – энергично кивает она.

– Тогда, пора устроить милой Виктории лучший шестнадцатый день рождения.

Смягчив хватку, Бекка подставляет пару ладоней.

– Дадите пять?

*С улыбкой, я и Лизи делаем согласный кивок головой и са-
лотуем своими ладонями пять по протянутым рукам по-
други.*

*– Я люблю вас, правда люблю, – выдыхает Бекка, – спа-
сибо.*

– Обращайся, – пожимая плечами, улыбается Лизи.

*Наша тройка приступает к куче бумаг и папок на полу,
так называемыми «опытом», который уже прошла Бекка,
организовывая праздники в Стамфорде.*

*С улыбкой, я приступаю к работе. Как бы хотелось вер-
нуться назад и вновь заниматься подобным занятием с ни-
ми. Это объединяло, и было весело. С тех пор многое из-
менилось. Теперь Бекка владеет несколькими агентствами
по разным городам, примерно таких насчитывается шесть, и
в основном они разбросаны по крупным мегаполисам, сама
же она оседает в любимом Лос-Анджелесе, из которого её
тяжело вытянуть. Настоящая бизнес-леди, которая вылетает
только по определённым обстоятельствам. Обычно такими
являемся мы. Я никогда не думала, что в дружбе между мной*

и Лизи будет присутствовать третий, но ей легко удалось ворваться в нашу компанию, как и Камилле. Конечно, связь с Лизи тесней, но не отменяет дружбы с Беккой и Камиллой.

Я не замечаю, как солнце скрывается с горизонта, плавно погружая комнату во тьму, которую начинает разбавлять светильник, склоняющийся над бумагами. Где-то с боку тихо разговаривает телевизор, на экране которого мелькают картинки и игры цветами, отражающиеся на глянцевом покрытии журнального столика. Парочка готовых папок ложится на краюшек дивана, а я улыбаюсь двум другим, которые тоже скоро присоединятся к ним. Время давно перевалило за десять вечера, кружка с чаем остыла и опустела, а глаза начинают слипаться, но я отчаянно желаю доделать работу именно сегодня, борясь с привычкой оставлять на потом. Когда-нибудь я смогу перестроить себя, после чего сама же поблагодарю себя за подобную черту характера. Я не сразу осознаю, что в дверь стучат, но хмурюсь, когда обращаю взгляд к часам на запястье. Это моя новая привычка: носить часы, потому что теперь я ценю каждую секунду. Возле одиннадцати часов, кто-то решил забежать в гости и это довольно странно. Думая в первую очередь о Лизи, которая обычно сообщает заранее о своём приезде, я подскакиваю с пола и несусь к двери. Мало ли что случилось, в их отношениях всегда царит ураган и тишина в одном флаконе.

Внутренности в один счёт взрываются и убивают меня изнутри, когда на пороге я застаю Тома. Сунув руки в карманы

джинс, он смотрит под ноги и что-то напоминающее камушек, катает носком кроссовка по полу. Наши взгляды встречаются, и я не могу ничего сказать, смотря на него ошарашенным взглядом.

– Алекс... – едва слышно выдыхает он.

Я не знаю, где найти силы для вопроса и, кажется, не тороплюсь с поисками. Я лишь молчу, смотря на парня перед собой, из-за взгляда на которого – дрожит сердце, а в горле встаёт ком.

– Мы должны поговорить, – первым нарушает молчание Том, на что я хмурюсь. У меня есть, что ему сказать? Вряд ли, это больше напоминает пулю, состоящую не из стали, а из обид, скопленных внутри.

Продолжая смотреть на него, я застыла или вовсе умерла на месте, но я слышу и вижу, а это гарантирует моё живое присутствие, а может и не гарантирует, я же не знаю, что происходит после смерти. Вдруг мы попадаем в темноту или другой мир? Рай? Ад? Чистилище? Кажется, мне пора завязывать с подобными сериалами.

– Нам нужно поговорить, – повторяет Том.

Ноги автоматически делают шаг в сторону, чтобы он прошёл, хотя я не совсем понимаю, желает ли того сознание. Тело и здравый рассудок живут врозь друг другу, но это становится привычным. Закрываю дверь, а Том рассматривает моё увлечение сегодняшнего вечера, которое я не тороплюсь убирать с пола, ведь некоторые листы уже распределены по

нужным сторонкам.

– Я не хотел приходить...

– Зачем тогда пришёл? – сухо перебиваю я, не успевая увернуться от ещё одного ножа в спину в виде слов.

– Ты не поняла... Ты была не одна.

– Со мной ходит человек-невидимка.

– Не такая уж и невидимка.

Бросаю на Тома непонимающий взгляд и усаживаюсь на пол, чтобы хоть чем-то себя занять и создать вид абсолютно-го безразличия. Не знаю, получается ли, ведь касаясь листов, я вижу, как дрожат руки и поэтому, положив парочку листов по нужным стопкам, я останавливаюсь и поднимаю глаза на Тома, который продолжает стоять в пороге. Откашливаясь, я стараюсь сохранить ровный тон.

– Не думаю, что должна оправдываться или объясняться.

– Не должна, – кивает Том, продолжая смотреть на меня, из-за чего я стараюсь не ерзать задницей по полу.

Выдыхаю и поднимаюсь с пола вместе с кружкой. Я снова пытаюсь чем-то занять и успокоить свою нервозность. Глупая привычка начинать убирать всё по местам при подобной ситуации, но так было всегда и этим я выдаю своё волнение. Знаю, Том всё прекрасно понимает, но я всё равно держу маску спокойствия. Упираюсь ладонями в столешницу кухонного острова и вновь смотрю на парня в пороге квартиры. С минуту мы молчим, и секундная стрелка отбивает ритмы не на циферблате, а в моей голове. Лишь разговоры, шедшие

от телевизора, скрашивают тишину.

– Зачем ты пришёл? – не дрогнув голосом, спрашиваю я и благодарю себя за смелость.

– Я больше так не могу, Алекс...

– Я не понимаю, о чём ты. Если ты вдруг решил извиниться или что-то ещё, то это лишняя трата нашего времени. Всё в прошлом. Я не зла на тебя.

Враньё.

– Не в прошлом, и ты действительно не зла на меня. Ты разочарована во мне, и я сам в этом виноват.

– Ты пришёл, чтобы исповедаться? Я не совсем понимаю, Том. Чего ты хочешь от меня?

– Чтобы ты не скрывала сейчас того, что чувствуешь. К чему ты надела эту маску? Думаешь, я не знаю тебя? Думаешь, можешь закрыться от меня?

– Ты не знаешь меня.

– Чушь собачья. Я знаю тебя лучшего любого другого человека на планете.

– Ошибаешься.

Том печально улыбается, и сердце тянется к нему, блуждая в лабиринте из препятствий, которые неожиданно возникают на пути. И эти препятствия в виде моих обид.

Легкая щетина, которая раньше щекотала шею и щёку так и манит дотронуться до неё, пробуждая желание сделать к нему шаг, но я запрещаю себе это. Серо-голубые глаза, которые сейчас кажутся намного темнее на самом деле обманка,

так было всегда. Как только город погружается в ночь, глаза Тома тоже темнеют, либо это иллюзия из-за расширенных зрачков, они всегда казались пропастью, где я тонула. Сейчас точно также. Я снова подхожу к обрыву, начиная гулять вокруг бездны.

– Я совершил ошибку трижды.

– Хорошо, – киваю я, не спеша задавать вопрос, которые моментально появляются в голове: где он ошибся? Но Том делает это за меня.

– Не хочешь спросить, где?

– Это имеет значение?

– Хватит быть такой сукой, Алекс! – повышает он тон, запуская пятерни в волосы. – Я прошу тебя, хватит!

В эту же секунду стена падает.

– Ты оставил меня!.. Бросил, как какую-то ненужную вещь!..

– Алекс, я не хотел... – выдохнул Том.

– Я не верю тебе. Люди не уходят без желания. Они не делают этого, когда не хотят!

– Я должен был остаться...

– Когда ты понял это? Когда нашёл мне замену спустя три месяца?

Посмотрев на меня серо-голубыми глазами, в которых на секунду отразилась боль, я тут же возвела новую стену между нами, чтобы не доверять увиденному.

– Я люблю тебя.

– Я не верю тебе.

– Я всегда любил тебя, Алекс, и пока мы не были вместе, я продолжал тебя любить.

– Пустые и дешевые слова. Ты заменил меня. Уходи, Том.

– Мы должны поговорить.

– Мы должны были поговорить тогда, а сейчас поздно что-либо выяснять.

– Я не уйду.

– Хорошо, из собственной квартиры уйду я, – сообщаю я, бросаясь к двери, но тело Тома тут же отрезает мне путь.

Силы на исходе, с каждой новой секундой держаться трудней. И теперь, когда он в нескольких дюймах от меня – здоровый рассудок начинает растворяться. Я чувствую родной аромат парфюма, который сама выбрала и подарила ему, с тех пор Том покупает только его. Это зарождаёт желание зареветь навзрыд. Она наверняка чувствовала его. Касалась его так же, как когда-то я. Целовала. Обнимала. Эти мысли пожирают и с лёгкостью убивают. Когда перед глазами всплывает картинка, где они в постели – я зажмуриваю глаза, чтобы не позволить слезам вырваться. Но напрасно. Им удалось.

– Кричи, бей, ругайся со мной, изводи и своди с ума, Алекс. Я весь твой. Я всегда был твоим.

– Ты больше не мой... – шепчу я, не разжимая глаз, – больше не мой.

Ладонь Тома находит мою и сжимает, после чего он кла-

дёт её на свою грудь в области сердца.

– Я только твой.

Не желая убирать руку, я, наконец, нахожу ещё каплю силы и разрываю телесную связь. Слова решают вырваться наружу, и я не тороплюсь останавливать тот поток.

– Я ждала тебя. Верила, что ты придёшь. Но ты не пришёл. Этого не произошло на следующий день. Не произошло еще через день. А я ждала в этой проклятой квартире сутками напролёт. Но спустя неделю – перестала. Ты вырвал моё сердце. Сделал так больно, что я задыхалась. Я почти не спала, наверно, даже напоминала зомби. Ты не думал обо мне, ты даже не смог сказать прощай. Ты молча ушёл, как будто я пустое место. А потом ты нашёл мне замену. Спустя три месяца, ты нашёл мне замену. Вот так просто...

Смотря в серо-голубые глаза, я улыбнулась, но без капли веселья. Глупая улыбка, которая решила появиться именно сейчас. Вновь найдя в себе силы, я продолжила:

– Сейчас ты стоишь передо мной и говоришь, что любишь. Как будто её можно отключить. Ты щёлкнул. Ушёл. Поразвлекался и вновь щёлкнул. Любовь снова включилась. Но что-то пошло не по плану. Знаешь, я всегда думала, что жить без тебя не смогу. Ты всегда был всем для меня. Центр вселенной. Что бы я ни представляла – там всегда присутствовал ты.

Переведя взгляд от стены, я посмотрела на Тома, который выглядел ещё хуже прежнего. Такой была я после его ухода.

– Но, как оказалось, я ошибалась. Жизнь продолжается с тобой или без тебя – время не останавливается. Разве только на какой-то период, в который ты сам себя погружаешь. Но рано или поздно у уха раздаётся щелчок, который вырывает и напоминает о том, что пора прекратить топтаться на месте, пора двигаться дальше. Мой щелчок раздался. Думаю, твой тоже.

– Да, раздался, но он не отменил чувств по отношению к тебе. Я могу делать всё, что захочу, но дело в том, что хочу делать это только с тобой. Я ошибся, Алекс. Да, и такое бывает, я – человек, который может ошибаться. Год я жил так, думая, что это правильно, что я должен иметь вот такую твёрдую опору под ногами для нас. Я всё делал только для нас, потому что хотел дать тебе всё, ты не понимаешь? Я был готов сутками пропадать там и брать на себя сотню дел, лишь бы получить больше и дать тебе больше. Но я не понимал, что требуется совсем другое.

– И что?

– Внимание, – тихо выдыхает Том, смотря на меня.

– Ты прав, но уже поздно. Возможно, этот опыт поможет тебе в будущем.

Ядовитость собственных слов, моментально расплзается и сворачивает кровь, парализуя каждую частичку тела. Ревность настолько сильна, что я не понимаю саму себя. Словно лента кассеты, всё начинает плыть перед глазами. А именно всё то, что он сделает для кого-то. Не для меня. Опыт, ко-

торый поможет тебе в будущем. Эти слова будто пощёчина самой себе.

– Я так не думаю. Хочешь сказать, что ты всё забыла, оставила в прошлом и разлюбила? Потому что я не забыл, Алекс. Я не могу забыть, чёрт возьми. Я пытался, честное слово, пытался.

– Я видела, – с комом в горле, выдавливаю я.

– Ты видела, но, как всегда, додумала сама. Да, ты всегда так делаешь. Я.. не буду врать, не буду говорить, что ничего не было, потому что это не так. Было.

Смотря на Тома, я чувствую, как медленно и верно осколки сердца режут внутренности. Одно слово мерзким скрипом и эхом отзывается в ушах, Том продолжает что-то говорить, но я не слышу, я только вижу, как его губы шевелятся под стать словам.

Было. Было. Было.

Если бы он сказал это раньше, сейчас я могла биться в истерике, но слёзы будто застыли вместе со мной. Вместе с секундной стрелкой часов. Вместе со всем живым на планете.

– Услышь меня, Алекс.

– Я тебя слышу, – сухо говорю я, смотря перед собой.

– Нет. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты зацепилась за одно, дальше я говорил сам с собой. Было, но не секс. Я целовал её... чёрт, это делала она. Я просто ответил на поцелуй.

– Ты вправе делать то, что пожелаешь.

– Нет, Алекс. Я думал, что это поможет. Не помогло. Я не

хочу что-то скрывать от тебя.

Желание ответить на боль болью – затмило здравый рас-судок, и слова вылетели раньше, чем я подумала.

– Отлично. Я ходила на свидание.

– Я знаю, – едва слышно ответил Том.

Тишина, повисшая между нами, метала искры тока даже несмотря на спокойствие. Но на самом деле, спокойствия со-вершено не было. Боль так сильно сдавливала внутренно-сти, что я кусала внутреннюю сторону щеки, лишь бы не за-плакать вновь. Я сходила на свидание, а Том кого-то цело-вал. Этот факт медленно и с особой изощренностью убива-ет некогда красочных бабочек в животе. Хотя, убивать уже некого, они канули с обрыва тогда, когда он ушёл.

– Мы всё выяснили? – первой начинаю я, смотря в его глаза.

– Нет.

– Что ещё, Том?

– Алекс, я не уйду, ты не понимаешь? Я тебя не отпущу. Мне плевать, было ли что-то или нет. Я сам позволил этому случиться, это только моя вина. Я не уверен, хочу ли знать правду или нет. Я честен с тобой. Я всегда был честен, мне никогда не нужна ложь с тобой. Я знал, что ты всегда меня поймёшь и поддержишь. Я ушёл с работы, потому что вы-брал тебя, а не её, выбрал то, в чём ты меня всегда поддер-живала и говорила, что у меня всё получится.

Каждое слово с болью врезается в душу и сознание, но

я стараюсь держать браню, хотя руки дрожат под тяжестью. Хочется расслабить пальцы и отпустить этот щит, но я за-чем-то продолжаю им укрываться, хотя всё попадает и через него.

– У меня бы везде получилось только благодаря тебе, – выдыхает Том, – я прошу тебя, дай мне шанс всё исправить.

Внутри разом уронили все полки с книгами, которые смешались и теперь от меня требуют найти одну нужную. Но я не знаю, где она. Истина где-то в этой груде непонимания.

– Дай мне шанс... Ты говорила, что любишь меня больше всего на свете, а я больше всего на свете хочу исправить всё то, что натворил.

– Нельзя исправить ошибки. Это невозможно. Не в этом случае.

– Возможно, если этого хочу не только я.

Сделав шаг назад, Том скользит по мне взглядом.

– Может быть, ты поменялась внешне, но не внутри. Ты всегда будешь моей, Алекс. Я знаю тебя, а ты знаешь меня. Я люблю тебя, а ты любишь меня. Я желаю тебя, а ты желаешь меня. Можешь врать, но я знаю тебя. У тебя дрожат руки, когда ты нервничаешь. Ты не можешь найти себе место из-за волнения, и начинаешь заниматься ерундой вроде уборки или бессмысленного чирканья в блокноте, листы которого потом бросаешь на пол, а после тут же подбираешь и несёшь к мусорке. Я ошибся трижды, Алекс. Я пытался подавить чувства в школе. Я решил с горяча и ушёл, посчитав

это правильным. И я позволил себя целовать другой. Но я никогда не ошибусь в тебе. Позволь мне всё исправить... Я не могу найти себя без тебя, я целый только с тобой.

Том делает ещё один шаг назад и открывает дверь.

– Я не стану давить на тебя. Я прошу только меня понять. Я запутался. Но я знаю, что люблю тебя. Это то, в чём я точно уверен. Я всё исправлю, обещаю.

С этими словами, он делает шаг ко мне и оставляет поцелуй на макушке, который, кажется, задерживается на несколько секунд дольше положенного или мне хочется так думать.

– Обещаю, Алекс... – выдыхает он, после чего закрывает за собой дверь, а я валюсь с ног, утопая в слезах.

Глава 13

Алекс

Работа. Дом. Работа. Дом. Работа. Дом.

Три дня я схожу с ума в этом круговороте бесконечности. Уверена, где-то за углом меня поджидает съёмочная команда, и контракт на съёмку второй части фильма «День сурка». Я могла бы сыграть эту роль великолепно, собрав все награды. Примерный распорядок: будильник, кофе, работа, обед, работа, дом, ужин, дневник, слёзы, сон. Три проклятых дня, и это не конец, это только начало. Несколько минут понадобилось для того, чтобы смыть в унитаз все старания забыть-ся. Я вернулась к начальной точке. Я снова в слезах. И снова из-за него. Если время лечит, то какое количество его нужно?

Забавно, ведь Том сказал, что всё исправит, и где-то в глубине души я верю, но в то же время отказываюсь это делать, пытаюсь убедить себя в том, что всё в прошлом. По сути, так и есть: всё в прошлом – моё сознание и душа. Если физически я в настоящем, то абстрактным мышлением в прошлом. Каждый день я возвращаюсь к опорной точке: где были мы. Я даже не убрала фотографии с ним, та самая четвёртая рамка покоится рядом с тремя теми, где есть я и Лизи, я и Адам, наша семья в полном составе. Когда-то они занимали место

на стене родительского дома в моей комнате, сейчас занимают прикроватную тумбочку. Если Том или кто-либо другой зайдёт в мою спальню – сложит элементарный пример. Не знаю, зачем храню всё то, что тянет меня ко дну, вероятно, я просто безмозглая дура, но рука не поднимается сделать хоть что-нибудь. Дневнику, нашим фотографиям и моим воспоминаниям давно пора отправиться на помойку за углом дома. Прошло три дня с того момента, как он появился на пороге моей квартиры и три дня с того, как он ничего не сделал. Плюс новая обида к той прежней гряде.

Тихо включаю песню Nick Lachey – I do it for you и нахожу себя в словах.

Голос Тома моментально врезается в сознание:

– Хватит быть такой сукой.

Действительно, то, как я притворяюсь – настоящее преступление, но это не я, это защитная реакция. Видя или слыша его, я автоматически выставляю щит и колючки, чтобы он не мог пробраться ближе, чтобы никто не мог подобраться ближе. Но напрасно. Закрывая глаза, я всё ещё чувствую быстрое биение его сердца под своей ладонью. То, что он говорил те три дня назад, буквально каждое слово врезается в сознание, и я не могу перестать прокручивать наш диалог один за другим. Словно найдя старый магнитофон с кассетой, я слушаю, зажимаю клавишу перемотки назад, и снова слушаю. Так по кругу я пускаю те несколько минут наедине с ним. Возможно, если бы не моя гордость и обида, я легко

могла броситься к нему на шею и простить всё на свете, но я благодарна той толике самоуважения, которая не позволила это сделать.

Собираю вещи и покидаю кабинет, оставляя начатую работу. Впереди ещё достаточное количество времени, чтобы завершить статью. Мозги набекрень и единственное, на чём я могу сфокусироваться – самобичевание, которое не помогает, а только усугубляет то паршивое положение дел. Быстро миновав все повороты, я спешу к выходу, чтобы никакое живое существо не могло остановить моё бегство.

Отвлекаюсь и останавливаюсь лишь на улице тогда, когда начинает разрываться телефон, а я в суматохе рыскаю по сумочке в его поисках. В горле пересыхает, а я застываю, потому что на глаза ложится парочка ладоней. Кажется, в эти секунды я даже не дышу. Знаю, это не Том. Его руки и касания я почувствую, даже будучи слепой, с отсутствием обонятельных рецепторов и всему подобному нездоровому. Человек за спиной явно не торопится представляться, и это делаю я, решаясь вымолвить хоть слово.

– Мартин?

– Мгм, – мычат позади, и в голове настолько пусто, что я даже не понимаю, кому принадлежит этот голос.

– Фрэнк? Господи, какой к черту Фрэнк, – выдыхаю я, мой начальник будет последним, кто закроет кому-то глаза около здания, где располагается офис.

Позади продолжают молчать, и я бы давно сказала имя

лучшей подруги, или той, что проживает в Лос-Анджелесе, но руки мужские, и Ками явно тоже не обладает подобными. Не знаю почему, но я почему-то ляпаю следом:

– Джаред?

– Ты задолбала, – подаёт голос тот, кто когда-то взял меня на слабо, и тот, кто прижимает меня к себе с такой силой, что я запросто могу выплюнуть легкие через задницу.

Улыбка расплзается по лицу за долю секунды, и всё печальное вылетает из головы с той же скоростью, что Эван прилагал к броску мяча. Закрываю его в кольцо своих рук и крепко прижимаюсь к человеку, которого вижу только по фотографиям в соцсетях после завершения школы.

– Ты только что перечислила мне свой список мужиков или Том всё тот же первый и единственный? – смеётся Эван, но тут же замолкает, когда видит выражение моего лица, которое я скорей стремлюсь исправить, как стирательная резинка карандаш на листе.

– Какого черта ты тут делаешь? – перевожу тему и стараюсь унять дрожь в голосе.

– Спрашиваешь так, будто не рада старому другу, – улыбается он, закатывая глаза.

Закусываю губу и издаю непонятный визг, который смешит Эвана, и он снова прижимает меня к себе, поставив подбородок на макушку и покачивая нас из стороны в сторону.

– Я так рада тебя видеть, – тараторю я, закрывая глаза и слушая биение его сердца, прижимаясь к груди.

– Твой рабочий день завершён?

– Да.

Вновь принимаю попытку найти телефон, который звонил, и про который я забыла, как только почувствовала на себе чужие руки.

– Это я звонил, Алекс. Отвлекающий манёвр, детка.

– Умно, – улыбаюсь я.

Отпускаю друга и разглядываю его изменения. Карие глаза такие же тёплые, как много лет назад, под лучами солнца, они становятся цветом лучшего молочного шоколада с лёгким отблеском сверху; белая футболка с кармашком на правой груди, поверх которой нежно бежевый бомбер и джинсовые шорты с кроссовками. Ничего не изменилось, разве только цифры в виде возраста. Хотя, есть что-то ещё, что-то незримое. Его взгляд другой – рассудительный, улыбка не намекает на пошлость, а сам он выражает абсолютную безмятежность и гармонию. Из-за этого, я не сдерживаю новый порыв и писк, вновь заключаю его в свои объятия, чтобы перенять то спокойствие, которое сейчас есть в нём. Есть ещё одно – кольцо.

– Господи, да ты женат! – верещу я, схватив его руку, на которой блестит то самое обручальное кольцо.

Эван смеётся, а я с восторгом смотрю то на кольцо, то на его лицо.

– Где она?

– В Таллахасси, дома.

– Ты познакомился с ней там?

– Я познакомился с ней на пляже, когда сломал ногу из-за сёрфа, – улыбается Эван.

– Она вытаскивала тебя из воды?

– Нет, она делала мне искусственное дыхание рот в рот, когда я притворился мёртвым, – довольно сообщил Эван, словно это какая-то победа, к которой он долго шёл.

– Ты, конечно, притворялся? – хихикаю я.

– Не совсем, я и правда расшиб себе голову о доску, и сломал ногу.

– Господи, – продолжаю посмеиваться я, – любовь с первого взгляда?

– С первого поцелуя, – кивает он.

– И на каком свидании ты первый раз её поцеловал?

– Когда чуть ли не убился о волну, – смеётся Эван.

Кладу ладонь на сердце и улыбаюсь.

– Как романтично.

– Да, если бы я не был в крови и не помирал. Даже не хочу представлять своё лицо в тот момент. Она такая делает мне искусственное дыхание, я сую свой язык ей в рот, ну, как тебе?

– Мерзость, – смеюсь я.

– Алекс, до завтра, – слышится голос Мартина со стороны, с интересом рассматривающий Эвана, который в этот момент держит меня в своих объятиях.

– Пока! – размахиваю рукой и посылаю легкую улыбку.

– Я не вижу на твоём пальце кольца и не читаю фамилию Дуглас на фейсбуке. Спрашивается, какого хрена? – спрашивает Эван, не заикливаясь на Мартине.

Выдыхаю, и коротко улыбаюсь без намёка на радость.

– Мы разошлись.

– Что? Когда? – хмурится Эван.

– Три с половиной месяца назад, – пожимаю плечами и не пытаюсь нацепить на лицо маску.

– Уверен, он уже рвёт на заднице волосы, если вина на нём. Расскажешь?

– Нечего рассказывать. Обычная ссора, которая обернулась такими последствиями.

– Почему я в это не верю?

– Не знаю, звучит глупо и тупо, но это единственная правда.

– Ладно, не будем о дерьме, я вижу, что ты не горишь желанием потрепать на эту тему. Но если захочешь, то я послушаю.

– Совсем не хочу.

– Хрен с ним. Если всё-таки виноват он, то он идиот, и Джаред был прав.

– Джаред?

– Ну, когда они были на вечеринке, называли друг друга идиотом и куском идиота, – смеётся Эван.

– Наверно, я просто не брала во внимание.

– Скорей всего. Как Лизи?

– Отлично, нянчит детей, терпит и любит Картера, короче, живут душа в душу.

– Я видел. Когда ей звонил, она пищала что-то про платье и кашу на диване, – хохочет Эван, – двойная удача.

– Она самая, – киваю я.

– Поужинаем и поболтаем?

– Да, ты же не рассказал мне, что забыл в Нью-Йорке.

– Веди, – улыбается Эван.

Закидываю сумку на плечо и начинаю шагать к первому ближайшему заведению, откуда веет вкусными ароматами. Благо, что вокруг офиса практически на каждом углу открыт небольшой ресторанчик, кафе или кофейня. Мне действительно выпала удачная карта в данном плане, особенно с парочкой мест, где готовят вкусный кофе.

Сделав заказ, Эван смотрит на меня, а я на него. Этакая негласная игра, и я решаю на проигрыш, ведь у меня миллион вопросов к нему. Проблема только одна: с чего начать?

– Чем занимаешься? – улыбаюсь я, расставив локти по столу и скрестив пальцы на руках, следом поставив на них подбородок.

– Приехал в Нью-Йорк, есть кое-какие дела, а ты? – смеётся он.

– Сижу со школьным другом в кафе.

– Познакомишь?

– Нет, – хихикаю я, показав язык, – серьёзно, Эв, как ты?

– Отлично, женат, моя жена беременна, работаю в тури-

стической фирме. Всё охрененно, если конкретизировать. Хочу послушать твою историю.

– Хорошо. Не замужем, свободна, работаю в издательстве вот уже почти как месяц, раньше делала дизайнерские проекты. Неплохо, если обобщать, – с иронией, перефразирую я.

– Второе и третье не особо радует. Что произошло, Алекс?

– Я уже говорила, – пожимаю плечами, – мы разругались и разошлись. Я.. кхм, не особо хочу говорить об этом. Всё в прошлом. Каждый пытается залезть ко мне в душу и сердце, чтобы узнать правду, но я и так говорю правду, в это сложно поверить?

– Да, хотя бы потому что вы понимали друг друга без слов, и вдруг ни с того ни с сего разошлись.

– Так бывает, когда люди понимают, что хотят разного. В любом случае, я рада за него.

– Врешь? – улыбается Эван, расслабившись на стуле и сложив руки в замок на столе.

– Вру, – киваю я, – скоро всё забудется. Я начала новую жизнь.

– Ладно, не будем об этом.

– Как Алиша?

– Моя сестра подалась в феминистки после последнего расставания, – смеётся Эван, – так всегда, я уже привык.

– Она живёт с вами?

– Нет, в Вашингтоне. Сказала, что все мужики слабаки, и она будет любить своих котов.

– Хороший выбор, думаю, что могу пойти по её стопам.
Эван недоверчиво закатывает глаза.

– Не занимайтесь херней, просто вы ещё не нашли правильного для себя мужчину. Ну, ты нашла, а вот Алише попадается сплошное мудачье. Моей сестре в приколы кормить кретина, который сидит на её шее. И не спорь со мной, ни за что не поверю, что вы не перебеситесь и не сойдётесь вновь. Даю тысячу баксов на подобный исход.

– У неё всё в порядке?

– Сейчас да, но это временно, ведь она снова его простит, а он повесит ножки на её шею. Рано или поздно я утащу её за волосы, чтобы он не нашёл её.

– Дерьмово, – выдыхаю я.

– Да, дерьмо случается, – кивает Эван, – всё поправимо.

– Ты больше не играешь?

– Играю временами, уже не так горю спортом, как раньше.

– Сидеть в душном офисе лучше?

– У меня есть кондиционер, – улыбается он.

– Да, это неплохо, – смеюсь, соглашаюсь я, а у Эвана начинает звонить телефон.

С улыбкой, он принимает вызов, но не подставляет его к уху, а отводит дальше, из-за чего я вскидываю брови, думая, что сейчас его будут донимать расспросами: где он, с кем он, что делал и каждый шаг в городе. Но я ошибаюсь, когда слышу весёлое протянутое: «Привет-е-ет».

– Привет, – улыбается друг, и от меня не ускользает блеск

в его глазах, когда он смотрит на экран телефона, – как вы?

– Съели нагетсы с клубничным джемом, а ты?

– Фу, – фыркает друг, а я начинаю посмеиваться, вспоминая сумасшедшую беременность Лизи.

Неужели это происходит со всеми? Что попрошу я? Сделать смузи из фруктов и кильки? Из-за представления подобного напитка, желудок чуть ли не вываливается через рот, а в горле застывает мерзкий привкус. И как по волшебству, официант ставит перед лицом тарелку с заказом, из-за чего я чуть ли не выворачиваюсь наизнанку. Парень желает нам приятного аппетита, и я едва выдавливаю благодарность и улыбку. Делаю глоток воды и перевожу взгляд на Эвана, который с удивлением и вопросом смотрит на меня, а я кручу головой и показываю пальцами «Ок'ей».

– Кстати, ты должна познакомиться с моей подругой, – говорит Эван и поворачивает ко мне экран телефона, из-за чего я растерялась и выпучила глаза.

Карие глаза девушки искрятся и блестят, словно золото под лучами солнца, рассматривая меня, а улыбка говорит лишь о дружелюбии и интересе. Убрал русые локоны за уши, девушка машет ладонью в знак приветствия.

– Привет, Алекс, – говорит она, из-за чего я бросаю быстрый взгляд на Эвана, – да, да, он говорил, что хочет увидеться с тобой, не смотри так на него.

Девушка смеётся, и я подхватываю её веселье.

– Дикси, – представляется она.

– Приятно познакомиться, – улыбаюсь я, закусывая губу, – прости, просто не ожидала такой реакции.

– Бывает, – кивает она, – ладно, не буду мешать, нам нужна новая порция. Было приятно познакомиться, Алекс.

Эван разворачивает экран к себе и его глаза снова блестят.

– Наггетсы и клубничный джем, серьёзно, Дикс?

– Вполне, – хихикает она, – я пошла, люблю тебя.

– И я тебя.

Эван вновь устремляет взгляд сияющих как звезды на небе глаз на меня, из-за чего моя улыбка становится шире. Он, конечно, и раньше был весёлый, но сейчас это веселье излучает умиротворение.

– Кажется, я попала в параллельную вселенную, – выдыхаю я, – ты уже решил, где останешься?

Эван кивает и разрезает стейк на несколько частей.

– Да, снял номер в отеле.

– Ты мог бы остаться у меня, о чём ты думал вообще?

– Ну, мало ли что, а я не планировал быть егерем.

– Чёрт, снимай бронь, пока не поздно, останешься у меня, и вообще, мы могли бы позвонить Лизи, она тоже будет рада тебя видеть. Потренируешься нянчиться с детьми.

– И какие они?

– Кто? Мэйс и Мэди?

– Ага.

Улыбка расплзается по моему лицу, из-за чего Эван перестаёт пережёвывать ужин, смотря на меня обеспокоенны-

ми глазами.

– Представляешь сочетание Лизи и Джареда?

– Примерно.

– Они вдвойне хуже, – хихикаю я.

– Это должно быть дерьмово, – смеётся Эван, на что я киваю.

– Готов к бойне?

– Нужно быть ко всему готовым, поэтому звони. И я буду рад увидеться с ними.

Одной рукой начинаю шарить по сумочке в поисках мобильного, а второй успеваю тыкать вилкой по тарелке и закидывать в себя ужин. Глядя на происходящее, Эван посмеивается, а я уже нажимаю клавишу вызова с именем лучшей подруги. Которая удосуживается принять вызов после пяти гудков.

– Вы дома? – первое, что спрашиваю я.

– И тебе привет, мандрагора, – усмехается Джаред.

– Мандрагора?

– Ага, мы вчера смотрели вторую часть Гарри Поттера, понимаешь? Мерзкие пикси, корень мандрагоры, вонючая грязнокровка.

– Как мило, Картер, семейные вечера с Гарри, – хихикаю я, – где Лизи?

– Готовит новую петлю для моей шеи в виде третьей части.

– Тогда, мы можем тебя спасти?

– Мы?

– Да, у меня в кармане имеется хороший козырь, сбегай в магазин за чипсами и пивом, мы выезжаем.

Джаред начинает откашливаться, и что-то невнятно и неуверенно бубнить, из-за чего я улыбаюсь.

– Если это какие-то заклинания, то на мне они не работают. Лизи оценит мой сюрприз и новую жертву для Мэди и Мэйса.

– Вези, кто бы там не был, – хохочет Джаред, а следом кричит уведомление для семьи: – просмотр очкастого откладывается, к нам едут гости.

Перейдя на шёпот, он продолжает посмеиваться:

– Спаси меня, Блинд.

Джаред скидывает вызов, а я хихикаю, пока Эван вопросительно смотрит на меня.

– Ты отменил бронь?

– Да.

– Когда улетаешь?

– Завтра в семь должен вышагивать к стойке регистрации.

– Утра?

– Да.

– Отлично, – киваю я, и ускоряюсь в поглощении ужина.

Эван следует моему примеру, и через десять минут мы уже расплатились по счёту и поймали такси.

Путь к дому Лизи и Джареда, Эван рассказывал о том, что бейсбол для него стал хобби по выходным; о том, как три с половиной года он пыхтел не над учебниками, а на вече-

ринках, и те остальные полгода, собирал себя к сдаче. И это чудо, что он получил диплом и работает именно по специальности. Я же всё это время хихикаю над его глупостями, особенно над теми, где он путал лекции и работы, имена де-вушек и вообще самого себя. Алкоголь может создать кучу проблем, но Эван, как и Том, ловкий и изворотливый.

– Нихрена себе! – восклицает друг, – ты точно привезла меня по нужному адресу?

– О, ты ещё не видел покладистого Картера, – смеюсь я, вышагивая в domu.

– Да, это будет полный трэш, – подхватывает мой смех Эван, а я нажимаю кнопку дверного звонка, который эхом разносит внутри знак того, что пожаловали гости.

Слышу топот ног и не одних, понимая, что сейчас нас могут снести с ног. Мэйс и Мэди до странности коммуникативные. К новым людям они относятся радостно и открыто, принимая любого с распростёртыми объятиями. Дверь распахивается, и на пороге, как и ожидалось, появляется Лизи, следом в её ноги врезает Мэйс, заключая одну в кольцо своих рук, за ними вышагивает Джаред, на плече которого, свисая, хохочет Мэди.

– Да ладно! – ошарашено восклицает Лизи, – Тайкер!

– Его брат близнец, – улыбается Эван, раскидывая руки в стороны, которые тут же принимает подруга.

– У тебя сдвиг по фазе, – хихикает она, – у тебя сестра близнец.

Оставляя Лизи в своих объятиях, Эван протягивает ладонь Джареду, который тоже улыбается, принимая его рукопожатие.

– Охренеть, сразу двое, – смеётся Эван, рассматривая потомство Джареда и Лизи, – Картер, ты знатно попотел.

Лизи толкает его локтем под дых, бурча что-то напоминающее: «Заткнись, тут же дети», на что Джаред закатывает глаза. Мэди и Мэйс слышали слова похуже, и самое смешное, что узнали их не от Джареда, и сейчас парочка глаз с интересом рассматривают нового гостя в их доме. Уверена, они мысленно могут что-то затевать, если обладают подобной телепатической связью между друг другом.

– Ты каким боком тут? – обращается Джаред, запуская нас в дом и попутно взъерошивая мои волосы на макушке, из-за чего я пихаю его и фыркаю, пытаюсь успокоить магнит на своей голове.

– Дела образовались, – кивает Эван.

На заднем дворе, подруга уже успела образовать небольшую поляну в виде ужина, который очень кстати, ведь всё, что я съела в кафе – провалилось в чёрную дыру, словно во все прошло мимо моего желудка. Салат сразу отправляется на тарелку передо мной, как только занимаю место за столом. И я не пытаюсь вникнуть в разговор между друзьями, потому что в голове раздаётся хруст огурцов. Я не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Три пары глаз смотрят на меня, и в этот раз приходится перестать жевать.

– Что?

– Ты завтра работаешь? – выгибает бровь Джаред.

– Ну, конечно, – киваю я, – а что?

– Ничего.

– Картер, что за загадки? – бурчу я, – на этот раз я не поведусь на ваше садись в машину, даже не думайте.

Джаред усмехается, а Лизи тихо хихикает, накручивая шоколадные локоны Мэди на палец. Перевожу внимание и вижу, как любопытно и оценивающе скользит взгляд Мэйса по Эвану, который с ответным вызовом рассматривает человечка, на коленях Джареда. Одному Богу известно, что эта парочка зачинщиков может устроить.

– Прекратите так пялиться на меня, как будто я должна что-то сказать, – выдыхаю я, – что не так?

– Ничего, – улыбается Джаред, из-за чего я выгибаю бровь. Том ведь не пересказал наш диалог? Или я что-то не знаю?

– Ты ведёшь себя ещё странней, чем прежде, Картер.

– Я такой загадочный, – смеётся он, а я закатываю глаза, переводя взгляд на Лизи.

– До сих пор не понимаю, почему он, Майерс.

– Картер, – смеётся подруга, а я снова закатываю глаза и сморщиваю нос.

– Картер.

Как бы Эван не пытался убавить тон голоса, до меня всё равно доносится его вопрос к Джареду, где Том и как он.

Сердце вновь обливается кровью, и тот диалог начинается, как по звонку, прокручиваться в голове. Кажется, что я не создаю и шороха, чтобы не упустить ничего того, что может ответить Джаред. Я – мазохистка, я почти в этом уверена. Джаред говорит о бейсболе, в который Том вновь вернулся, о работе, с которой ушёл, он говорит буквально обо всём, кроме его личной жизни, и это лишь выводит меня из себя. Не знаю, зачем хочу услышать хоть что-то, но я ведь идиотка. Я и сама не понимаю, как вновь ухожу в себя, а локоть сотрясает чья-то рука, по которой скользит мой взгляд.

– Ау, – улыбается Эван.

– Ау, – выдавливаю ответную улыбку я.

– Походу, дело действительно дерьмо.

– В плане?

– Где счастливая Алекс?

– Я и так счастливая, посмотри на меня. У меня есть работа, которая мне нравится, есть друзья, которых я люблю.

– Да, это почти всё, что нужно, – иронично парирует Джаред.

– Это и есть всё, что нужно для счастья. Моё счастье, как и любого человека, не должно зависеть от кого-то другого.

Мэди и Мэйс, хмурясь, сползают с ног родителей и бегут к качелям, понимая, что ничего веселого дальше не последует. Что ж, я бы, и сама с удовольствием побежала с ними. И не откладываю это затею, поднимаясь с кресла.

– Куда собралась? – усмехается Джаред.

– Задницу отсидела, – ёрничаю я.

– Сделаем вид, что ты не сбегаешь от разговора.

– Я не сбегаяю, дайте мне побыть в вертикальном положении, я сидела на кресле весь день, – вру я, ища поддержку в глазах Лизи, которая тоже смотрит на меня с презрением. Она тоже объединилась с ними.

– Алекс, я не знаю, что произошло, но хреново каждый раз бежать. Ничего хорошо, – выдыхает Эван.

– Когда вы успели сменить тему и вновь начать промывать мне мозги?

– Кажется, только что, – смеётся он, – мы же твои друзья, кто ещё будет с тобой?

– В том то и дело, я хочу побыть одна, но все думают, что мне вдруг нужна поддержка, как будто я инвалид. Я жива, счастлива и здорова, я серьёзно. Давайте прекратим сводить нас, как каких-то животных для продолжения рода, чтобы они не искоренились с лица земли.

За столом повисает тишина, лишь шум машин и лепетания Мэди и Мэйса на качелях нарушают её покой. Три пары глаз смотрят на меня, и одни тёмно-карие, принадлежащие Джареду, через минуту, устремляются в сторону.

– Ты будешь чувствовать себя живой до тех пор, пока будешь чувствовать боль, – говорит он, из-за чего каждый вскидывает брови, но на губах Лизи играет тень улыбки.

В непонимании тарашусь на Джареда, а он на жену. В последнее время меня жутко раздражает подобная резкая сме-

на настроений и разговоров.

– Я устала, что все обсуждают мою жизнь и как мне поступить правильно. Простите, но это действительно так.

– Может, потому что все хотят, чтобы ты была счастлива? – продолжает он, пока Лизи и Эван молча следят за диалогом.

– А я разве не счастлива?

– Нет.

– Чушь собачья, Картер. Я счастлива. Счастлива, чёрт возьми!

– Поэтому ты сейчас с пеной у рта пытаешься это доказать?

Карие глаза смотрят на меня с вызовом, и на какой-то миг мне кажется, что я готова согласиться, раскаявшись в своей лжи, но быстро собираюсь и вскидываю подбородок. Лизи сказала, что между ним и Томом завязывается хорошая дружба, а если это так, то сейчас наш спорный диалог уже пишется письмом Тому.

– Малышка, дай сок, – улыбается Джаред, смотря на Лизи, а я щурюсь.

– И? – говорю я, и Джаред бросает на меня быстрый взгляд.

– Зачем обсуждать то, что и так понятно?

Наполнив стакан, он делает глоток, и обращает внимание к Эвану.

– Какого хрена ты стал офисным планктоном?

– Мне идут брюки и рубашки, – смеётся Эван, и тема за столом вновь меняет траекторию и градус.

На лбу выступает пот, а желание доказать то, что я счастлива – настолько сильно сдавливает горло, что становится тошно. Едкий привкус лжи заполняет и не даёт спокойно дышать, я буквально слышу, как пыхчу и наливаю кровью лицо, словно она отхлынула не от головы, а в голову из всего тела. Сеньор Помидор в своём лучшем виде. Правда Джареда тому виной и сам факт того, что он прав, а я не могу это признать – наполняет сознание гневом. Для чего и кому я пытаюсь что-то доказать?

Я никогда не соглашалась с Джаредом, считая его исключительно редким придурком на свете, и то мнение, которое было о нём со дня знакомства начинает рушиться. Это образ, который я выдумала, создала и перекинула его на Джареда. Но я снова ошиблась, возможно, он не такой придурок, каким я его создала для себя. Я всегда ждала от него любого промаха, любого косяка не только в отношении Лизи, а в отношении всего, и каждый раз буквально ликовала, когда оказывалась права. Но он не обязан следовать моим представлениям. Я смотрю на человека, который искренне улыбается, руша выдуманный образ в моей голове. Моя новая глупая черта характера – представлять другого тем, кем он может не являться.

Парни смеются, к ним присоединяется Лизи, ладонь которой срослась с ладонью Джареда у него на коленях. И я смот-

рю только на него. Разве люди меняются? Разве из худшей стороны, они могут поменяться в лучшую? Я всегда верила только в обратное. Человек быстро привыкает к хорошему, но, когда жизнь поворачивается к нему не той стороной – он моментально меняется, показывая свой истинный облик. Каким бы оптимистом я не была, никогда не верила, что возможно изменить себя в лучшую сторону, и в основном, это касается таких людей, как Джаред. Я ошибалась. Вероятно, для того чтобы стать лучшим, нужен кто-то, ради кого ты таким быть захочешь, ломая себя и свои привычки.

Глава 14

Том

Девушка, которая на протяжении восьми лет не перестает меня влюблять с себя, появляется из стеклянных дверей. Синие классические брюки, заужены и открывают щиколотки, серебристые туфли переливаются под солнечными лучами, а белая полупрозрачная блузка показывает то, что всегда было доступно только мне. Подбирая слюни, я отстраняюсь от капота машины, пользуясь тем, что Алекс копается в сумочке. Светлые локоны волнами падают на лицо, а брови сводятся на переносице. Кроме смятения на её лице, под рукой она удерживает папку, которую вытягиваю я, когда подхожу ближе. Зелёные глаза резко поднимаются, упираясь в меня, а пухлые губы приоткрываются, как будто она хотела выругаться.

– Том? – удивляется она, заправляя локоны за ухо, но они непослушно выпадают вновь. С легкой улыбкой, я заправляю их сам, задерживая пальцы в её щеке. Мне нужно любое касание, чтобы поверить в реальность.

– Привет.

Алекс отклоняет голову в сторону, и мы теряем физическую связь.

– Зачем ты тут?

– Моя девушка тут работает.

Алекс снова открывает рот, выдыхая воздух, но не слова. На её лице отражается замешательство, ужас и боль, словно я говорю о какой-то другой. Эти мысли я тут же выбиваю из её головы.

– Она вышла, хоть и уставшая, но всё равно красивая.

– Я не твоя девушка, Том.

– Так думаешь только ты. Ты не переставала ей быть.

– В таком случае, я не прощаю измен.

– Я никогда не изменял тебе.

На несколько секунд, между нами повисает тишина, мы тупо смотрим друг на друга, только разным взглядом. Я действительно никогда не изменял ей ни физически, ни морально. Душой я всегда был рядом с ней. И те три месяца тоже.

– Зачем ты пришёл? – выдыхает она.

– Это очевидно.

– Не мне.

– Я сказал, что всё исправлю, эти и занимаюсь.

Алекс качает головой и устремляет взгляд в сторону. Мы снова молчим, теперь я смотрю на неё, а она вдаль, и это причиняешь мне больше боли, чем можно предположить. Последнее время, она прячет взгляд, а это означает только одно – она закрылась от меня, либо на верном пути к этому. Если буду медлить дальше, то потеряю её окончательно.

– Том... – начинает она, и в один голос с ней, говорю я.

– Алекс.

Зелёные глаза обращаются ко мне и лишний раз добивают. Невидимая стена образовалась между нами, в моих же интересах разрушить её. Я замечаю, как сглатывает слюну Алекс, вероятно для того, чтобы смочить горло, в этом я её понимаю, потому что ежеминутно делаю то же самое.

– Алекс, я прошу тебя...

– Я не знаю тебя, не знаю, чего ты хочешь. Я знала другого человека.

– К твоему сожалению, ты нужна мне, а я тебе.

Первые слёзы, скопившиеся в её глазах, проскальзывают по щекам.

– Не нужен.

– Прекрати лгать, Алекс, – выдыхаю я, подношу руку к её лицу и едва касаясь кожи, смахиваю слёзы с щеки.

– Когда-нибудь ты снова оставишь меня. Ты снова разрушишь меня, а я должна буду ждать твоего прихода у двери.

– Не должна... Ты вообще не должна ждать меня, Алекс. Но я больше не уйду, обещаю.

– Я не верю тебе... – едва шепчет она, кусая губы, которые становятся алыми и настолько притягательными, что я едва сдерживаюсь, чтобы не поцеловать её.

– Я верну твоё доверие, клянусь.

Алекс продолжает смотреть на меня, и я прибегаю к наглости. Открываю дверцу машины и жду девушку, которая, сведя брови, метает глазами в разные стороны, словно обдумывает план побега.

– Дай мне доказать, что я тот же.

Минуту она медлит, но всё же делает пару неуверенных шагов, и внутри что-то становится на место, будто один осколок склеился с другим. Алекс из тех людей, кто никогда не будет делать что-то без собственного желания, и то, что она приехала на игру лишь прямое тому доказательство. Не желая ехать, она скорей могла подорвать машину и свернуть шею Джареда, чем села бы в неё. Я знаю её не один день и даже год. Эта девушка вышибет мозги сначала кому-то, либо себе, чем пойдёт против собственной воли.

Путь в тишине казался бесконечным. Я не знал, о чём говорить, да и нужно ли, ведь в первую очередь нам должно быть комфортно находиться в тишине, но около друг друга. В нашем молчании всегда было намного больше слов, чем в разговорах. Я хочу вернуть то, что потерял. Сейчас я как тот самый Эдвард Каллен, который не слышит мысли Беллы, но в отличие от него, я слышал их раньше. Я не планировал делать банальное свидание в ресторане или кафе, я выбрал место, с которого она точно не сбежит, разве что сиганёт головой вниз с шестьдесят восьмого этажа. А именно побегом Алекс любит уходить от разговоров.

Покинув салон машины, она следует за мной в том же молчании, что и было. На её лице, невозможно разглядеть ни одной эмоции, это настораживает и расслабляет одновременно. Возможно, она ждёт от меня чего-то неземного, но я прибегаю к простому. Как только мы выходим на крышу,

я закрываю дверь на ключ и сую его в карман на неопределённый срок. Теперь ей некуда деться, чему я, безусловно, рад. Хотя, кое-что я всё же приготовил, потому что она может быть голодна. Парочка стаканчиков с кофе и ланч-пакеты ждут своей минуты на массивной перекладине, разделяющий полёт вниз головой и ровную поверхность. Занимаю место на перекладине и смотрю на девушку, которая, хмурясь, стоит в ступоре и полном непонимании. Мне явно удалось удивить её подобным шагом, поэтому я решаюсь объяснить.

– Во-первых, ты не сбежишь, разве только вниз головой, во-вторых, тут мы только вдвоём, никаких лишних ушей, в-третьих, я хочу видеть только тебя.

– Я бы не сбежала.

– Мы оба понимаем, что ты могла уйти в любой момент. Лишняя драма для чужих глаз.

Алекс морщит нос, а я позволяю себе короткую улыбку, потому что она молча соглашается со мной подобным жестом. Я слишком хорошо её знаю, буквально как никто другой. Возможно, даже лучше Лизи.

Протягиваю ей стаканчик и беру себе второй. Это напоминает мне о школьных днях, когда мы не единожды пробирались под трибуны, кстати, не только посмотреть матч. Эти воспоминания заставляют губы растянуться в улыбке, которую я не скрываю, на что Алекс выгибает бровь.

– Что?

– Вспомнил.

– Что?

– Когда мы проскальзывали под трибуны, сейчас место сменилось.

Взгляд зелёных глаз притупляется, а зрачки увеличиваются, когда она отворачивает лицо в сторону. Она тоже помнит. Моменты с ней – я помню абсолютно все, ничто не выжжет мне память, даже полная амнезия. Огонь в ней – поджигает мой, она заставляет гореть меня. Это касается не только наших отношений, это касается всего: работы, семьи, увлечений. Кажется, что, имея её за своей спиной – я могу стать властелином мира. На свете слишком мало людей, которые неволей заставляют тебя хотеть большего. Своим азартом, энергией и озорством, они дают хорошего пинка. Алекс одна из них. Она всегда такой была. Ей ничего ни стоит положить мир к своим ногам, можно и не говорить о мужском поле. Красивый фантик, внутри которого прячется не менее вкусная конфета с волшебной начинкой.

– Мне нравится, какой ты стала.

– Какой?

– Не знаю, кажется, я не совсем тебя узнаю и одновременно знаю.

– Дело в том, что ты можешь жить с человеком хоть пятьдесят лет и не знать его.

– Мы тут ни при чём, мы знаем друг друга.

Алекс делает глоток кофе и вновь устремляет взгляд в сто-

рону, тихо выдыхая. Я же пытаюсь убедить самого себя в собственной правоте.

– Нет, не знаем.

– Знаем.

– Нет.

– Да, черт возьми, – цежу я, сверля глазами девушку, которая продолжает смотреть в сторону. Но успокаиваю себя и смягчаю тон: – знаем, Алекс...

– Я не могу жить так, как хочешь ты. Я хочу демократии.

– Демократии?

– Да.

– И что это значит? Свободные отношения? Что за нахрен? Ты шутишь? В отношениях со мной и... твою мать, с другими тоже? Ты прикалываешься?

Алекс, резко поворачивает голову в мою сторону, и окидывает ледяным взглядом, из-за чего становится дурно.

– Нет, – оскорблено фыркает она, – как ты мог такое подумать?

– Ты же говоришь, что мы не знаем друг друга, и сейчас предлагаешь демократию. Я понимаю это так.

– Ты с ума сошёл? – шепчет Алекс, – как, Том? Как тебе вообще могло прийти это в голову?

– Я не знаю. Просто объясни мне своё понимание.

– Та свобода, где мы решаем вместе, делаем что-то вместе, разговариваем друг с другом, а не с самим собой. Ты не можешь запретить мне куда-то с кем-то сходить, как и я тебе.

– Это бред.

– Это свобода, Том. Мне нужна эта свобода, личное пространство. Ты разве не понимаешь?

– Что именно?

– В школе ты никогда не был таким собственником и благодаря той свободе, которую ты мне давал, я хотела быть с тобой. Любовь – это когда ты даёшь человеку полную свободу, а он всё это время хочет быть с тобой. Но ты начал запрещать, даже куда-то сходить с девочками. Я всегда куда-то выбиралась с Лизи.

– Если ты забыла, то перед этим она интересуется у Джареда.

– Интересовалась, не путай. И это было только в университете, когда она была беременна. Только один раз он не позволил ей, а ты с каждым годом ужесточаешь мою клетку.

– Это не клетка, Алекс, это забота и переживание. Я боюсь за тебя, там столько идиотов, а меня не будет рядом. Я не понимаю тебя. Как ты вообще могла улететь в другую страну с незнакомым человеком?

– Он не незнакомый человек.

– Сколько вы знакомы? Месяц? Неделю? Тебе мало опыта твоей подруги?

– Не нужно грести каждого под подобных. Ты не знаешь его, – фыркает Алекс, – зачем ты это делаешь? Почему у тебя такое мнение о нём? Что он тебе сделал? Хочу, чтобы ты знал: он о тебе хорошего мнения, даже отстаивает тебя.

Смешно, да? Он о тебе вот так, а ты негативно.

Выдыхаю и качаю головой, едва сдерживаясь, чтобы не пробить ближайшую стену кулаком. Погружаю себя в темноту с помощью закрытых глаз и практически умоляю сознание встать на верную дорогу.

– Прости меня. Ты права.

– Я не понимаю, что с тобой происходит.

– Я запутался и устал.

Поднимаюсь и делаю пару шагов в сторону, пинаю то ли камень, то ли воздух, да и какая к черту разница? Пальцы запускаются в волосы, а ноги начинают расхаживать взад-вперёд, пока не подходят к обрыву. Смешная ситуация, ведь сейчас мы смотрим в разные стороны, хотя спиной чувствуется её взгляд. Маленькие точки двигаются вниз, пока я успеваю проводить взглядом то одну, то другую. Это увлекает меня на несколько последующих минут.

– Тут красиво, – разрушив молчание, говорит Алекс.

– Да, иногда я понимаю любовь Лизи к высоте, но сейчас стою тут и ловлю себя на мысли, что не прыгну вниз головой даже за миллион долларов. Пусть мне дают сотню гарантий, я не сделаю это.

– Прыгнешь.

– Не знаю, что должно стоять на кону, что бы я мог это сделать.

– Я.

Заворачиваю голову в сторону Алекс, и окидываю её

взглядом. Она права, я сделаю чего похуже, чем прыжок ради неё.

– Прыгнешь ради меня?

Алекс пожимает хрупкими плечами.

– Да.

– Значит, можно считать, что между нами не всё потеряно, как ты хочешь думать.

– Лизи прыгнула ради Джареда.

– Она просто любит адреналин, ей не могло так снести мозги из-за него на тот момент.

– Могло, она рассказывала.

– Не буду спорить, мы не говорили на этот счёт.

– А сейчас? – прищурился, Алекс пристально вглядывается в моё лицо.

– Что?

– С каких пор вы начали так ладить?

– Не знаю, но не так давно. Он изменился. Не могу понять, как, наверно, придурок, который подружился с головой или нашёл мозги. Он хороший друг и слушатель. Сам не верю, что говорю это. Но да, мой брат не такой кретин, как я предполагал. Я могу говорить с ним, как с самим собой.

– Я рада, Том.

– Что мы вдруг стали лучшими подружками?

– Что вы нашли общий язык.

– Не знаю, как бы протянул без его поддержки и пинка. Это же Картер, который вечно шутит и всех стебёт, но, на-

верно, именно так он и помогал мне. Это как между тобой и Лизи, ты ведь не можешь без неё, как и она без тебя. Она помогала справиться тебе, а он помогал мне.

– Я ничего не говорила ей.

Выдыхаю и занимаю прежнее место. На расстоянии вытянутой руки, своё пристанище нашла Алекс, которая ковыряет стаканчик с кофе. Золотистые локоны закрывают её от меня, потому что спадают на лицо, рука автоматически поднимается и заправляет одну сторону за ухо, чтобы позволить глазам видеть её. Но я нахожу слёзы, плывущие по щекам, разбиваясь о плитку под ногами. Внутри всё сжимается, ведь причиной её слёз являюсь я.

– Я не хотел.

– Не говори так, если бы ты не хотел, то ничего этого не было бы. Ты не говорил со мной. Ты был чужой мне...

Из-за всхлипываний и дрожи в её голосе, начинает сотрясать меня.

– Я по прежнему чужой для тебя?

Алекс продолжает молчать, а молчание для меня знак согласия. Это почти добивает, но я стараюсь держаться и не показывать тех эмоций, что разрывают изнутри. Забираю стаканчик из её рук и убираю в сторону, кофе в нём сейчас с солёным привкусом слёз. Взяв её ладонь в свою, я переплетаю наши пальцы, пока Алекс смахивает слёзы второй.

– Я не думал, не знал, что будет так. Знаю, ты не веришь мне, я не могу искупить вину словами, да и ты не поверишь.

Я всё поломал. Сам всё испортил и уничтожил. Но я всё отдам за тебя, Алекс. Абсолютно всё. Мне не нужен никто другой. Ты – моя жизнь, я понял это только потеряв. Да, я всё разрушил за какой-то миг в виде года. Я во всём виноват, только я один. Признаюсь честно: я всегда думал, что именно ты всё ломаешь, но оказывается, этим человеком стал я. Я полил дерьмом восемь лет, и за это буду расплачиваться всю жизнь с тобой или без тебя, потому что не могу принудить тебя быть рядом против твоей же воли, я не могу видеть тебя несчастливой. Тяжело и больно признавать, что я соглашусь видеть тебя счастливой с кем-то, чем несчастливой с собой. Но ещё тяжелей признавать свою ошибку. Оказывается, я не такой идеальный, каким ты меня выдумала. Но я хочу всё исправить, быть лучше ради тебя и для тебя. Я приму любое твоё решение, но знай, я буду бороться за тебя и за нас до тех пор, пока буду понимать, что не всё потеряно, Алекс.

Оставив поцелуй на тыльной кисти её руки, я задерживаю на ней губы, позволив себе вкусить то, что было доступно раньше. Пока Алекс продолжает всхлипывать рядом, я расставляю локти по коленям, продолжая держать её ладонь в своей. Притянув её руку к губам, я закрываю глаза ирываюсь изнутри, слушая всхлипывания рядом, которые заглушают городские звуки в виде шума машин и сирен.

– Знаю, я не так часто говорю тебе, но я люблю тебя. Я никогда не переставал тебя любить и никогда не перестану. Тебя никто не заменит. Я не врал. Мне удалось подтвердить

свои слова такой ценой. Если ты можешь простить меня... то я готов просить его хоть вечность.

Наше последующее молчание растягивается как минимум в час, но жаловаться я не тороплюсь, даже если побыть с ней возможно только так, я всегда соглашусь.

Медленно горизонт затягивают нежные и пестрые цвета уходящего солнца, которое ежедневно прощается с городом именно таким способом, как и приветствует. Плавно завершается щебетание птиц, рассекающих небо, вместе с ними затихают машины, которых с каждым последующим временным промежутком становится меньше. В окнах зажигается свет, заставляя восторгаться такими мелочами, как видами на этот бессонный мегаполис. Я не обращал внимание и не утруждал себя посмотреть на него другими глазами, но сейчас происходит именно такой переломный момент.

– Спасибо, что поехала, это много для меня значит.

Заплаканные зелёные глаза обращаются ко мне, и я снова не могу удержаться. Склоняюсь к Алекс и оставляю поцелуй на её лбу, который тоже задерживаю чуть больше положенного.

– Если можешь, прости меня.

Алекс кивает и поднимается, вынимая ладонь из моей. Физический контакт между нами теряется, хотя я чувствую её притяжение каждой клеточкой тела и души. Выпрямляюсь вслед за ней и захватываю стаканчики, пока она забирает так и не открытые лан-пакеты с её любимым кексом. Вско-

ре эти сладости достаются бездомному, которому она благородно и без доли сожаления их вручает. Новый путь в молчании, после которого мы прощаемся обычным «пока». Не без дыры в сердце, я провожаю её взглядом и остаюсь один, чему не совсем рад. В последнее время я начал прибегать к ночевкам у Картеров, так легче, словно они могут что-то заштопать на какое-то время, но ложась в постель, я думал только об одном. Сегодня новая ночь, где нет её аромата и разбросанных локонов по моей груди или соседней подушке. Будь я наглей, мог выбежать вслед за ней, но не сейчас и не сегодня, так она будет чувствовать давление, чего я вовсе не желаю показать. Ей нужно время, а мне нужна она.

Глава 15

Том

– Чувак, ты попал не в тот зал, бойцовский ринг в другом месте, – усмехается кто-то из парней, пока я склонился над экраном телефона.

– Решил сменить род деятельности, – слышится знакомая усмешка брата, в сторону голоса которого устремляю взгляд.

Джаред сложил руки под грудью и пристально всматривается в мою сторону, на что я вопросительно выгибаю бровь.

– Нужна твоя помощь, – говорит он, из-за чего парни переводят взгляд на меня.

– Знакомьтесь, мой брат Джаред, – сообщаю я, парни удивлённо вскидывают брови, метая взглядом между нами.

Да, мы не похожи от слова абсолютно, но мы и не должны.

– У вас вся семья ударяется в спорт? – смеётся Рон.

– Типа того, – киваю я, поднимаюсь с лавочки и обращаю внимание к Джареду, который успевает пожимать руки парней из команды. – У меня есть телефон, мог позвонить.

– Тема не для разговоров по телефону, – отрезает Джаред, и на долю секунды я улавливаю демонят в карих глазах.

Киваю и натягиваю футболку, которая осталась единственной одеждой, которую я не торопился надевать, бестолково копясь в телефоне. Палец успел сотню раз нажать на

диалог с Алекс в соцсетях, ведь её нового номера у меня так и нет. Я хочу ей написать, и не хочу одновременно. Последний раз мы виделись несколько дней назад, и мне до жути не хватает хотя бы одного взгляда на неё. Но я не должен. Я не могу давить на неё.

Пройдясь до парковки, я останавливаюсь у своей Тойоты, которую Джаред не совсем любит, чего не сказать обо мне. Кстати, с его женой у нас похожие вкусы: Камри – наша общая любовь, разве только дело в цветах. Лизи предпочитает белую, а я чёрную, хотя мы оба сходимся во мнении, что она идеальна в любой цветовой палитре. Я вижу, как мнётся Джаред, что ему совершенно не свойственно.

– Говори, я вижу, что-то не так.

– Родители приехали, – выдыхает он, засунув руки в карманы джинс.

– И?

– Лизи на работе, мама ушла гулять с мелкими, а я не могу быть с ним в одном доме, чёрт побери, – кидает Джаред, качая головой, которую закидывает к голубому небу.

– Хочешь, чтобы я поехал к вам?

– Да.

– Ты мог позвонить, не вижу ничего сверхъестественного.

– Я хотел уехать. Кстати, я должен был привезти тебе шорты.

– Какие шорты?

– Свои, – закатывает глаза Джаред.

– Ты идиот, Картер. Это твой отец, и ты сам уже отец. Ты должен был давно отпустить и забыть подобное дерьмо.

– Не могу.

– Прошло столько лет, – вздыхаю я, закидывая рюкзак на задние сидения, – станет легче жить, когда забудешь об этом.

– Плевать, – фыркает Джаред и занимает пассажирское кресло, на что я вопросительно выгибаю бровь, – я без машины.

– Ты конкретно двинулся на этой теме.

Занимаю место за рулём и выезжаю на дорогу. Джаред не торопится балаболить со мной на всевозможные темы. Тёмные брови брата съехались на переносице, а кулаки то сжимаются, то разжимаются. Кроме того, при давлении на нервы он обычно уходит в себя, но, когда в нём зарождается ярость, Джаред не может найти покой и место, именно по этой причине одна нога выбивает ритм, а губы сжались в ровную линию. Я не могу смотреть на него долго, но через зеркало и мельком поворачиваясь к боковым зеркалам, ловлю и чувствую нарастающую злость внутри него. У меня только один способ обойти будущий скандал – Лизи, но до окончания рабочего дня ещё пара часов, а за это время может случиться конец света. Только она обладает чудо бальзамом с названием «Заткнись, Картер», и время не на моей стороне. Я стараюсь ехать как можно медленнее, надеясь на Рейчел, которая вернётся с потомством сына, при котором Джаред будет паинькой, но интуиция тоже не говорит о приятном вечере с

бутылкой пива и разговорами по душам между Джаредом и его отцом. Я и сам не знаю, на чьей стороне, моё положение в данной теме в роли Швейцарии, которая нейтральна.

Так или иначе, мы приезжаем, с тяжелым грузом на сердце я покидаю машину первым и натягиваю на лицо улыбку. Её не приходится доставать трудом, ведь я не видел их как минимум тройку месяцев после последнего приезда, а они и моя семья тоже. Первым захожу в дом, обнаруживая дядю на диване. Щёлкая по пульту, он почти не смотрит телевизор, энергично пролистывая новостную ленту в интернете.

– Привет, – говорю я, вышагивая к нему, на что получаю улыбку.

– Привет, как дела?

– В порядке, ты как?

– Тоже неплохо, – кивает он, хлопая меня по спине.

Но обмен вопросами и любезностями не успевает начаться, ведь на порог буквально заваливается Джаред. Бомба взорвалась, это вижу не только я, но и дядя. Никто из нас не успевает и рот открыть, ведь Джаред на шаг впереди, цедя свой вопрос, смотря на отца:

– Зачем ты это делал?

– Что именно? – спокойно спрашивает он.

– Зачем ты трахал каких-то дешёвых шлюх, когда у тебя есть жена!?

– Давай не будем выражаться так, – выдыхает дядя, пока я смотрю то на него, то на Джареда. Но первый не торопит-

ся смотреть мне в глаза, вероятно, из-за стыда. Он явно не ожидал подобного вопроса при мне.

– Это мой дом, как посчитаю нужным, так и буду выражаться, – скалится Джаред, хлопнув входной дверью, позволяя нескольким барабанным перепонкам лопнуть в голове каждого из нас.

Сейчас передо мной ещё один Джаред, которого я доселе не знал: разочарованный. Я видел его в гнев, пьяным, обессиленным и отчаянным, веселым придурком, влюблённым, спокойным и сосредоточенным, серьёзным и даже однажды плачущим, но никогда не видел разочарованным. Думаю, это замечаю не только я. Он скрывает разочарование под маской гнева, но последние несколько лет я видел другого человека: счастливого. Его не покидает и до сих пор заводит и беспокоит только одна тема – измены отца.

– Зачем ты, имея ребёнка и жену, которые тебя любят, съёшь свой член в какую-то дешёвую шлюху? Ты зажрался? – практически орёт брат.

– Это была ошибка! – становясь красным, как помидор, повышает голос дядя.

– Ты хотел сказать несколько ошибок, – иронично цедит сквозь зубы Джаред, смотря на отца таким гневным взглядом, что становится не по себе даже мне. Вокруг меня раздувается пожар, сжигающий всё меньше, чем за долю секунды.

– Сколько ты ещё это будешь вспоминать? Я думал, всё наладилось! Ты сам стал отцом!

– Вот именно, я сам стал отцом, и теперь я понимаю всё ещё лучше, чёрт возьми! – буквально взревел Джаред, а я подскочил на месте из-за резкости.

Несколько секунд, они испепеляют друг друга взглядом, а я желаю, чтобы всё прекратилось также быстро, как началось. Но нутро чувствует, что это только начало, и в этот самый момент мне становится так страшно, как никогда ранее. Первым не выдерживает дядя.

– Ты сможешь меня понять только через десять или двадцать лет брака, сын.

– Не смей мне это говорить, твою мать! – фыркает Джаред. Ткнув пальцем в сторону отца, он продолжает: – Никогда не смей говорить, что я буду таким как ты, потому что единственное, что я никогда не буду хотеть – быть тобой. Я никогда не стану таким, как ты, никогда засуну свой член в какую-то одноразовую дешёвку, лучше он у меня отсохнет, чем я сделаю это.

– Ты уже это делал, как бы мне не хотелось это говорить. Мы все знаем твою репутацию.

– Мы оба понимаем, о чём я.

– Джаред, послушай меня, – пытаюсь унять боль в голове, говорит дядя, и мне становится душно, от чего по спине ползёт струя пота. – Я ошибался, ты можешь всю жизнь карать меня за это, я привык и смирился. Наверно, хоть кто-то должен это делать. Я не знаю, как объясниться, сын, у меня нет оправданий...

– Ещё бы они были, – перебив, продолжает небрежно бросать Джаред,

– Послушай меня, возможно, моя ошибка поможет тебе не совершить подобное. Я надеюсь и хочу в это верить, потому что вижу, как ты любишь, ты же мой сын. Это временное забвение, желание почувствовать себя интересным и желанным кем-то другим. У нас были проблемы, так получилось. Я буду всю жизнь просить за это прощение, хотя твоя мама не желает их слушать. Она вычеркнула это из памяти и дала мне шанс, я благодарен ей за это, благодарен за понимание. Но я не переживаю за себя, услышь меня. Я боюсь за тебя. Пока я пытаюсь забыть сам, ты напоминаешь и помнишь. Это губит не только меня и твою маму, но и тебя самого. Я не хочу ругаться с тобой, сын. Ты не поймёшь наших отношений, как я – твои, как Том – твои, а ты – его, потому что чужая семья всегда потёмки. Услышь меня. Я оступился – я осознал. Давай поговорим спокойно? Решим этот вопрос раз и навсегда, поставив на нём точку? Я расскажу тебе всё, отвечу на любой вопрос, потому что больше не могу смотреть на то, как теряю друга и сына. Я не жду твоего прощения. Я прекрасно понимаю: ты никогда не забудешь, ты не тот человек, что забывает. И если ты говоришь, что никогда так не поступишь, то я только рад. В этом нет ничего хорошего, могу только пожать твою руку и поверить. Но никогда не говори никогда.

– Никогда, – шипит Джаред, и его ярость настолько силь-

на, что он даже не замечает вошедшую в дом жену, остановившуюся у него за спиной. Наоборот, он только продолжает, и я уже хочу заткнуть его любимым способом, но ноги наполнились ватой. Наш спаситель вернулся почти вовремя, если сейчас Джаред не выдаст порцию похуже. – Слышишь? Никогда не предам её. Если надо, я скажу это каждому на планете. Пусть у меня отвалится член, я стану импотентом или он засохнет, но никогда не предам её, потому что отдам за неё всё на свете. Буду вечно гореть в аду, лишь бы она была в раю. Ты слышишь?

Губы дяди дёргаются в улыбке, как и мои тоже. Джаред остается в бешенстве, а непонимание так и скользит по его лицу. Наверно, он сказал всё то же самое, что думаю я. Я отдам и сделаю для Алекс всё. Буду гореть в аду в соседнем котлете от Джареда, чтобы она жила в раю. Лизи же застыла в растерянности из-за происходящего, но спустя несколько секунд отходит от шока и одной рукой обвивает его талию, а вторую ладонь кладёт поверх его кулака. Кажется, Джаред и сам не совсем понимает, потому что подскакивает на месте из-за неожиданности.

– Я утащу тебя собой, – улыбается она, оставляя поцелуй на его предплечье. И, кажется, пожар потух, потому что карие глаза брата перестают быть похожими на чёрную дыру. Они теплеют с каждой последующей секундой, пока она обнимает его.

В эту секунду я думаю о Алекс, к которой чувствую то

же, что и Джаред к Лизи. Телефон автоматически возникает в руках, а пальцы находят её профиль и наш некогда наполненный сообщениями диалог. Спустя длительное время, оставляю там новое: «Я люблю тебя больше всего на свете, твоя статья самая лучшая». Нажимаю отправить, и протянуто выдыхаю, вспоминая её первое признание в любви. Моё сообщение является прототипом, именно так я и хотел.

Когда поднимаю голову, Лизи уже принимает объятия отца Джареда и несколько вопросов про дела, работу и проказы Мэди и Мэйса. Джаред же молча стоит за её спиной, но гораздо спокойнее. Наш бальзам в своём действии, осталось вернуть свой.

Лизи и дядя начинают оживлённо общаться, и я использую этот момент. Подхватив руку брата, веду его на задний двор, и радуюсь тому, что он не спешит сопротивляться. Дверь за спиной закрывается, а мы занимаем кресла.

– Это было хреново, – выдыхаю я, – ты должен оставить это дерьмо в прошлом.

Джаред хмурит брови и устремляет взгляд куда-то вдаль.

– Он прав, ты сам себя мучаешь, и мучаются они. Ты не можешь судить его, ты не знаешь, что было.

– Он просто зажрался хорошим отношением, – фыркает брат.

– Да даже если так, ты должен прекратить. Самому легче станет, если опустишь ситуацию. Кто ещё знает? Крис? Билл?

– Никто.

Это выбивает меня из колеи, потому что два друга Джаред знает его как облупленного, но уверен, что Крис всё же знает и понимает его лучше Билла. Странно, что никто из них не подозревает на чём поехал их друг, хотя, возможно они и понимают, но не лезут. И это очень мудро с их стороны.

– Лизи слишком умна, чтобы не понимать, о чём речь. Плюс один.

– Она и так знает.

– Знает?

– Я давно ей рассказал, – жмёт плечами Джаред, – она всё знает, мы много говорим.

– Ты обвиняешь его, но помни, что сам однажды мог ошибиться или ошибся, это останется при тебе. Лизи простила.

– Я не изменял ей, ещё раз повторяю, – цедит Джаред, сжимая кулаки.

– Ты же не помнишь. И расслабься, я не виню тебя, это лишь упоминание.

– Я в себе уверен.

– Недавно ты не был так уверен.

– Сейчас я полностью уверен. Ничего не было и быть не могло, даже если мне в глотку зальют цистерну, я всё равно не суну свой член в кого-то ещё.

Падаю на спинку кресла и складываю в замок пальцы рук на затылке, раскинув локти в сторону. Джаред слишком закрытый в личном плане человек, я узнал об изменах дяди

спустя почти десять лет, пока он нёс всё в себе. Поэтому у него и ехала крыша, да и сейчас едет. Наверно, есть только одна тема, которая будоражит его кровь. Хотел бы знать я, если подобное было или есть между моими родителями? Нет. Абсолютно нет. Я даже думать об этом не хочу. Дерьмово понимать, что кто-то из твоих родителей гуляет налево, и особенно, если второй отдаётся ему со всей душой. Я не могу судить чужую семью, даже если они мои родственники, и не могу осуждать, ведь не знаю, какие отношения были, и что побудило его пойти на такие шаги. Я видел их редко, но всегда думал, что в семье брата полная идиллия, как оказалось, я ошибался. Сомнения начали терзать ещё в школе после его приезда. Джаред неспроста съехал с катушек, для этого нужен резонный повод, теперь я знаю, что он был.

Непривычно сейчас видеть его таким расстроенным, злым и в какой-то степени отчаянным. Я уже забыл, когда последний раз он действительно рвал и метал. Мы оба не замечаем, как рядом появляется Лизи. Присев на ручку кресла, она обнимает шею Джареда и целует его в щёку, на что он сразу отвечает ответным объятием, протянув руку за её спиной.

– Ты как?

– Нормально, – пожимает плечами Джаред.

– Не хочешь поговорить?

– Пошли.

– Не со мной.

Джаред выгибает бровь и косится на меня, задавая жене

немой, но вполне понятный вопрос.

– И не с Томом. Твой папа расстроен. Они и так редко прилетают, реши это раз и навсегда. Уже давно пора. Я пока приготовлю ужин, мама с Мэди и Мэйсом скоро вернутся.

– Хорошо.

Лизи ещё раз целует его, только уже несколько раз и в районе виска, после чего поднимается.

– Тебе помочь? – обращаюсь я, чтобы найти повод уйти и оставить Джареда одного для сбора мыслей и разговора.

– Давай, – соглашается она, улыбаясь и кивая головой, после чего, вновь переводит взгляд на мужа: – что-нибудь принести?

– Нет, спасибо.

Лизи посылает ему улыбку, говорящую что-то наподобие «всё хорошо» и первая заходит в дом. Я же задерживаюсь на несколько секунд, чтобы сказать несколько слов.

– Просто выслушай, никто не просит тебя целовать его в обе щеки и бросаться на шею. Каждый может ошибиться, ты тоже ошибался.

Оставляю Джареда одного, и искоса бросаю в его сторону взгляд перед тем, как зайти в дом. Пройдясь по волосам пятерней, он снова хмурится, и я решаюсь немного поднять его настроение.

– Тебе пора подстричься, иначе я ночью буду ложиться рядом, и плести тебе косички.

Уголки губ брата приподнимаются, и он показывает мне

средний палец, над чем я смеюсь и окончательно оставляю его одного. Присоединюсь к Лизи на кухне, дав понять, что мы ушли не просто так, но дядя не дурак, он и сам понимает наш намёк. Спустя несколько минут, диван пустеет, и мы остаёмся вдвоём.

– Говори, что делать.

– Маринуй курицу, приправа рядом с тарелкой, – указывает она в правую сторону от меня.

Киваю и приступаю к заданию. Последующее время мы молчим, хотя у меня десятки вопросов к ней. Алекс сказала, что Лизи ничего не знает, но я не уверен, она просто не может не знать, они всегда всё друг другу рассказывают, это не может быть исключением. Я хочу знать мнение Лизи, которая обычно молчала, в то время как Джаред открыто прикалывался и называл меня идиотом, кстати, я где-то с ним солидарен. Телефон подаёт сигнал о новом сообщении, и я скорей тороплюсь проверить отправителя. Но когда смотрю на экран – разочарованно выдыхаю, потому что ответа от Алекс так и не поступило, всего лишь уведомление от Гарретта о завтрашней тренировке. Сую его обратно и опираюсь ладонями на столешницу.

– Тебе плохо? – обеспокоено щебечет Лизи.

– Дерьмовей некуда, – соглашаюсь я.

В карих глазах отражается полное понимание моего ответа, и я посылаю ей короткую, но полную грусти, улыбку. Как бы ни хотелось, Лизи мне не помощник, разве только слуша-

тель. Она не убедит Алекс, как и кто-то другой.

– Как дела в команде? – улыбается Лизи, и я точно знаю, что она пытается вырвать меня из мрачных мыслей.

– Можно сказать отлично, как на работе?

– Я.. хочу уволиться, только не говори Джареду.

Поворачиваюсь к ней полностью и вскидываю брови.

– Там всё печально?

– Не знаю, я просто хочу сменить род деятельности... но он не позволит.

– Почему?

– Он не пустит меня туда назад...

– Лиз, – выдыхаю я, – это хреновая идея, я бы тоже не пустил, да и не пущу. Может, взять альтернативу на другом канале? Ты пробовала?

– Нет. Честно говоря, я даже не думала об этом.

– Почему? У меня в квартире двести каналов, которые работают, ещё столько же платных. Просмотри варианты с открытыми вакансиями.

– Посмотрю после ужина, – улыбается Лизи, – только не говори Джареду.

– Я уже понял, – смеюсь я, – не скажу.

– Если получится, то скажу ему, когда получу должность.

– Только читай контракт, иначе поиграешь в висельницу с помощью рук Джареда.

– Это точно, – хихикает она.

Подставляю руки под струю воды и смываю масло, смесь

и всё остальное, что вручала мне Лизи для маринада. В эту самую секунду, дверь распахивается и на порог влетает парочка счастливых лиц, вслед за которыми появляется не менее довольная Рейчел с мокрым пиджаком в руках.

– Мы стирались в фонтане, – смеясь, сообщает она.

– Мы купим новый, – с улыбкой, говорит Лизи, после чего переводит взгляд на Мэди и Мэйса: – бегом мыть руки, скоро будем кушать.

Что делает эта парочка? Визжа, несётся не в ванную, а на задний двор. Сейчас Джаред и Питер будут их подданными, потому что качели уже предчувствуют свою работу. Я оказываюсь прав, когда через минуту слышу смех и улюлюканье, доносящееся с детской площадки.

– А где Алекс? – обращается Рейчел, заключив меня в свои объятия.

– Она...

– Сегодня допоздна, куча работы перед выходными, – помогает мне Лизи, за что я благодарно ей улыбаюсь.

– Хорошо, передавайте привет. Чем помочь?

– Уже всё готово, сейчас поставлю курицу и всё.

– Накрою на стол? – улыбается Рейчел.

– Да, – кивает Лизи.

– Во дворе?

– Да, зачем сидеть в четырёх стенах.

Я снова погружаюсь в помощь Лизи и Рейчел, успевая носить посуду и приборы, пока Рейчел раскладывает их по сто-

лу. Искоса смотрю на Джареда, он снова стал монстром для детей, которые приближаясь к нему в воздухе, начинают визжать и убирать ноги под себя, а Питер наблюдает за всем с улыбкой на губах. Даже если между ними не воцарился мир или он только начал зарождаться, я всё равно рад тому, что дядя видит то, каким отцом стал его сын. Переставляю себя на его место и тоже улыбаюсь. Когда-нибудь я тоже хочу видеть то, каким человеком станет мой сын или дочь. Никто из нас не думал, что он может измениться или вообще был с мозгами в голове, а не ветром.

Для того чтобы желать чего-то большего, нужен определённый человек. Тот, с кем ты будешь желать этих перемен, которые перевернут жизнь с ног на голову. Джаред говорил, что Мэди и Мэйс влетают в их спальню и его утро начинается с того, что по голове ходит парочка ног, а на соседней подушке посмеивается Лизи до тех пор, пока ей не наступают на волосы, после чего ей уже не так смешно, как до этого. Они прямое доказательство того, что нужен лишь свой человек рядом. Они есть друг у друга, а у меня есть мой человек. Алекс всегда была только моей и всегда будет. Просыпаясь, на соседней подушке я хочу видеть именно её. Другие варианты исключаются.

Когда стол полностью готов, мы рассаживаемся по местам. Рядом стулья занимают Мэйс и Мэди, а это означает только то, что чистым из их дома я не уйду. И это подтверждается, когда на ногу приземляется салат, из-за чего Мэди

виновато хлопает голубыми глазами, а Мэйс тихо посмеивается с другой стороны.

– Дайте друг другу пять, пока я делаю вид, что это случайность, – смеюсь я, пока парочка озорных лиц, улыбаясь, засовывает по новой порции в рот.

Тяжело выдохнув, Лизи качает головой и протягивает мне салфетку.

– Мультиков не будет, – заявляет она, смотря на детей, которые больше не так довольны, а скорей угрюмы.

– А у меня будут, – смеясь, вступает Джаред, из-за чего их лица озаряются надеждой. Получив подмигивания, парочка шалунов тоже расплываются в улыбке.

– Картер, ты неисправим.

– Я знаю, малышка, – улыбаясь, он целует её в щёку и немного пританцовывая, ёрзает на стуле и с аппетитом уплетает ужин.

– Нужно приезжать к вам чаще, но лучше вы к нам, – улыбается Рейчел, – кстати, всё очень вкусно. Спасибо, Лизи.

– Да, было бы неплохо, – добавляет Питер, – последний раз вы прилетали год назад.

Вилка в руках Джареда застывает, что замечаю только я. На какой-то миг, его глаза темнеют ещё больше, но с протянутым выдохом, плечи и спина брата расслабляются, а взгляд становится теплее. Стихия обошла нас стороной, чему я рад.

– Кстати, Том, вам тоже нужно приехать, вы вообще не были у нас, – продолжает Рейчел, – приезжайте вместе, иначе

мы забудем, как выглядит твоя девушка.

– Она, кхм, очень поменялась, – говорю я.

– В хорошую сторону?

– Определённо да, – соглашаюсь я, кивая головой в подтверждение.

– Это же прекрасно, – улыбается Рейчел, – вы столько лет вместе, редко встретишь пары со школьных парт.

– Да, – подавлено, но стараясь улыбаться, снова киваю я, пока Лизи опустила взгляд в тарелку, а Джаред выгнул бровь, смотря на меня. Засранец.

И дерьмово, что я плохо скрываю свои эмоции, потому что Рейчел смотрит на меня с замешательством.

– У вас всё хорошо?

– Немного поругались, – выдыхаю я, а по лицу Джареда скользит усмешка. Уверен, ещё одно слово от меня, и он заржёт во весь голос.

– С кем не бывает, – немного улыбается Рейчел, – всё наладится.

– Надеюсь.

– А ты чему так доволен? У твоего брата проблемы, – хмурится она, смотря на сына.

– О, да, он в заднице, – ёрничает Джаред, за что получает толчок локтем от жены и её «заткнись» взгляд.

– Хочу напомнить, что ты тоже в ней был.

– Не-а, не был.

– Хочешь об этом поговорить?

– Не особо, – смеётся он, протянув руку по спинке стула Лизи.

– Если ты сейчас не заткнешься, то будешь, – сообщает Лизи.

Джаред закатывает глаза и передразнивает её писклявым голосом, из-за чего я посмеиваюсь. Он точно неисправим, возможно, это даже хорошо. Сейчас я понимаю, что подобные шутки лишь мотивация и стимул для меня.

– Всё в порядке. Я всё исправлю, – посылаю короткую улыбку Рейчел и вновь принимаюсь за ужин, пока Мэди отвлекает её тем, что тянет к себе и шепчет мольбу дать сладкого, из-за чего Лизи качает головой.

К сестре присоединяется Мэйс. Заползая на руки к Лизи, он крутит кулоны на её шее и что-то тихо бормочет. Отличная пара: Бони и Клайд, только в роли родственников. Превосходный способ отвлечь и получить своё. Они действуют сообща, что даже смешно. Но больше всего меня радует то, что Джаред и Питер сидят по соседству друг от друга, это хороший знак. Телефон в кармане сигналил, и я вновь спешу его достать, но вспоминаю прошлое сообщение и перестаю так ярко тащить его из джинс. Когда взгляд находит имя отправителя, сердце делает тройное сальто. Открываю сообщение и отвожу душу обычным: «Спасибо, они все красивые». Взаимных слов нет, но она ответила, а для меня достаточно и этого.

Глава 16

Алекс

Захожу в кабинет и вновь улыбаюсь. Во-первых, сегодня пятница, во-вторых, у меня хорошее настроение, в-третьих, стаканчик кофе дымится на рабочем столе. Нежные ароматы букетов заполняют стены, и такой дурманящий аромат, мешающийся с кофе – заставляет улыбку расплзаться по лицу, как и голову кружиться. Как только дверь закрывается, а я делаю несколько шагов к столу, в дверь стучат.

– Войдите.

На пороге тут же появляется Фрэнк. Удивление так и скользит по его лицу, когда взгляд проходится по букетам и возвращается ко мне.

– Мои догадки верны?

– Смотря, о чём ты думаешь, – смеюсь я, ставя купленный стаканчик бодрости на стол, а на спинке кресла повисает мешок сумки.

– Ты же не сама даришь их себе, – улыбается он.

– Почему бы и нет?

Занимаю рабочее место и делаю глоток, пока Фрэнк состряпал недоверчивую рожицу. Конечно, я не дарю их сама себе, но знаю, кто дарит, это заставляет моё сердце вмиг собирать собственные осколки, а разум парить в небесах, но

одновременно с ними, душа сгорает от боли. Я не выкидываю их, я просто не могу это сделать. Такая попытка была, но она с треском провалилась, чему я немного рада. Теперь букеты занимают своё место в кабинете. Не знаю, почему не унесла их домой.

– Можно поздравить?

– С чем?

– С воссоединением и.. завершением стажировки, – улыбается Фрэнк.

– Первое вряд ли, и разве уже прошёл месяц?

– Прошёл, – кивает он, – отметим?

– Ты меня оставляешь?

– Думаю, мы оба знаем ответ, так и?

Визгнув, подскакиваю на кресле и бросаюсь к Фрэнку с объятиями.

– Спасибо, – верещу я у его груди, попутно обливаясь слезами, – ты самый лучший начальник и друг на свете.

– Спасибо, – смеётся он, – встречаемся в семь?

– Где?

– У меня есть одно место на примете, тебе понравится.

Возвращаюсь на рабочее место и сияю от счастья, ёрзая по креслу. Не думала, что буду рада прохождению стажировки, которую, кстати, даже не ощущала, и получению работы.

– Хорошо, ты будешь один?

– Да, – лицо Фрэнка тут же меняется, тем самым делая укол в сердце.

– Что произошло?

– В плане?

– Я же не слепая, скажешь?

– Мы решили взять паузу, – выдыхает он, – но это не так важно. У меня кое-что есть для тебя.

Свожу брови на переносице и меняю тон.

– Не говори так, это важно для тебя... и для меня тоже. Ты не посторонний человек, я хочу, чтобы у вас всё наладилось.

– Люди любят хоронить живые отношения и воскрешать мертвые. Тебя, кстати, это тоже касается, судя по кабинету. Ты больше не виделась с ним?

– Эм... несколько дней назад, он приезжал сюда, и мы немного поговорили.

– Судя по цветам, разговор прошёл хорошо.

– Не совсем. Иногда простого «прости» недостаточно.

– Согласен, – улыбается Фрэнк, – но не будь ты нужна ему, в твоём кабинете было бы пусто.

– Может быть, я не хочу торопиться. Он оставил меня, где гарантии, что не оставит ещё раз?

– Нигде, Алекс. Никто не даст тебе таких гарантий. Незачем клясться в вечной любви. Это глупо и по-детски. Лучше молча делать, чем слушать клятвы. Верность, уважение, любовь – могут исчезнуть в один миг, ты и сама не заметишь как, потому что это были лишь слова. Мы каждый день что-то говорим, и не всё то, что мы говорим, является правдой. Твоё дело чувствовать и хотеть этого. А где есть желание –

есть всё.

– Минутка мудрости от мистера Ли, – улыбаюсь я.

– Пользуйся на здоровье, – посмеивается он.

Фрэнк посылает мне короткую улыбку и направляется к двери, по которой стучат. И я спешу остановить его перед тем, как она откроется. Неважно кто там, потому что у меня есть, что сказать ему.

– Минуту!

Положив ладонь на ручку, он поворачивается ко мне с вопросительно выгнутой бровью.

– Пока ты не ушёл, я хочу сказать.

– Что? – улыбается он.

– Спасибо.

– За что?

– За всё, – пожимаю плечами и посылаю ему ответную улыбку, – за то, что имел наглость подсмотреть в мой ежедневник; за то, что нашёл меня на каком-то крыльце; за то, что пошёл со мной к моим друзьям; за то, что поддерживаешь; за то, что дал работу. И.. за то, что насильно стал мне другом.

– Ты сама хотела, чтобы я стал твоим другом, – улыбается Фрэнк.

– Может быть, – смеюсь я. – У меня ещё один вопрос. Где Мартин?

– У него командировка, скоро вернётся, – говорит он и открывает дверь.

Знакомый парень стоит в пороге, переводя взгляд с Фрэнка на меня. В руках у него очередной букет, чему я улыбаюсь, а Фрэнк посмеивается.

– Мисс Блин, – сообщает Фрэнк, становясь моим начальником, – кажется, кто-то не теряет надежд. Скоро у нас будет цветочный отдел, задумайтесь над данной колонкой.

– Хорошо, – киваю я.

Успев подмигнуть мне, он удаляется, а я поднимаюсь с кресла и ставлю подпись напротив собственного имени и фамилии, получая новый букет из ромашек. С таким темпом, этот парень станет мне родным, потому что на сегодняшний день я вижу с ним больше, чем с родителями и друзьями. Закрываю дверь, оставляя за стеной любопытные взгляды, которые ловят подобный подарок не первый день. Рассматриваю букет со всех сторон и вдыхаю божественный аромат цветов. Подхожу к столу и кладу его на поверхность, улавливая взглядом небольшой квадратик, выпавший из букета. Непонятно почему, но ноги дрожат, как и руки. Я не знаю, что там написано, но видя то сообщение от Тома, я пытаюсь остановить себя в желании броситься к нему на шею, пролив всё на свете. Наверно, не оставшись во мне капля гордости и самоуважения, я бы сделала это ещё тогда на первом матче, куда меня привезли Лизи и Джаред. Я не могу понять собственные чувства, которые одновременно твердят простить и бежать без оглядки. Смотря со стороны, могу сказать, что сейчас топчусь на месте, со слезами оглядываясь

туда, где была влюблена и счастлива, и при этом поглядывая в неизвестное будущее.

Я никогда не думала, что останусь одна. Я всегда знала, что он будет рядом, что никуда не денется, как и я от него. Оказывается, всё может измениться по щелчку пальцев. Глупо винить одного. Виноваты всегда двое. Где-то ошибалась я, где-то он. Оба хороши. Сейчас, я знаю, что, заснув одна – проснусь в одиночестве. Как бы хотелось или не хотелось, образ Тома врывается в память и ложится на соседнюю подушку. С замиранием сердца, я всегда поворачиваю голову – вижу там пустоту и темноту, от которой становится одиноко и не по себе. Спустя несколько месяцев, я не могу привыкнуть к подобному повороту судьбы на сто восемьдесят градусов. Восемь лет быть с одним человеком, прожить с ним несколько лет вдвоём под одной крышей и вмиг потерять своё защитное крыло, щит, опору – подобно удару под дых. Когда из тебя разом выбивают всякие чувства, органы и желание.

Выпадаю из реальности под музыку, не торопливо подыскивая материал для будущей статьи и ожидая подтверждение от Фрэнка за ту, что была отправлена ему вчера. Всё то, что я делала раньше – кажется таким далёким, чуждым и вовсе не моим. Не знаю почему, но именно из-за подобного исхода, хочется поменять себя полностью: перестроить, переделать, изменить. Начиная внешностью, заканчивая внутренним миром, хочется показать то, что ты станешь только луч-

ше, что ничто не сломит тебя, даже если ты умираешь изнутри – на лице всегда будет присутствовать маска улыбки. И сейчас я понимаю Лизи, которая носила эту маску: танцевала, шутила и улыбалась. Но лишь я знаю, и только я слышала, как она всхлипывала ночами в своей комнате. Я слышала это ни один раз, но ничем не могла помочь так же, как и она сейчас мне. Словами рану не зашить. Было больно, я чувствовала, как ломается и рушится самый близкий человек на свете, но я оставалась безоружной, могла лишь свернуть шею Джареда, и одновременно не могла, ведь он страдал не меньше, разве только не скрывая эмоций, ломая и круша всё, что попадалось на глаза. Да и она бы меня не простила. Живя сейчас в соседних комнатах, она бы слышала то же самое. Отчаянье написано на моём лице, но я переняла ту маску, которой пользовалась она, как минимум перед ними или Томом. Это бессмысленно занятие, ведь именно они знают меня как никто другой, но я всё равно занимаюсь подобной глупостью. Кому-то легче высказываться, выплакивать всю боль у кого-то на плече, мне же легче быть одной. Знать, что никто не видит моих слёз.

Странное время: девушки, женщины пытаются скрыть свои слёзы, прячась за независимостью и силой. Показывая, что нам ничто нипочём, горы по колено – мы можем усугублять ситуацию. Наверно, нужно показывать свою слабость, но это страшно. Страшно представить, что кто-то может воспользоваться и вытереть об тебя ноги, либо же вытирать. Но,

как ни странно, многие с этим живут, ежедневно сталкиваясь с унижениями, побоями и мужским небрежным обращением, как с товаром, предназначенным для одноразового использования. Я не могу судить всех, ведь ситуации у всех разные, но это есть и будет.

Игра в хорошего и плохо полицейского, где сегодня ты хороший, а завтра уже плохой. Нельзя идеализировать человека, и нельзя демонизировать. Нельзя требовать от кого-то соответствовать какому-то образу, как в кино: плохой – совершает только плохое, хороший – делает всё правильно. Нельзя делить мир на чёрное и белое, каждый шаг, день, год или какое-то событие имеет свою краску, свой уникальный оттенок. До прихода в издательство, я часто проводила параллели и переносила ошибки другого на кого-то ещё: Артур и Лизи, которые до чёртиков пугали тем, что я могу повторить подобный исход. У меня получилось, ведь я почти поставила клеймо на Фрэнка, который в корне поменял данные предубеждения, выстроенные в голове. Это моя игра, где я проиграла. Он другой, как и все остальные. Каждый человек – единственный в своём роде. Один такой, не существует копии. Нет на свете второго тебя.

Смотрю за окно, кусая колпачок ручки, который кажется слишком вкусным. Тишина и спокойствие длилось не долго, потому что на порог буквально заваливается девушка. Та самая девушка, которая была с Томом и мой внутренний мир валится.

– Привет, а где Гвенет? – спрашивает она, пока я хватаю ртом воздух.

Собираюсь с силами и пытаюсь успокоить бурю внутри себя.

– Привет. Не знаю.

– А мы случайно не встречались?

– Может быть, – и тебе лучше скрыться с глаз.

– Ладно, спасибо, – улыбается она и покидает кабинет.

Хочется кричать от боли и одновременно благодарить судьбу за то, что она не носит имя Гвенет. Но это означает только одно: даже если она не Гвенет, она точно общается с ней и достаточно хорошо, чтобы вваливаться на порог, как к себе домой. Голову кружит, а тот отвратительный осадок одного слова от Тома, снова эхом разносится по сознанию.

Было.

Хочется бежать, а ещё хочется упасть и не двигаться одновременно. В последнее время я слишком противоречива. Я не могу пойти к Фрэнку как минимум из-за того, что сегодня пятница и у него куча работы, хочется позвонить Лизи и бесконечно реветь в трубку, хочется молчать и разобраться самой. Эти чувства расщепляют на тысячи частиц. Сотни выходов решений при определённом выбранном пути. В итоге я выбираю тот, где ничего не делаю, а таращусь на ту бумажку на полу. Дверь снова открывается, а я хватаю её со стола и обращаю взгляд к рамкам с фотографиями. Их уже две. На второй те, кто стал мне второй семьей: Джаред, кото-

рого целуют Мэди и Мэйс в обе щёки, пока мы держим их в воздухе. Это случайная фотография, сделанная Беккой. Мы смеёмся, потому что Мэди укусила его, а не поцеловала, и поэтому лицо у Джареда забавно скривилось. Не считая тех смешных с Томом, эти две, где есть я, Лизи и Бекка, и вторая с их семьей – мои любимые, потому что живые.

– Привет, – приветствует меня девушка примерно двадцати шести лет, с каштановыми волосами, чёрными, как смоль глазами и немного удивленной, но вежливой улыбкой.

– Привет, – отвечаю я, сжимая бумажку в руках. Кажется, на моём лице отражается страх, удивление, печаль, к которым я добавляю дружелюбную улыбку. Отличный вид.

– У тебя тут всё в порядке? – спрашивает она, проходя к свободному столу, который, по-видимому, принадлежит ей. Ставит сумку и вновь обращает взгляд ко мне: – Гвенет.

– Алекс, – киваю я, ответно представляясь.

– У тебя испуганный вид.

– Сегодня сюрпризы с утра валяются один за другим.

– Я вижу, – улыбается девушка, махнув головой в сторону цветов у окна.

В эту самую секунду, дверь вновь распаивается, и причина моего ужаса на лице появляется на пороге, распахнув руки в разные стороны. Девушки обнимаются, как старые друзья и я улавливаю разницу размером с пропасть между ними и нами. Лизи и я никогда не скрываем эмоции. Мы всегда летели в объятия друг друга с визгом и широченной улыбкой

на лице, где бы ни находились. Разве только мы – лучшие подруги, а они могут быть просто друзьями. Не теми, кто надевает твой лифчик, потому что свой намочила; не теми, кто доедает последний кусочек пиццы, после чего смеётся в лицо; не теми, кто ревет друг у друга на плече по поводу и без. Бесконечное перечисление. Девушки отлипают друг от друга, и Гвенет тянет руку к шкафу, из которого достаёт стеклянную вазу.

– Могу одолжить, – предлагает она с тенью улыбки.

– Спасибо, – киваю я, вспоминая о новом букете, который, кстати, покоится почти перед моим лицом.

Поставив вазу на мой стол, она замечает рамки и указывает пальцем:

– Можно?

– Конечно, – киваю я без раздумывания.

С улыбкой, она разглядывает фотографии, и к ней подключается рыжеволосая девушка, пока они рассматривают снимки, мой взгляд скользит по ней, хотя агрессию из-за боли я пытаюсь подавить и скрыть. Чёрные брюки с высокой посадкой поддерживаются на талии с помощью ремня, в них же заправлена лёгкая нежно зелёная блузка с прозрачными рукавами в виде колокольчика. Яркие зелёные глаза сочетаются с пухлыми губами. Не буду отрицать, она определённо красивая и привлекает мужской пол. В ней буквально есть всё: красота, фигура, длинные ноги, и, чёрт возьми, какое-то спокойствие, чего всегда хотел Том. Последнее отсутствует

во мне, как и ноги от ушей. Вряд ли мы можем встать в одну линейку в модельном агентстве. Первый раз я чувствую себя неуверенной, из-за чего замыкаюсь в себе. Я не успела рассмотреть её тогда, но могу это сделать сейчас. И от того, что я вижу – не по себе. Я люблю выглядеть хорошо, но сегодня на моей голове пучок, и небольшое количество распущенных волос. Ерзая в кресле, я поднимаю взгляд к её лицу. В отличие от подруги, девушка хмурится и пристально всматривается в фотографию, где есть Картеры и я. Если она знакома, и даже больше, чем знакома с Томом, ей известны мои друзья. Зная Лизи, она никогда не пойдет на конфликт, будет улыбаться. Если они были в одной компании, то именно так и было. Моя лучшая подруга может вырвать за меня волосы, но не пойдёт на это без резонного повода. Эта девушка не сделала ничего ей так же, как и мне, ей просто понравился тот же человек. Возможно, так я утешаю и успокаиваю себя, ведь желание стукнуть её о стол – имеется.

– А этот парень, он их отец? – спрашивает первой Гвенет.

– Да, – не успев открыть свой рот, меня перебивает рыжеволосая девушка, теперь уже рассматривая меня. – Откуда ты их знаешь?

– Это моя лучшая подруга, её муж и их дети.

– Ого, – удивляется Гвенет, – они так молоды и уже двое детей.

– Они двойняшки.

– Кажется, что я могла его где-то видеть.

– Он занимается боксом, возможно, видела чемпионаты по телевизору.

– Вполне может быть, он красавчик, – улыбается она.

– Ага, – киваю я. Именно также подумала я, когда впервые увидела Джареда ещё издали в школе. Моё мнение о нём постоянно меняется. Но Лизи назвала его придурком, что к нему прицепилось по сегодняшний день. Он наш придурок.

Рыжеволосая девушка продолжает молчать и метать взглядом между мной и рамкой, что не совсем приятно. Я не люблю быть центром пристального внимания. И не думаю, что Том что-то рассказывал ей о прошлом: обо мне. Он, как и Джаред, не любит делиться личным.

– Я видела его на днях, – наконец-то, говорит она, обращая внимание к подруге, – он приходил.

Кровь отхлынула от моего лица, а спина, как и ногти, так сильно вжалась в кожу кресла, что я могла легко слиться с ним, как профессор Слизнорт превращается в кресло. Сначала я убью Картера, а потом это сделает Лизи.

– Сюда? – спрашивает Гвенет.

– Нет, на стадион.

– Он играет в бейсбол?

– Нет. Его брат играет.

– Брат такой же красавчик, как он? – улыбается Гвенет, в эту же секунду лицо её подруги становится мрачней прежнего. – Чар? Ну?

– Не будем об этом, – спустя минуту, отрезает она.

– Подожди, ты случайно не про него рассказывала? – с пылким интересом, удивляется Гвенет, положив ладонь на плечо девушки.

– Я не хочу об этом говорить, – цедит вторая, и я уже хочу перебежать на сторону Гвенет, чтобы узнать вторую правду. Глупо, но да, я хочу знать, что он не врал мне, что ничего не было, кроме поцелуя.

Кусаю внутреннюю сторону щеки, потому что тошнота подступает к горлу, а картинки с подобным моментом так и норовят заползти в голову. Я представляла это миллион раз в различных версиях, продолжительности и положении, и ничего из того, что было – не было приятно. Наоборот, таким образом, я лишней раз убивала себя. Я могу добить себя, узнав правду, а могу успокоить, если это не было таким романтичным, эротичным, страстным и желанным. Привет, моё противоречие, я вновь рада приветствовать тебя в своём разуме.

– Не расстраивайся. Он урод, мы же так решили? – с поддержкой, поглаживает её плечо Гвенет.

– Так, – кивает она.

– Урод? – вырывается изо рта, за что я мысленно отрезаю собственный язык, потому что произнесла вопрос вслух.

– Да, – жмёт плечами Гвенет, – он бр...

– Не надо, – резко перебивает девушка, – забудем об этом.

– Ты же хотела по... – снова начинает Гвенет.

– Я сказала не надо!

Сглатываю ком расстройства и разочарования, но возможно, мне знать ни стоит. Будь там что-то большее, не знаю, через какое время смогу смотреть на него без доли отвращения.

– Кто прислал букет? – улыбается новоиспеченная коллега, – поклонник?

– Наверно, – говорю я, пожимая плечами, чтобы выбрать ответ между да и нет.

– Красивые, он явно накосячил или пытается тебя очаровать.

Пройдясь к цветам, она рассматривает каждый букет.

– Не пишет записки?

– Нет, – вру я.

– Кажется, ты плохо смотрела, – смеётся она, вытаскивая небольшой квадратик из одного букета.

Я снова чувствую, как кровь отхлынула от лица. Не знаю, что Том пишет в них, ведь ту, что сейчас сжата в руках – тоже не читала. Знаю, сейчас, как минимум двум девушкам тут может стать плохо, если он написал своё имя. Хотя, сколько на свете и в Нью-Йорке ещё проживает парней с данным именем? Разве только один, которого мы обе знаем, и который брат того, с кем я на одной из фотографий.

– Тут фотография, – улыбается Гвенет, – очень милая. Он накосячил, явно не поклонник.

Кажется, мир застыл, и я тоже. Я лишь молю Богу, чтобы её не увидела рыжеволосая девушка. Не хочется спустя ме-

сяц наживать себе врага. Я слишком хорошо знаю, насколько страшна женская месть. Воспоминания о Алише и Хэйли врываются в сознание, но я встряхиваю головой и протягиваю дрожащую руку в сторону Гвенет, чтобы перехватить вторую часть подарка.

Как только квадратик появляется в руках, что-то помогает расслабиться, но слёзы рвутся наружу, и я вновь застываю. Небольшая фотография, уменьшенная в размерах, которую сделал Том, как минимум четыре года назад. Благодарю небеса за то, что его присутствия на снимке нет, но есть протянутая ко мне рука с браслетом, который он постоянно носит. Черно белая фотография, где на берегу Потомака я, смеясь, бегу от него спиной; ветер помогает волосам липнуть к лицу и трепать их по воздуху. Он всё же поймал меня тогда, хотя, скорей я сдалась сама, приняв его ладонь. Живой кадр с эмоциями, которые когда-то будоражили кровь. На белом квадрате, по центру размещён снимок, а под ним написано «живая», что не совсем понятно. Соскакиваю с кресла и лечу к остальным букетам, откуда вынимаю ещё несколько квадратиков. На всех снимках присутствую только я; где-то есть его нога, рука или часть щеки. Нога, когда он подвернул ее, и я помогала разминать, точнее, училась это делать. Опустив голову, я сжимаю ступню Тома и улыбаюсь, слушая его рекомендации, ниже под снимком написано «заботливая». Смотрю на второй, где целую его в щёку, следующая надпись «нежная». Третье фото, где я переплетаю наши пальцы

и прижимаю кисть к своей щеке, закрыв глаза и с улыбкой на лице, ещё одно слово «тёплая». Четвёртый тот, что я сжимала в ладони. Разворачиваю квадратик и стараюсь удержать рвущиеся слёзы. Бита застыла в руке, а я, довольная, показываю ему язык, пятая надпись «Смешная».

– Покажешь? – спрашивает Гвенет, на что я мотаю головой в разные стороны.

Это слишком личное, в этом нет ничего эротичного, но эти моменты интимные, родные и любимые, как и тысячи других. Они только между нами. Девушки смотрят на меня с небольшим замешательством.

– Это личное, – говорю я.

– Горяченькое? – смеётся Гвенет, – видимо, мне повезло или не повезло.

– Нет, просто личное.

– Сильно накосячил?

– Достаточно сильно.

– Я когда-то смотрела сериал, и там говорили: «Каждый заслуживает второй шанс», возможно, тебе стоит задуматься.

Согласно киваю и сую записки в сумку, вновь занимая рабочее место. В правом окошке висит новое сообщение, которое я тут же открываю.

Главный редактор издательства Lifestyle Фрэнк Ли:

«Уважаемая мисс Блинд, Ваша статья одобрена, поправки не требуются, а какие требовались – я внёс самостоя-

тельно.

Р. С. Адрес знаю, заеду к семи, на сегодня Вы можете быть свободны. Не благодарите.

Р. С. С. Если, конечно, не желаете выручить друга, я ведь заслужил данную должность?».

С улыбкой, стучу по клавиатуре:

Автор колонки об интерьере издательства Lifestyle:

"Уважаемый мистер Ли, благодарю за внесённые поправки.

Р. С. И за предоставленное свободное время.

Р. С. С. Заслужил, чем могу быть обязана?»

Ответ приходит незамедлительно:

Главный редактор издательства Lifestyle Фрэнк Ли:

«Мне нужен кофе, самый большой стаканчик, пожалуйста. Выберите самостоятельно, я Вам доверяю. Заранее благодарю.

Р. С. Спасибо, что приняли на данную должность, постараюсь не подвести Ваше доверие».

Хихикая, набираю новое:

Автор колонки об интерьере издательства Lifestyle:

«Принято и будет сделано в течении пятнадцати минут.

Р. С. Я запомнила и сохранила данные слова».

– Он? – улыбается Гвенет, замечая просветы радости на моём лице.

– Нет, – отрицательно качаю головой, – друг.

Любопытство так и рвётся из неё, но я не даю ему опередить мой побег.

– Я должна уйти, у меня всё одобрено.

– Ладно, тогда... до завтра? – предлагает она с толикой разочарования в голосе. Расстрою, но о личной жизни я не готова говорить ни с кем, кроме своих друзей. Это я переняла у Тома, хорошая черта не трепаться направо и налево. Чем меньше знают окружающие, тем лучше тебе самой.

Хватаю сумку и новый букет, потому что в последнее время простоте ромашек отдаю большее значение. Не глядя, прощаюсь с девушками, оставляя их в кабинете, и бегу в любимшую кофейню.

Полагаясь на собственный вкус и выбор, беру не один большой, а два средних стаканчика с разным наполнением и вновь возвращаюсь назад в офис. На всё про всё потребовалось одиннадцать минут, что радует. Когда захожу на порог приёмной офиса Фрэнка, не застаю его секретаршу, которая обычно прилипает к рабочему месту с утра до вечера. Стучу в дверь, но не получаю никакого ответа, поэтому набираю его номер, но слышу, как звонок раздаётся по ту сторону. С минуту, раздумывая, не будет ли наглостью войти и поставить напитки на стол, но принимаю попытку узнать у мимо проходящих сотрудников.

Ничего не получается, ажиотаж, хаос и спешные перекидывания фразами не дают даже вступить в диалог. Выдыхаю и захожу в кабинет, где на столе обнаруживаю кипу бумаг. В

какой-то момент я даже думаю дождаться его и предложить хоть какую-то помощь, но знаю, что помощи от меня не будет, лишь ненужное отвлечение и потеря времени. Сейчас я сомневаюсь, что он успеет к семи. Не решаясь поставить стаканчики на рабочий стол, куда они могу упасть и залить листы, устроив Армагеддон, ставлю их на журнальный столик у дивана. Но как только делаю шаг, экран телефона Фрэнка начинает светиться, и мой глаз, черт бы его побрал, падает на имя отправителя, от которого перехватывает дух. Ставлю стаканчики на столик и спешно покидаю кабинет, ругая себя за то, что заглянула в его личное пространство. Вылетаю из офиса и спешу домой, попутно улыбаясь букету в руках. У меня есть вечер, который поможет раскусить его.

Как только ноги отрываются от пола, а тело принимает горизонтальное положение, глаза моментально слипаются, словно я не спала несколько суток, хотя так и есть. Ночи не были бессонными, но они были сотканы из слёз и попыток нормально выспаться, а не просыпаться каждый час.

Помочь пробудиться помог даже не звонок телефона, которых, кстати, было пять, как и семь сообщений, а чувство чего-то забытого. Смотрю на часы, и волосы встают дыбом, потому что сон продлился почти до семи. Десять минут для того, чтобы залечить полосы от подушки на лице, спутавшиеся волосы, как будто кто-то принял их за канат и учился вязать морские узелки; прочистить пересохшее горло из-за жары в комнате и привести себя в порядок.

С вытянутой рукой из-под душа, листаю сообщения, несколько от Фрэнка, который писал утром, днём и несколько минут назад о том, что уже выезжает, от Лизи, которая сказала, что завтра ждёт у себя, и парочка от Мартина, который сфотографировал мост «Золотые ворота» в Сан-Франциско и написал, что я обязательно должна приехать туда. Спешно отвечаю всем троем смайликом «класс» и бросаю телефон в сторону. Сегодня время не на моей стороне. Кажется, что проходит только пять минут, а я уже с лёгким макияжем на лице и одетая в коктейльное платье цветом ванили. Остаются лишь волосы, которые мокрыми сосульками спадают на лицо. Телефон подаёт сигнал и на экране отражается сообщение от Фрэнка с заявлением, что он уже подъехал. Пишу быстрый ответ и попутно сушу волосы.

Когда дверь в квартиру закрывается, а я ступаю в кабину лифта, поправляя застёжку на туфлях, проходит ровно десять минут. Можно пускать петарды и салюты, потому что такой скорости во мне ещё никогда не было, разве только тогда, когда неожиданно приезжал Том. Запрыгиваю на кресло, Фрэнк смотрит на меня и начинает посмеиваться.

– Что?

Протянув руку к бардачку, он достаёт оттуда флакон, похожий на тушь для ресниц и вручает мне.

– Посмотри в зеркало, невеста Чаки.

Смех вырывается и из меня, когда в отражении на меня смотрит один покрашенный глаз.

– Я просто уснула, но у меня и к тебе вопрос.

– Какой?

Выгибаю бровь.

– Не спрашивай, – выдыхает он.

– Хорошо.

Ресторан средиземноморской кухни принимает нас с распростертыми объятиями, а мои глаза не успевают оглядеть зал в тёплых песочных цветах, потому что они падают в меню с названиями блюд и их описаниями. Попробовать хочется всё, от чего голова идёт кругом. Слюни буквально заливают табличку. С трудом, но останавливаю выбор на сиба-се, а Фрэнк на палтусе, дополняя заказ закусками из лёгких овощных салатов и бутылке вина. Только после оформленного заказа, я, наконец, прохожусь взглядом по интерьеру. Столько растений в одном ресторане – мне ещё не доводилось наблюдать. Они везде. Я словно попала в тропики, среди которых поставили столики и разместили кухню.

– Открывай, – говорит Фрэнк, поставив передо мной плоскую продолговатую коробочку.

– Мы не договаривались о подарках, – хмурюсь я.

– Это не подарок, ты заслужила.

Развязываю ленточки и снимаю крышку, поглядывая на Фрэнка, который улыбается, ожидая моей реакции. И он её получает. Ослепительная улыбка расплзается по лицу, я буквально визжу и скачу на месте. Прямоугольная табличка золотого оттенка, где выгравированы мои инициалы, ловит

отблески светильников на потолке и говорит о том, что вскоре она появится на двери кабинета.

– Ну, что? – смеётся он.

– Ты самый лучший начальник на свете, – сияю я.

– Приму к сведению.

– Спасибо, – почти пишу я, проведя пальцем по буквам на табличке.

– Не за что.

– Но! – говорю я, сощутив глаза.

– Что?

– Не хочешь ничего рассказать?

– Что именно? – брови Фрэнка ползут вверх.

– Знаю, я заранее должна извиниться, я не хотела, я просто думала поставить кофе на стол, но потом передумала и поставила на журнальный столик. Он сам открылся, точнее, экран засветился и.. я увидела...

– Алекс, что увидела? Я не понимаю.

Закрываю ладонями лицо и выдыхаю.

– Мне ужасно стыдно.

– Может, скажешь, а потом решим?

– Дин, – говорю я, качая головой.

– Дин?

– Да, тебе написал Дин, когда он включился... я не хотела смотреть, это вышло случайно, мне ужасно стыдно.

– Ты серьёзно? – смеётся Фрэнк.

– Да.

– Ну, и что? Мы взрослые люди, кхм... но, честно говоря, мне нужна твоя помощь и тогда прощение у тебя в кармане.

– Говори, – быстро выдаю я.

– Приёмные родители хотят познакомиться с моей девушкой.

– Ты не говорил им?

– Нет, они старых традиций.

– Я согласна.

– Так сразу? – хохочет он.

– Да, ты же попросишь приехать к ним или они приедут.

– Мы всего лишь поговорим по видео связи.

– Ещё проще, но помни, ты сам сказал, что вы взрослые люди, не лучше ли сказать правду?

– Не хочу слушать нотации или нравоучения. Они всё равно не присутствуют в моей жизни, это чистая формальность.

– Хорошо, когда?

– Сейчас.

– Сейчас? – ахаю я.

– Чем быстрее, тем лучше.

– Боже, тебе же двадцать семь или двадцать восемь, что за скрытность?

– Тридцать два.

– Тридцать два? Ты врал мне?

– Ага.

– Боже, мир сошёл с ума, – выдыхаю я, – звони сейчас. Я помашу экрану ручкой, и мы будем квиты. Почему ты вооб-

ще не спрашиваешь, про какого Дина я говорю?

– Потому что мы оба его знаем, формально, ты нас и познакомила.

– У вас разница почти в десять лет, ты сумасшедший.

– Возраст становится обычным числом, если людям хорошо вместе.

– Ладно, принимаю за хороший ответ.

Фрэнк посылает мне улыбку, и следом раздаются гудки, в это время я поправляю волосы и катаюсь задницей по стулу, словно села ею в крапиву.

– Успокойся, всё хорошо, ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, но меня ждёт враньё и знакомство с родителями по видео.

– Это формальность, не более того, всё хорошо, – успокаивающе улыбается он, – но спасибо, что согласилась.

– Я бы согласилась, даже если бы не заглянула в телефон.

– Хорошо.

Фрэнк переключает всё внимание на экран, где слышится парочка голосов традиционной семьи. Родители что-то говорят на китайском, и он отвечает взаимностью, разговаривая с ними на родном языке. Звучит он довольно несуразно и смешно, над чем я хихикаю. То понижение, то резкое ударение в одном слове, а может быть и в нескольких, я всё равно их не понимаю. Могу сказать только то, что он довольно звонкий и переменчивый, словно слышу его первый раз. В Китае я не особо обращала внимание на акценты, но сейчас,

когда слушаю Фрэнка – по-дурацки улыбаюсь. В эту же секунду, он поворачивает экран ко мне, из-за чего я выпучиваю глаза.

– Приве-ет, – растягиваю я.

Мужчина и женщина, как бы смешно это не было, похожи между собой. Возможно, так говорить нельзя, но, кажется, что все они на одно лицо, разве только Фрэнк выделяется из толпы. Не знаю, почему, но в нём я вижу совершенного другого человека, как минимум из-за роста, потому что средне-статистический китаец не хвастается высотой.

Ответно приветствуют меня. За те несколько дней, Фрэнк успел рассказать мне стандартные базовые фразы типа *привет, пока, спасибо, как дела, да, нет, хорошо*. И я точно знаю, что сейчас со мной поздоровались. Они что-то говорят ещё, а я поднимаю глаза на Фрэнка, который тихо смеётся за пределами камеры.

– Они сказали, что ты очень красивая.

– Эм, нали нали!?! – от меня это звучит как вопрос для Фрэнка, и как благодарность для его родителей. Фрэнк кивает, подтверждая правильность выбранной фразы, а мои собеседники улыбаются.

Он вновь поворачивает экран к себе, и я облегчённо выдыхаю.

За те несколько дней, я чётко освоила разные диалекты китайского. На комплимент у них не принято отвечать «Спасибо». Китайцы могут принять подобный ответ за высоко-

мерие и гордыню, а их культура ценит смирение. Поэтому есть много способов выражения благодарности, но «се се» и «нали нали» одни из самых популярных.

– Спасибо, Алекс, ты им понравилась.

– Пожалуйста, – улыбаюсь я, поднимая бокал вверх, – выпьем?

– Конечно, – кивает он, – за получение должности, кстати, зайди ко мне в понедельник подписать документы, и за хороший вечер.

– Согласна.

Встретившись бокалами, мы выпиваем его содержимое. Разговор завязывается сам собой. Мы как обычно говорим обо всём и ни о чём одновременно. Я не тороплюсь с расспросами на счёт Дина, но внутри удивляюсь, когда они успели познакомиться так, чтобы обменяться номерами. Я вообще не понимаю, почему подумала сразу о нём. Словно сработала интуиция, и в голове появился первый, которого я знаю. Кроме того, единственный. Фрэнк лишь подтвердил мою догадку. Я не решаюсь спросить на счёт отношений, в которых у него сейчас повисла пауза, а может уже и не пауза. Как бы там ни было, хочется, чтобы люди, которые меня окружают – были счастливы. Фрэнк за короткое время успел стать мне довольно близким человеком. Возможно, даже благодаря его словам, букеты в кабинете не оказались в мусорном ведре. Я знаю, чтобы получить доверие, нужно отдать взаимность. И я отдаю. Это получается само собой, я сама хочу расска-

зять ему и послушать мужское мнение со стороны. Да, у меня есть Адам, но ни он, ни родители ещё ничего не знают. Я навсегда запомнила слова отца: «Никогда не рассказывай мне о нём плохое или ваши ссоры, потому что ты простишь, а я не смогу». Все восемь лет он знает Тома таким, каким его знала я – идеальным.

Бутылка вина быстро сменяется второй, и в вечер пятницы нас ничего не останавливает. В итоге, из ресторана мы выходим через два часа, а то и больше. Медленно, но верно, перед глазами всё плывёт, это говорит о том, как давно я не выпивала такое количество алкоголя. Машина Фрэнка остается за спиной, ведь мы ловим такси, безумно размахивая руками. Никогда бы не подумала, что могу быть на одной волне с человеком, который старше меня не на год, два и даже пять. Разговаривая с ним, я не чувствую разницу в возрасте, он общается на равных, что сразу подкупает и цепляет.

Из машины я скорей выпадаю, чем выхожу. Фрэнк машет мне на прощанье и, смеясь, я ковыляю к дверям. В лифте меня едва не тошнит, но я стараюсь подружиться со здравым рассудком. Только ноги застывают, когда голова поднимается, а глаза обнаруживают Тома. С удовольствием бы сбежала, но меня уже увидели, да и на каблуках возможно убежать только на тот свет по лестнице вниз головой.

– Алекс, с кем ты...

– Замолчи, – обрываю я, из-за чего его брови поднимают-

ся вверх, а серо-голубые глаза таращатся на меня.

– Ты решила уйти в...

– Замолчи! – снова говорю я, перебирая ногами к дверям, но они почему-то несут меня в другую сторону. В сторону бывшего парня.

По лицу Тома понятно, что он находится не только в шоке, но и в замешательстве, граничащем с гневом. Он снова хочет что-то сказать, но не успевает, потому что я закрываю его рот рукой. Несколько секунд мы, кажется, даже не дышим, смотря друг другу в глаза. Ладонь медленно сползает по его губам вниз. И я не могу удержать смелые пьяные порывы, которые помогают встретиться с ним губами. Затылок и спина сталкиваются со стеной, а руки блуждают по телу Тома. Безумное желание побеждает совесть, и голова отключается полностью. Я не успеваю понять каким образом, но мы вваливаемся в квартиру и падаем на диван. Футболка Тома падает на пол, к нему присоединяется моё платье. Чувствую, как его руки сжимают талию и отодвигают, из-за чего поцелуй разрывается.

– Один раз забудем обо всём, – умоляюще шепчу я у его шеи, оставляя дорожку поцелуев.

– Ты пьяна, Алекс.

– Уже не пьяна.

Алкоголь вытравился в ту же секунду, как я коснулась его. Сознание в дурмане, но по другой причине. Это стандартная ситуация, где алкоголем является именно он.

– Остановись, ты не в себе. Завтра пожале...

Я не даю договорить фразу, вновь найдя его губы. Реальность давно осталась позади, Том отвечает на поцелуй, но остаётся напряжённым. Плечи, словно скала, пальцы, которые впились в мою талию. Приняв попытку расслабить его, я скольжу ладонями по груди к шее, положив обе на его щеки, и попытка остается успешной. Его плечи расслабляются, и противостоять мне, он уже не в силах.

Не понимаю почему, но всё кажется совершенно другим. Мы не вместе, головой я чётко осознаю то, что делаю, отдаю отчёт действиям, которые вряд ли могла бы совершить, будучи трезвой. Но сейчас, когда не ощущала его несколько месяцев, не могла поцеловать или обнять – не могу надеяться. Тоска по нему тяжёлым грузом даёт о себе знать, и я стараюсь запомнить каждый кусочек его тела. Не знаю, повторится ли это ещё раз, ведь стараюсь вбить в голову выражение «Живи одним моментом». В эту самую минуту именно им я и живу.

Одежда валяется на полу, как и парочка подушек с дивана. Его тихие вздохи, как и мои – смешиваются и разрушают тишину между поцелуями. Том оставляет нежный укус на моей шее, от чего волна мурашек проходит по телу и разрывает изнутри. Следом за мной, к своему завершению приходит он. Я не задерживаюсь на нём, а наоборот, спешно убегаю в комнату. Падаю на кровать и позволяю слезам выйти наружу. Вот что я получила.

Спустя несколько минут, за дверью слышатся шорохи, а следом за ними раздаются слова:

– Я же говорил, – несколько секунд, и хлопает входная дверь, говоря о том, что он ушёл, оставив меня наедине с собой и чувством того, что я полнейшая дрянь.

Глава 17

Алекс

Смотрю на мобильник и не решаюсь принять вызов. Лизи может начать уговаривать приехать к ним, но я не могу, я просто не знаю, как смотреть в его глаза. Том говорил, что я пожалею об этом, точней, пытался это донести до меня, но голову кружило и туманило, в итоге, произошло то, что произошло. На самом деле, я не совсем жалею, скорей, мне просто стыдно. Мне ужасно стыдно за своё поведение.

После того, как щелчок дверного замка донёсся до ушей, я не получала от него ровным счётом ничего. Никаких упоминаний, никаких цветов и сообщений. Время близится к шести вечера, и я уже не совсем жду новый букет, потому что курьер заглядывал в офис с утра, а адрес мой – ему известен. Чувство вины гложет и терзает, словно я нарушила баланс вселенной. В горле першит и это мерзкое послевкусие совершённого поступка, который наверняка оставил за собой особое мнение обо мне в голове Тома. Честно сказать, я не совсем удивлюсь, если он отвернулся и решил, что время на меня тратить больше ни стоит. В какой-то степени я его пойму, ведь инициатором не был он. Но что могу сказать точно – я не жалею. Я никогда не буду жалеть обо всём, что было с ним. Такова женская дурость: помнить то, что лучше

забыть.

На экране светится четыре не принятых вызова от лучшей подруги, из-за чего я начинаю себя ненавидеть. Никто не заслуживает такого отношения, особенно она. Поднимаю телефон и набираю её номер.

Три гудка лишь подливают масла в огонь, первые слёзы проскальзывают по щекам. Я обижаю ни в чём неповинного человека, самого близкого человека. Вот уже какой месяц я на верном пути к званию худшей подруги на свете. Нижняя губа предательски дрожит, ведь раздаётся пятый гудок. Почему я такая идиотка? Могло что-то случиться, она может позвонить по любому поводу. От одной мысли о том, что с Мэди или Мэйсом могло что-то произойти, либо с Джаредом – я начинаю рыдать как ненормальная. Сбрасываю вызов и спешно переодеваю одежду, точнее, натягиваю ту, что попадает под руку, ведь со вчерашнего вечера ничего не изменилось. С кровати я слезила только по нужде, возвращаясь обратно.

Бегу на улицу, смахивая новую порцию слёз и ловлю такси. Мужчина поглядывает на меня через зеркало заднего вида, но мне наплевать практически на всё. Единственное, что меня действительно беспокоит – Лизи. Я хочу знать, что с каждым из них всё в порядке. И я пойму, если сейчас перед моим лицом закроют двери или скептически отнесутся к моему приезду. Я говорила, после нашего расставания ничего не изменится, что я всегда буду приезжать к ним, будет ли

там Том или нет, но я врала, либо же ошибалась. Всё, что я делаю сейчас – отстраняюсь от них сама того не желая.

Как только такси останавливается, я сую деньги и вырываюсь из машины, что даже смешно. Со стороны выгляжу сумасшедшей. Во-первых, первая причина: дверца была закрыта, и я несколько раз глупо дёргала её, чуть ли не вырывая механизм, после бросаясь ко второй, которая была аналогична первой. Дёргала я до тех пор, пока не раздался щелчок, и я чуть ли не кубарём вывалилась наружу. Во-вторых, мой внешний вид говорит сам за себя. В-третьих, я действительно схожу с ума. Лечу к дому друзей и начинаю не стучать, а колотить по входной двери кулаками, попутно захлебываясь слезами. Тру глаза так, что там наверняка останутся красные следы, почти как у панды, только красного оттенка. Спустя минуту, слышу, как раздаются шаги, и когда дверь открывается, бросаюсь на шею Лизи, сжимая её с такой силой, что подруга едва может дышать.

– Боже, что случилось? – кашляет Лизи, из-за чего я ослабляю хватку.

– Прости... прости, прости, прости меня, – тараторю я, продолжая прижимать тело подруги к себе.

Лизи обнимает меня в ответ, и от этого становится ни легче, ни тяжелее. Я не знаю, что могут означать её объятия. Это может быть для моего успокоения; может, цепная реакция или автомат, который работает в голове в виде ответа на объятия, а может, она обнимает, потому что хочет этого.

Теория вероятностей как никогда лучше работает в голове, перебирая всевозможные варианты.

– Алекс, что случилось?

– Я виновата...

– В чём?

– Я не брала трубку, – всхлипываю я.

– И что?

– Я смотрела, как ты звонишь, и не брала трубку.

– Хорошо.

– Хорошо? – восклицаю я, отпрянув от неё, – хорошо?

– Ну, да. Возможно, были причины, по которым ты не хотела разговаривать.

Из-за этого, я буквально начинаю исторично выть и утопать в слезах. Лизи хмурится и рассматривает меня с долей непонимания и ужаса в глазах. Частично, начинаю её понимать, потому что выгляжу как никогда раньше. Серые пижамные штаны с сердечками, на ногах ядовито розовые сланцы, а лямка шелкового топа ярко зелёного цвета, упала с плеча. То, что происходит у меня на голове вовсе отдельная история, я даже не хочу знать и видеть собственное отражение. Знаю, увижу там чучело. Лизи тянет меня внутрь, чему я немного сопротивляюсь, но всё равно поддаюсь. Слышу голоса и детский визг с заднего двора, но она и не думает тащить меня туда. Наоборот, она увидит меня подальше: на второй этаж. Следом слышу голос Джареда, который зовёт её имя, поэтому моя задница оказывается на их кровати, а

подруга выходит на балкон.

– Всё хорошо, я сейчас приду, – говорит она, и вновь возвращается ко мне.

Карие глаза скользят по мне, как рентген, после чего, она выходит из комнаты, и я снова поддаюсь слезам. Она оставила меня, и обижаться на неё нельзя. Виновата тут только я. Сотрясаюсь в рыданиях, закрывая ладонями лицо. Дверная ручка поворачивается, и я уже хочу ещё раз благодарно броситься на её шею, но, когда поднимаю глаза, утыкаюсь в Джареда, который удивлённо смотрит на меня, застыв в пороге.

– Панда, – улыбается он, из-за чего я издаю смешок сама того не желая. Он всегда называл меня так, и это всегда смешило, нарушая баланс между слезами и смехом. – Дерьмово выглядишь, помнится, ты даже мусор не выбрасывала без нормально подобранного образа.

– Так сейчас модно, новый тренд, – хнычу я, смахивая слёзы.

– Я отстаю от моды. Пойдём, продефилируешь всем, – усмехается он.

– Дурак, – фыркаю я, улыбаясь его придурочным шуткам.

– Алекс, никто не совершает ошибки нарочно. Мы считаем это правильным в определённых ситуациях. Он хотел сделать, как лучше. Вышло криво, и он понял. Не буду выгораживать ни тебя, ни его, сами разберётесь.

Улыбка сползает с лица. Поджимаю губы и хмурю брови.

– Почему ты говоришь о нём? Свет не сошёл на одном человеке.

– Потому что ты можешь быть нытиком только из-за него.

– Это не из-за него, просто... проблемы на работе.

– Ага, конечно, – смеётся Джаред, когда в комнату возвращается Лизи, а он, успевает шлепнуть её по заднице и уходя, показать мне средний палец.

Смотрю на стену, за которой скрылся Джаред и бурчу себе под нос:

– Придурок.

Лизи садится рядом, взяв моё лицо в свои ладони и повернув к себе. Не сразу понимаю, как по лицу скользят ватные диски, а под глазами возникают патчи. Следом, она приступает к моим волосам, и каждый раз, когда она проводит расчёской по ним – дёргается глаз и морщится лицо от резкой боли. Волосы спутались и сейчас напоминают гнездо кукушки. Я в виде кукушки, кстати, именно я.

– Ты не обижаешься на меня? – неуверенно шепчу я голосом, который охрип и стал сиплым.

– На что?

– На всё.

– Нет.

– Почему?

Она жмёт плечами и поднимает уголки губ.

– Джаред прав.

– В чём именно?

– В том, что никто не совершает ошибки специально. Он думал, так будет лучше.

– Ты не заслуживаешь меня.

– И ты меня тоже.

Издаю смешок, пряча его за выдохом.

– Что это значит? – спрашиваю я.

– Что мы не лучше друг друга, на твоём месте была я.

– Ну да, только это ты его бросила, а у меня наоборот.

– Я не бросала его, Алекс, я тоже считала, что так будет лучше, понимаешь? Совершила ошибку, которую исправила. Ты тоже можешь исправить свою.

Кровь леденеет, а дыхание приостанавливается. Он рассказал им? Не может быть. Это же Том, он никогда не делился чем-то личным. Но это наши друзья, его брат, которому он мог сказать, тем более отношения между ними перерастают во что-то большее, чем в обычные родственные. В горле пересохло, и стыд окатывает волной цунами.

– Ты... Он рассказал о вчерашнем? – тараторю я, зажмурив глаза, – я не хотела... точнее, я хотела, очень хотела, но не думала... это было на эмоциях... ты не поймёшь меня...

Рука Лизи застывает, и я чувствую, как пронизательно она смотрит на меня. Тишина, повисшая между нами, даёт услышать голоса друзей и шум машин, я даже слышу, как паромы рассекают воду.

– Ты переспала с ним? – наконец, говорит Лизи, и я согласно киваю, продолжая держать глаза закрытыми. – Если

тебе будет легче, то я сделала, то же самое.

Моментально распахиваю глаза и тарашусь на подругу, как на приведение.

– Господи, не с Томом, ты с ума сошла!?

– Я не понимаю.

– С Джаредом, Алекс. Возможно, даже не единожды. Но один раз точно было в машине... Боже, это было на парковке прямо у работы.

– Ты рассказываешь мне это только сейчас?

– Да, – Лизи пожимает плечами и улыбается, – вообще-то, это сложно забыть.

Подруга начинает хихикать, и я смотрю на неё, как на сумасшедшую. Она. Переспала. С. Ним. На. Парковке. На парковке у здания, где работала.

– Что ещё ты мне не говорила?

– Ну... многое, касающееся Джареда, ты бы убила меня.

– Именно это я хочу сделать. Что ещё?

– Я не хочу об этом говорить, – смеётся она, из-за чего мои глаза щурятся, прижимая её к стене за спиной.

– Говори, – настаиваю я.

– Возможно... мы немного переходили черту, когда он ночевал у нас, – Лизи закусывает нижнюю губу и ведёт расческой по моим волосам, но я даже не чувствую той боли, которая была до этого. Мои глаза готовы вывалиться из глазниц, а я вообще стать космонавтом и сойти с орбиты.

– Я убью тебя, Картер! – что есть мочи, кричу я, из-за чего

на улице повисает тишина, а через пару секунду раздаётся всеобщий смех.

Расчёска остается в моих волосах, когда я соскакиваю с кровати и бегу на балкон. Мэди и Мэйс играют на площадке, а за столом занимают место друзья, среди которых я вижу Бекку, но моментально переключаюсь с подруги на Джаредда. Уверена, мои глаза очерчивают круг из огня вокруг него. Тыкаю в него пальцем и медленно прожигаю взглядом.

– Ты даже не представляешь, что я сейчас узнала. Чёрт возьми, тебе лучше свалить подальше, а лучше вовсе покинуть планету!

– Ты двинулась, – смеётся он.

Вырываю расчёску из волос и бросаю в него, но промахиваюсь, и она падает на землю между ним и Крисом, который крутит головой и держится за сердце, словно сейчас получит insult от припадка смеха.

– Ох, я лично позабочусь о котле в аду для тебя! У тебя есть небольшое оправдание: сейчас ты на ней женат, но я всё равно убью тебя!

– Чокнутая, – усмехается Джаред, а Лизи смеётся.

Возвращаюсь в комнату и падаю на кровать с такой силой, что Лизи подпрыгивает на ней.

– Поверить не могу, что ты не говорила мне, – сложив руки под грудью, бурчу я.

– Именно поэтому и не говорила.

На минуту, между нами воцаряется тишина. Я смотрю на

Лизи суровым взглядом, а она глупо и мечтательно улыбается в ответ. Хочется двинуть не только Картеру, но и ей, плюс залезть в голову подружки и отыскать мозги. О чём она думала?

– Поверить не могу, Лиз. Ты с ним... Господи, да ты уже переспала с ним, а мне сказала, что это случилось на свадьбе.

– Так и было, – кивает она, – просто мы заходили чуть дальше, чем поцелуи.

– Это отвратительно. Всё, что касается Картера – отвратительно.

Лизи пожимает плечами, но в её глазах я вижу блеск, когда речь заходит о Джареде. В голове всё ещё не может уложиться полученная информация. Это, чёрт возьми, просто невообразимо. Прохожусь ладонями по лицу и тяжело выдыхаю, качая головой. Я совсем не знаю о ней, точнее, о том, чтобы было между ними. Но и в этом я виновата сама. Лизи хотела, как лучше, и, кажется, что каждый на планете знал, как я относилась к нему и их отношениям. Она лишь хотела удержать мою психику в пределах нормы, иначе обычную бабочку у психолога я могла представить в виде расчлененного тела Джареда.

– Скорей всего, сейчас он обо мне не самого лучшего мнения, – говорю я.

– Откуда тебе знать, ты же не отвечаешь за ход его мыслей.

– Я.. не знаю, мне просто сорвало крышу, и мы выпивали.

– С Томом?

– Нет, с Фрэнком. Мы ходили в ресторан отметить. Стажировка закончена... у меня теперь есть табличка.

– Табличка? – выгибает бровь Лизи.

– Да, на двери кабинета, – улыбаюсь я.

– Ты получила работу? – визгну, Лизи стискивает меня в объятиях, которые я с удовольствием принимаю.

– Да и.. я не должна это говорить, но... кажется, он общается с Дином. Точней, мне не кажется, я точно знаю, что они общаются.

– Я в курсе.

– Что? – ахаю я.

– Ну, да. Ты забыла, что это мой лучший друг?

– Твой лучший друг – твой муж.

– Да, но их два. Закон не запрещает мне иметь несколько таких друзей. И если быть конкретной, то у меня их три.

– Три?

– Есть лучшая подруга.

– Как думаешь, они будут вместе? – выдыхаю я.

– Время покажет, они просто общаются. Дин так сказал, – Лизи протягивает руку и достаёт из ящика простую белую майку, вручая её мне.

– В любом случае, я буду рада. И зачем тебе одежда в прикроватных тумбочках?

– Хочешь получить неравный срыв? – улыбается она.

– Господи, – морщусь я, – только не говори, что Картер имеет фетиш в виде разорванной на тебе одежде, это выше

моего понимания.

– Нет, – хихикает Лизи, – хотя... и такое бывало.

– Это отвратительно.

– Кому как.

Меняю топ на майку, и вспоминаю, что не увидела за столом Тома, из-за чего перевожу затуманенный взгляд на Лизи.

– Он тут?

– Нет.

– Придёт?

– Нет, он уехал на сборы.

– Давно?

– Сегодня утром вроде, точно не знаю. Возможно, пришёл сказать тебе именно это.

– Как будто мне есть до этого дело, – тихо говорю я себе под нос, но Лизи слышит меня, переместившись к двери.

– Тебе есть до этого дело. Ничего бы не было, если бы ты ничего не чувствовала. Ты любишь его, и это нормально.

Лизи уже хочет выйти, но я подсакиваю к ней и хватаю за руку.

– Мне стыдно... ужасно стыдно, но он говорил, что я буду жалеть об этом. Я не жалею, Лиз.

– Мне тоже было стыдно, но ещё я получила желаемое. Не секс, а его, даже если на какой-то промежуток времени. Ты права, это были эмоции. Но спроси себя, если бы их не было, и ты бы ничего не чувствовала, то произошло бы это?

– Нет, – выдыхаю я, отрицательно размахивая головой. – Просто я не знаю, как теперь смотреть в его глаза и как себя вести.

– Будь собой, он сам разберётся с собственными мыслями на этот счёт.

Лизи посылает мне улыбку, и я отпускаю её руку. Как только мы доходим до лестницы, я вновь застываю.

– Она работает со мной.

Лизи останавливается, поворачивается ко мне лицом, непонимающе хлопая глазами.

– Кто?

– Девушка, с которой он был.

– Чарли?

– Она не представлялась. Она дружит с Гвенет, с которой делю кабинет. Ты видела её?

– Нет.

– Она красивая. Я бы даже сказала, само совершенство. Я уже видела их в магазине вместе почти месяц назад...

Лизи качает головой и возвращается назад. Встав напротив, она заправляет мои волосы за уши и берёт лицо в свои ладони.

– Думаешь, она лучше тебя?

Сглатываю, и согласно киваю, принимая правду в своей голове.

– Значит, ты ещё лучше, поняла? Красивая, целеустремлённая, весёлая, смешная, энергичная, ответственная, доб-

рая, дружелюбная, заботливая и ещё сотня подобных описаний. Никогда не говори, что кто-то лучше тебя. Я говорила тебе, что нет на свете второй тебя. Ты одна такая, и любит он именно тебя, а не её, каким бы совершенством она не была, ты удивительней. Выкинь этот мусор из своей головы.

Лизи принимает новую попытку спуститься, а я остаюсь наверху, смотря ей в след со слезами на глазах.

– Спасибо, – шепчу я.

– Как говорит Крис: я всего лишь констатирую факты, – улыбается она.

Вспомнив о приезде Бекки, пулей лечу с лестницы, оставляя смеющуюся Лизи за спиной.

Подставив кулачок под подбородок, Бекка внимательно слушает Трента, и её брови сводятся на переносице, но после снова встают на место, а на губах играет улыбка. Это в мгновение ока возвращает меня в прошлое, где она интересовалась психологией именно у него, потому что хотела лучше знать людей и то, как правильно ими руководить. Слетаю со ступенек и мчусь к ней, чуть ли не сшибая кресло с девушкой. Сжимаю её тело в объятиях, получая ответные.

– Почему ты не позвонила и не сказала о прилёте?

– Потому что твой абонент не зарегистрирован в сети, – смеётся она.

– У нас же есть интернет!

– Я вчера тебе написала.

– Боже, прости, – хмыкаю я, попутно выплёвывая кашта-

новые локоны с привкусом лака для волос, которые лезут в рот.

– Почему одна?

– А с кем?

– С Райном.

– Где ты была последнюю пару месяцев? – улыбается она, – мы разошлись.

Отстраняюсь, и смотрю на неё, как на инопланетное существо. Зелёные глаза хлопают в ответ.

– Ты серьёзно?

– Да, – кивает она.

– Не разыгрывай меня, это правда?

– Алекс, да, мы сами так решили. Я хочу свободу.

– Феминистка хренова, – усмехается Крис, – долго не проживёшь без мужского гормона.

– Не придавай вам такое большое значение, – смеётся она, – отсутствие колбаски в жизни не несёт никаких изменений. А найти новую – не проблема.

– Поговорим через полгода или год, – продолжает он.

– Да, давай. Запомни мои слова, чтобы повторять не пришлось, – закатывает глаза подруга.

– И.. ты даже не переживаешь? – тихо спрашиваю я.

– Нет, а должна? Не пойми меня неправильно, просто мы слишком разные. И мы оба решили не продолжать.

– Это ужасно, мне жаль.

– Нет, это нормально, такова жизнь.

Пожимаю плечами и занимаю место за столом между Беккой и Лизи, по пути оставив быстрый поцелуй на щеке Ками. Кладу голову на плечо Лизи, а на ноги уже заползает Мэди, пока Мэйс получает морожено от Джареда. Обнимаю хрупкое тельце и прижимаю к себе, оставляя поцелуи на её макушке.

– Как дела? – интересуюсь я.

– Папа купил мне новую куклу, – улыбается она.

– От их количества, скоро сломается корзина.

– Она – моя самая любимая.

– А как же предыдущая любимая?

– Она тоже любимая.

– У тебя все любимые, – смеюсь я, а Мэди кивает и довольно улыбается.

Посылаю ей ответную и переключаю внимание на Лизи, которая слушает Джареда. Между смехом Криса, Дина и Трента, улавливаю обрывки его фраз, который что-то говорит об отлёте. Изначально я думаю, что разговор идёт о Томе, но потом понимаю, что улетает на очередной чемпионат Джаред.

Переключаюсь на разговоры остальных, где Крис и Трент смешивают работу друг друга, обсуждая портреты преступников. Ками и Бекка их слушают, в то время как Дин старается сгладить конфликт, занимая положение между двух бушующих мнений. Внимательно рассматриваю его: изумрудные глаза выражают серьёзность, но лёгкая улыбка на губах

говорит о том, что ему смешно слушать их препирания, что обычно случается довольно часто, но это не мешает им быть друзьями. Кто, если не друг скажет тебе правду в глаза?

Ладонь Бекки находит мою, и её улыбка говорит о сожалении.

– Почему ты не говорила мне?

– О чём?

– О том, что вы расстались.

– Не знаю... я вообще не хотела говорить об этом.

– Если ты любишь его, то попробуйте ещё раз.

– Ты любишь Райна?

– Думаю, что да, но не так, как должно быть. Я не знаю, как это возможно объяснить. И возможно ли вообще. Я представляю любовь по-другому, но дело во мне. Я не хочу её, я хочу работать. Хочу самореализоваться.

– Одно другому не мешает.

– Иногда мешает, если тебе нужна свобода. Я счастлива, что мы разошлись, как и он. Теперь задай себе тот же вопрос.

– Счастлива ли я?

– Да.

– Думаю, что да.

– Это не то. Нужен один ответ: да или нет.

– Не знаю, – выдыхаю я.

– Тогда это нет. И второй вопрос: ты получила, что хотела?

– Нет.

– А я получила. Я хотела свободу, и я счастлива. А ты в обоих случаях нет, это о чём-то тебе говорит?

Кусаю губы и хмурюсь. Всего два вопроса, ответ на которые отрицательный в обоих случаях. Я должна быть счастлива без него, но этого нет. Делаю глоток сока, потому что алкоголь после вчерашнего вряд ли ползет в горло ближайшую пару лет, и падаю на спинку кресла, обнимая Мэди. Всего лишь два вопроса, которые должны помочь переосмыслить взгляды на жизнь. С ним или без него, я должна ответить положительно, но как сказать да, если всё, что я когда-либо хотела – он!?

Глава 18

Том

Никогда не думал, что буду настолько сильно понимать Джареда. Каждой клеточкой души я скучаю по Нью-Йорку, по дому, по друзьям, по Алекс. Несмотря на прошедшую неделю, я до сих пор помню вкус её губ. Алекс всегда была страстной по отношению всего, мне однозначно повезло. Лёгкая улыбка заставляет губы подняться, когда вихрь воспоминаний влетает в голову.

Ветер за окном гоняет листву, тусклый свет, падающий с заднего двора, освещает стену с дверью, на которой качается тень дерева. Глаза едва смыкаются, но я настойчиво требую головной мозг направить посыл для сознания, помогающий отключиться до утра. И когда желание осуществляется, до ушей доносится шорох. Не тот, который можно принять за птицу или что-то ещё, а тот, что говорит о незваном госте. Мои догадки быстро подтверждаются тёмным силуэтом, мелькающим за окном.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну, чтобы от души двинуть тому, кто залез в чужой дом. По логике, было бы отлично прихватить битку, но её я оставил у входной двери, а значит, моим холодным оружием может стать ручка или циркуль, второй, кстати, в рюкзаке, который тоже внизу.

Отлично. В моём полном распоряжении ручка.

Ярость моментально улетучивается, когда за окном обнаруживаю Алекс, с ног до головы укомплектованную в чёрный плащ, это заставляет брови подняться и засмеяться, вспомнив мультик. Но я тут же хмурюсь, когда косым взглядом ловлю начало первого ночи.

– Как только твои ноги заденут ровную поверхность, я сверну тебе шею, – говорю я, пока она с лучезарной улыбкой влезает в окно и шикает, закрывая мой рот ладонью.

Смотрю на неё с грозным и одновременно радостным взглядом.

– Родителей нет.

– Вот чёрт! – хихикает она, – если бы знала, вошла бы через дверь. Плевать, так было веселее.

– Мне не весело, ты ходишь по улице ночью одна.

– Я не одна, – улыбается она.

– С шизой?

– С заточкой, Томас, – хихикает Алекс.

– С заточкой? – недоверчиво переспрашиваю я, закрывая окно.

– У тебя ведь нет старшего брата, который этому научит. Не переживай, никто не вытерпит меня долго. Вернут назад и заплатят денег, лишь бы забрали.

– Очень смешно, – бурчу я.

– Не будь занудой, сегодня же Хэллоуин.

– И ты решила стать чёрным плащом?

– Нет, это прикрытие.

– От чего или от кого?

– Сейчас покажу, садись.

– В данном случае, предпочитаю стоять.

– Как пожелаешь, – кивает она, растёгивая пуговицы.

Медленно поднимаю бровь с тем же темпом, с которым каждая последующая пуговица вылетает из петли. Алекс начала снизу, и я не совсем понимаю, чего ожидать: она придумала нам парный костюм на вечеринку, либо что-то сшила для себя, либо вовсе голая. Как только третий вариант появляется в сознании – проглатываю слюну и переминаюсь с ноги на ногу. Теперь область шорт ниже паха, говорит сама за себя. Не знаю, о чём она подумает, но я себя ощущаю чертовым извращенцем. Когда пальцы Алекс добираются до последней пуговицы. Я обращаю взгляд к лицу девушки, на губах которой застыла дьявольская обольстительная улыбка. Я продам ей душу, если под ним ничего нет, или же точно сверну её шею.

Ноги едва держатся в вертикальном положении, но подкашиваются, пока волосы по всему телу встают дыбом, когда руки Алекс падают по бокам. Под чёрным плащом, как и желала моя бурная фантазия, прячется таким же цветом нижнее белье, в дополнение по талии тянется пояс, который должен удерживать чулки. Последних нет, но то, как от него тянутся ленты, которые должны держать одно с другим – более эротичней.

– Я убью тебя, – едва дышу я, – но чуть позже.

Губы Алекс вновь растягиваются в улыбке, и я окончательно теряю здравый рассудок, позабыв обо всём на свете.

Я не представляю и не помню, как жил без неё, и не хочу представлять, как могу жить. В этой девушке я бесповоротно тону. Легко прыгаю с обрыва и помогаю грести ко дну, лишь бы дотянутся до неё. В ней столько энергии, страсти, безумия и безрассудства, которых нет во мне. Я бы не пошёл на такой поступок: не влез бы в окно в одном плаще, но уже ни единожды влезал в одежде. Мы – это небо и земля, плюс и минус, две стороны одной медали, такие разные, но неотделимые друг от друга.

У Алекс есть принципы, жесткие разделения того, чего она никогда не простит или не поймёт. Одну из них я уже совершил, хотя, даже две. Я чертовски облажался. Остается лишь надеяться, что любовь способна расколоть её принципы, чтобы я мог пробиться сквозь стену, которая моментально выстроилась между нами. Сейчас, когда мы находимся на разных сторонах страны, я чувствую всю тяжесть потери на своих плечах. Словно медаль поделили надвое, теперь я раскрыл глаза и понял, что не могу жить без той старой стороны, хотя уже имеется новая.

Парни с удовольствием умчались покорять город, я же остался в номере, но голод давал о себе знать непрерывным урчанием в желудке. Ресторан при отеле уже оставил о себе определённые впечатления, и поэтому идти туда за мизерной

порцией, которая просто не готова укротить голод спортсмена – безнадежно глупо. Лишь десяток порций в одной способны накормить меня, и любого другого парня с хорошим аппетитом.

Сан-Франциско кажется чуждым городом для Америки. Минимальное количество бомжей на улицах. Зная, как вальяжно и спокойно они поживают в том же Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Вегасе, могу заверить, что это что-то иное. Тут чисто, свежо и красиво. Нью-Йорк не может похвастаться подобной свежестью, особенно его окраины.

Нахожу в картах ближайшее кафе с приличными отзывами и следую туда. Попутно разглядываю улицы и от души наслаждаюсь новым городом. Будь тут Алекс, эту неделю я мог забыть о сне в принципе, либо знать минимальный. Эта девушка вечный двигатель. Она бы объездила половину клубов, покорила все торговые центры, нашла бы тысячу экскурсий и мест, где можно сделать новое фото. Я знаю, что это не просто так. Таким образом, Алекс ищет вдохновение, хотя она всегда говорила, что им был я. Видимо, это в прошлом, ведь она находит его без меня, благодаря работе в издательстве.

Я не совсем понимаю, как ей удаётся сидеть на месте в офисе с её неусидчивостью, но она делает это, и, судя по прошедшему времени – ей нравится. Я не знаю причину, возможно, там есть тот, кто удерживает её; возможно, она изменилась так же, как и я. Оказывается, отказаться от работы

в бюро не составит труда. Это человеческие страхи остаться без всего. Для кого-то потеря работы может стать причиной ужаса, депрессии и даже самоубийства, а для кого-то новым поджопником для чего-то нового, как хороший заряд мотивации. Я не знаю, чем стало для меня. Скорей вторым, ведь жалости совершенно нет, хотя иногда скучаю по расследованиям, но знать, что надо мной нет чертового Малека – гораздо приятней. Никто не требует от меня лететь через весь город для того, чтобы подтереть его задницу в виде одной бумажки на столе. Это было ни единожды, порой, мне приходилось оставлять Алекс за ужином не только дома, но и в кафе; при прогулке или другом подобном случае, когда мы находили время друг для друга. Я до одурения жалею, что позволял этому случаться. Знаю, если мы сойдёмся вновь, будет также горько, ведь теперь мне не придётся оставлять её на час, другой, я буду улетать на сборы и не на день, счет пойдёт на недели. Но я буду знать, что меня кто-то ждёт, ведь сейчас это чувство отсутствует. Вернувшись, я ступлю на порог пустой квартиры. Помню, как при переезде во Флориду, Джаред не мог назвать свою арендованную квартиру домом приличное время, я могу, так или иначе, это мой дом. Возможно, я должен идти вперёд, но я не хочу делать это без неё.

Занимаю место в кафе, беру меню со стола и, не глядя, тыкаю куда попало, лишь бы чем-то наполнить внутреннюю пустоту: будет ли это пища или чувства – совершенно не важно. Устремляю взгляд в окно через один столик от меня, но мо-

бильник подаёт сигналы прибывшего сообщения. Надеяться на Алекс – глупо, но внутри тлеет надежда, ведь мы не перекинулись и словом после случившегося. Исход того вечера я оставил при себе, хотя жутко желал спросить у Джареда про его опыт, ведь я когда-то нашел заплаканную и злую Лизи у дверей в собственной квартире. Вряд ли он мог взять её силой, но, если бы взял, быюсь об заклад, остался бы без члена на оставшуюся жизнь. Смешок вырывается из меня, как только думаю об этом. Джаред и половое отрешение – антонимы. Несовместимы. Это как сказать, что он мог весело грустить, или, смеясь плакать, либо же быть толстова-то худым. Вспоминаю про телефон и открываю сообщение. Удивление скользит по лицу, когда читаю строки от Дилана: «Ты у меня как на ладони». Резко вскидываю голову и нахожу школьного друга, который сидит с девушкой через тройку столиков, и смотрит на меня с весёлым блеском в глазах.

– Чёрт возьми, – смеюсь я, – да ладно!

– Мир слишком тесен, – смеётся он в ответ, пока холодные серые глаза девушки, с интересом скользят по мне.

Дилан поднимается из-за стола, что в ответ делаю я, и мы падаем в объятия друг друга, похлопывая по спине.

– Ты вообще меняешься?

– Да, – смеясь, киваю я, – щетина отросла, похудел.

– Она и раньше у тебя была.

– Не такая, как сейчас. Теперь можно отрастить и сделать парик, либо вступить в ряды байкеров.

– Ага, на досуге можешь стать парикмахером, научиться плести косы и ещё куча возможностей. Пересаживайся к нам.

Киваю и нахожу глазами девушку, которая забирала мой заказ. Быстро сообщаю ей, что перемещаюсь за другой столик, на что получаю вежливую улыбку и согласный кивок.

– Ким, – и указывает Дилан на девушку по правую руку от себя. Темно-русые волосы длинные и прямые, достигают локтевого сгиба. Всё те же серые глаза рассматривают меня. Губы девушки чуть подняты в дружелюбной улыбке, а на пальце, я замечаю кольцо, из-за чего тут же устремляю взгляд на друга. – Это Том.

– Приятно познакомиться, – улыбается она, на что я посылаю легкую ответную улыбку.

– Взаимно. Так вы... кхм, половлены?

Дилан и Ким переглядываются и разряжаются смехом, на что я выгибаю бровь и смотрю на них.

– Нет, – крутит головой друг, – я бы даже спросил, есть ли у тебя кто-то свободный на примете, но воздержусь. Думаю, что в твоём кругу все давно окольцевались, остались только мы.

– Да, даже не знаю, дерьмово это или нет.

– Судя по тому, что твой брат женат – ты где-то между дерьмово и очень дерьмово.

– Скорей очень дерьмово, теперь у меня даже некому сделать предложение. Формально, есть, но она заставит меня

проглотить это кольцо.

– Сколько уже?

– Пятый месяц пошёл, – выдыхаю я, стиснув переносицу, как будто желаю перекрыть поступление кислорода в организм.

– Часто видите?

– В основном у Картеров. Пару раз приезжал к ней сам.

– И?

– Как видишь.

– Это хреново. Но вы же были вместе восемь лет, ты не знаешь, как найти к ней подход?

– Видимо, сейчас уже нет. Она изменилась.

– Видел, ей идёт.

Молча киваю, вспоминая ту новую Алекс, которая появилась благодаря мне. Внешние перемены ничто, по сравнению с теми внутренними. Она и раньше была упёртой, но теперь данная черта в ней только усугубилась. Я даже не совсем уверен, что она сохраняет букеты и вообще читала, что пишу ей. Я получил благодарность, но ничего более. Хотя, да, я получил чуть более чем простое «спасибо». В эту же копилку добавляю океан слёз, которые тоже подарил ей сам того не желая. Чувство того, что она жалеет – не переставая грузит и без того убитого меня. Я же не отстаю, потому что должен был отказать, но очередной раз поддался. Теперь мы оба сожалеем о содеянном.

Получаю легкий толчок в плечо от Дилана.

– Очнись, принцесса.

– Хочешь поговорить о себе? – усмехаюсь я, качая головой, чтобы выкинуть мысли о Алекс.

– Мне нечего говорить о себе.

– Он врёт, – смеясь, вступает Ким, – ему симпатична одна из подружек невесты.

Дилан закатывает глаза и выразительно цокает, скрестив руки под грудью. Она точно ему нравится, этот жест я знаю ещё со школьной парты. Улыбаюсь, ведь он только что раскусил себя. Вспоминаю тот первый раз, когда он показал данный жест впервые.

Пока Лизи и Алекс утыкаются в учебник, деля его на двоих, улавливаю прищуренный взгляд друга на одной из них, на что вопросительно выгибаю бровь. Я не хочу начинать войну за одну девушку с лучшим другом, но тут же понимаю, что наблюдал он не за Алекс, а за Лизи. В эту самую секунду, мимо стола проходит Райн, оставляя на щеке Лизи быстрый поцелуй, из-за чего она вздрагивает, но улыбается, провожая его взглядом.

– Позвоню вечером, – подминает ей Райн и отворачивается.

Мне уже давно известно, что он влюблён в неё, но лишь к концу одиннадцатого класса, их отношения начали меняться: большие времена наедине, прилюдные поцелуи, не в губы, но в щёку, макушку уже есть. Я хочу счастья для друга, только, кажется, он слегка опоздал, потому что взгляд карих

глаз Лизи тоже меняется, когда она смотрит на Райна. Я не могу влезать, не могу подтолкнуть Дилана к ней, ведь одновременно лажу с Райном. Это чертовски угнетает.

Переключаюсь на лучшего друга, и пользуюсь моментом, что Алекс и Лизи начинают спорить на какую-то тему.

– Она нравится тебе.

– Кто?

– Лиз.

– Нет.

– Да.

– С чего ты взял?

– Вижу.

Дилан закатывает глаза, цокает и скрещивает руки под грудью, устремляя взгляд в сторону. Я же поднимаю брови, смотря на подобный жест с сомнением. Оба парня, если верить Алекс, во вкусе Лизи: брюнеты с тёмными как ночь глазами. Оба спокойны и имеют планы и поставленные цели на будущее. Кто же знал, что Лизи нравится ветер в голове и придурковатый характер, свойственный моему брату. Хотя, не могу отрицать, что он поменялся с появлением в его жизни Лизи. Джаред тогда и сейчас – братья близнецы, с разными характерами, но та дурасть имеется у них двоих, она никуда не исчезла.

– Она точно ему нравится, – смеясь, говорю я.

Дилан снова закатывает глаза, а Ким подхватывает мой смех, пихая его в плечо.

– Что за бред? – бурчит он.

– Ты всегда так делаешь. Хочешь, скажу, как это понять?

Дилан вопросительно смотрит на меня.

– Поменьше закатывай глаза, цокай и скрещивай руки.

Твой первый признак вранья.

– Многое изменилось.

– Теперь ты не отрицаешь, что она тебе нравилась?

– Кто?

– Лизи.

– Это было в школе, многое поменялось.

– Спустя почти десять лет, ты наконец-то признался, – смеюсь я, – упертый болван.

– Она была с Райном, сейчас вообще замужем за твоим братом, будем это обсуждать?

– Да, если придётся. Не упирайся самому себе, иначе я подумаю, что ты до сих пор девственник.

– Уже тогда я не был девственником, – усмехается он.

– Доказательств нет.

– Иди в задницу, – смеётся он.

– Но она нравится тебе! – настойчивым тоном, говорит

Ким.

– Да, только отвали от меня.

– Спасибо, что вы встретились, – с довольной улыбкой, восклицает девушка.

– Случайности не случайны, – пожимаю плечами и приступаю к ужину, который поставила официантка.

Дилан явно смущён тем, что согласился, но это бред не быть уверенным в себе в двадцать пять, которые стукнули по нему несколько месяцев назад. Я давно понял: если тебе нравится девушка – иди и бери её в охапку, даже если придётся связать и утащить на плече. Это тоже свойственно Джареду, который делал именно так, мне же было проще. Всё было взаимно с самого начала. Сейчас я не могу так сделать, хотя брат утверждает, что это нужно. Я почти сделал, но Алекс добровольно села в машину, и мы поговорили, точнее, я высказался, это было необходимо. Я хочу, чтобы она знала. Я не лгал, я действительно буду бороться за неё столько, сколько потребуется. Буду делать это до тех пор, пока буду чувствовать от неё что-то. Находясь тут, я бы мог отсюда контролировать доставку цветов, но не знаю, стоит ли, поэтому не делаю подобный жест.

Вступаю в разговор между Ким и Диланом, и наслаждаюсь той лёгкой и непринуждённой атмосферой этого вечера. Не знаю, сколько мы не виделись, но приятно то, что, несмотря на разные стороны страны, мы не перестаём быть друзьями. Настоящая дружба не растворяется с годами. Она терпит время, разлуку, редкие встречи, звонки, ведь каждый вступает и выбирает собственный путь. Ценой потерь, изменений, методов проб и ошибок, она должна укрепляться или оставаться прежней. Знать, что в мире есть тот, кто был с тобой не год или два, а намного больше – лучшее из чувств. Я верю, наша осталась на том же уровне, что и в школе, хо-

тя мы давно выросли. Мы редко общаемся, но это и не нужно. Ежедневные разговоры не говорят о тесной связи, можно дружить, не зная друг друга, и забыть о дружбе в следующую минуту. Мужская дружба идёт в разрез с женской. Если девушкам нужно позвонить друг другу сотню раз на день, чтобы обсудить мелочи жизни, то мы несём это в себе, выполняя требуемое или желаемое, оставаясь более скрытыми внутри.

Дилан был прав, говоря о мире, в котором и яблоку негде упасть. Это я понял через несколько дней, когда занял место в самолёте.

Завернув голову, чтобы найти глазами стюардессу, я нашёл того, кого не совсем ожидал: парня, который провожал Алекс до дома. В тот день я хотел поговорить с ней, но после увиденного – уехал, вернувшись лишь поздним вечером. Не подозревая того, что через проход с ним сидит тот, кто не позволит ему увести собственную девушку, парень тыкал пальцами по экрану телефона с улыбкой на губах, пока мои соединились в ровную линию. Чувство собственности как никогда ранее напомнило о себе. Буквально каждый волосок на теле вставал дыбом, когда он отбивал ритмы по экрану, а моё сознание подкидывало дров в огонь, намекая на то, что пишет он Алекс. Спешно, я начал вытягивать свой, но он упал в проёме, привлекая к себе внимание того самого парня напротив. Серые глаза посмотрели на меня и тут же вернулись к мобильнику в его руках. Лишь взмах руки, и я могу дотянуться до его плеча, а хотелось бы заехать локтем в нос,

сделав вид, что это совершенно случайно. От одного представления подобной ситуации, которая со мной не случалась – издал смешок, вновь заполучив взгляд соседа. Я похож на идиота, мне и самому смешно от собственной ревности, но это чувство прожигает каждую клеточку, заставляя придумывать новые сюжеты для того, чтобы как-нибудь двинуть ему. Протянуто выдыхаю и открываю диалог с Алекс, набирая ей сообщение:

«Мы должны поговорить. Я жалею из-за того, что жалеешь ты, так не должно быть».

Выбираю режим полёта, не успев получить ответ, потому что слышу просьбу отключить телефоны. Это будет самый долгий полёт в моей жизни, хотя она и вовсе может оставить меня без ответа, эта восьмидесятипроцентная вероятность, но я слепо надеюсь на те двадцать её разумности. Думаю, она поняла, что для меня не составит проблем приехать к ней или на работу, да и в любую точку планеты, где будет она.

Глава 19

Алекс

Останавливаюсь в дверном проёме, разделяющими гостиную и задний двор дома Картеров, устремляя взгляд в сторону Джареда, который сидя в кресле, режет овощи и громко смеётся на пару с Дином. Который год мир сходит с ума. Я далеко не консервативный человек, но к таким изменениям привыкаю годами.

– Вы только посмотрите на это. Картер, ты сама душка, – говорю я, уведомляя парней о своём присутствии.

Парочка глаз обращает внимание ко мне, и на губах моего любимчика расплывается довольная усмешка.

– Я всегда говорил, что я милашка.

– Да, – соглашаюсь я, направляясь к ним, – а когда-то вы едва переносили один глоток кислорода в присутствии друг друга.

– Он не выдержал моего очарования, – язвит Джаред.

– Ты был последним, кто меня когда-либо привлекал, – отмахивается Дин, сверкнув в сторону Джареда изумрудными глазами.

– Ты просто не мог взять меня, поэтому бесился.

– Фу, – морщится Дин, – не горел желанием.

– Сочту это за подарок судьбы. Я свято девственный.

– Да, смотря в каком месте, – говорю я, закатив глаза, – где твоя жена и дети?

– Их забрали на неделю, у мамы Лизи отпуск.

Выгибаю бровь и жду продолжения, потому что не услышала второй ответ.

– Сейчас вернётся, поехала в магазин за платочками для тебя, последний раз ты знатно подчистила наши запасы.

Начинаю громко смеяться в театральной манере, и резко прекращаю свой спектакль.

– Очень смешно, придурок.

– Совсем чокнулась, – улыбается он, – выпей вина, чтобы быть весёлой.

– Я не хочу пить.

– Ты беременна? – язвит Джаред в свойственной себе манере.

– Я просто не хочу алкоголь.

– Слишком подозрительно.

– Ты слишком плоско мыслишь.

– В последний раз, когда Лизи отказывалась от вина, она была беременна. Совпадение?

– Прямое, – киваю я. – Оно не влияет на моё настроение.

– Да, абсолютно, – отрезает Джаред, в открытом недоверии закатывая глаза.

На самом деле беременность – это последнее, что мне сейчас нужно. Кроме того, от кого? Разве только святой дух сжалятся надо мной, пошлёт дары с небес и впишет моё имя в

строке первой женщины в мире, которой не понадобилось ничего для подобного подарка. Я хотела. Всегда хотела малыша, придумывала ему или ей имя, зная, что определяться с отцом точно не нужно. Как оказалось, многое поменялось.

Взгляд находит Дина, который увлечён телефоном в его руках. Пальцы быстро перебирают по крану, а на его губах скользит загадочная улыбка, интуиция направляет все пути только к одному имени, хотя, конечно, я могу ошибаться на сто процентов. Фрэнк не рассказывал, как далеко они зашли, но, когда последний раз в воздухе повисло имя парня напротив меня, его глаза предательски заблестели, но я не стала давить и вытягивать подробности.

Вновь перевожу всё внимание на Джаред, намереваясь добить его ёрничеством. Это моё любимое увлечение на протяжении последних нескольких лет.

– Чем занимаешься?

– В плане? – выгибает он бровь, поднимая глаза от разделочной доски.

– Ты один в доме целыми днями.

Кажется, Джаред хорошо изучил меня, и его довольная улыбочка говорит, что он знает, как отвечать на будущие вопросы.

– Жду жену.

– Да, как я могла подумать о чём-то другом.

– Пеку кексы, тортики, порхаю на кухне, как Мухаммед Али на ринге.

– Не сомневаюсь, пчёлка.

– Что с твоим стилем?

– Что с моим стилем? – вскидываю брови и таращусь на Джареда.

– Где туфли, блузочки, юбочки, – пищит он.

Оглядываю себя. Короткие джинсовые шорты открывают достаточное количество места для взгляда извращенцев, им хватит одних ног для фантазий; кроссовки и белая майка, облагающая каждый дюйм тела. Провожу по волосам и откидываю их на одну сторону.

– Я не только их ношу, если ты не заметил.

– Да, от твоего тренда осталась только красная помада, – улыбается он, на что я закатываю глаза и чмокаю воздух.

Поднимаюсь с кресла и направляюсь в туалетную комнату, но слова Джареда заставляют ноги застыть на месте.

– Можешь встретить Тома, он уже подъезжает.

Знаю, он говорит это специально, желая увидеть мою реакцию. Но я не позволю пробить свою броню. Поворачиваю голову в его сторону и растягиваю губы в язвительной улыбке.

– Без проблем.

Джаред лишь ухмыляется и выгибает бровь. Не знаю, удалось ли только что спасти свой тонущий корабль, но я попыталась. Вновь спешно перебираю ногами и стараюсь прислушаться к звукам из вне. Когда достигаю нужной двери, до ушей доносится подъезжающая машина и сердце момен-

тально прибавляет ритм, начав грохотать в груди с такой силой, что басы разносятся по всему телу пульсациями. Он писал, что нам нужно поговорить, но я не знала, когда будет это «поговорить». Неприятное чувство, что за спиной кто-то стоит и шепчет: «Сегодня, возможно, прямо сейчас». Понимаю, как долго простояла на одном месте и пытаюсь скорее скрыться за дверь, но взгляд Тома успевает поймать мою спину. Бежать точно не получится, но дело даже не в страхе перед ним, а в гордости. Я только что показала Джареду то, что не боюсь встречи с его братом, что готова встретить его, и только поэтому не могу сделать шаг назад. Я не позволю Джареду ликовать из-за своей правоты.

Не знаю, сколько таращусь на себя в зеркало, пытаюсь договориться с телом и головой, но долго подобный разговор длиться не может. Последний раз выдыхаю и оставляю на отражении взгляд.

Он сказал, что не сожалеет, значит и ты не должна, – заверяю саму себя.

Кладу на дверную ручку ладонь, пытаюсь перенять весь холод металла, и попутно надеюсь на возвращение Лизи, с которой получится отложить всё на последнюю минуту. Конечно, она будет не в восторге, ведь я всегда так делаю, а она сразу. Наше главное различие.

Открываю дверь и делаю шаг, принимая тишину в доме и разговоры с заднего двора, но тут же взвизгиваю, повернув голову в правую сторону. Прижимаю руку к сердцу, пытаюсь

успокоить саму себя и бешеный пульс.

– Ты чертовски напугал меня.

Том отстраняется от стены и смотрит на меня, предоставляя считанные секунды рассмотреть его.

Серая толстовка с капюшоном, под которой прячется белая футболка, джинсы и конверсы, светлую макушку, прикрывает кепка, завернутая козырьком назад. Поднимаю взгляд и встречаюсь с серыми глазами, в ответ рассматривающими меня.

– Я не хотел. Ты хотела сбежать, – наконец говорит он.

– Я не бежала, а пошла в туалет, – вру я. – Не знала, что ты приедешь, и тем более не знала, когда.

– Почему я не должен приезжать?

– Возможно, потому что ты на сборах. Я не отслеживаю твоё местонахождение.

– Но знаешь, где я был, – подчёркивает он.

– Лизи и Джаред как-то говорили между делом. Я не слежу за тобой.

Том смотрит на меня, и приходится переминаясь с ноги на ногу из-за чувства вины.

– Ни к чему такая резкость.

Со своим словами, он проходит мимо, заставляя сквозняк пахнуть его парфюмом. Хочется броситься вслед, чтобы извиниться, ведь я не хотела разговаривать с ним в такой манере, но мой язык всегда на шаг впереди мозга. Спина Тома скрывается за стеклянными дверями, но ещё мгновение

я вижу его, после чего, горизонт остается пустым. В эту секунду открывается дверь и на пороге рисуется моя лучшая подруга.

– Что с тобой? – первое, что спрашивает Лизи.

– Ничего, просто я идиотка.

Лизи выгибает бровь, а я устало выдыхаю. Иногда, кажется, что я простила его. Всё в прошлом. Я бегу от того, чего не миновать: я хочу быть только с ним. Не войдя следом Лизи, я бы устремилась за Томом, но сейчас, когда она тут, не могу показать слабость и сдаться, хотя даже не знаю, какого мнения придерживается она. Вероятно, мнение Лизи я успешно придумываю за неё.

– Тебе помочь?

– Нет, я всего лишь купила сок.

– Твой муж такой джентльмен. Он режет овощи, греясь под солнышком, а ты таскаешь на себе по несколько литров.

– Я на машине, – говорит она, выгораживая Джареда.

– И что?

– Алекс, я не безрукая, могу купить сама, и мне нужно было в аптеку.

– У вас двое детей, тебе не кажется, что предохраняться уже поздно!?

Лизи хихикает и ставит пакеты на столешницу.

– Я на таблетках, это так, к слову.

– Не могу поверить, – говорю я приторно сладким голосом, – Картер решил остановиться на двух.

– Этого я не говорила.

– Третий? Ты с ума сошла? Ты выживешь среди стольких Картеров вокруг?

– Успешно выживаю в течении нескольких лет. Могу сказать, что мне даже нравится.

– Не сомневаюсь, – сарказм так и маячит в моём голосе.

Помогаю ей распаковать пакеты и как оказалось, куплен был не только сок, но и прочая мелочь, которая шла дополнительным грузом. Смотрю на Лизи, которая улыбается и невинно жмёт плечами, на что я закатываю глаза.

Когда продукты остаются разобранными, она поворачивает ко мне, вываливая очередную пачку с чипсами в глубокую тарелку.

– Что это было?

– Когда?

– Когда я вошла.

– Том напугал меня.

Лизи вопросительно смотрит на меня.

– Нет, не специально и не шутя. Он стоял за дверью, я не ожидала его увидеть.

– И?

– И оторви мне язык, – выдыхаю я.

– Почему?

– Потому что я была слишком резка.

– Не думаешь извиниться?

– Может быть, но не сейчас.

– Не пожалей потом о том, что тянула время.

Лизи подхватывает пару тарелок и спешит к заднему двору, пока я смотрю ей вслед. И когда ноги подружки перешагивают порог, я тихо говорю:

– Я простила его...

Скорей всего, где-то в уголках души я надеялась, что останусь не услышанной, но подружка резко затормозила, чуть ли не повредив носом ландшафтный дизайн двора. Карие глаза обращаются ко мне, и, кажется, даже парни замолкли. Слышу, как Джаред спрашивает Лизи, всё ли в порядке, но она смотрит лишь на меня. Закусываю нижнюю губу и жму плечами, направляясь за ней.

– Ты серьёзно? – шепчет она, когда мы поравнялись на одной линии.

– Думаю, что да. Я устала обижаться.

– Ты говорила ему?

– Нет. Не уверена, что это уместно после мох слов пять минут назад.

– Это уместно в любое время, Алекс. Ты не знаешь, что будет завтра и даже через минуту.

Посылаю подружке короткую улыбку и киваю.

– Они смотрят на нас слишком подозрительно, нужно поторопиться, – тихо сообщаю я.

– Кого это волнует? – хихикает Лизи, бросая взгляд в сторону парней.

В несколько шагов, мы преодолеваем расстояние между

столом и дверьми, поставив на стол тарелки. Прогуливаюсь взглядом по двору и понимаю, что Джаред не терял времени. На траве появились дорожки из камня, ведущие к зоне отдыха и детской площадке, появилась и третья, ведущая к садовому дивану-качели с подушками, укрывающемуся в уголке под навесом из ткани и деревьев, находящихся за забором. Замечаю и то, что по деревянным балкам тянутся провода, на которых закреплены полупрозрачные шарики, вероятно, гирлянды. Моментально захотелось, чтобы солнце поскорей ушло за горизонт, лишь бы посмотреть на такую романтическую точку двора. Уверена, это идея Лизи, но от Джареда можно ожидать чего угодно, так что со счетов этого парня сбрасывать нельзя. Возможность посидеть там будет буквально через парочку часов, чему я только рада.

Занимаю место за столом и искоса бросаю взгляд в сторону Тома, который не смотрит на меня. Такое чувство, что сейчас меня для него просто не существует, из-за чего отчаянье накрывает с новой силой. Я буквально молю, чтобы он посмотрел на меня. Но ничего не происходит ни через пять минут, ни через десять, ни через полчаса.

Когда Лизи наполняет бокал вином и тянется за вторым, я останавливаю её.

– Я не буду.

Удивлённый взгляд подруги застывает на мне. Наша компания не сменилась и, к сожалению или к счастью, Трента, Ками и Криса нет. Но тех четырёх пар глаз вполне хватает

почувствовать себя так, как будто я главная алкоголичка года. Даже Том смотрит на меня притупленным взглядом, я знаю, о чём он думает. Прошло достаточное количество времени.

– Не смотрите на меня, – вздыхаю я, – просто не хочу сегодня.

Лизи недоверчиво глазеет на меня. Она тоже всё понимает и логические цепочки в её голове строят догадки, но она слишком умная, чтобы не начинать этот разговор сейчас. Подруга поджимает губы и отодвигает второй бокал в сторону, продолжая оценивать моё состояние. Чувствую себя отвратительно, я действительно похожа на алкоголичку?

– Может, хватит? – предлагаю я, обведя взглядом друзей.

– Хватит что? – усмехается Джаред, на что Том даёт ему подзатыльник и становится ещё пуще прежнего.

Серые глаза посылаю искры братским карим, вновь обращаясь ко мне, я же отвожу свои в сторону.

– Я не хочу сегодня пить, закрыли тему. На следующих выходных исправлюсь.

Кажется, равнодушной стал только Джаред и Дин, даже в какой-то степени Лизи, но не Том. Я нутром чувствую, как он напряжен. Лизи знает, что соврать ей не получится, как бы мне ни хотелось, вероятно, поэтому она стала спокойней. И я уже жалею, что отказалась, ведь не могу расслабиться под взглядом напротив. Я не беременна, но то, что произошло с помощью последнего выпитого алкоголя – заставляет

меньше желать его присутствия в крови. Будь я проклята, если сделаю подобное ещё раз, насколько сильным не было бы желание.

Дальнейший вечер проходит вполне спокойно и непринуждённо, если не учитывать того, что Том всё время молчал и оставался в тени парней. Это моя вина и не моя одновременно. Я давно поняла, что через силу пить ни стоит, будет только хуже.

Плавно, я и Лизи меняем место дислокации на качели. Занимаю положение по-турецки и кладу на колени подушку. Джаред включает фонарики и подмигивает нам.

– Настройтесь на романтический лад, – улыбается он.

– Обязательно, – соглашается Лизи, посылая мужу ответную улыбку.

– Прекращайте заниматься сексом у меня на глазах, – фыркаю я.

– Кому-то тоже не повредит, – говорит он, играя бровями, – у нас есть гостевая комната.

Получив новый подзатыльник от Тома, он продолжает смеяться, а я закатываю глаза. Ненавижу, когда он прав. Мне действительно не помешает снять напряжение, да только идея такая же бестолковая, как и та, что была. Ничего хорошего, лишнее напряжение и косые взгляды друг на друга. Падаю на спинку и выдыхаю.

– Так и? – тихо спрашивает Лизи, обращая карие глаза ко мне.

Склоняю голову вниз, очерчивая кончиком пальца горлышко бокала.

– Что?

– Алекс! – ахает она, вновь привлекая к нам внимание, но снова меняет тон на тихий: – ты беременна?

– Я же говорила, нет.

– Я не понимаю.

– Я не беременна, просто не хочу сегодня пить. Последний раз это закончилось не тем, чем хотелось бы.

– Ты в этом уверена? – выгибает бровь подруга с игривой улыбкой.

– Боже, – хохочу я, подтолкнув её плечом.

– Думаю, тебя вполне устроил исход произошедшего.

Признай это.

– Ладно, – вскидываю руки в знак капитуляции, – было... кхм, необычно. Не так, как всегда.

– Знаю, – выдыхает она, – иногда я думаю, что выбесить Джареда было бы хорошей идеей, но куда уж лучше.

– Фу, я не хочу знать о ваших соитиях, – морщусь я.

Лизи заливается озорным смехом, который поддерживаю я. Это то самое непостоянство, в котором я нахожусь, когда речь идёт об их отношениях: хочется знать и не знать одновременно.

– Оставь мою психику в уравновешенном состоянии, – выдыхаю я, улыбаясь подруге.

– Ты и так многое знаешь.

– Да, коктейль «секс на пляже» твой любимый.

– Что было, то было, – соглашается Лизи, – но я бы сказала, что «секс на столе» – это твой любимый.

Ошарашено смотрю на Лизи, которая хитро улыбается.

– Ты обещала это не вспоминать. Джаред убьёт нас.

– Обещала не вспоминать при нём, сейчас нас никто не слышит, – хихикает она.

Закатываю глаза и делаю глоток сока, пока лицо подруги вновь стает непроницаемым.

– Я всё пойму, у тебя есть право не говорить. Я тоже...
хм, молчала долгое время.

– В тебе я уже была уверена на девяносто девять процентов. Я не вру, я бы сказала тебе первой, и не думаю, что была бы восторге.

– Почему?

– Как минимум по причине, что мы не являемся парой.

– Это не трудно поменять, тем более, ты простила его.

– Это выглядело бы глупо. Будто я сделала это только из-за беременности, похоже на безвыходную ситуацию.

– Нет, ты поступила бы мудро. У ребёнка был бы отец.

– У него и так был бы отец, даже если бы он не желал его.

Формально, он бы был. И в наших словах много «бы».

– Плевать. Ты любишь его, он любит тебя, что ещё нужно?
Это и есть семья.

– Хочешь сказать, что, если бы вы любили друг друга, но жили в полном кошмаре, вечных ссорах, загулах Джареда,

это и есть семья?

– Не путай, Алекс. Когда ты любишь, ты не гуляешь.

– Ага, а ещё, если любишь, то не уйдёшь.

– Это ложь. Уйдёшь, есть множество причин как хороших, так и не очень.

Беседа между нами резко прерывается, когда перед глазами застывают знакомые кроссовки. Медленно поднимаю глаза и упираюсь своими в серые. Стакан исчезает из моих рук, и Лизи направляется к столу, пока я вырезаю взглядом слово «предательница» на её спине.

Том занимает место Лизи, и я решаюсь расставить все точки.

– Я не беременна, хотя бы ты не смотри так на меня.

– Алекс...

– Я говорю правду.

Прижимаю колени к груди и ставлю на них подбородок, смотря на друзей за столом. В ту же секунду удивление мелькает на моём лице, когда чувствую, как по волосам скользят пальцы Тома.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я не своим голосом.

– Хочу коснуться тебя, ты же могла.

Резко заворачиваю голову в сторону Тома и нахожу вполне спокойное выражение лица, в котором отражается грусть. Новообразовавшийся ком не даёт увлажнить горло, из-за чего получается лишь сипеть и хрипеть, но скорей, это только благодаря страху. Не понимаю, что с ним не так. Сегодня я

была груба, не ответила на сообщение, это ли не должно отталкивать? Медленно тело начинает сотрясать дрожь. Не совсем понятно, то ли от его близости, то ли от порывов холодного ветра, но кожа покрывается гусиным слоем. Ещё большее удивление и настороженность появляется, когда он снимает толстовку и накрывает меня ею.

– У тебя разве совсем нет гордости?

– Я могу забыть о ней, когда дело касается тебя.

Прячусь лицом в руки, и сдерживаю порывы слёз. Со своими словами, Том поднимается и медленно шагает к столу, где прощается с друзьями и направляется к дверям. Хочется бежать вслед, но я и глазом моргнуть не могу, смотря на его спину до тех пор, пока она не скрывается в темноте, а спустя несколько минут доносятся звуки отъезжающей от дома машины.

Мы не поговорили, хотя внутри я отошла. Больше нет той сильной обиды, что была прежде, зародилась какая-то благодарность, что он терпит мой мерзкий характер. Терпкий аромат его тела, впитавшийся в толстовку, мешается с парфюмом, порождая головокружительные нотки, легко забирающие моё сознание в плен без всяких сопротивлений. Вдыхая этот запах, единственное желание – сдаться. И оставшись он рядом ещё на несколько минут, это бы произошло.

Глава 20

Алекс

Едва плывущие мимо машины безудержно сигналият друг другу, словно эти мерзкие звуки могут чем-то помочь и вмиг рассосут образовавшуюся пробку, созданную лично Сатаной. Но на самом деле всё куда проще, чем мы можем думать: это Нью-Йорк, центральные улицы которого в вечном движении, текучка такая, что автомобили целуют задницы друг друга на расстоянии меньше дюйма. Люди бегут не только по пешеходам, но и вырисовывая змейку вокруг выстроенных потоков. Конечно, ещё они пользуются метро, но будь оно проклято. Отныне, для меня это прямой спуск или подъем в ад. Сел в наземное, вышел в подземном и наоборот. К чёрту. Я умею шевелить ногами и задницей.

Парочка стаканчиков трясётся в руках, и я уже думаю, что от латте для Фрэнка осталось месиво. Ставлю не галочку, а крестик рядом с пунктом «Порадовать друга с утра». В любом случае, при необходимости, я отдам своё, либо сделаю нам обычное. Ещё один вариант поднимает уголки моих губ, ведь от его любого чая – я бы тоже не отказалась.

Вбегаю в офис, который тих и спокоен. На горизонте ни единой души, слышится даже стук секундной стрелки на часах. Вышагиваю по коридору, напрямую к нужной двери. Я

гарантирую, он уже на месте. Фрэнк всегда приезжает на час раньше, а сегодня понедельник – день, когда в девять утра многие спешат на планёрку с клипбордами и предложениями. И сегодня он приехал на два часа раньше.

Бeverли ещё нет на рабочем месте, поэтому я тихо проскакиваю ко вторым дверям, которые немного приоткрыты, а из кабинета слышится бесконечное щёлканье шариковой ручкой. Едва с сильным напором стучу по двери и получаю приглашение войти.

Окна заливают тёплый солнечный свет, который откидывает тени на пол, по левую руку на самом низком режиме свежий воздух прогоняет кондиционер, а мой начальник и друг в одном лице, прижав костяшки пальцев к виску, больше не щёлкает ручкой.

– Я не одна, – улыбаюсь я, – доброе утро.

– Вижу, но это чистый грех называть утро понедельника добрым, – немного улыбается Фрэнк, положив ручку на стол.

– У кого как.

– Что изменилось?

– Я люблю свою работу.

– И всё?

– И начальника, – посмеиваюсь я, протягивая ему стаканчик, – лучше не заглядывай, я торопилась.

– Я рад любой жидкости в своём рту прямо сейчас. Особенно, если это кофе. Мне некогда дойти даже до кулера.

– Значит, я в любом случае, попала в цель, – падаю в кресло напротив и делаю глоток своего напитка.

– Чем занималась на входных?

– Ерундой, была у Джареда с Лизи. Вчера попробовала себя в теннисе.

– И как тебе?

– Полный провал. Я уже говорила, что спорт – это жизнь, но не для всех!?

– Выбирай который тебе по душе, я, кажется, знаю один.

Строю гримасу, прекрасно понимая, на что он намекает.

– Что касается тебя?

Фрэнк махает левой рукой к ножке своего стола, из-за чего я не сразу понимаю жест, но быстро переключаю внимание с него на пол, где расстелилось пять кучек папок в каждой из которых по три новых. Все они достигают высоты до моего колена. Открываю рот.

– Я бы помогла тебе, мне не трудно, чего бы там ни было.

– Тебе нужен отдых, а это моя работа раз в месяц.

– А я недавно разбирала свои несколько и не совсем довольна бурчала.

– Раз в месяц дел не в поворот.

– Сейчас готовишься к планёрке?

– Что-то похожее на то.

– Тебе помочь?

– Если ты готова разложить все выкройки по отделам, то да, ты облегчишь мне задачу.

– Готова, – сразу киваю я, ставя полупустой стаканчик на стол, приступая к заданию.

Фрэнк благодарно улыбается, и начинает записывать в ежедневнике, что-то тихо бубня себе под нос. Я лишь обрывками улавливаю его фразы «Продажи, статистика, привлечение, PR-компания» и всё подобное, больше не вдаваясь в подробности. Тишина между нами лёгкая и не напряжённая, её нарушает лишь щёлканье мышкой, записи ручкой, стук стрелок на циферблате и его смешные бормотания, которые кажутся мне вполне уместными и приятными. Я и сама периодически говорю самой себе вслух, чтобы не забыть, хорошая практика. Может, будешь похожим на шизофреника, но зато запомнишь, да и проговаривать самой себе не мешает.

Когда карточки раскладываются по отделам, представляю своё творение начальнику, для которых он сует мне в руки скрепки. Я понимаю его без слов, сжимая каждую стопку по отдельности, для предотвращения потери. Пока мы увлечены заданием, слышу, как своё рабочее место занимает Беверли. Спустя минуту, раздаётся стук в дверь.

– Войдите, – не глядя, приглашает Фрэнк.

– Доброе утро, – говорит она, с вежливой улыбкой, явно удивлённая моим присутствием в кабинете, на что я посылаю ей ответную приветственную улыбку. – Что-то нужно сделать?

– Доброе утро, – бросая в её сторону быстрый взгляд, Фр-

энк вновь возвращает внимание к ежедневнику. – Нет. Благодарю. Только сформируете встречи на неделю и завтра.

– Хорошо, – кивает Беверли, обращая внимание ко мне, – а Вам?

– Нет, спасибо, – улыбаюсь я.

Как только дверь закрывается, я смотрю на Фрэнка, который увлечён списыванием информации с экрана.

– Кто-то говорил про грех, и мне пора, – говорю я, – если нужна помощь – пиши, я обязательно прибегу.

– Помолись за меня, – тихо смеётся Фрэнк, подняв голову.

– Сейчас же схожу в церковь.

Забираю наши пустые стаканчики и выбрасываю в урну, поднимаясь с кресла.

Расправив юбку карандаш темно синего цвета, рассматриваю голубой топ на наличие пятен кофе, которыми я умело уделываюсь, ещё не ступив на порог кабинета, где работаю, поднимаю сумку и посылаю улыбку Фрэнку.

– Успешной планёрки, мистер Ли, – сообщаю я, но следом сбавляю тембр голоса на низкий: – напиши мне, если что.

Фрэнк посмеивается и кивает, вновь посылая мне благодарную улыбку за помощь не только в работе. Пробегаю мимо Беверли, направляясь к себе.

В кабинете ещё пусто, а жалюзи, не заслоняющие окно на одну четверть, говорят, что Гвенет ещё не пришла. Обычно, она закрывает их с утра, чтобы солнце не освещивало экран компьютера, а ближе к вечеру открывает. Я привыкла к ней

достаточно быстро, у нас два состояния: рабочее и болтливое. Если мы заняты работой, то каждая из нас увлечена делом, а если беседуем, то работа находится в стороне. Хотя, иногда происходят исключения, когда мы можем обратиться друг к другу по рабочим вопросам.

Она не появляется ни через пять минут, ни через пятнадцать. Но мне нечему удивляться, ведь график свободный, это твоё решение: оставаться в офисе или идти искать вдохновение вне. Открываю ящик и первое, что нахожу – фотокарточки от Тома. На самом деле, я хотела их забрать домой, чтобы вложить в дневник, но оставила на работе. Собираю все и сразу убираю в сумку, чтобы не забыть, но останавливаюсь. Что-то в них есть то, что я раньше не совсем улавливала. Родное. Свободное. Счастливое. Влюблённое. В последнее время мне тоже нужно подкрепиться музыкой, потому что стены кабинеты начинают сгущаться, как грозовые тучи над сегодняшним Нью-Йорком. Мне явно нужна помощь, ведь старые проекты с каждым новым днём нравятся и устраивают меньше. Думаю, не пройтись ли по Бэй Ридж или по Сохо, чтобы сделать глоток свежего воздуха.

Собираю папки со стола и когда открываю дверцу шкафа – произвольно морщусь. Хаос – моё царство, и я в нём – Сет. Бесконечное количество листов, карандаши, стикеры, всё валется. Если открою соседнюю дверь, то наверняка увижу королевство Маат, где царит порядок. День будет долгим, потому что пора разгрести кучи неразберих в своей жизни.

Одна из них – перед глазами.

Включаю песню Ally Brook – No Good и, пританцовывая, начинаю убирать валяющиеся предметы с полок, попутно подпевая. Сегодняшний день я явно потрачу на уборку. Поиск музыки припасён на завтра.

В дверь стучат, и я не сразу слышу, лишь косой взгляд в её сторону помогает заметить гостя, ожидающего за матовым стеклом. Шевелю ногами и дёргаю за ручку.

– Чёрт возьми, – произношу я на одном дыхании, уставившись на Тома, который, кажется, в непонимании из-за моего приветствия.

Делаю шаг назад и пропускаю его вперёд.

Теперь мы оба стоим в пороге, и я не знаю, что делать. Присесть, первое, что приходит в голову, пока он рассматривает кабинет, рабочие места и шкаф. Даю сотню баксов, он знает всё то, что принадлежит мне. Не трудно догадаться, разве только тут нет второй меня.

– Присаживайся, – предлагаю я, махнув головой в сторону кресла.

Ставлю на паузу и усаживаюсь в своё кресло, настраиваясь на разговор. Но, кажется, Том не торопится говорить вообще, чем я сбита с толку и смущена.

– Помочь?

– Да, давай, – соглашаюсь я, – в любом случае, это ты у нас мастер порядка, а не я.

Уголки губ Тома приподнимаются, и я скорее тороплюсь

к шкафам, где отворачиваюсь, чтобы скрыть свою рвущуюся наружу улыбку. Это слишком странно. Даже более чем слишком.

В тишине, мы разгребаем полки, искоса бросая взгляд в сторону друг друга. Озноб пробегает по телу, но я старательно привлекаю все актерские навыки для того, чтобы скрыть волнение. Прибегаю к музыке, которая должна рассеять напряжение или хотя бы преобладать над ним.

И в какой-то мере, у меня получается. Я едва держусь, чтобы не начать подпевать в подобной ситуации. Но сдаюсь музыкальным ритмам, тихо голоса слова песни. Том продолжает поглядывать на меня, я же в свою очередь создаю непринужденный вид, словно так и должно быть. Боже, сохрани мою психику, я на грани.

Когда всё расставлено вокруг нас, остается последняя папка, и эти проклятые игры судьбы, когда мы тянемся к ней вместе. В итоге, моя ладонь ложится на кисть Тома, из-за чего я тут же одергиваю её и втягиваю воздух. Пристрелите меня.

– Господи, мы что, в сериале или романтической комедии? – выдыхаю я.

– Нет, – пожимает плечами Том.

Смотрю на папку, к которой мы прикоснулись одновременно, и перевожу взгляд на парня рядом.

– Просто такое бывает, случайность.

– Да.

– Но случайности не случайны, – замечает он.

– Ты сейчас попытался успокоить меня или действительно так думаешь?

– Так думаю.

– Я ничего не понимаю, – пытаюсь улыбнуться я, но выходит криво, Том это замечает. – Зачем ты тут?

Сунув руку в карман, он вы вытаскивает парочку листов, по которым я понимаю, что это билеты, но не понимаю куда.

– Сюрприз? – предлагает он.

– Эм... хорошо, когда?

– Сегодня в шесть.

– Я не успею переодеться.

– Тебе и не нужно, ты прекрасно выглядишь, это не репутация.

– Жаль, – улыбаюсь я, но быстро стираю эту улыбку, – точнее, хорошо.

– Я понял, – кивает Том.

Ещё несколько секунд, мы смотрим друг на друга, и одновременно не выдерживаем, начав смеяться. Волна тока и мурашек бежит по телу, как по проводам. Я слышала его смех больше сотни миллиона раз, но почему-то этот напоминает взрыв вулкана: красивый, почти позабытый при беседе наедине и такой трепетный. Не знаю, почему даю ему последнее описание, но то, как он потёр подбородок, сверкнули его глаза, и появилась улыбка – заставило сердце сделать кувырок. Это определённо звучит по-другому, наверно, потому

что поводом являюсь я или косвенно я.

– Это было... – начинает Том.

– Странно? – помогаю ему.

– Наверно, ещё нелепо.

– Думаю, что я остановлюсь только на том, что это было.

– Тогда я тоже, – соглашается он, подняв последнюю папку и положив на кучку предыдущих.

Полки в шкафу пустеют, и это несёт какое-то облегчение и досаду, ведь он может скоро уйти, а какое бы ни было напряжение между нами, я наслаждаюсь его компанией. Дверь распахивается, чуть ли не разлетаясь на кусочки стекла под ногами и на пороге по взмаху летучего пороха из Гарри Поттера, возникает Мартин. Я буквально видела вспышку зелёного цвета перед глазами, когда он появился. Конечно, я просто брежу, но, когда представляю, начинаю смеяться, из-за чего Том, выгнув бровь, смотрит на меня, а Мартин уже привык к моей шизе или музе, как он её называет, поэтому со спокойным выражением лица ожидает успокоения.

– Дай ей время, иногда у неё крыша едет, – говорит он Тому, который теперь уже поднимает вторую бровь, из-за чего я начинаю смеяться ещё больше. Кому, как ни Тому знать, насколько я шизанута.

Парни смотрят на меня, а я не могу остановиться.

– Дурдом, – сквозь смех, произношу я, создавая ветер перед лицом с помощью ладоней. Мне чертовски жарко. Я точно снизошла в поместье Люцифера.

Когда смех проходит, я устало выдыхаю. Не понимаю, когда могла так сильно перенервничать и утомиться.

– Что на этот раз? – спрашивает Мартин с улыбкой.

– Вам лучше не знать, иначе тут же за мной пошлют парочку людей со смирительной рубашкой.

– Извиняюсь, если помешал, – кивает он, – но я не мог тебе не показать, он пришёл только сейчас.

– Что именно?

– Его проверяли, и он прошёл проверку.

– Что поверяли?

Мартин крутит баночкой в руках и мои глаза округляются.

– Фрэнк сойдет с ума, – шепчу я.

Мартин выгибает бровь.

– Друг, – киваю я, получая его улыбку, в то время как на лице Тома мелькают сотни эмоций, но в то же время оно остаётся непроницаемым.

– Напивайся в своё удовольствие, но поделись хотя бы кружкой, – говорит он, после чего протягивает ладонь Тому. – Мартин.

– Том.

Парни жмут ладони друг друга, и становится не по себе. Эту баночку с чаем я хочу выкурить, чтобы успокоиться, потому что мне, как и Шелдону, не хватит всех видов ромашкового чая, чтобы успокоить ярость в груди, только в моём случае нервозность.

– Ладно, увидимся позже, – предлагает Мартин, – на обе-

де?

– Она уже приглашена на обед, – отрезает Том, явно удивляясь самому себе в произнесённой фразе. Но Мартин анти-конфликтный человек, даже больше Тома, поэтому, он просто пожимает плечами.

– В любом случае, увидимся, работаем через пару дверей друг от друга.

Не знаю, для чего он это сказал: чтобы что-то показать или не думая, но это было второе или даже третье, что меня в действительности беспокоило. Как только дверь закрывается, я медленно поворачиваю голову в сторону Тома.

– Уже приглашена? – спрашиваю я.

– Друг? – в ответ, задает вопрос он.

– Никто тут не должен знать, что Фрэнк мой друг. Это корпоративная этика. На работе – он начальник, за пределами – друг. Но мы часто забываем об этом, поэтому рискуем. Ляпнула не подумав. Это его любимый чай, и мой тоже. Он продаётся только в Китае.

– А Сохо?

– Там нет. Я попросила Мартина посмотреть в Сан-Франциско.

– Ладно, моя очередь. Я хотел пригласить тебя, если ты, конечно, согласишься. Но если бы не остановил его, то мог не спрашивать, заранее полученный отказ. Не уверен, что ты могла согласиться, но это хотя бы можно исправить и сказать, что у тебя изменились планы.

– Хорошо, – киваю я.

– Я буду честен до конца. В первую очередь сыграла ревность.

Том смотрит в мои глаза, и я замечаю, как волны океана внутри бьются о скалы. Я не показываю, как сильно на меня влияют его слова, но, когда я могла что-то скрыть от него?

– Хорошо. У меня не изменились планы.

Уголки его губ снов поднимаются вверх, как и мои.

– Но мне нужно время, чтобы убрать тут.

– Я могу помочь тебе или заехать ближе к обеду.

– Я... Боже, веду себя как девочка лет пятнадцати, – смеюсь я, закрывая ладонями лицо.

– Нет, – улыбается Том, – тогда ты была более бесстрашной. Я ещё помню, что это ты меня поцеловала.

– Ничего не поменялось, если ты не понял.

– Разве?

– Да, если учитывать предпоследнюю встречу.

– Что касаясь того, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виновато.

– Я не жалею, если ты хочешь узнать это.

– Ты уверена?

– Я уверена. Мне стыдно, но я не жалею.

Щеки вспыхивают, когда Том внимательно рассматривает моё лицо на признаки вранья, но находит лишь пылающую правду.

– Хорошо, мы можем забыть это?

– Если ты хочешь, – киваю я.

– А ты не хочешь?

– Нет.

Вскинув брови, он отворачивается и сгребает папки с пола.

– Что с ними делать?

Смех так и рвётся наружу, но я сдерживаю его порывы, указывая на полку внизу.

– Сейчас я прибегаю к ним редко.

– Что там?

– Мои проекты.

– Ты же пишешь по ним статьи.

– Писала, – поправляю я. – И... ты читаешь мои статьи?

– А сейчас?

– Уже нет. Мне нужно что-то новое. Ты ответишь?

– Да, читал каждую.

Эта честность сведёт меня в гроб, либо я лопну из-за краски на лице.

– Я сделал правильный выбор на вечер.

– Какой?

– Сюрприз? – вновь предлагает Том, и я согласно киваю.

Это томительно, не зная, что тебя ожидает, но зная ещё хуже. Я всегда предпочитала неизвестность. Испытывать эмоции приятные или не особо – и есть жизнь, а зная наперёд – не моя прерогатива и не мои планы. Том знает, что я люблю, честно говоря, ничего не изменилось, вкусы те же,

ведь я всё ещё люблю его.

Некоторое время разговор между нами не торопится за-рождаться, да и мы ему не помогаем. Вероятно, сказанного за последние несколько минут, было вполне достаточно для пережёвывания полученной информации.

Глупая улыбка расплзается на губах, когда я искоса смотрю на него. Он ревнует меня. Надеюсь, я ещё не настолько обезумела, чтобы радоваться подобному? Но это приятно, чертовски приятно ощущать, что тебя не хотят потерять. Лизи всегда говорила, что ревность – признак недоверия, ведь ты начинаешь копать в сути этого чувства: почему оно возникло, из-за чего и как. Я не исключение. Я не знаю, чувствует ли Том соперника или в нём просто играет роль собственника, но он ревнует и мне нравится. Главное, чтобы она не перешла грань разумного и нездорового.

– ... а потом он сказал... – раздаётся голос Гвенет, но она резко замолкает, когда её глаза находят нас. И если её лицо всё ещё озаряет улыбка, то лицо Чарли побелело, а сама она, кажется, оцепенела, смотря на Тома.

Кто-то незаметно спустил кнопку ядерного оружия. Бро-саю взгляд на Тома, который в не меньшем шоке, чем са-ма девушка. Сегодня мне точно понадобятся пожарные и по-больше. Но тушить нужно меня.

Глава 21

Алекс

– Фрэнк был прав, – шепчу я, – понедельник создан при-спешниками Дьявола.

Серо-голубые глаза Тома переводятся на меня. Возможно, он догадывается или у него своё мнение на счёт этого чудесного дня недели, но сегодняшний по остроте обошёл все те предыдущие.

– Всё в порядке? – тихо спрашиваю я Тома.

– Вполне, – кивает он.

– Я зайду к тебе позже, – говорит Чарли, когда её фигура уже исчезла с прямой траектории, остался лишь голос.

Гвенет и слова сказать не успевает, вновь обращая внимание к нам.

– Может, вы мне объясните, что происходит? – спрашивает соседка, – я, кстати, Гвенет.

– Том, – кивает он, и на Гвенет его имя не производит должного впечатления, что довольно удивительно. Либо ей плевать, либо Чарли остановилась на рассказах, а не демонстрации предмета своих воздыханий.

Застыв на одном месте, я не знала, что делать и говорить.

– Я могу отойти? – обратился Том, переглянувшийся между мной и Гвенет.

Сердце сжалось, примерно так же моё тело. Плечи поникли, а улыбка давно сошла с лица. Наверно, я была примерным цветом с Чарли. Но какого было моё удивление, когда он заключил моё запястье в ладонь и нежно его сжал. Лёгкое покалывание в этой области привлекало всё внимание, но взгляд остановился на лице парня. Оно выражало безмятежность.

– Ты доверяешь мне? – едва слышно спросил Том, пока Гвенет располагалась за рабочим столом.

Смотря в его глаза, я машинально кивнула.

– Я должен Алекс.

– Ладно, – без всякого рвения ответила я. В любом случае, нравится мне это или нет, думаю, он пойдёт.

– Это уже было, но я должен извиниться нормально. Я вернусь, и мы всё доделаем. Подожди меня, хорошо?

Я снова кивнула и посмотрела на спину, когда он уже пошёл к двери. Остановившись, Том обернулся и в несколько шагов снова сократил расстояние между нами. Его рука моментально собственнически заключила мою талию в объятия, а вторая легла на щёку. Оставив поцелуй в уголке губ, он прошептал:

– Я люблю тебя. Сейчас вернусь. Верь мне.

С этими словами, его фигура скрылась за поворотом, а я ошарашено таращилась на дверь.

– Это что сейчас было?

– Я сама не понимаю, – выдохнула я, отчасти, соврав.

Упав в кресло, я подставила кулак под подбородок, потому что голова была готова отвалиться из-за тяжести, и посмотрела на грудку своего барахла из шкафа.

Меня только что переехал поезд или это просто галлюцинации? Может, мне что-то упало на голову, и теперь я окончательно чокнулась? Эти резкие скачки напряжений между нами, доводят до желания упасть на пол и биться в приступе эпилепсии. Но сегодня самый удивительный день, от слова «диво». Стабильный ритм жизни не для меня, доказано сегодня. Единственное, что меня расстраивает и угнетает – Чарли. Я видела в её глазах блеск в виде интереса, влюблённости, заинтересованности и практически превознесения даже тогда, когда Гвенет что-то упоминала о парне, про которого всё время ей рассказывала Чарли, я всё замечала. Но всё это покрывал слой обиды и разочарования. Так было со мной. Но в отличии от неё, этот человек был со мной на протяжении восьми лет, которые он хочет продолжить. И как бы я не противилась, моё сердце желает того же.

Несколько минут я просто молчу, уставившись на кучку, но перевожу взгляд на рамки с фотографиями. Улыбка трогает мои губы и так происходит всегда, когда смотрю на них. Интересно, ожидает меня и Тома такой же счастливый конец вместе? Чувства внутри кричат от переизбытка эмоциями лишь из-за одного поцелуя, он оказался эротичней и чувствительней многих других, и порой я смеюсь, слушая голоса внутри, которые подсказывают путь. Как бы там ни было,

Джаред был прав: никто не совершает ошибки нарочно, мы думаем, что наш выбор был правильный.

Том возвращается в кабинет и смотрит на меня, а после на Гвенет.

– Доделаем? – предлагает он с лёгкой улыбкой на губах.

Согласно киваю и присоединюсь к нему, в то время как Гвенет собирает кипу распечатанных листов и вновь прощается с нами, назвав свой побег «поиском вдохновения». Что-то мне подсказывает, это лишь предлог уйти к подруге или оставить нас наедине, глухой и слепой поймет – тут что-то происходит. А происходит, чёрт возьми, непонятно что. Я не успеваю за происходящим. Снова моё желание не знать и узнать одновременно, но я молчу. Не знаю, гордость, самоуважение или уважение к Тому, но я держу язык за зубами и ничего не спрашиваю.

В такой тишине проходят последующие полчаса, а следом час. Я поглядываю на часы и слежу за каждым движением минутной стрелки. Думаю, я как ястреб – улавливаю каждый шум и сдвиг.

– Злишься на меня? – интересуется Том, расставляя папки по полке. Мысленно ругаюсь за его беспечный тон и расслабленное тело. Вероятно, напрягает всё только меня, а может и не напрягает, я ещё не определилась.

– Нет.

Том поворачивает ко мне лицо и, закусив на секунду нижнюю губу, выгибает бровь. Хорошо, он явно борется с улыб-

кой.

– Упрямая, – сдаётся он, начав смеяться, – спроси уже и станет легче, мы оба это знаем.

– Я не хочу знать.

– Хорошо, – Том пожимает плечами и отворачивается к полкам, начиная раскладывать остальные листы, из-за чего я разинула рот.

Я едва не пыхчу подобно быку, пока смотрю на его монотонные движения.

– Не играй со мной!

– Я не играю, Алекс, – как ни в чём не бывало, говорит он, продолжая заниматься делом. – Я достаточно хорошо тебя знаю, поэтому предложил задать все вопросы, на которые хочешь получить ответы.

Сощуриваю глаза и окидываю его взглядом, но Том даже глазом не повёл в мою сторону, и на его лице и теле не дрогнула ни одна мышца.

– Как дела в команде?

– Это то, что ты хочешь знать? – улыбается парень.

– Да, – согласно киваю я, – хочу знать, что у тебя всё складывается хорошо.

– Всё складывается хорошо, Алекс. Просто мне кое-чего не хватает.

Игнорирую его замечание-намёк, делая вид, что вообще не понимаю, о чём он говорит.

– Хорошо. Как дела у родителей?

– Прекрасно, у твоих?

– Последний раз я разговаривала с ними, когда получила работу. Но у них всё чудесно. Спасибо, что поинтересовался.

– Пожалуйста. Как твои успехи на работе?

– Это вообще нормально? – не выдерживаю я.

– Что именно? – Том смотрит на меня.

– Минуту назад всё было иначе, а сейчас мы интересуемся семьями и делами друг друга.

– Я уже привык, – улыбается он, – и я скучал по этому.

– По чему?

– По тому, как легко ты можешь вспыхнуть и остыть.

– А кто сказал, что я остыла?

– То есть не отрицаешь, что вспыхнула? – смеётся он.

– Сегодня Фрэнк сказал, что грех называть утро понедельника добрым. Сейчас я очень с ним согласна.

– А на вопрос ответишь?

– Задавай.

– Я уже спрашивал: как дела на работе? Тебе нравится?

– Более чем, – улыбаюсь я.

– Я вижу.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Хотел услышать подтверждение и знать, что я всё ещё чувствую тебя.

– Ничего не изменилось, – жму плечами, и опускаюсь на корточки, удостовериться в том, что ничего нужного там нет.

– Ничего? – останавливается Том, испепеляя мою макуш-

ку взглядом.

Стараюсь сохранить спокойствие и скрыть волнение, которое холодком проходит по спине.

– Ну, да, а что может поменяться?

Том дёргает бровью, и теперь наше положение изначально заставляет пылать мои щёки, а после и лицо в целом. Всеми силами, я пытаюсь не смотреть на ширинку его джинс. Отвожу взгляд в сторону, скрывая тяжёлое дыхание, потому что взгляд Тома говорит о многом, и особенно о желании, которое я вижу в его глазах. Медленно выпрямляюсь и закрываю дверцу со своей стороны.

– Это ужасно, – выдыхаю я.

– Что именно?

– То, о чём ты думаешь.

– Но я не могу об этом не думать, я же не импотент, – смеётся он.

Лицо готово лопнуть от переизбытка приливающей к нему краски, а я сгореть от стыда. Когда я начала смущаться человека, который был первым и им остается по сегодняшний день!? Это даже не неловко, из-за этого хочется провалиться сквозь землю. Виной даже не мои мысли, а то, как Том смотрит на меня. Проблески голубого цвета играют на солнечных лучах, когда он поворачивается в мою сторону и опирается спиной на шкаф, а я занимаю место за рабочим столом. Кладу руки на поверхность и создаю из пальцев замок, лишь бы чем-то их занять, иначе они начнут отстуки-

вать ритмы. На секунду, взгляд застывает на столе, и я тут же хочу удариться по нему головой, чтобы вправить мозги на предназначенное им место.

– Ты в порядке? – улыбается Том.

– Более чем, – киваю я, но знаю, что это формальность, он и так знает ход моих мыслей.

– Хорошо.

С минуту мы молчим, но, не выдержав его тяжёлого взгляда, я прячу лицо в ладонях.

– Господи, – выдыхаю я.

– Это хорошо, что ты решила помолиться за меня, – раздаётся голос Фрэнка, когда я делаю щелку между пальцами, чтобы разглядеть, как он пожимает ладонь Тома в знак приветствия.

– Я делаю это всё утро, буду рада, если ты сделаешь для меня тоже.

– Всегда готов прийти на помощь, – улыбается он, после чего кладёт на мой стол стопку листов. – Прочтёшь?

Рассматриваю листы перед собой и не совсем понимаю, что они означают.

– Что это?

– Письма, – улыбается Фрэнк.

– Какие?

– Ты сама должна прочитать.

– Такие сюрпризы не сулят ничего хорошего, – выдыхаю я, сгребая стопку листов.

– Почему? – смеётся Фрэнк, медленно шагая к дверям.

– Потому что ты ничего не говоришь. Я едва прихожу к перемирию и заключению чего-то в собственной голове.

– И какое заключение было последним?

– В мыслях я называю тебя по имени, а вслух как начальника.

– Так и должно быть, – подмигивает он, после чего, натягивает маску равнодушия и серьёзности, присущей главному редактору. Открыв дверь, он кивает Тому и бросает быстрый взгляд в мою сторону. Тихим тоном, Фрэнк добавляет: – Я только что заключил договор с одной из лучших фотостудий на год, чёрт меня дер!

– Охренеть теперь, – смеясь, шепчу я, на что Фрэнк улыбается и с нейтральным выражением лица покидает кабинет.

Перевожу взгляд со стекла на Тома, который с долей удивления смотрит на меня.

– Если я останусь тут ещё, то сойду с ума, – говорю я.

– А у тебя есть выбор?

– Ну, да, как минимум по причине того, что в моих руках полная свобода.

– Свобода в плане чего?

– Сотруднику не обязательно протирать задницей кресло, я могу вообще не находиться в офисе.

– Это как?

– Это правило Фрэнка. Его волнует только то, чтобы в среду была готова новая статья, это всё, что его интересует. Где

я её напишу – не имеет значение. Для творческого человека нужно вдохновение, и многие ищут его в городе.

Уголки губ Тома приподнимаются вверх.

– Ты практически молишься на него, – говорит он.

– Он отличный начальник, замечательный друг, хороший советчик, превосходный сотрудник, ценитель своего дела, но самое главное, что он прекрасный человек с большой буквы. Я могу только надеяться, что смогу стать такой же, как он. Его уважают и любят. Поэтому да, я молюсь на него и на то, что познакомилась с ним.

– Хорошо, – кивает Том.

Поднимаюсь с рабочего места и подхватываю сумочку, пока Том берет рамки в руки и поворачивает их к себе лицевой стороной.

– Я знал, что ты выберешь именно эти.

– Они – мои любимые.

– Знаю.

Вернув фотографии на свои места, он поднимает глаза на меня.

– Выбросила со мной?

– Нет, – выдыхаю я, не зная, почему не соврала на этот раз.

– Я удалил... было тяжело смотреть на них.

Сглатываю комок грусти и киваю.

– Я не хотел, но знал, что так будет лучше.

– Откуда тогда те, что ты присылал?

– Нашёл на облаке. Осталось ещё немного, я успел восста-

новить то, что не форматировалось автоматически.

– Время обеда, – сообщаю я, чтобы перевести тему, – и думаю, мне тоже необходимо найти вдохновение.

– Тогда мы можем прийти туда раньше.

– А разве это не в шесть?

– Каждые два часа.

– Где проходит?

– Испортишь свой сюрприз.

– Ладно, – вздыхаю я.

Том посмеивается и проводит пальцами по волосам, что хочется сделать мне. Я ужасно желаю коснуться его волос, щетины. Особенно последней. Потереться об неё щекой чуть ли не до крови, чтобы ощутить его рядом. Он часто царапал меня и, смеясь, я визжала, что останутся следы, но всё равно позволяла, потому что это было по-особому нежно и интимно. Смотря фильмы, я, не думая, автоматически запускала пальцы в его волосы. На секунду закрываю глаза, и в голове вспыхивает картинка, где я, прогулявшись по локонам, провожу ладонью по щетине, сидя у него между ног. Откидываю голову назад и получаю самый лучший на свете поцелуй. Так было часто, особенно за просмотром фильмов. Я могла делать так каждую минуту, мне было плевать на фильм, каким бы интересным он не был. Всё кажется таким далёким.

Открываю глаза и встречаюсь с его взглядом. Даже если он знает, о чём я думала – мне не стыдно. Я скучала по нему каждую секунду своей жизни даже тогда, когда только смот-

рела на него на поле. Он не знал о моём существовании, но это лишь временно, после, он заполнил каждую одинокую клеточку и день моей жизни без него.

– Мы идём?

– Идём, – киваю, но не знаю, правильно ли будет то, что я хочу сделать.

Выхожу из-за стола и делаю шаг к нему. Рука трясётся, и я борюсь с этой дрожью. Медленно её поднимаю и жду разрешения, на что Том едва заметно кивает. Прохожусь пальцами по его волосам, вспоминая забытые чувства, и делаю так, как всегда, любила: бунтарство и небрежность, которые идут ему. Как бы ни хотелось, но хватило одного движения, чтобы всё сделать, за что я мысленно себя ругаю, ведь могла потянуть. Но перед смертью не надышишься.

– Так лучше, – отступаю я, роняя руку, но он ловит её в воздухе и целует запястье.

На секунду, я задерживаю дыхание, а после давлюсь воздухом. Каждая клеточка внутри дрожит, а бабочки внутри порхают так, что перед глазами застывает туман, который не желает рассеиваться.

– Идём за вдохновением, – Том посылает мне легкую улыбку и отпускает руку.

Открыв дверь, он ждёт меня. На ватных ногах выхожу из кабинета, также дохожу до лифта, и когда двери открываются, я не сразу понимаю, что нужно шагнуть в кабину, но ладонь Тома, которая ложится на поясницу, помогает сделать

шаг, подтолкнув моё остолбеневшее тело вперёд.

Из транса я выхожу примерно тогда, когда кто-то стучается о мое плечо, пролетая мимо на всех парах. Глазами нахожу Радио Сити Холл и поворачиваюсь к Тому, который прокладывает путь для нас.

– Мы идём на концерт? – спрашиваю я.

– Не совсем... ну, почти.

Когда Том заворачивает за угол тусклоосвещённого коридора и открывает дверь, перед глазами темнота. Абсолютная крошечная темнота, из-за чего я оглядываюсь назад, но дверь закрывается, и силуэт Тома растворяется во мраке. Единственное, что помогает понять его местонахождение и присутствие рядом – парфюм и жар тела, хотя последнее я скорей всего выдумываю.

– Я не понимаю, – шепчу я.

– Это экскурсия, Алекс.

– Как я могу что-то увидеть, если тут темно?

– Ты должна чувствовать. Это экскурсия в темноте.

– Я всё равно не понимаю.

– Сейчас Вы всё поймёте, – внедряется третий голос, принадлежащий женщине или девушке, из-за чего я вздрагиваю на месте и хватаюсь за сердце, чуть ли не роняя его к ногам. – Эта экскурсия поможет вам лучше ориентироваться в темноте. Вы подключите обоняние, осязание, слух и вкус. Всё, что требуется – убрать зрение, и сейчас его нет. Представьте, что вы не можете видеть, просто почувствуйте.

– Я уже чувствую, – не скрывая иронии, говорю я.

– И что?

– Страх.

– Это первое, что ощущает человек, когда его заключают в пространство без освещения. Тут мы видим все наши страхи, но они всего лишь в голове. Мы придумали их сами. Тут пустота и Вы.

– Это ещё страшней.

– Страшней всего?

– Да.

– Почему?

– Не чувствовать ничего – это и есть пустота. Этот значит не существовать вовсе, либо быть без души.

– Для всех она означает разное. Если для Вас страшней всего ничего не чувствовать, то для кого-то это лишний повод отдохнуть от внешнего мира. Всё зависит от того, под каким углом смотреть.

– Дуглас, если ты меня тут кинул, я найду выход и убью тебя, – бурчу я, обнимая себя руками.

– Я никуда не ушёл, – сообщает Том, и в его голосе слышится улыбка. Я точно уверена, что это она.

– Даже не думай смеяться, иначе я тебе двину... в темноте.

– Я не смеюсь.

– Я слышу улыбку в твоём голосе, ты не обманешь меня.

– Хорошо, – соглашается Том, предварительно издав сме-

шок, на что я морщусь, но он этого наверняка не видит.

Через секунду, его рука находит меня и цепляет за локоть, после чего он проводит ей дальше и находит мою ладонь, сжимая её в своей. Я чувствую его поддержку и заряжаюсь уверенностью, но холодок продолжает бегать по спине. И причина одна: я боюсь темноты. Не той, где что-то видно, а той, где становится дурно, ведь перед тобой нет ничего – чернота и пустота. Тьма. В голову, словно по стартовому сигналу, внедряются все страхи, начиная с простых, завершая не реальным. Ты словно погружаешься в котёл с неизвестностью. Закрой глаза и открой, и перед тобой возникнет какой-нибудь мертвец из фильмов ужасов типа астрала; за плечо дёрнет существо; на голову свалится люстра, и сам граф Дракула снизойдёт на твою шею, и ещё тысячи историй в моей голове. В основном, все мои страхи связаны с потусторонним миром. Дайте возможность, и я раскручу целый сюжет для будущего фильма ужасов.

– Как Вы тут ориентируетесь? – спрашиваю я.

– У меня плохое зрение, но тут я знаю всё наизусть.

– Извиняюсь... но Вам не страшно?

– К этому привыкаешь. Плюс, мне достаточно света снаружи, чтобы не ощущать его внутри.

– Мне бы Ваш энтузиазм, – выдыхаю я, – я боюсь темноты.

– Вы даже не представляете, сколько человек в мире страдает никтофобией. Она занимает второе место в мире по фобиям.

– А первое?

– Арахнофобия.

– Фу, ненавижу пауков.

Девушка смеётся, а я сжимаю ладонь Тома крепче, ища в нём поддержку. Он сразу отвечает взаимностью, но я знаю, что это не из-за страха, Том не боится темноты, а для того, чтобы дать понять – он рядом. Именно это мне нужно, особенно сейчас.

– Сделайте три шага вперёд и поднимите руки, – с улыбкой в голосе, говорит девушка.

Послушно выполняю её просьбу и поднимаю одну руку. Поверхность кажется гладкой, словно её выточил скульптор. Это явно неживой предмет.

– Что чувствуете? – продолжает она.

– Камень, он гладкий, но на нём есть неровные поверхности, – сообщаю я, проведя ладонью дальше, – похоже на пальцы человека, как будто это чья-то скульптура. У него мышцы, это точно мужчина.

– Она права. Это статуя мужчины, у него борода длинная, – добавляет Том, вероятно, пользуясь второй рукой для осязания, как и я, ведь мы так и не разъединили наш замок из собственных пальцев и ладоней. Думаю, моя и вовсе вросла в его на период всей экскурсии или до тех пор, пока мы находимся в темноте.

– Так и есть. Это статуя Моисея. Видите, это не так страшно. Идём дальше?

Киваю, но после понимаю, что мой жест видел разве только Эреб или женщина-кошка.

– Обходите с левой стороны, после чего пять шагов вперёд.

Снова делаем так, как было указано и останавливаемся.

– Прошу рассказать, что чувствуете сейчас. На этот раз понадобится обоняние, можете немного нагнуться, чтобы ощущать лучше.

Убираю волосы за уши и сгибаюсь над темной бездной, втянув ароматы. Пахнет пряностями, различными специями, только что сошедшими с витрин индийской лавки.

– Специи, – отвечаю я, – много разных специй. Можно мне взять пакетик или вы скажете, где покупали?

– Конечно, – смеётся девушка.

– Спасибо, – улыбаюсь я, ведь пахнут они изумительно. Чувствую, как рука Тома содрогается, он наверняка пытается подавить смех, из-за чего я дёргаю его. – Прекрати смеяться, тебе должно быть страшно выходить на свет. Как называется эта фобия?

– Смотря, что Вы имеете в виду, у неё несколько подразделений, поэтому разные названия. Фотофобия, если обобщать.

– Ты чувствуешь, Том? – сдерживаю хихиканье и удерживаю суровый тон.

– Что именно? – веселится он.

– Как у тебя появляется новая фобия.

– Ты хотела сказать единственная фобия?

– Не геройствуй, начинай бояться и ощущать весь мой гнев. Ненавижу понедельник.

Тут он не сдерживается и начинает открыто смеяться. Сейчас я не могу видеть его лицо, на котором моё любимое выражение – улыбка, но я чувствую. Его голос, когда он смеётся, приобретает сексуальную хрипоту, помогающую узлам завязываться внизу живота, а теплоту распространяться по всему телу. Я могу слушать эти звуки вечно, если он позволит, но смех Тома сходит на нет.

– Ты не меняешься, – говорит он, сжав мою ладонь.

– Да, помни это, когда откроется дверь, и я увижу белый свет.

Том снова начинает хохотать, и по спине пробегает новая волна мурашек.

Мы вновь следуем совету девушки, делая шаги по залу. Мои руки исследуют различные предметы: уличный указатель, вазу, кастрюлю, получается даже водить пальцем по картине, чтобы понять то, что на ней написано. Но когда в руки вручают стакан, я не совсем понимаю, что делать.

– Попробуйте и скажите, что это, – помогает экскурсовод.

Подношу стакан ко рту и делаю маленький глоток. Тягучая жидкость появляется на языке. Кажется, что я только что попробовала какой-то фреш.

– Сможете описать начинку?

– Там точно есть алое, – говорит Том.

– Согласна, ещё есть киви или огурец, – добавляю я.

– Огурец, – улыбчиво отзывается девушка, – что ещё?

Делаю новый глоток, но больше не могу понять начинку.

Кажется, мой вкус – не лучшая моя сторона, ведь кусочки алое и огурца можно ощутить, теперь же в голове десятки фруктов, разум не может остановиться на одном, я перебираю всевозможные добавки.

– Кажется, там есть яблоко, – сообщает Том, я вновь делаю глоток и пытаюсь найти этот вкус.

– Верно, остался один. Распробуйте получше, это легко.

Последний глоток я растягиваю и смакую практически через сито из собственного языка.

– Может быть, банан, – отвечает Том.

– Или манго, – предлагаю я.

– Это манго, – сообщает наш гид, – вы знали, что, если завязать глаза и отключить обоняние, невозможно отличить яблоко от лука?

– Это невозможно, – улыбаюсь я.

– Возможно, – смеётся девушка, – попробуйте сами.

Морщусь и отклоняю данное предложение. Я явно не вхожу в число тех людей, которые готовы съесть головку лука, как сладкий фрукт.

Мы снова приступаем к исследованиям. В итоге, распознаём комнату, обставленную мебелью, пробуем фрукты, овощи и зелень, пытаюсь понять, что съели, трогаем экспонаты музея. Но то, что действительно пугает меня – зву-

ки. Услышать то, что рядом: змея, птица, кошка, хомяк или мышь, человек и природа. Каждый шорох и звук, заставляет вздрогнуть. И как только до уха доносится свойственное шипение и трескание языком, я вздрагиваю и меньше, чем за долю секунды впиваюсь ногтями в руки Тома, уткнувшись лицом в его грудь. Я не знаю, ползают ли они тут за стеклом или это работа записи, но трясти меня начинает так сильно, что едва удаётся успокоить себя. Руки Тома обнимают меня, но я не могу на них сосредоточиться, ведь эти звуки заглушают всё вокруг. Змеи. Я боюсь их не меньше, чем пауков. Но в отличии от вторых, они издают мерзкие звуки. Их ни с чем не спутаешь, по крайней мере, я – человек, который содрогается при подобных шорохах. Я точно знаю, что это змея. Я ни с чем не спутаю эти звуки, потому что знаю, как она шипит, нападает, ползёт. Я не просто видела это в кино, а ощутила подобное на себе. Отметина того укуса по сей день остаётся на локтевом сгибе.

Звуки стихают, а моё тело до сих пор продолжает биться в конвульсиях.

– Это просто звук, Алекс, – шепчет Том, поглаживая меня по спине, пока я, зажмурив глаза, продолжаю дышать ему в грудь, словно змея встретила с быком.

– Вы боитесь змей? – спрашивает девушка.

– Её укусила змея, – отвечает за меня Том, пока я пытаюсь привести себя в чувство с помощью аромата его тела. Знаю, с ним – я в безопасности, либо мне хочется в это верить.

– Змея нападает только в том случае, если чувствует опасность.

– Видимо, не всегда. Она возникла из неоткуда, – всхлипываю я.

– Возможно, везде есть исключения, – выдыхает девушка, – мне жаль, что теперь Вы боитесь их, попробуйте поддержать живую. Маленькую, которая не опасна. Боритесь со своими страхами, вы должны уметь защитить себя.

– Как защитить себя в темноте? Я даже не вижу, где она, – с дрожью в голосе, спрашиваю я.

– С помощью того, что Вы делаете сейчас – слушайте. Она передвигается, издаёт различные звуки. Просто сосредоточьтесь на собственных ощущениях. На всех, кроме страха. Чувство самозащиты должно преобладать над ним.

Киваю, но не совсем уверена, что в подобной ситуации смогу что-то сделать. Скорей, я просто свернусь калачиком и не смогу дышать.

На дальнейшие вопросы – я ответить не могу, в ушах всё ещё стоит тот мерзкий звук шипения, возвращая к тому дню, когда родители с ужасом в глазах, смотрели на меня в больнице. Если бы не Адама, мне могли ампутировать руку или я вовсе сейчас не ходила по земле. Я всю жизнь буду благодарна брату за его собранность. Несмотря на страх, он сориентировался и спас меня. Змея была небольшой, но её яда хватило бы для того, чтобы помочь мне разделиться на физическую оболочку и абстрактную, покинув землю.

Когда мы покидаем темноту, я, наконец-то, могу увидеть собственное тело и облегчённо выдохнуть. Это было страшно и странно, но ещё было интересно и загадочно. Выдыхаю и обнимаю себя руками, отпустив ладонь Тома, которую ни разу не отпустила, пока мы были там. Без него, вряд ли бы я прошла там одна, даже при наличии гида. Хотя, всё ещё не могу избавиться от дрожи внутри, вспоминая шипение змеи.

– Закрой глаза, – просит Том, смотря на меня.

– Зачем?

– Закрой.

Вздыхаю и закрываю глаза, вновь погружаясь во тьму. Чувствую и слышу, как он делает шаг ближе, уменьшая дистанцию между нами. Я буквально ощущаю тепло, которое исходит от его тела. В какой-то момент мне кажется, что его губы сейчас на уровне с моими, но это может быть лишь плод моей фантазии, ведь я не пытаюсь подсмотреть.

– Что ты делаешь? – шепчу я.

– Пытаюсь поцеловать тебя, – тихо говорит он, посылая разряды тока по телу.

Делаю вздох, но продолжаю держать глаза закрытыми. Не знаю, почему. Но я вру, потому что знаю. Я хочу поцеловать его. Всё время хотела.

Губы Тома касаются моих, оставляя едва уловимый поцелуй, и я почти хмыкаю, получая так мало. Хочется схватить его футболку и прижаться губами, но любопытство сильнее, поэтому я продолжаю стоять. И он вновь целует меня, но с

большим напором. Приоткрываю губы, но он вновь отстраняется, создавая дистанцию. Моё терпение практически на исходе. Я буквально молю, чтобы был ещё один. Любой, даже самый быстрый. Тёплая ладонь ложится на мой затылок, а его губы вновь прижимаются к моим. Поцелуй разрывается, так и не успев начаться.

– Ты торопишься, Алекс, – улыбка в его голосе, заставляет мои глаза распахнуться.

– Что? – щурюсь я.

– Чувствуй, я же не просто так тебя туда привёл.

– Я и так чувствую.

– И что?

– Как хочу тебе вмазать, Дуглас, – хмурюсь я, на что Том смеётся, и теперь я могу видеть его, чему радуюсь, но не подаю виду, с силой сведа брови, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Пошли, – хохочет он.

– Куда?

– На обед, ты забыла?

– Да, на твоём месте я бы переживала, что в салате может оказаться твоё довольное лицо.

Том передразнивает меня, с лучезарной улыбкой вышагивая вперёд. И я следую за ним.

Серые тучи продолжают сгущаться над Нью-Йорком. Погода даёт понять, что меняться в лучшую сторону она не намерена ни сейчас, ни позже. Но, как ни странно, мне нравится эта духота перед дождем, который норовит полить со-

бой город. Я жду этого момента, чтобы вдохнуть ароматы свежести и лицезреть радугу.

Первое попавшееся кафе становится нашим пристанищем для обеда. Не привычно видеть его рядом и не пребывать в состоянии настороженности. Кажется, что сегодня неловкость отступила, позволив легкости и непринуждённости воцариться между нами. Я не ощущаю себя не в той тарелке, наоборот, я словно в компании друга или человека, перед которым не нужно пытаться рисовать свои лучшие стороны. Я могу быть собой. Утренние неурядицы развеялись со временем, отступив перед будущим.

Разговоры между нами не частые, но я не считаю их важными и необходимыми. Мы просто стали собой. Том рассказывает смешные моменты в команде, как у него обстоят дела и как он рад, что ушёл с предыдущей работы, посвятив себя любимому занятию. Я просто радуюсь его счастью, и даю ответы на поставленные вопросы от него. Вижу, как горят его глаза, когда он говорит о бейсболе, и с грустью понимаю, что сборы будут частым явлением. Хотя мы и не вместе, я знаю, что тогда, когда мы можем собираться с друзьями – он может отсутствовать. Ещё недавно я не хотела встречаться с ним, но сейчас чувствую печаль, опустившуюся на плечи. Лизи свыклась с отлетами Джареда, и я знаю, что человек привыкает ко всему. Если раньше она могла улететь с ним, то сейчас Мэйс и Мэди удерживают её тут. Лишь однажды они летали вместе, но это не то место, где они должны при-

существовать в таком возрасте, хоть и не скрывают своего восторга от увлечения и работы отца.

После позднего обеда, мы прогуливаемся по городу. И пока я забегаю в отдел с чаями, чтобы найти что-нибудь вкусное, Том увиливает куда-то в соседний магазин. Мужчина расстилает передо мной самые ароматные наполнения, из-за которых кружится голова. И зайдя за одним, я беру пять разных баночек. Лизи оценит мои запасы, потому что моя лучшая подруга – чайный алкоголик в вечном запое. Да и Фрэнк может оценить, либо же я на это надеюсь, ведь со мной поделились редким завозом. Даю обещание мужчине, что, попробовав все, обязательно зайду и расскажу о своих эмоциях, после чего покидаю лавку.

Том ожидает меня с бумажным пакетом в руках. И я подумываю, что он купил что-то себе, но, когда мы доходим до набережной и занимаем местечко на траве, он протягивает его мне.

– Что это?

– Открой и узнаешь.

Вытягиваю из пакета альбом на креплениях, похожий на тот, что когда-то был у меня на первом курсе университета. На нежно зелёном цвете, белый квадрат, по центру зарисовка силуэта балерины чёрными цветами, пачка которой приятного розового оттенка. Серебристые крепления на боку могут разъединиться и позволить убрать лишнее или добавить что-то новое. Альбом пуст, внутри лишь белые листы, ожи-

дающие своего времени. В пакете остается набор цветных карандашей и точилка. Поднимаю глаза на Тома.

– Не хочу, чтобы ты забывала, с чего начинала.

– Спасибо, – тихо говорю я, смущаясь подарку.

Перевожу взгляд на обложку и обвожу указательным пальцем девушку.

– Когда последний раз ты рисовала?

Жму плечами и немного грустно улыбаюсь.

– Не помню.

– Нет идей?

Достаю пачку карандашей и открываю их.

– Не знаю, наверно, просто не было времени.

– Попробуй, – предлагает он.

Беру зелёный карандаш и делаю небольшие зарисовки возможно будущей одежды, которую при свободном времени смогу воплотить в жизнь. Том откидывается на локти, а я, убрав ноги на одну сторону, кладу альбом на колени и пытаюсь что-нибудь представить. Юбка, похожего цвета пачки на обложке, достигает колен и напоминает колокольчик. А мягко зелёного цвета топ дополняет её. Оставляю пространство между двумя вещами, зная, что на теле это место будет открыто.

Я всегда начинаю с первого листа, хотя многие начинают с середины, оставляя первую страницу для чего-то самого красивого. Я придерживаюсь другой позиции: открывая альбом, я вижу, с чего начинала и, доходя до конца, сразу за-

метна разница между началом и концом. Можно понять, в какую сторону ты двигаешься: в лучшую или худшую.

Том убирает мои волосы за ухо со своей стороны, из-за чего бросаю на него быстрый боковой взгляд и ловлю улыбку на его лице. Стараюсь сохранить спокойное выражение лица, что достаточно тяжело, когда он так делает.

– Мне нравится, когда ты так увлечена.

Немного улыбаюсь, продолжая рисовать. Завершив набросок, убираю карандаши и, склонив голову, смотрю на него. Желание коснуться его – появляется моментально.

– Погода хорошая, – улыбается Том.

– Поговорим о погоде?

– Почему нет? – пожимает он плечами.

С ответной улыбкой, качаю головой и устремляю взгляд на воду, где чайки ловят добычу, издавая громкие крики. Как же быстро между нами меняется эмоциональное состояние. За сегодня, я успела удивиться, увидев его на пороге; испытать неловкость, грусть и даже ревность, порадоваться, посмеяться, насладиться близостью и разозлиться, но скорей напугаться, находясь в полной темноте. Получила поддержку, подарок и просто его приятное присутствие рядом. Спектр всех приятных и неприятных эмоций. Никогда и ничего я не испытывала и не испытываю при присутствии другого человека рядом. Моё сердце, душа, тело – поют рядом с ним, забывая о том, что было.

Какое-то время мы наслаждаемся бешеным городским

ритмом за спиной и спокойствием впереди, где шумит река. Но это нарушают капли дождя, ударяющиеся о плечи, а следом раздаются раскаты грома. Быстро убираю всё в пакет и надеваю туфли. С тем же ритмом усиливается дождь и ветер. Благо, что моя квартира не так далеко, можно добежать, если постараться. Но я не хочу. Желание насладиться такой погодой – сильнее. Том удивляется моей неторопливости, на что я лишь жму плечами, радуясь каплям дождя, спокойно вышагивая вперёд. И когда мы почти достигаем нужной точки, я не понимаю, прощаться с ним или нет. Душа не хочет отпускать, а разум пребывает в дисбалансе с самим собой, гадая, как поступить правильно. Том не говорит ничего, следуя рядом с парочкой моих пакетов в руках. Решаюсь пойти на уловку, и заворачиваю в китайский ресторанчик, чтобы взять еду на внос.

– Добрый вечер, Алекс, – улыбается мужчина азиатской наружности, с именем Сюин, – с собой?

– Здравствуйте, – немного улыбаюсь я, – наверно... да.

– Хорошо, что выбираете?

Поворачиваюсь к Тому, который смотрит на меня с каким-то замешательством. Мужчина выжидающе смотрит на нас, но понимает, что для выбора нужно время и поэтому отходит в сторону, занявшись помешиванием мяса в сковороде.

– Не хочу в таком виде сидеть тут, – тихо сообщаю я, указывая на сосульки в виде собственных волос, с которых сте-

кают капли воды.

– Хорошо, – кивает Том, подняв уголки губ.

Футболка на нём полностью промокла и теперь прилипает к телу, из-за чего я периодически не могу собраться с мыслями, смотря на тело под ней и вспоминая его. Хотя, мне и вспоминать не нужно, я легко могу представить, что скрывается под его одеждой.

– Выбирай на свой вкус.

Согласно киваю, и медленно перевожу взгляд с его груди на вывески сверху.

Сделав выбор и получив его спустя десять минут, я всё ещё чувствую неловкость из-за того, как смотрела на него. Наверно, мой голод по его телу читался на ура, стоило только посмотреть на выражение лица и глаза. Взглянуть в глаза Тома, я так и не решалась, даже когда мы вошли в квартиру. Под предлогом переодеться, я улизнула в спальню и, закрыв дверь, прислонилась спиной к стене рядом, проглотив ком нервозности.

Вероятно, простояла я достаточное количество времени, потому что тихий стук привлёк моё внимание.

– Алекс?

Встряхнув головой, я быстро собралась и сконцентрировалась.

– Да, я сейчас.

Отбрасываю мокрую одежду в сторону и натягиваю атласные штаны в бело-розовую широкую полоску и таким же по-

кроем рубашку. Захватив толстовку Тома, которую он дал мне у Картеров, я вышла за дверь.

На журнальном столике разместились упаковки с заказом, а Том занял место на диване, перебирая пальцами по экрану. Опустившись на другую сторону, я протянула ему толстовку. Переведя взгляд, парень посмотрел на вещь, а потом на меня, вероятно вспоминая, откуда она у меня.

– Ты дал мне её на выходных.

– Помню, – улыбнулся он.

Скинув футболку через голову, он подхватил толстовку и натянул на себя. Я же всё это время, кажется, даже не дышала, а мои глаза и не думали подниматься к его лицу. И только тогда, когда рельефное тело, успевшее окрепнуть за эти месяцы, скрывается с виду, я отвожу взгляд в сторону. Том поднимается и, проследовав к раковине на кухне, выжимает футболку. Глаза вновь следуют по его рукам, сжимающим ткань и напрягающимся, когда он выжимает воду. Веду взглядом по его плечам, спине и упираюсь в задницу. Пусть мне кто-нибудь даст хорошую пощёчину, потому что я открыто глазею на его зад. Том поворачивается, и теперь я упираюсь в ширинку.

– Чёрт, – шепчу я.

Можно мне провалиться сквозь землю, чёрт возьми.

– Прости, – мои губы говорят за меня, потому что сознание даже не думало извиняться.

– За что? – я наконец-то поднимаю глаза к его лицу, где

выгнулась бровь.

– Кажется, у меня сдвиг по фазе.

Беру в руки стаканчик с лапшой и включаю телевизор, устремляя взгляд туда, лишь бы не встречаться с ним глазами. Неловкость – не то слово, которым можно описать эту ситуацию. Посмеиваясь, Том занимает место на диване и берет в руки в второй стаканчик. Не знаю, с каких пор меня начали интересовать новости, но тому интересу, с которым я смотрю их сейчас – можно позавидовать. Убираю в сторону пустую упаковку и, подобрав пакет, расставляю баночки, оставляя одну. Сегодня я решительно настроена попробовать первый, чтобы согреться. Наполняю чайник и жду, когда вода возьмёт своё. Приятные ароматы цитруса доносятся до носа. Закрываю глаза, втягиваю пары и наслаждаюсь вкусами, наполняющими воздух.

Время летит со скоростью света, когда ловлю часовую стрелку на восьми часах вечера, когда ставлю парочку кружек на столик.

– Спасибо, – улыбнувшись, говорит Том.

Киваю и делаю глоток. Горячий чай согревает изнутри, но уверена, это не только его заслуга, но и человека рядом. Меня бросает в жар благодаря увиденному. Искоса поглядываю на Тома, кружка которого пустеет слишком быстро, как и моя.

Собрав пустые упаковки в кучу, он убирает их в пакет, пока я обматываюсь мягким пледом и кладу голову на подуш-

ки. Положив ладонь на мою щёку, Том смотрит в мои глаза и большим пальцем поглаживает область скулы. Под его касаниями, я превращаюсь в желе. Уверена, ещё немного, и просто расплывусь по дивану.

Место быстро остывает, когда он поднимается с дивана и его ладонь покидает моё лицо.

– Ты не останешься?

– Я ухожу не потому что хочу, а потому что должен, Алекс. Сейчас больше всего на свете, я хочу остаться, но не могу.

– Это слишком просто, – говорю я, смотря на то, как он натянул кроссовки и выпрямился в пороге.

– Слишком просто было бы остаться.

– Да, действительно, – не скрывая иронии, отвечаю я.

– Когда-нибудь, я останусь, но это будет наша квартира, а не отдельные.

Ничего не отвечаю, укрываюсь пледом и сворачиваюсь во-круг подушек, смотря в экран телевизора, но, не видя, что там происходит. Слышу, как Том устало выдыхает и делает несколько шагов. Убрав мои волосы в сторону, его губы прижимаются к моему виску и задерживаются.

– Я люблю тебя, может, нам лучше не торопиться в этот раз?

Вновь ничего не отвечаю, и Том снова выдыхает. Тёплый воздух опалает моё лицо, и краем глаза я смотрю на него. Улыбка трогает уголки его губ, когда мы встречаемся глазами. Опираясь руками на подлокотник, он смотрит на меня

сверху вниз.

– Скажешь, что любишь меня?

– Нет, – бурчу я.

– Упрямая, но я всё равно сам знаю.

Послав ещё одну улыбку, он шагает к двери и покидает квартиру, а мои губы расплываются в улыбке.

– Дурак, – хмыкаю я, оставаясь одна.

Глава 22

Алекс

Покидаю клинику с мрачным выражением лица, точнее, с зелёным. Слова врача эхом разносятся в голове.

Беременность подтверждена.

Всего лишь два слова понадобилось для того, чтобы выбить из нутра весь дух. Страх мгновенно распространился по телу, заполняя собой каждую клеточку. Сердце желает верить в будущую радость Тома, но именно сейчас мой реализм решил оставить оптимизм позади. Да, это были эмоции, и теперь я понимаю Лизи как никто другой, только в отличии от неё – я не в отношениях. Том хотел всё вернуть, исправить, но теперь я отчаянно боюсь сказать ему об этом.

Автоматически тыкаю по экрану номер лучшей подруги, но не получаю ответа. Занимаю одинокую лавочку в самом дальнем уголке и сотрясаюсь в рыданиях. Я в заднице. И успешные попытки добить себя самобичеванием дают свои плоды, потому что я буквально на грани истерики, если уже не перешла эту черту. Не могу ничего сделать и первая причина: я больше не могу иметь детей. Вторые слова, которые я услышала от врача, получив анализы:

– Мне очень жаль, но эта беременность будет единственной.

Изначально я не совсем поняла смысл данного выражения, пока мне не объяснили. Но я даже не помню ничего дальнейшего. Всё как в тумане. Пока женщина пыталась мне объяснить причину, в голове царил вакуум и хаос, мешаясь друг с другом. Либо один, либо никогда. Что я выбираю? Одного, даже если буду растить самостоятельно. Хочется сказать, что я буду одна, но язык не поворачивается, ведь я никогда не буду одна. Со мной рядом будет он или она, пока это неизвестно, ведь срок всего лишь три недели. Проходящие мимо люди совершенно не смущают мою драму и зарёванное состояние в целом. Телефон начинает звонить и в спешке, я чуть ли не роняю его на пол экраном вниз, но успеваю подхватить в воздухе, словно жонглёр.

– Мне нужен адрес Тома, – бубню и всхлипываю в трубку так, что сама не могу разобрать слов.

– Алекс, что случилось? – спешно тараторит Лизи.

– Том... мне срочно нужно...

– Что с ним? – голос подруги меняется, и теперь к беспокойности добавляется сиплость, пока я успеваю всхлипывать, Лизи продолжает верещать в трубку: – что с Томом, Алекс!?

Пытаюсь перевести дух и тяжело выдыхаю, дрожь в голосе остается, но сейчас я могу хотя бы выдать более-менее понятные слова:

– Где живёт Том?

– Что с ним случилось?

– Мне нужно срочно с ним поговорить, напиши мне... я прошу тебя, мне срочно нужен адрес...

– Господи, Алекс, ты меня пугаешь, что происходит? С тобой всё в порядке? Где ты?

– Скажи мне его адрес, Лизи! – настаиваю я.

– Сейчас отправлю, что произошло?

– Не сейчас, пожалуйста... – хриплю я и скидываю вызов.

Глаза поднимаются на детскую площадку, где бегают дети, а родители их догоняют. Несмотря на то, что в парке есть не только полные семьи, но и по отдельности, я смотрю на тех, где есть оба родителя. Сердце сжимается настолько сильно, словно кто-то вырвал его и сжимает в тисках с такой силой, что оно едва может продолжать биться. Вздрагиваю из-за уведомления, в сообщении которого написан не только адрес, но и следующие слова: «Срочно позвони мне, как сможешь!».

Сама не понимаю, как быстро ловлю такси, запрыгиваю в салон, отдаю несколько долларов и киваю на каждый вопрос мужчины за рулём, даже не слушая его слов. Совершенно неважно, может, он предлагает мне уехать за город или подписать контракт на то, что я буду его вечной рабой, я всё равно ничего не могу услышать за шумом в голове, поэтому соглашаюсь со всем.

Страшней стало тогда, когда двери лифта остались за спиной, ещё несколько шагов к повороту, где коридор с дверьми расстелется перед глазами. На ватных ногах, с помутневшим

сознанием и заплывающими от слёз глазами, нахожу квартиру В324, но не могу поднять руки. Тело будто залили бетоном, я не могу и шевельнуться, не говоря уже о стуке в дверь. Мерзкий привкус тошноты сушит горло, из-за чего жутко хочется воды. Несколько минут, я продолжаю тупо стоять лицом к лицу с собственным страхом, но слышу раскрывающиеся двери лифта и слишком знакомый голос, который обычно парализует, но тут я бегу. Бегу от двери к первому ближайшему повороту или выступу, который спрячет меня от Тома. Через пару соседних дверей забегаю за угол и прижимаюсь спиной к стене, кусая губы так, чтобы не издать и звука. До сознания доходят обрывки фраз Тома, который говорит по телефону.

– Не знаю, я только что оттуда... Нет, у меня нет её, она у Кэндис, я вчера отдал ей... – дверь открывается и последнее, что я слышу: – Посмотрю в машине.

Как только слышу щелчок, внутренности обрываются, потому что он не увидел меня. Что-то внутри смеётся и говорит, какая я слабачка. И я согласна с этим внутренним голосом. Телефон вибрирует в кармане, и на экране мелькает имя парня, слишком похожего на Тома. Отклоняю вызов, но он тут же звонит снова. Отключаю на телефоне не только громкость, но и вибрацию, решаясь идти до конца. Я не могу поступить с ним так, у меня уже есть опыт недосказанности, который хоть и завершится на мирной ноте, но со своими неприятными сторонами.

Смахиваю слёзы с лица, несколько раз следую мантре «вдох-выдох» и стучу в дверь. Спустя полминуты, дверь открывается и, прижимая телефон к уху, Том ошарашено смотрит на меня. Его удивление вполне понятно.

– Я перезвоню, – говорит он и убирает мобильник в сторону, пропуская меня вперёд.

Не знаю, проходить ли дальше, поэтому застываю в пороге. Ещё не понятно, длинный ли разговор или короткий.

– Не ожидал тебя тут увидеть, – с тем же удивлённым тоном, говорит Том, в один голос с ним, я вторю своё.

– Я беременна.

Моментально его брови ползут вверх.

– Алекс, надеюсь, ты не решила...

– Я не буду перекладывать всю ответственность на тебя, – перебиваю я, – если ты не хочешь, то это твоё право...

– Замолчи! – рявкает Том. – Дай мне нормально договорить хоть раз, чёрт возьми.

Ледяное ведро воды выливается на голову в виде его резкого тона, который слышится крайне редко, но не без нужной причины. Пальцы на руках скрепляются в замок и вжимаются друг в друга так, что будущий след от впивающихся ногтей, чувствуется уже сейчас. Прикусываю язык и смотрю на Тома, который, вероятно, пытается совладать с собой из-за нахлынувшей ярости. Но она моментально испаряется, на смену ей, в его глазах появляется спокойствие.

– Дослушай меня, – выдыхает он.

Медленно киваю и прикусываю язык.

– Мы так и будем стоять в пороге? – спрашивает Том, рассматривая меня с ног до головы.

– Н-нет, – заикаюсь я, – если ты хочешь...

– Я хочу, – кивает он, – пошли.

Быстро сбрасываю туфли и спешу за ним, окинув взглядом небольшую прихожую, где уместается лишь шкаф и несколько дверей, расположившихся по правой стороне, и большая арка напротив входной двери. На эмоциях я не успела разглядеть и этого.

Том пропускает меня вперёд, занимаю место на краюшке дивана, расположившегося посередине гостиной, за спинкой которого раскинулась небольшая кухня дубовым цветом. В отличие от меня, Том не так скромн. Он практически упирается в спинку поясницей, но корпусом склонился вперёд, расставив локти по коленям. Если бы не несколько дюймов, мы могли упираться коленями друг в друга.

– Как ты узнала?

– Я не знаю... – тихо говорю я, – не знаю, зачем взяла его. Я просто стояла в магазине, коробочка с тестом лежала на прилавке и я, не задумываясь, взяла. На уровне подсознания.

– Ты говорила, что не беременна.

– Я ещё не знала... позавчера сделала тест и даже не думала увидеть там... в клинике подтвердили...

Спешно роюсь по сумочке, ища заключение врача, и когда среди хаоса находится необходимый лист – протягиваю

Тому.

– Алекс, мне не нужны доказательства, я знаю, что сделал это.

– Сделал?..

– Ты была с кем-то ещё? – моментально напрягается он.

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Значит, выбор не велик.

– Я не хочу, чтобы ты думал, что я принуждаю тебя. Это не так.

Делаю протянутый выход и убираю волосы за уши.

– Я хотела, чтобы ты знал. Я не могу держать тебя в неведении. Мы не будем вместе только из-за этого.

– Ты не хочешь или это принцип?

– Я... – опускаю глаза и вновь поднимаю их, найдя взгляд

Тома. – Хочу.

– Тогда в чём проблема?

– Не знаю... я не понимала, какая будет у тебя реакция... это же... это просто невообразимо, мы же столько лет и...

– И наконец-то, Алекс, – выдыхает Том.

За долю секунды, он оказывается у моих ног, его улыбка заставляет нервничать и радоваться одновременно. Том смотрит на мой самопроизвольный замок. Взяв мои руки в свои, он целует кисть и смотрит мне в глаза. Его ладонь тянется к моему животу и ложится на поверхность, согревая изнутри. Из-за этого я готова выть на Луну, и всё же не сдерживаюсь. Откинув голову назад, у меня не получается со-

брать слёзы назад, поэтому я просто позволяю им побежать по щекам.

– Это я виновата, прости...

– О чём ты говоришь? – хмурится Том.

– Этого не должно было случиться.

– Это должно было случиться, Алекс. Ты боишься беременности?

– Нет...

– Что тогда?

Встречаюсь с ним глазами и отвожу взгляд в сторону.

– Ты не должен быть со мной из-за ребёнка.

– Иногда мне кажется, что твой мозг имеет способность засыхать.

– Я идиотка...

– Нет, ты просто боишься. Этот момент должен был стать счастливым для нас, а не со слезами.

– Ты злишься на меня? – тихо спрашиваю я.

Губы Тома дёргаются, а после расплываются в широкой улыбке.

– Ты рехнулась? Я люблю тебя, я всегда хотел детей с тобой. Да, это получилось вот так, но давай попробуем это принять за знак судьбы? Мы будем выстраивать всё с нуля. Новое, Алекс. Я люблю тебя по-прежнему, а сейчас, чёрт возьми, я люблю тебя ещё сильнее, но наши отношения будут другими. Это как дом, который мы будет строить на чистой земле с самых первых азов, только сейчас он будет выстроен

в сознательном состоянии.

Издаю глухой всхлип и обнимаю его шею, уткнувшись в неё носом. Том прижимает меня в ответ, и я практически расплываюсь в его родных объятиях.

– У меня есть ещё кое-что...

– Что? – спрашивает Том, утирая слёзы с моего лица.

– Я больше не могу...

– Не можешь? – выгнув бровь, он смотрит на меня глазами, наполненными нежностью и любовью.

– Эта беременность... она будет единственной... – новый всхлип отчаянья вырывается из меня, и из-за стыда я закрываю ладонями лицо. Мне стыдно признавать, что я не могу дать ему большего.

Том отводит одну мою ладонь в сторону, его глаза всё те же: с мягкостью и трепетностью.

– Давай не будем об этом думать? – предлагает он с нежностью в голосе и взгляде. – Давай жить настоящим? У нас уже растёт один, о втором мы подумаем потом. Алекс, есть разные способы получить желаемое. Но сейчас главное то, что у нас уже получилось.

– Прости...

– Тебе не за что извиняться. Это все сюрпризы на сегодня? – улыбается Том, и я благодарю всё на свете, что жизнь подарила мне именно его.

– Я не знаю, не думаю, что это сюрприз, но...

Начинаю рыться в сумочке, чтобы найти снимок. И в моём

хаосе он находится спустя минуту.

– Тебе срочно нужно прибраться там, – улыбается он.

– Да, – выдыхаю я, соглашаясь с его словами.

Протягиваю ему квадратик.

– Что это? – Том, сведя брови, крутит карточку в руках и рассматривает её со всех сторон.

– Это он... или она. Я подумала, что лучше его сделать, чем не делать, даже если там ничего толком не понятно.

– Теперь я понимаю Лизи, – улыбается он, подняв на меня глаза.

– Что именно?

– Почему она называла их горошинами, это правда похоже на зерно.

Отложив в сторону снимок, Том смотрит на мой живот и кладёт на него ладонь.

– Как будто ничего нет, – говорит он, изучая моё лицо.

– Это только сейчас, скоро я начну поедать всё, что будет попадаться на глаза.

– Это вряд ли, ты никогда не будешь есть маслины, – смеётся Том, – даже если Земля сойдет с орбиты.

– Ты прав, – улыбаюсь я, смахивая слёзы и всю тяжесть, повисшую на плечах за такой короткий срок.

Кладу ладонь на его щёку, пока Том поглаживает мой живот.

– Спасибо, – шепчу я.

– За что?

– За то, что ты есть, – жму плечами и облечено выдыхаю, – я боялась тебе рассказать...

– Хорошо, что ты это сделала, я не хочу узнавать от других или оставаться в неведении. Думаешь там девочка или мальчик?

– Не знаю.

– Не чувствуешь?

– Пока нет. Ты можешь ответить мне честно?

– Могу.

– Не спросишь, на что?

– Зачем? Я на любой вопрос отвечу честно.

– Хорошо... я хочу знать, что ты не злишься и не будешь со мной из-за ребёнка...

– Я хотел быть с тобой, и буду хотеть всегда, Алекс. Может быть, я не хотел торопиться в этот раз, но судьба распорядилась иначе. Мы будем дальше продолжать строить свои отношения, только теперь не одни. Я люблю тебя, ты меня слышала?

– Слышала, – выдыхаю, поглаживая его щёку, на которой самая умопомрачительная щетина. – Мартин звонил, нужно перезвонить.

Вытягиваю телефон из сумочки, на что Том хмурится.

– Ты серьёзно собираешься разговаривать с ним сейчас?

– Он звонил несколько раз, даже когда я сбрасывала. Мартин никогда так не сделает, он дождётся, когда я освобожусь и перезвоню.

– Какой он галантный, – с открытой насмешливостью, говорит Том, на что я смягчаюсь, смотря на него. Сердце трепещет из-за того, что он ревнует, поэтому улыбка трогает мои губы.

– Тебе не о чём беспокоиться. Он хороший парень, – бровь Тома выгибается, смешивает меня. Очень умно с моей стороны говорить, какой Мартин хороший парень, но я не могу удержаться и не получить от Тома желаемую искорку в глазах.

– Мне стоит волноваться?

– Нет, я предпочитаю лучшего, а он всего лишь хороший, – посылаю улыбку Тому и нажимаю клавишу вызова.

После трёх гудков, Мартин принимает вызов, не позволив мне даже поприветствовать его.

– Алекс, ты должна приехать.

– Приехать? – переспрашиваю я.

– На работу, ты сама должна это видеть.

– Это срочно?

– Достаточно срочно, тебе не понравится.

– Хорошо, – выдыхаю я, – я скоро буду.

Сбрасываю вызов и перебираю сотни вариантов случившегося. Мартин редко бывает таким настойчивым, но сегодня он позвонил мне семь раз, продолжая набирать мой номер, когда я переводила его на голосовую почту. Я не знаю, что не понравится мне, но понимаю, дело не в статье, потому что эта работа за Фрэнком. Все комментарии каждый полу-

чает именно от него.

– Мне нужно на работу, – сообщаю я.

– Что случилось?

– Я не знаю, он не сказал. Говорил только, что мне не понравится.

– Я отвезу тебя.

– Зачем?

– Чтобы быть рядом.

Том поднимается на ноги и тянет меня за собой. Оглядываю себя на наличие пятен на джинсах, топе и пиджаке. Том подхватывает белую бейсболку, и его светлая макушка скрывается под тканью. Я просто не могу не полюбоваться им. Белая футболка огибает мощную грудь; серые шорты до колен, по центру которых болтается шнуровка и кроссовки. Обычно он предпочитает спортивный стиль, и я поистине наслаждаюсь им, потому что ему ужасно подходит подобная одежда. Прохожусь глазами по ногам, поднимаясь по торсу и груди, упираясь в серо-голубые глаза, наблюдающие за мной.

– Идём?

Согласно киваю и выхожу из квартиры. Его ладонь держит мою до тех пор, пока мы не разделяемся и не занимаем места в машине. Но и тут он вновь берёт мою руку и переплетает наши пальцы, положив к себе на колено. Искоса я поглядываю на этот замок, и льдинки в душе тают, словно после полугодовалой зимы, наступает весна. Это похоже на центральный парк, в котором расцветает сакура. И вот оно,

моё первое сумасшедшее беременное желание погулять там прямо сейчас.

Пока машина движется по оживлённым улицам города, я задумываюсь, когда мы расскажем остальным. Я уже чувствую тот шок, который получают друзья, ведь для родителей мы продолжали быть вместе, пока остальные знали правду. Но это не производит на меня эффекта: я не переживаю за это. Знаю, никто не будет нас осуждать, они лишь искренне порадуются за подобный исход, но почему-то желание рассказать Лизи первой – усиливается с каждой новой минутой. Когда она чувствовала себя плохо или у неё были срывы, подруга звонила именно мне, сейчас её поддержка нужна мне. Кроме того, она лучше меня разбирается в подобном, потому что её путь беременности уже пройден.

Поворачиваюсь к Тому, когда машина остановилась на парковке.

– Я хочу рассказать Лизи.

– Хорошо, – кивает Том.

– Ты не против?

– Почему я должен быть против?

– Ты сам узнал меньше часа назад, вдруг ты разозлишься.

– Нет, если мы скажем им первыми – я ничего плохого не

вижу.

– Ты не говорил Джареду?

– О чём?

– О том, что было.

– Нет.

– Я... я говорила Лиз.

– Хорошо.

Том с улыбкой целует тыльную сторону кисти и покидает салон машины. Спешу следом и вышагиваю в одну ногу с парнем.

– Ты не злишься?

– Нет, я же сказал, – смеётся он, и меня буквально бросает в жар. Не понимаю, что с ним не так, почему он не ругается на меня.

– Том, – останавливаюсь, и вместе со мной, останавливает он, продолжая держать мою руку. – Если ты злишься, скажи мне. Пожалуйста... Я не могу думать, что ты скрываешь свои эмоции.

– Алекс, я не злюсь. Ты видишь, что я в ярости или обиделся?

– Нет... – вздыхаю я.

– Вот именно, потому что их нет. Всё хорошо, – положив ладонь на мою щеку, он оставляет поцелуй на кончике носа и с улыбкой, ведёт меня дальше.

С не скрываемым шоком, плетусь за ними. Не понимаю, что изменилось, ведь он всегда хотел держать личную жизнь за закрытыми дверями. Но он прав, я действительно не наблюдаю эмоций гнева на его лице и вообще состоянию. Он спокоен, расслаблен и счастлив. Возможно, мне тоже не помешает расслабиться.

Как только ноги добегают до кабинета, Том открывает передо мной дверь и первое, что попадает в поле зрения – бардак. Всё везде валяется. И подобный хаос не только в моём отделе, дверцы шкафа Гвенет тоже распахнуты и всё разбросано по полу. Глаза находят рамки, которые валяются на полу с разбитым стеклом. Ноги тут же подходят к ним. Смахиваю осколки и поднимаю их, поставив на стол. Задерживаю взгляд на фотографии с Картерами и вновь перемещаю его по кабинету. Останавливаюсь на красных буквах, выведенных на окне «Сука».

– Я не знаю, кто это сделал, – в дверях появляется Мартин. Они с Томом обмениваются несколько секундным взглядом, и серые глаза коллеги встречаются с моими.

– Ты не слышал?

– Я недавно вернулся, хотел зайти к тебе.

– Это какая-то шутка? Я же прибиралась тут пару дней назад. Вот что происходит, когда в моей жизни образуется порядок.

Смотрю на Тома, глаза которого холодны. Не знаю, почему, но он как будто догадывается, и тут же подобные догадки достигают моего сознания. Это сделал сотрудник, и у меня даже есть предположение, какой именно.

– Это ещё что такое? – рядом с Мартином, появляется Фрэнк.

Лицо его омрачается, когда он рассматривает обстановку в кабинете, а после находит глазами слово из нескольких

букв.

– Нам нужно поговорить, – голосом моего друга, говорит он и протягивает ладонь Тому, коротко ему улыбнувшись. Мартин на всё происходящее смотрит с замешательством. – Мисс Блинд, мы либо уйдём в мой кабинет, либо останемся тут наедине.

– Тут, – киваю я.

Глаза Мартина готовы вывалить из орбит, когда губы Тома касаются моей макушки, но вместе с этим, уголки его губ приподнимаются. Парни покидают кабинет, оставляя нас наедине.

– Я знаю, чьих рук дело, – выдыхает Фрэнк.

– Я тоже догадываюсь.

– Нет, не догадываешься. Это сделал Рик. Он приходил на днях.

– Что? – ахаю я, смотря на Фрэнка с удивлением.

– Он слишком ревнив. Знает, что благодаря тебе, я познакомился с Дином.

– Фрэнк, это сделала Чарли, она заходила и увидела тут Тома. Он помогал мне убираться в шкафу. Он поговорил с ней, видимо, я стала камнем раздора.

– Я на девяносто процентов уверен, что это дело рук Рика.

– Может, они сгруппировались? – предлагаю я.

– Вряд ли, – выдыхает Фрэнк, – вызову клининговую компанию, чтобы убрали тут.

– Рик приходил сюда?

– Да. Смотрю, ты времени не теряешь.

– Ты тоже.

– Да, – смеётся Фрэнк, – я поставил точку и оставил это.

Не хочу возвращаться к прошлому.

– Если это делает тебя счастливым, то я только рада подобному решению.

– Я счастлив, как будто с плеч спал тяжёлый груз.

Улыбаюсь другу и выдыхаю. С моей стороны, было бы честно сказать правду, но я не могу. Язык не поворачивается сообщить о том, что скоро я покину издательство. Мне до последнего хочется продержаться тут подольше, но, конечно, рано или поздно правда всплывёт.

Не знаю, прав ли Фрэнк, ведь у каждого из них был повод насолить мне. И это грустно, ведь Рик казался мне хорошим парнем, а Чарли вполне спокойной и тихой, но в тихом омуте черти водятся. Как часто мы заблуждаемся и ошибаемся в людях. В любом случае, это уже не важно, ведь дело сделано.

Фрэнк открывает дверь, и мы покидаем кабинет.

– Вот и прибралась.

– Да. Я так понимаю, у вас всё хорошо? – спрашивает друг, переглядываясь между мной и Томом.

– Налаживается вроде, – говорю я, и он закрывает дверь.

– Мисс Блин, сегодня можете быть свободны, Ваш кабинет будет занят.

Киваю и смотрю на Мартина, пока Фрэнк пожимает ладонь Тома и первый откланяется в сторону своего кабинета.

– Спасибо, что позвонил мне, – посылаю благодарную улыбку Мартину, который прижимается боком к стене.

– Ещё бы трубку брала, – смеётся он и, найдя глазами в толпе девушку с розово-фиолетовыми волосами, сообщает ей: – Кира, ты нужна мне прямо сейчас!

Девушка спешит к Мартину, с глазами преданного щенка. Открыв перед ней дверь с улыбкой хищника, он подмигивает мне и скрывается в кабинете.

– Он же не... – шепчу я, – даже думать об этом не хочу. Это точно тот Мартин, которого я знаю?

– Я буду только рад, если они там не просто совещания проводят, – улыбается Том.

– И что в тебе сейчас говорит? Ты даже не знаешь его.

– Ревность и собственник. Поедем к Картерам сейчас или ты передумала?

– В центральном парке так красиво, может, мы позовём их туда? – предлагаю я.

– Хорошо, позвонишь или я позвоню?

– У меня есть вариант получше.

Том смотрит на меня, пока я копаюсь в сумочке в поисках. Как только в руках появляется нужная карточка, направляю камеру на снимок и отправляю Лизи фотографию, добавляя туда сообщение: «Встретимся на главном входе в центральный парк через полчаса. Приезжай с Джаредом и детьми, мы вдвоем». Подруга не заставляет долго ждать, следом присылая ответ: «Как только меня вернут к жизни после инфаркта.

И вы уже не вдвоём».

Глава 23

Алекс

Было невообразимо держать ладонь Тома. Каждая минута казалась чем-то нереальным, словно это галлюцинации. Я вовсе не хочу думать, что это лишь сон или плод моих фантазий. Несколько раз я ущипнула себя для пущей убедительности.

Мне даже поворачиваться не нужно, весь путь я смотрела на его профиль, свернувшись в кресле. Он вновь казался мне ослепительно прекрасным, не меньше, чем божеством. Я наблюдала за каждой сменой эмоции на его лице. Периодически меня награждали взглядом, но он быстро переводил его на дорогу. Уголки его губ ни разу не опустились, он продолжал загадочно улыбаться, а я жадно впиваться в него глазами. Мой взгляд побывал везде, я буквально посчитала каждую волосинку щетины. Небрежность придаёт ему такую домашность, от чего моё сердце истерически забивает грудную клетку. Раньше он брился каждый день, но судя по щетине сейчас, ей уже парочка дней, и мне, упаси Боже, нравится до мельчайшего атома.

Хочется дотянуться, провести по его щеке, плечами, рукам, спине, но пока я отказываю себе в подобном жесте. Всё произошло слишком быстро, и я не уверена, что сделаю пра-

вильно. Для всего нужно время, и сейчас оно на вес золота. Том сжимает мою ладонь, притягивает её к лицу и целует, пощекотав щетиной. Он сделал это несколько раз, и я не уверена, что специально. Кажется, его нежность проявляется автоматически, он и сам не замечает её вспышки.

Когда машина останавливается на парковке, без всякого желания отпускаю его ладонь и покидаю салон. Обогнув машину, скрещиваю руки под грудью и также ноги, не зная, какую позу принять. Том поправляет бейсболку и обходит машину. Заняв позицию напротив меня, он обнимает мои плечи, теперь шея заключена в кольцо его рук. Поднимаю глаза и смотрю в его, замечая, как голубой цвет начал преобладать над серым. Любимые губы накрывают мои, и этот поцелуй имеет восхитительный вкус. Том улыбается, из-за чего тело желает биться в конвульсиях, но я сдерживаю порывы волнения. Когда он вновь приближается к моим губам, козырёк кепки бьется о мой лоб, и мы оба смеёмся.

– Заверни её назад, иначе у меня будет шишка.

– Думаешь, я буду целовать тебя так часто? – выгнув бровь, он смотрит на меня сверху вниз, пока меня бросает в жар. – Ты права, буду.

Настороженность сменяется облечением. Он всего лишь пошутил, Алекс, успокойся. Похоже, так я буду говорить себе очень часто. Оставив новый поцелуй в уголке моих губ, Том улыбается.

– Пошли, хочу поскорей выслушать все шутки Джареда и

жить спокойно.

– Думаешь, он будет шутить?

– Скорей, вести себя подобно придурку, но нам же не при-
выкать?

– А разве шутить и быть придурком – это разные вещи?

– Даже если так, Джаред умело сочетает оба свойства.

Согласно киваю, Том кладёт ладонь на мою поясницу, подгоняя тело. Поддаюсь его молчаливым указаниям и сле-
дую вперёд. Погода сегодня в своём лучшем образе: нет жа-
ры, а легкий холодный ветерок помогает не помереть от ду-
хоты. Не могу отказать себе в подглядывании за ним. Меня
пленяет этот парень, и острое сожаление потерянного время
на обиды – угнетает. Выбрасываю поганые мысли из головы
и замечаю лучшую подругу.

Пудрового цвета платье, свободно развивается по ветру,
а любимые открытые бежевые туфли на каблуке, визуаль-
но удлиняют её ноги. Ослепительная улыбка, которая ей свой-
ственна, метается между Джаредом и Мэди, которая вска-
рабкалась и занимает местечко на шее отца. Мэйс следует
рядом, удерживая ладонь Лизи. Джаред с вожделием и по-
клонением, отвечает ей взаимной улыбкой. Приближаясь, он
тянется к ней губами, но вместо поцелуя, кусает щёку и сме-
ётся, получая болезненный по шлепок по руке, из-за чего вы-
даёт громкое: «Ауч».

Чувствую, как ладонь Тома легла на мою щёку. Обращаю
к нему взгляд с лёгкой улыбкой на губах.

– Переживаешь?

– Нет, они же наши друзья. – Кажется, я лишь пытаюсь убедить себя, поэтому тут же меняю ответ: – да. С ума сойти.

– Я люблю тебя, – с нежностью во взгляде на меня, говорит Том и заправляет локоны за ухо.

– Спасибо, – выдыхаю я.

– За что?

– За то, что ты есть.

Улыбка на его губах становится ещё шире. Краем глаза замечаю, как лучшая подруга срывается с места и бежит в нашу сторону. Кидаю напуганный быстрый взгляд на Тома, и ловлю в воздухе Лизи, которая сжимает моё тело в стальных тисках, созданных из своих рук.

– Боже, я не верю в это! – восторженно голосит она.

– Я тоже ещё не совсем верю, но на руках тест и заключение, как напоминание, – улыбаюсь я, утыкаясь в её плечо. Втягиваю любимый парфюм Лизи и радуюсь тому, как радуется она.

Подруга не отпускает меня, следующим она обнимет Тома.

– Я очень счастлива за вас, – выдыхает Лизи, – это послужило вам уроком.

– Засранец, – усмехается Джаред, поравнявшись с нами. Ручки Мэди смыкаются на моих ногах, в то время как Мэйс приветственно нам улыбается. Он всегда был более сдержан в подобных проявлениях. – Поздравляю вас.

Пожав ладонь брата, и похлопав его по плечу, Джаред сжимает меня в своих объятиях, и я буквально чувствую, как все органы прижались друг к другу. Хриплю и пытаюсь отдышаться, когда он отпускает меня.

– Ты чертова машина, – бурчу я, – не убей мою подругу.

– Не переживай, ей нравится, – довольно улыбается он, получая новый удар по руке.

– У тебя весеннее обострение, Картер, – фыркает Лизи, награждая мужа смертельным взглядом.

– Твое платье чертовски охренительное. Жду не дождусь вечера, – ехидничает он в ответ, на что Лизи закатывает глаза и по гримасе на её лице понятно, что разговор заходит не в то русло.

Глажу макушку Мэди, но она тут же отрывается и принимает ладонь Мэйса, который готов рвануть вглубь парка со скоростью света, почти как Форест Гамп. Так и происходит. Парочка заводил несётся в сторону детской площадки и когда они достигают качель, дети освобождают им место, как покровителям данного атрибута. Смотрю на Джареда, который ухмыляется, проведя пальцами по волосам. Взгляд его глаз обращается к жене, и они моментально темнеют. Даже не хочу думать, о чём он начал фантазировать. Его руки притягивают Лизи в объятия, а губы оставляют поцелуй на виске, на что подруга почти мурлычет.

– Опять, – вздыхаю я, указывая на них.

– Что? – посмеивается Джаред.

– Хватит раздевать её глазами на людях, держи себя в руках. И не только себя.

– Завидууй молча.

– Чему? – фыркаю я, – если ты о себе, то спешу расстроить: я никогда не страдала по тебе.

– Конечно, достаточно того, как ты пускаешь слюни на моего брата. Это почти я.

– Фу, – морщусь я, – совсем не ты. Посмотри на него и на себя.

Джаред выгибает темную бровь и окидывает насмешливым взглядом брата.

– Я определенно лучше, – улыбается он.

– Так думаешь только ты, – заявляю я.

Том смеётся и привлекает меня в объятиях, которым я не думаю противиться. Показываю Джареду язык и обнимаю талию любимого мужчины. Аромат его тела подчиняет мой мозг и тело лишь одной близостью, наслаждаюсь такой слабостью родного человека.

Джаред и Том откланяются на детскую площадку, следить за Мэйсом и Мэди, а мы занимаем свободную лавочку, наслаждаясь солнечными лучами, согревающими своим теплом. Лизи обращает взор карих глаз на меня, и её улыбка буквально ослепляет.

– Я так рада за вас.

– Спасибо, это было слишком неожиданно, – выдыхаю я.

– Как ты узнала?

– Это была интуиция, Лиз. Я не знаю, объяснимо ли это. Я даже не знаю, зачем взяла этот тест, он просто лежал на прилавке, и я взяла.

– Что сказали в клинике?

– Три недели.

– Ты хотя бы узнала на первом месяце.

– Ты тоже могла узнать раньше, если бы не твой скачущий цикл.

– Знаю, сейчас всё в порядке, я прошла курс.

Слежу за тем, как Джаред держит за ноги Мэйса и болтает его в воздухе. У меня практически перехватывает дух, если бы не счастливое лицо Мэйса, который громко хохочет. Мэди не отстаёт от брата, вскарабкавшись на шею Тома. Болтая руками в разные стороны, она падает на одну сторону, и я замечаю, как его лицо искажает испуганная гримаса, а следом облегчение. Тихо хихикаю над тем, как другие родители смотрят на эту безумную четвёрку с замиранием сердца.

– Ты ни разу не обращалась к психологу? – спрашиваю я, смотря на лицо подруги, которая сосредоточилась на экране телефона.

– Зачем?

– Мне кажется, нужен определённый уровень сумасшествия, чтобы выживать в этой семейке. Ты не принимаешь успокоительные?

– Нет, – хихикает Лизи.

– Тогда я не знаю, как ты это выносишь. Тебе должны воз-

вести памятник.

– Я закаленная Джаредом.

– Мэйс и Мэди – это новый уровень катастрофы. А когда их ещё трое, напоминает гремучую смесь.

– Мне нравится, – искренне улыбается Лизи, – я не представляю, чтобы они были другие. Мне было бы скучно, а так каждый день новый сюрприз. На днях, Джаред проснулся с кашей на голове.

– Боже, как?

– Я отошла в туалет на пару минут. Нельзя было это делать.

– Хочу видеть его лицо в тот момент, – злорадно хихикаю я.

– Он был более, чем доволен. Завтрак в постель. Когда я зашла, они ели кашу с подушки.

– Боже, – выдыхаю я, – ты когда-нибудь сойдёшь с ума, попомни мои слова.

Лизи хихикает и пожимает плечами. Я всё читаю по её глазам: ей нравится. Моя лучшая подруга счастлива как никогда, и я должна радоваться вместе с ней.

– Как думаешь, он рад? – тихо спрашиваю я, наблюдая за Томом.

– Почему ты спрашиваешь? – хмурится Лизи, – не похоже, что он не счастлив. Как он отреагировал?

– Хорошо. У меня была истерика, Лиз, – выдыхаю я, – я боялась ему сказать. Я спряталась за углом, когда была у его

двери.

– Зачем? – смеётся подруга.

– Не знаю, я струсилa, когда услышала его. Набралась смелости и вернулась. Подумала, что скрывать ещё хуже. Прости... но я думала о том, что было у вас. Джаред был в ярости.

– Он был зол, но на меня, потому что я молчала, Алекс, это совсем другое. Ты могла бы пойти по моим стопам, но я счастлива, что ты не сделала это. Он имеет право знать. И он счастлив, ты только посмотри на него.

Смотрю на Тома, который, смеясь, убегает от Мэди. Их легко можно принять за отца и дочь, и в голове появляется вопрос: кто живёт внутри меня. Мы совершенно разные, и догадаться, что достанется нашему ребёнку – невозможно. Лизи говорила правильно, когда утверждала, что мы плюс и минус. Это действительно так, начиная характером, заканчивая внешностью. Я даже не могу подобрать имя, на языке крутится что-то желаемое, но не могу понять, что.

– Ты же видишь это, – говорит Лизи.

– Что?

– То, как он играет с ними, смотрит на них.

– Вижу, – соглашаюсь я.

– Тогда ты получила ответ на свой вопрос.

Перевожу взгляд на Лизи и немного улыбаюсь. Ещё минуту молчу, но после паток слов вываливается из меня. Я рассказываю, что Том отправлял цветы, где мои фото; как

разгромили кабинет, как в этом же кабинете он помогал мне навести порядок; не забываю и о Чарли, на что Лизи молча слушает и кивает. Под конец, я практически задыхаюсь. За несколько минут, удалось ощутить всё по-новому. Когда последнее слово слетает с моих губ, Лизи немного улыбается.

– Тебе смешно? – бубню я.

– Нет, просто нравится видеть тебя такой.

– Какой?

– Не сдержанной. Ты не была собой, давай смотреть правде в глаза.

Выдыхаю и киваю. Она права. Я всё держала в себе.

– Почему я не вижу ваших ссор? Вы что, совсем не ругаетесь?

– Это невозможно, я замужем за Джаредом.

– Вот и я о том же.

– Я быстро остываю, ты же сама знаешь. Через пять минут, я уже забываю обиду. Но могу сказать одно: он единственный человек, который может обидеть меня. Стоит ему сказать слово и всё. Это его сверхспособность, но я не могу обижаться на него, как бы не старалась. Это выглядит смешно. Он смотрит на меня с другой части дома или толкает локтем, и мы миримся.

– Что ты имеешь в виду под «миримся»? – хихикаю я.

– Хватит думать об этом, – смеётся Лизи.

Том и Джаред двигаются в нашу сторону, когда Мэйс врежется в ноги Лизи и повисает на её шее, целуя щёку. Когда

он вырастит, его слабостью явно будет Лизи, я не вооружённым глазом вижу, как он привязан к ней, хотя называть его маминым сыночком довольно трудно. Я даже не видела его слёз. Ему удаётся сдерживаться. Как-то раз он сказал, что мальчики не плачут. В тот момент я перевела взгляд на Джаред, который успел выстрадать своё. Когда он станет взрослей, поймет, что не плачет тот, кто не имеет чувств.

– Пиццу? – предлагает Джаред, и дети с визгом падают на его ноги, обводя их своими ручками.

Принимаю ладонь Тома и поднимаюсь со скамейки. Мэйс и Мэди устремляются вперёд, Джаред несётся следом за ними, и Лизи не отстаёт от него даже будучи на каблуках. Картина действительно смешная, а семейка сумасшедшая. Вижу, как Джаред ловит двоих одним махом и как мешки с картошкой держит под боком. Склоняясь к жене, он целует её, и они оба улыбаются. Джаред подмигивает нам и трясёт парочку сосисок под боком, получая в ответ задорный смех.

Рука Тома протягивается по моим плечам и прижимает к себе. Оставив поцелуй на моём виске, он улыбается. Смущаюсь из-за подобной нежности, но улыбка всё равно трогает губы, когда смотрю в его бездонные глаза.

Ближайшая пиццерия становится нашим пристанищем, где мой желудок наполняется до краев. Я едва могу дышать и чувствую себя по-настоящему беременной из-за выпирающего живота. Время медленно крадётся к вечеру, и погуляв ещё немного, мы прощаемся с Картерами.

– Поверить не могу, что это твой брат.

– Почему? – улыбается Том, занимая место за рулём.

– Потому что твой брат – идиот, а этот нормальный.

Смеясь, он качает головой и переплетает наши пальцы.

– Хочу ещё кое-что.

– Что? – спрашиваю я.

– Увидишь.

Согласно киваю, и Том выезжает на проезжую часть.

По пути успеваю гадать, что он задумал, но вариантов даже не сотни, а тысячи. Выбрасываю всё из головы и позволяю ему сделать то, что он задумал. Том периодически подглядывает в мою сторону с замешательством. Раньше я всеми возможными способами старалась вытянуть из него информацию, а сейчас молчу, это удивляет даже меня.

Машина паркуется у какого-то центра.

– Оставайся тут, я буду через пять минут.

– Хорошо, – удивлённо, но соглашаюсь.

Смотрю вслед Тому, и веду диалог с самой собой, пожимая плечами на вопрос «куда он пошёл?». Я думала, что он хочет чего-то вместе со мной, но как оказалось, он может всё сделать один. Из-за замешательства и неусидчивости, начинаю колупать ногти, за что мысленно себя ругаю и одергиваю руки. Сердце падает в пятки, когда в стекло стучат. Незнакомый парень просит выйти, и я уже не думаю, что идея стоящая, а лучше и вовсе жать по газам. Вероятно, видя мой напуганный вид, он вытаскивает из-за спины небольшой бу-

кет лиловых цветов, и голова моментально идёт кругом. Открываю дверцу, и букет вручают мне.

– Спасибо, – улыбаюсь я.

– Извиняюсь, что напугал, – говорит он, после чего, прощается и уходит.

Втягиваю сладкие ароматы и по-дурацки улыбаюсь. Том начал удивлять меня, это бесспорно. Заглядываю внутрь, хотя даже не надеюсь увидеть там что-то, но, к моему новому шоку, обнаруживаю новую карточку. На ней я в школьной столовой, лёжа на его плече, подмигиваю камере. Фотография кажется такой по-детски милой и наивной. Я до беспмятства влюблена в него, воспоминания вихрем проносятся в голове, а в глазах застывают слёзы.

Поднимаю взгляд, когда Том уже равняется со мной.

– Спасибо, – шепчу я, делаю шаг к нему навстречу и целую щёку.

– Есть ещё кое-что, – говорит он, взяв мою ладонь, из-за чего я начинаю дрожать.

То ли вздох облегчения, то ли настороженности скрывается с губ, когда обнаруживаю в руках ключи.

– Я хочу, чтобы ты жила со мной. Знаю, это может быть слишком быстро, я не тороплю тебя. Ты можешь хотя бы привыкать. Приходить, когда захочешь.

– Хорошо, – киваю я, сжимая ключи в руках.

– Ты напугана.

– Этот парень до чёртиков напугал меня.

– Прости, я не хотел, – Том обнимает меня и целует в макушку.

В его объятиях, я закрываю глаза и позволяю улыбке выйти наружу. Мне действительно нужно время, чтобы привыкнуть и приспособиться к изменениям, а не переехать к нему с бухты барахты.

Глава 24

Том

Открываю дверь, и пряные ароматы ударяют в нос. Как бы не старался, я жадно втягиваю эти нотки вкусного ужина, который ожидает меня. Тренировка вымотала все силы как физические, так и моральные, но если бы почти год назад я просто замертво упал в кровать, то сейчас не готов отказываться от времени с Алекс. Даже если придётся цепляться зубами за деревянное покрытие пола, я всё равно буду ползти к ней и предпочту находиться в сознании.

Заглядываю за арку и наблюдаю за тем, как покачивая бёдрами в моей футболке, она подпевает мелодии и размешивает что-то в сковороде. Ещё несколько минут, она не замечает меня, позволяя насладиться своими видами, но, когда поворачивается к мне лицом, застывает с ложкой во рту. Небрежный хвостик, из которого выпали волосы; не могу отделаться от мысли, что ей подходит моя футболка как ничто другое, невинный и слегка напуганный вид лишь забавляет. Если раньше она могла широко улыбнуться и продолжить, то сейчас слегка улыбнулась и пробормотала что-то напоминающее извинения.

– Я.. не знала, что надеть, – тихо говорит она, оглядывая себя, что мне совершенно не понятно.

Бросаю ключи на тумбочку и скидываю кроссовки, направляясь к ней. Попутно отлетает толстовка, падая на диван, и я не могу отказать себе в наслаждении от взгляда Алекс, который застыл на подоле футболки, закатавшейся на прессе. Мысленно даю себе пять за то, что упорствую в зале. Подхожу ближе и кладу ладони на её талию, поднимая тело на столешницу, как пушинку. Либо она стала легче, либо я действительно добавил себе силы. Оказываюсь между её ног, и Алекс одергивает футболку, на что я выгибаю бровь, поднимая глаза к её лицу.

– И как это понимать?

– Я...

– Мне нравится, что на тебе моя футболка, и ты знаешь, что я никогда не против, когда ты носишь мою одежду. Не забывай, что периодически ты использовала мои боксеры в виде шорт. Что с тобой?

– Всё хорошо, – слишком быстро выдаёт она, и в воздухе моментально повисает напряжение.

– С ним всё в порядке?

– А... Да, всё хорошо, – кивает Алекс.

– Что тогда?

Девушка выдыхает и поджимает губы.

– Алекс, – напрягаюсь я, посылая ей предупреждающий взгляд.

– Я просто волнуюсь, – шепчет она, – я залезла в твой шкаф... надела твою одежду...

– Всё что моё – твоё, или что-то изменилось?

Она вновь выдыхает, и её ладони ложатся на мои плечи. В зелёных глазах улавливаю тревогу, и живот моментально скручивается. Я не могу потерять их, только не сейчас, когда всё начинает налаживаться. Становится даже лучше, чем когда-либо, и не могу отрицать, что мне нравится её стеснение и покорность, но больше всего на свете я хочу свою Алекс.

– Я не хочу видеть забитую девушку, Алекс. Я не делю на твоё и моё, как и раньше. Ничего не поменялось. Носи мою одежду, если тебе нравится, бери то, что тебе нужно, я не против, только не смотри на меня так напугано, как сейчас. Такое ощущение, что я тебя пугаю, это невыносимо. Давай поговорим.

Брови Алекс моментально подпрыгивают, а пухлые розовые губы приоткрываются от удивления. Мой тон спокоен и мягок, я не хочу пугать её. Крайне редко я мог позволить себе орать, для этого ей приходилось ожидать Луну в Зените, но весь мой гнев был обоснован. Ей всегда хватало лишь одного взгляда, конечно, бывали исключения, когда она упрашивала, но это касалось её же целостности. Это не мой эгоизм, это забота о том, что я люблю. А я люблю её.

– Мне страшно, – сказав это, она опускает глаза и теревит футболку.

– Чего ты боишься?

– Сделать что-то не так.

– Ты всё делаешь правильно.

– Я приготовила курицу со шпинатом... надеюсь, ты любишь шпинат.

– Ты серьёзно?

Зелёные глаза резко поднимаются к моему лицу, говоря о том, что она действительно переживает на этот счёт.

– Либо дело в беременности, либо я ничего не понимаю, – вздыхаю я.

– Ты не ел шпинат...

– Из твоих рук я поем даже землю, приняв её за сахар. Прекрати переживать за такие глупости. Я съем всё.

– Кроме сыра с плесенью, – тихо добавляет Алекс.

– Да, – смеюсь я, – но даже если ты приготовишь его, я всё равно съем.

Закрываю её подбородок в плен и поднимаю к себе лицо. Паника в её глазах стихла, уступив место облегчению и спокойствию.

– Как тренировка?

– Вымотался, – тут же её губы поджимаются, но я притягиваю её одной рукой ближе продолжая держать подбородок. – Но даже при смерти я проведу время с тобой, а не лягу спать.

– Тебе нужно отдохнуть, – говорит Алекс, и, кажется, она сама не верит в то, что говорит.

– Мне плевать на отдых, сон и прочее. Я хочу провести время с тобой, и я его проведу.

Оставляю поцелуй на ключице, которую открыла футбол-

ка.

– Сначала поужинаю.

Ещё один поцелуй в плечо.

– Потом займусь тобой.

Втягиваю аромат её тела и оставляю новый поцелуй на шее, в то время как Алекс сжимает пальцами мои плечи. Улыбаюсь у её тела, понимая, что двигаюсь в правильном направлении.

– Или сначала тобой, а потом ужином. Так мне нравится больше, – шепчу я, протянув руку и выключив плиту. Ужин отодвигается в сторону.

Слышу, как с её губ скрывается тихий стон, когда оставляю дорожку поцелуев по её шее. Кажется, сейчас я предпочитаю десерт, а потом основное блюдо. Провожу ладонями по внешней стороне бёдер, проскальзывая под футболку, не забывая про поцелуи её тела. Эта девушка манит меня, как ничто другое. Я бы отдал за неё больше, чем самого себя. Стоит ей только посмотреть на меня из-под густых ресниц, и моя голова съезжает с пути, переходя к дорожке с похотью. Достигаю застёжки на лопатках и умело расстёгиваю её. Лямки лифчика выскальзывают из-под рукавов, и я снимаю их. Алекс не противится, позволяя мне снять с неё одну часть белья.

Перехожу на её губы и отбрасываю упавший лифчик в сторону. Вновь запускаю руки под футболку и, пройдясь по талии, следую по резинке на трусиках, которые желаю сорвать

и выкинуть туда же, куда и предыдущую часть белья. Дыхание Алекс становится тяжёлым. И когда я оставляю поцелуи по её подбородку, она продолжает держать глаза закрытыми, приоткрыв губы. Запускаю пальцы в волосы, скинув резинку для волос, чувствую, как они рассыпаются сквозь пальцы, словно песок. Придерживаю её затылок, продолжая осыпать поцелуями шею. Знаю, она ходит по тонкой грани. Дрожь её тела говорит о многом. Удивительно, как ей удаётся взорваться, когда я ещё ничего не сделал. Цепляю резинку и снимаю последний барьер, оставляя только футболку. Алекс позволяет скинуть тонкую ткань, и я отбрасываю её за спину. Раздвигаю её ноги шире, и веду по внутренней стороне бёдер к пику. Алекс роняет голову на моё плечо, когда я прикусываю кожу на шее. То, как побелели костяшки на пальцах, которыми она вцепилась с край столешницы и её запыхания, я понимаю, что галочка номер один поставлена.

– Курица уже сгорела, – сквозь отдышку, сообщает она.

– Я уже давно отключил плиту, – улыбаюсь я, продолжая осыпать её шею.

Алекс издаёт какой-то нечленораздельный набор слов, а же притягиваю ещё ближе, потому что сам готов кончить в трусы, как подросток-девственник. С беременностью она стала ещё привлекательней, хотя по внешнему виду и не скажешь, что она в положении. Манит то, что теперь все запреты разрушены. Нам не нужно ничего. Абсолютной никакой защиты, и это сводит с ума.

Сжимаю её талию и поднимаю руки к груди, которая умещается в моей ладони, словно эту девушку специально затачивали под меня. Чувствую, как дрожат её руки, когда она поднимает мою футболку и отбрасывает в сторону. Указательные пальцы скрываются под резинкой моих шорт, ещё немного Алекс медлит, что забавляет, ведь она всегда была нетерпеливой. Наконец, вся моя последняя одежда падает на пол, и я отбрасываю её в сторону. Наслаждаюсь, когда её ладони скользят по моей груди, спускаясь ниже, и выдыхаю у её рта, когда руки смыкаются на мне. Во мне бурлит раскалённая лава, благодаря движениям ладоней Алекс. Как только наполняю её собой – скрывается стон, а она откидывает голову назад, приоткрыв губы. Понимаю, что я только что погиб. Алекс застыла, вцепившись в мои плечи, и где-то внутри играют нотки страха. Я не могу так рисковать, сейчас нужно быть осторожным.

– Больно? – шепчу я, смотря на её лицо.

Алекс мотает головой и роняет её на моё плечо.

– Что? Уже? – не сдерживая приступ смеха, спрашиваю я.

– Прекрати шутить и сделай уже что-нибудь, – хнычет она.

Смотрю на девушку перед собой и не могу не улыбаться, когда она смущённо отводит глаза. Кто бы знал, что это так... мило? Алекс и стеснение – новая сторона моей девушки.

– Том!

– Что?

– Боже, я так не могу, – шепчет она, закрыв ладонями лицо.

– Как прошёл день? – подначиваю я.

Краска заливает её лицо, из-за чего я откидываю голову и смеюсь. Может это и неловкое положение, но слишком смешное, чтобы прекратить.

– Ты серьёзно хочешь узнать, как прошёл мой день, находясь... – её лицо становится красней.

– Находясь в тебе, – хохочу я, – когда ты стала такой стеснительной? Раньше ты помогла поругаться со мной в таком положении, только в кровати.

– Ох, Господи, – хныкает она, отползая назад.

Рывком притягиваю её назад и вновь вхожу, получая её поясницу в виде радуги. Зелёные глаза моментально темнеют, наполняясь желанием, и на этот раз я не смущаю её разговорами. Ощущаю, как медленно, но верно, внутри сжимается всё, когда получаю завершающий стон и моё имя с её уст, взрываюсь сам.

Я думал о ней каждый проклятый день все эти месяцы, но после последнего раза в её квартире, всё только усугубилось. Напряжение сводило с ума, ведь я вновь хотел получить новую порцию страсти этой девушки. Спасало только пребывание в другом городе, иначе мне бы удалось наломать новых дров.

– Я думал об этом каждый день и каждый час, – выдыхаю я.

– О чём? – спрашивает Алекс.

– О тебе.

Её щеки вспыхивают, и я улыбаюсь.

– Когда ты стала такой стеснительной? Ты краснеешь второй или третий раз, я уже сбился со счёта.

– Это... кажется по-новому.

– По-новому хорошо или плохо?

– Хорошо.

– Тогда стоит только улучшать.

Уголки губ Алекс дёргаются и поднимаются. Оставляю несколько поцелуев на её лице.

– Тебе не больно?

– А должно быть?

– Не знаю, ты всё-таки беременна, если тебе больно, говори мне. Я должен знать.

Она кивает, и я свожу брови.

– Я серьёзно. Любая боль, Алекс. Мы не должны повторять ошибок Лизи и Джареда.

– Ошибок?

– Она не говорила тебе?

– Что именно?

– У неё было кровотечение. Джаред рассказал мне.

– Когда? – с ужасом, шепчет она.

– Когда они ругались в универе.

– А, я знаю, это не кровотечение, это другое.

– Может быть, но я не хочу этого. Не хочу потерять вас.

Рассказывай мне, я хочу знать всё, каждое изменение.

Алекс смотрит в мои глаза и медленно кивает.

– Я люблю тебя, – говорю я, поглаживая её щёку, после чего кладу ладонь на ровную поверхность живота. – И тебя люблю.

– Нужно доделать ужин.

Соскользнув со столешницы, она оглядывает глазами гостиную, сканируя её на поиск одежды. Натягиваю шорты назад и шурюсь, смотря на Алекс, помешивающую курицу на плите. Она избегает этих слов, и если бы я не знал, что она любит меня, то мог потребовать объяснений. Знаю, она ещё привыкает, я вижу это по её напуганному и напряженному состоянию, которое периодически проявляется, но даю ей время. Я не могу и не хочу настаивать. Она просила свободы, я готов её дать столько, сколько она захочет.

Поднимаю сумку и достаю оттуда шоколадное яйцо, которое купил по пути. Да, я заехал в магазин только ради него, мной управляло желание сделать ей приятно. Она любит их, даже несмотря на протесты против шоколада. Она упрямо считает себя полной, хотя худеть уже некуда, иначе я не смогу найти её за спичкой. Встаю позади Алекс и кладу одну ладонь на живот, а вторую вытягиваю вперёд. Удивление отражается на её лице, хлопая ресницами, она искоса смотрит на меня.

– Мне нужно в душ, – улыбаюсь я, вручая ей яйцо.

Оставляю её на кухне и ухожу в ванную комнату, где ски-

дываю одежду и встаю под горячие струи воды. Скачки напряжения между нами лишь добавляют масла в огонь в виде наших отношений. И то, что она рядом, но в то же время так далеко вовсе не огорчает меня, это даёт стимул завоевать её по-новому.

Ужин проходит в непринуждённой обстановке, мы разговариваем обо всём, делясь тем, что происходит на работе. Я смакую каждую дольку курицы, которую приготовила Алекс. Когда она собирает посуду со стола, ставя её в раковину, я встаю рядом, чтобы помочь ей. Хочется дать понять, что она не одна, я всегда помогу ей в любом деле, и особенно в такой мелочи, как стоять рядом и протирать тарелки полотенцем, возвращая в шкафчик.

Удивительно, но подобное так по-семейному сближает. Мне нравится делить с ней заботы по дому, хотя это даже не наш дом. И ситуацию нужно брать под свой контроль. За то, что команда выиграла парочку игр, я получил хорошую прибыль и удовольствие. Но в отличии от Джареда, который до встречи с Лизи и её беременности, получил хороший доход и сумел его сохранить, я не могу похвастаться тем же. Джаред любит тратить, но ещё этот засранец умеет копить. Он всегда говорил, что тратить ему некуда, разве что на аренду квартиры и продукты, либо развлечения, которые обычно давались бесплатно. И за несколько лет, ему удалось скопить нужную сумму, а то и больше. Я же ждать не могу. Время не на моей стороне. Конечно, сейчас я могу позволить себе

покупку жилья, но не то, которое хотелось бы. Жить в районе Бронкса или Квинса – не лучшее решение, каждый знает об этом. Там сосредоточено всё криминальное чтиво, хотя Манхэттен далеко не идеальный, ведь в отличии открытой информации о Бронксе и Квинсе, там орудуют скрытые акулы, которые вставят нож в спину из-подтяжка с улыбкой на лице. Я буду спокоен, когда Алекс на многолюдной территории. И ещё буду более чем счастлив, если ей не будет одиноко, когда меня не будет рядом. Поэтому мой взор опирается на Бруклин и Картеров. Мне необходимо поговорить с Джаредом, но сейчас я не хочу, чтобы об этом знала Алекс, мне нужна помощь брата. Я никогда не обращался к нему, но имею необходимость.

– Прогуляемся? – предлагаю я.

– Можно, – кивает она, рассматривая собственные ноги.

– Тогда одевайся.

Алекс спешно рыскает по квартире в поисках нижнего белья. Смешно наблюдать, как её брови сведены на переносице, а сама она рассматривает каждый угол. Чуть ли не ползая, она перебирает предметы мебели. Лифчик обнаруживается за подушками на диване, но вторая часть канула в небытие.

– Надень мои, – с улыбкой, предлагаю я.

– Ты издеваешься? У меня же белое платье, а все твои трусы цветные. Они будут просвечивать.

– Иди голой.

– Ха-ха-ха, – бурчит она, ползая по полу.

Смеюсь над гневом, который делает её такой милой. Расставив кулачки по бокам, Алекс тяжело дышит, я же не могу ничего поделывать, улыбка не может сойти с лица. Сжимая лифчик, она смотрит на меня так, словно я спрятал их, хотя сам понятия не имею, куда их откинул.

– Ты такая красивая, когда злая, – говорю я, зная, что подливаю бензина.

Алекс фыркает и вновь пускается в поиски. Решаю помочь ей и перебираю мебель, хотя двигать особо нечего: диван, кресла, столик, телевизор. Остается только последнее место, либо они просто исчезли с лица земли. Сдвигаю диван и обнаруживаю пропажу.

– Я уже говорил, как люблю твоё белье? – улыбаюсь я, круча в воздухе лоскут белой ткани с кружевами.

Алекс бросает на меня взгляд, но тень улыбки скользит по её лицу. Собрав вещи, она скрывается в ванной комнате. Поверить не могу, что она ушла, хотя раньше спокойно сбрасывала одежду при мне. Она точно сведёт меня с ума.

Выбираю первую попавшуюся футболку, и серая ткань закрывает тело, в то время как Алекс, спустя десять минут остаётся за дверьми. Предполагаю, что она просто приводит себя в порядок, но, когда слышу кашель, спешу к ней, не взирая на кроссовки.

Стучу по двери и тихо спрашиваю:

– Ты заболела?

– Я в порядке, – отзывается она, но по голосу выдаёт себя.

Открываю дверь и обнаруживаю её в нижнем белье на полу, пока платье покоится на раковине. Прижав колени к груди, она обнимает их руками в то время, как её лицо имеет бледный оттенок.

– Чёрт, – падаю к ней и притягиваю к себе, – ты упала?

– Тошнит, – хрипит она.

Спешу за стаканом. Наполняю его водой и вручаю Алекс, которая делает несколько глотков. Откинув голову назад, она закрывает глаза и тяжело дышит.

– Останемся?

– Нет, я хочу на улицу. Сейчас прохладно, мне нужно подышать.

Помогаю ей подняться с пола, и Алекс указывает на зубную щётку, на что я безоговорочно киваю.

– Всё, что моё – твоё, помнишь?

– Я только что блевала, ты до сих пор продолжаешь так думать?

– Мне плевать, – киваю я, беру щётку и протягиваю ей.

Алекс благодарно, но измученно улыбается. Не знаю, сколько подобные позывы будут мучить её, но у меня есть брат, который может дать ответы на многие вопросы. Чувствую себя безруким, но Джаред прошёл многое, даже подьемы в три часа ночи из-за дурных желаний Лизи. Вытяну из него всё возможное.

Спустя полчаса мы покидаем квартиру и добираемся до набережной, куда захотелось уехать Алекс. Мне без разницы,

где мы будем, главное, что вместе.

Держа её ладонь, я наслаждаюсь вечером. Солнце медленно опускается, скрываясь за небоскребами, даруя красочные лучи и разукрашивая небо в пестрые цвета. Ещё несколько дней назад я был один, а сегодня сжимаю в объятиях любимую девушку. Белое платье очерчивает её изгибы, которые не округлились и не округлятся ещё некоторое время. Вырез в форме сердечка подчеркивает грудь и её хрупкие плечи, а волосы развеиваются по ветру, который ласкает лицо. Улыбка трогает губы, когда я вновь протягиваю ей шоколадное яйцо, которое успел захватить в машине, пока она не видела.

– К тому времени, как я рожу, буду похожа на форму шара, – улыбается Алекс, но принимает мой подарок.

– Что попало в том?

– Золушка.

– Открывай это, – предлагаю я, зная, что внутри её копия в виде принцессы.

Алекс распаковывает яйцо и подносит мне часть, которую я не беру, а сразу кусаю. Её терпение не такое сильное, поэтому одним махом, она доедает остальное и спешит открыть наполнение. Обычно она даже не ела шоколад, а сразу торопилась открыть и увидеть игрушку. Я помню детскую радость на её лице, когда попадалось что-то из коллекции, а не обманка.

Открыв желток, как принято его называть, она застывает. И мне ясна эта причина, как божий день. Медленно, зе-

лѐные глаза поднимаются на меня. Улыбаюсь ей, смотря на реакцию. Спрятав лицо в ладонях, она держит наполнение и издаёт первый всхлип, из-за чего люди начинают подозрительно оглядываться на нас. Вытягиваю ту самую принцессу Алекс, которую забрал сегодня. Это её точная копия на выпускном вечере: красное платье, волнистые темно-русые волосы и самая потрясающая на свете улыбка.

Снимаю кольцо с игрушки и опираюсь на одно колено. Это то, что я всегда хотел. Не представлял, что сделаю ей предложение беременной или в вычурном ресторане, это должно было быть по-особенному просто. Она ничего не подозревала, и мне удалось воплотить в реальность свой план. Либо его часть. Мы будем вместе. Я больше не могу думать, что кто-то из нас может уйти, исход давно известен. Я не могу отпустить её, от одной подобной мысли – рвёт на части. Я всё исправлю, залатаю, ведь она самое светлое, что есть в моей жизни, я не могу даже мыслить, что проживу жизнь без неё. Мне нужна только она, даже если перевернётся мир – я буду рядом.

– Алексис Блинд, я больше не могу терпеть то, что твоя фамилия – не моя фамилия. Ты выйдешь за меня?

Алекс начинает крутить головой из стороны в сторону, ставя под сомнение ответ. Издав ещё один всхлип, она открывает заплаканное лицо.

– Да, – шепчет она.

С улыбкой, беру её руку и надеваю кольцо, которое давно

должно было украшать её палец. Поднимаюсь на ноги и притягиваю девушку к себе под аплодисменты и одобрителные свисты окружающих людей. Замечаю, как некоторые прослезились, что довольно приятно. Алекс крутит в руках игрушку, рассматривая её со всех сторон.

– Ты моя принцесса, – говорю я, накрывая её губы своими.

Глава 25

Том

Сейчас понимаю: всё, что мы бы не делали – к лучшему. Когда-то я думал, что зашёл в свой тупик, откуда нет выхода. В тот момент я слепо предполагал, что единственным правильным решением будет закрыть дверь позади и опустить жалюзи. Я не пытался развернуться и найти новый поворот, новую дверь, я нашёл самый простой выход – уйти. Мне стыдно, что я поступил именно так, но осознать свою ошибку – намного сложнее. Казалось, это временно, отвыкну и забудется. Это была самая большая глупость, которую я совершал. Оборачиваясь назад и смотря на самого себя полгода назад, хочется смеяться над собственным идиотизмом.

Отказаться от родного человека – это предать самого себя. В нём заключена частичка души, если не вся целиком. Разбить сердце, а потом слёзно собирать осколки – прерогатива слабых людей. Было проще уйти, чем попробовать исправить то, что создалось собственными руками. Я был слаб, не подозревая, что сила именно в ней. И сейчас, обретя новую, я готов бороться за нас.

Подхожу к офису Алекс, зная, что она на рабочем месте. Для пущей убедительности, я попросил узнать Лизи, которая с радостью согласилась мне помочь. Я не готов останавли-

ваться, в завоевании её доверия. И благодаря подобному порыву, десятки разноцветных воздушных шаров едва не поднимают меня и не уносят куда-то в неизвестность, как дедулю из мультика вверх.

Смотрю на часы, где уже перевалило за шесть. Каждый выходящий из здания или мимо идущий, смотрит на меня с детским восторгом в глазах, что только смешит. Замечая взгляды девушек, с грустью понимаю, чего не хватает им: мужских поступков. С удовольствием бы порадовал каждую шариком из связки, но так раздам абсолютно все, а осчастливить хочется одну.

Когда двери открываются, появляется моя невеста. Странно называть её так, но я быстро привыкаю. Развожу руки в разные стороны и улыбаюсь, в то время как Алекс застывает, распахнув зелёные глаза. Медленно на её губах расплывается улыбка, пока я прохожусь взглядом вдоль изгибов, которые укрываются под коктейльным сиреневым платьем.

– Беги, – предлагаю я.

Закусив нижнюю губу, она срывается с места и бежит ко мне, как лучший спринтер на каблуках. Ловлю её в воздухе и крепко прижимаю к себе.

– Давно не виделись, – улыбаюсь я, качая её из стороны в сторону.

– Со вчерашнего вечера.

– Получается, что слишком давно.

Возвращаю её на землю и оставляю поцелуй на губах, которому она смущается и отводит взгляд на воздушные шары, колыхающиеся над нашими головами.

– Не против ужина?

– Нет, я ела только в обед.

– Ты должна чаще питаться.

– Знаю, – выдыхает она, – но ем тогда, когда хочу.

– Хорошо.

Вручаю ей связку и целую кончик носа. Алекс снова смущается, но всё равно улыбается.

– Думаешь, нас пустят в кафе с этим?

– Нет, но это и не нужно, мы идём домой.

– Домой? – переспрашивает Алекс.

– Да, я уже почти приготовил.

Брови девушки подпрыгивают вверх, а голова согласно кивает.

Короткими путями добираемся до дома, по дороге рассказывая друг другу о том, как прошёл день. Удивление скользит по моему лицу, когда Алекс утверждает, что разгром в их кабинете произошёл благодаря какому-то Рику, а не с помощью рук Чарли. Последняя, кстати, так ничего и не ответила мне. На вопрос зачем, она просто пожала плечами. Я подумал, что это согласие, оказывается, ошибся. Не думал, что она мстительная, но как бы Чарли не пыталась, я заметил тень улыбки на её лице. Мысль о том, что они работают вместе – не совсем впечатляет меня. Меньше всего на све-

те я желаю, чтобы Алекс нервничала. Я не могу просить её уйти, как минимум по причине блеска в глазах, с которым она рассказывает о работе. Часто в её разговорах фигурирует имя Фрэнк, и, если бы я не знал, что он гей, поджал бы задницу и поднапрягся. Меня до сих пор смущает их совместный полёт, но я не могу говорить что-то против. Я вижу, как она счастлива, когда говорит об этом, и её улыбки достаточно для того, чтобы я передумал.

Алекс забирает футболку, которую я ей вручаю, и скрывается в ванной. Решаюсь дождаться её, чтобы доделать всё вместе. Несколько десятков ленточек от воздушных шаров свисают над головой, создавая уютный и праздничный вид. Улыбаюсь, когда вижу это, и достаю из шкафа вторую часть подарка. Знаю, она любит обычные рамки, но я выбрал цифровую. Матовое стекло, по центру которого размещён экран, где будут сменяться фотографии, которые она сама туда добавит. Это практично и современно. Когда она появляется, я поднимаю глаза от коробочки на девушку.

– Привет, – говорю я, словно мы не виделись несколько минут назад.

– Эй, – отвечает она, с улыбкой на губах.

Застыв в пороге кухни, она убирает руки за спину и переминается с ноги на ногу, словно волнуется.

– Всё хорошо?

– Да, – кивает Алекс.

Протягиваю ей коробочку, и глаза Алекс скользят по се-

ребристой упаковке, после чего, переходят на моё лицо.

– Что это?

– Кое-что для тебя.

Медленно кивнув, она забирает свой подарок и распаковывает на столе. Вынув из упаковки рамку, Алекс поднимает глаза.

– Это рамка?

– Да, ты можешь добавить туда всё, что захочешь. Хоть миллион фотографий. На стене все не поместятся. Можешь оставить одну основной, или выбирать по настроению на каждый день, а можешь сделать смену слайдов.

Улыбка озаряет её лицо. Положив её на стол, она вновь поворачивает ко мне лицо. Не успеваю оглянуться, как Алекс уже в моих объятиях. Крепко обняв талию, она прижимается ухом к моей груди.

– Спасибо, – улыбается она, подняв голову.

Улыбаюсь, смотря на неё сверху вниз. Она кажется такой маленькой, словно этой девушке не двадцать три, а те пятнадцать. Тепло разливается по телу, когда понимаю, что нам удалось пронести свою любовь в течении восьми лет, даже несмотря на возникшие трудности.

Целую её губы и предлагаю:

– Включишь музыку?

Алекс кивает и уходит за телефоном, а я разворачиваюсь к курице и картошке, которые ставлю в духовку. Остался лишь салат, им мы и займёмся.

Алекс пританцовывает, и искоса поглядывая на неё, не могу сдержать улыбку. Сейчас редко мне удаётся увидеть её такой расслабленной и беспечной. Когда песня сменяется на Dan Balan feat. Matteo – Allegro Ventigo, Алекс подпрыгивает на месте, словно её ужалила оса. Тихо посмеиваюсь, когда она, нарезая помидоры, скромно покачивает бёдрами и тихо подпевает на испанском, который когда-то давался ей с трудом. Откладываю нож в сторону, и подаю ей руку, чтобы она раскрепостилась.

Выложив свою ладонь в мою, она улыбается, когда я притягиваю её ближе, обнимаю талию и начинаю двигаться в танце. Улыбка Алекс становится шире, а тон голоса прибавляет громкости. Поистине наслаждаюсь каждой секундой, видя её такой счастливой. Отстраняясь от меня, она делает круг под моей рукой и выводит восьмёрку, поставив один кулачок на бедро. Чувствую, как губы готовы порваться из-за улыбки. Закрыв глаза, Алекс продолжает подпевать, круча головой из стороны в сторону, а моё сердце выпрыгивать из грудной клетки. Позволяю ей управлять собой, прижимаясь ближе и повторяя за ней движения ногами, пока наши пальцы переплелись. Я буду танцевать вечно, лишь бы видеть эту улыбку и слышать смех.

Песня сменяется на All Time Low – Good Times, и когда она уже хочет отстраниться, я притягиваю её назад и кладу ладонь на талию, а второй поднимаю подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

– Я хочу видеть тебя той, которой ты была.

– Какой?

– Открытой.

Алекс медленно кивает, продолжая смотреть в мои глаза.

Приближаюсь к ней и оставляю поцелуй, получая слабый выдох. Зелёные глаза закрыты, а сквозь разовые губы, моё лицо опалает теплое дыхания. Поглаживая щеку, я рассматриваю каждую клеточку её лица, которое заключаю в свою ладони и прижимаюсь губами к губам. Таким моментам нет цены.

Алекс кладёт ладони на мои запястья, и я улыбаюсь, видя кольцо на её безымянном пальце. Она полностью моя. Не просто моя девушка, а невеста, которая скоро будет носить мою фамилию.

– Останешься? – прошу я.

Приоткрыв глаза, она кивает, и я улыбаюсь. Выдыхаю и заключаю её тело в кольцо своих рук. Несколько минут мы просто стоим в тишине, наслаждаясь друг другом. Когда она прижимается к моей груди, я чувствую себя таким живым, как никогда ранее. Слово её энергия передаётся мне, заряжая собой. Большой палец поглаживает открытый участок мягкой кожи, а я оставляю на макушке поцелуй и втягиваю аромат её волос.

– Я люблю тебя, – шепчет она, на что я улыбаюсь, позволяя собственному сердцу танцевать.

Я слышал эти слова больше миллиарда раз, но именно сейчас они кажутся первыми, как когда-то в сообщении, ко-

торое она написала.

– Я люблю тебя, – повторяю я, ещё крепче прижимая её к себе, словно она может исчезнуть.

Поужинав, Алекс включила фильм, и я не совсем вникал в её выбор. Что бы она не включила – я посмотрю. Упав в угол дивана, я притянул её к себе и усадил между ног. Этого чувства спокойствия и уюта давно не мелькало на горизонте без неё. Сейчас всё кажется правильным. И я чертовски счастлив, что ребёнок сближает нас. Человек, который похож на зерно, способен намного больше, чем всем кажется. Несмотря на то, что Алекс забеременела в такой сложившейся ситуации, я буду кричать о том, как счастлив.

Упав на мою грудь, она накрылась пледом, а я положил ладонь на её живот. Лучшего вечера невозможно придумать. Я и не думал смотреть фильм, всё моё внимание было устремлено на ровную поверхность её тела, и я с нетерпением жду, когда она округлится.

Спустя некоторое время, дыхание Алекс выровнялось. Выключив телевизор, я выбрался из-под неё и подхватил на руки сразу двух человек, которых уложил в кровать. За десять минут мне удалось сбрить щетину и ополоснуться под душем. В кровати, притянул к себе комочек тепла, оставляя поцелуи на плече девушки.

Махнув головой, я поморщился, чувствуя щекотливые касания на лице. Приоткрываю глаза и встречаюсь с зелёными, принадлежащими собственной девушке. Сознание не сразу

подчинилось мне, пришлось потерять глаза, чтобы поверить в реальность. Она тут.

– Зачем ты побрился? – спросила Алекс, проведя пальцем вдоль моего подбородка.

– Что? – потерев лицо, я уловил то, что она имеет в виду. – Не хочу становиться Ноем и строить ковчег.

– Мне нравится.

– Когда тебя царапают?

– Ну... это тоже, но тебе идёт.

– Ладно, буду бриться по расписанию, – смеюсь я, притягивая её к себе.

Голова Алекс падает на мою грудь, а палец находит локон её волос.

Слушать шум машин за окном, чувствовать тепло её дыхания, ощущать прикосновения, когда она кладёт ладонь на мой живот. Хотелось бы ещё добавить, что мы вместе позавтракаем и проведём день, но я знаю – это невозможно, сегодня будний день.

– Ты не можешь пропустить один день? – с надеждой предлагаю я.

– Нет, – улыбается Алекс, – сегодня четверг.

– И что?

– Вчера мы сдали статьи для выпуска.

– Кто их проверяет?

– Фрэнк.

– Один?

– Да, обычно по четвергам и понедельникам он приходит раньше, чтобы разобраться со всем без спешки.

– У него нет помощника?

– Нет, он же главный редактор, ничто не проходит мимо него.

– Это дерьмово.

– Да, поэтому я должна купить кофе и порадовать его порцией бодрости.

– И как часто ты это делаешь?

– Раз в неделю точно.

Помолчав минуту, я выдыхаю, а Алекс ставит на руки подбородок и смотрит на меня.

– Я не могу привыкнуть к вашей дружбе, – честно говорю я.

– Почему?

– Не знаю, но я не буду вставать против неё, и убеждать тебя держать дистанцию.

– Да? – смеётся Алекс.

– Ага, ты не оставляешь мне выбора.

– Спасибо.

– Не благодари, это не точно.

Алекс вновь смеётся, а я улыбаюсь, смотря на её счастливое лицо.

– Я должна идти, ты можешь спать дальше.

– Именно так я бы поступил, если бы ты не разбудила меня.

– Ты сбрил щетину! – восклицает она, щеголяя к дверям в моей футболке.

– Засуди меня за это.

С улыбкой, она скрывается за дверью, и я поднимаюсь следом. Лишь три дня в неделю я могу спать до любого времени, остальные дни в шесть утра стою у раковины с зубной щёткой во рту, собираясь на тренировку. Не могу жаловаться, что мне не нравится, но вставать с Алекс намного приятней одиночества. Почистить зубы одной щёткой, приготовить вдвоём завтрак, который, кстати говоря, я практически готовил один, потому что Алекс красилась. Закинув в сковороду бекон, я втянул приятные жареные ароматы, чего не сказать об Алекс. Соскочив со стула, она с зелёным оттенком лица понеслась к туалету.

Убрав сковороду с огня, я поплёлся к дверям.

– Ты как?

– Хорошо... всё хорошо.

– Я могу войти?

– Да, ты видел меня в состоянии похуже тошноты.

Видя её измученный вид, я проклиная природу, которая делает это с ней. Я обезоружен. Единственный способ не видеть её такой – убрать из рациона продукты, которые меняют цвет её лица.

– Я больше не буду есть бекон.

– Не говори глупостей, это временно, скоро всё наладится.

– Ты в этом уверена?

– Я же не буду беременной вечно. Жарь, я потерплю.

– Сделаю без него.

Вздохнув, я тяну её к себе и прижимаю к груди, поставив подбородок на макушку.

– Что ты будешь завтракать?

– Кофе? – спрашивает Алекс.

– Не угадала. Глазунья.

– Добавь хотя бы помидор, – куксится она.

– Хорошо.

Оставляю её в ванной, и доделываю наш завтрак. К счастью, тошнота прошла, и улыбка вновь появилась на лице Алекса, как и лёгкий румянец. Новый вопрос к Джареду добавлен к списку в моей голове.

– Я довезу тебя, – сообщаю я, подхватив ключи со столешницы.

– Я могу дойти.

– Когда у меня есть возможность провести с тобой лишнюю минуту – именно с тобой я её проведу.

Уголки губ Алекса поднимаются в улыбке, ей взаимностью отвечают мои.

Время с ней пролетает незаметно. Ещё секунду назад я только открыл глаза и увидел её, а сейчас она уже прощается и скрывается за дверью кофейни напротив офиса. С тяжестью на сердце выдыхаю и беру в руки телефон, набрав номер брата. В восемь утра он вряд ли спит, у этого засранца будильник в заднице. Либо он уже на тренировке, либо ухо-

дит с тренировки, либо собирается на тренировку.

– Хочешь поболтать по душам? – спрашивает Джаред, приняв звонок практически сразу.

– Смотря, что ты под этим подразумеваешь, мне нужна твоя помощь.

– Приезжай, я дома. Лизи уже ушла на работу, мелкие ещё спят.

– Ни к чему так распинаться, – смеюсь я, – скоро буду.

Сбрасываю вызов и отпускаю тормоз, выезжая на дорогу.

Весь путь занимает двадцать минут езды. Раньше я не так задерживал внимание на районе их проживания, но сейчас поменял своё мнение. Практически каждый дом я рассматриваю с интересом. Парочка объявлений о продаже привлекает интерес, и радуется тем, что это на соседней улице от Картеров. С ужасом понимаю, что никогда не говорил об этом с Алекс. Я не знаю, хочет ли она жить в собственном доме или привыкла к квартирам. Логично, что она не будет против дома, ведь прожила в нём всю жизнь, но родительский дом всегда отличается от своего. Возможно, я слишком заморачиваюсь, но угодить Алекс намного приятней.

Паркую машину на подъездной дорожке и захожу в дом, слыша парочку мужских голосов с заднего двора.

Джаред и Крис занимают место в креслах, глаза второго кажутся стеклянными, когда он смотрит на меня. За всё время нашего знакомства, мне не удавалось видеть его в подобном состоянии. Напряжённые плечи, бледное лицо и отсут-

ствие даже намёка на улыбку и пошлость. Это не свойственно ни Джареду, ни Крису. Они очень похожи.

– Ты в порядке? – сразу спрашиваю я, протянув чему ладонь, – что-то с Камиллой?

– Всё в порядке, – выдавливает он, смотря в ноги.

– Выглядишь дерьмово.

– Знаю, – кивает Крис. Закинув голову назад, он закрывает глаза и делает тяжёлый выдох.

Вопросительно смотрю на Джареда, который качает головой. Не так давно по телефону он был в хорошем расположении духа, сейчас на нём нет лица. Хотя, лучше сказать, что оно полностью непроницаемо, с отсутствием всяких эмоций.

– Нужно ехать, – говорит Крис, – через час на работу. Приеду пораньше.

Кивнув на прощанье, он бредёт к дому и скрывается за дверьми, в тишине между нами, слышится, как закрывается входная дверь. Обращаю взгляд к Джареду, который смотрит на детскую площадку.

– Он в норме?

– Не бери в голову, свои проблемы, – отмахивается Джаред, – наладится.

– Ладно.

Брат трёт ладонями лицо и подставляет кулаки под подбородок, расставив локти по коленям. Идею с просьбой о помощи – думаю отложить на потом. Я не вооружённым глазом вижу, что на его голову только что выбросили мусорное вед-

ро собственного дерьма. Крис – его лучший друг, если они не говорят – они чувствуют. Я и сам нашёл поддержку в брате, несмотря на отношения между нами, которые никогда нельзя было назвать закадычными друзьями. Конечно, мы понимали, что есть друг у друга, но не так, как сейчас. Невозможно сравнить дружбу Алекс и Лизи с нашей, это необъяснимо. Мы дружим иначе.

– Как дела? – спрашивает он.

– Лучше, чем было.

– Конечно, ты же скоро станешь папкой, у вас всё нормально?

– Всё хорошо.

Джаред вопросительно смотрит на меня, и я выдыхаю.

– Мне нужна твоя помощь.

– Какая?

– Надо что-то делать с жильём.

– В плане?

– Покупать дом или квартиру. Чувствую себя дерьмово, когда обращаюсь к тебе.

– Я не вижу в этом ничего дерьмового.

– Может быть, дело в гордости. Пошёл бы ты просить у меня помощи?

– Да, я уже это делал.

– Не делал.

– Я просил тебя помочь мне с Лизи, когда всё было дерьмово. Просил защитить её от других, чтобы она принадле-

жала только мне.

– Это не помощь. Она и сама это сделала. Ты можешь помочь с покупкой?

– Да, позвоню, не вижу проблемы.

– Мне нужна какая-то ипотека. Я не знаю, где она хочет жить.

– В каком плане? Она уже живёт в Нью-Йорке.

– В квартире или в доме. Я хотел сделать сюрприз.

– Ладно, поговорю с Лизи, пусть узнает. У меня другой вопрос. Ты долбанулся?

– Скорей всего.

– Какая нахрен ипотека?

– Я участвовал в парочке игр, это может быть только какой-то частью задатка. Остальное время я без толку протер штаны в бюро.

– Не думал, что там зарабатывают так дерьмово, – смеётся Джаред.

– Да, если ты всего лишь помощник.

– Даже не думай, что ты залезешь в это дерьмо.

– У меня нет выбора, если у тебя не завалились несколько лишних миллионов. Главное узнать, чего хочет Алекс.

– Лишних не завалилось, но лучше ты будешь должен мне, чем кому-то ещё. Ты хреново знаешь свою невесту.

– Многое изменилось, и её желания тоже. Когда-то она хотела работать на себя, а сейчас вприпрыжку бежит в издательство.

– У тебя есть время наверстать упущенное.

– Я уже это делаю.

– Ладно, – усмехается Джаред, – позвоню сегодня, а Лизи вытащит что-то из Алекса.

– Подожди, – прерываю брата, – я сам узнаю. Это моя будущая жена, я должен знать её желания сам.

Джаред выгибает бровь и закатывает глаза.

– Чёрт, не верю, что хочу это сказать, – вздыхаю я, смотря на него, – я рад, что моим братом являешься именно ты.

– Наконец-то ты это признал, – смеётся Джаред, – только не надо целовать руки, я брезгую.

– Я и не собирался, придурок. Не забывай, что в списке твоих друзей имеется Дин.

– Да, убеждай себя в этом. И мне тоже нужна твоя помощь.

– Какая?

– Помоги сделать разбрызгиватель.

– Серьёзно? – смеюсь я.

– Хреново бегать туда и обратно, особенно когда они лезут.

– Без проблем.

Через час, когда наши руки по локоть в грязи, а голова идёт кругом, на пороге появляется парочка мордашек с полосами от подушек на лице. Принимаю объятия Мэди и стук кулаком в плечо от Мэйса, из-за чего вопросительно смотрю на Джареда, который усмехается, и они встречаются кулаками друг друга.

- Чисто мужское приветствие, – проясняет он.
- Не рановато ли? Он может просто улыбаться.
- Это для девчонок.
- Да, действительно, – смеюсь я.

Решаюсь провести часть дня с братом и его семьёй.

За прошедшее время, успеваю получить кашей в лицо, побегать с ними под разбрызгивателем и приготовить обед. Плюсом помогаю Джареду доделать дорожки. С теплотой на сердце понимаю, что совсем скоро это будет присутствовать и в нашей жизни. Благодаря им, желание в покупке дома преобладает над приобретением квартиры. Джаред вошёл во вкус с задним двором, который раньше был абсолютно пуст, а сейчас имеет детскую площадку, диван-качели, зону отдыха для барбекю, и что-то мне подсказывает, что он не остановится. Конечно, он может и палец не напрягать, заказывая услуги, но Джаред делает всё сам, что довольно сильно удивляет и оставляет приятные впечатления. Я его понимаю, потому что сам заряжаюсь подобным энтузиазмом, постепенно выстраивая картинку идеально дома для нас. Надеюсь, Алекс разделяет моё мнение.

Глава 26

Том

Спустя месяц, я не сдвинулся с мертвой точки. Всё было не тем, словно не для нас. Сколько бы домов я не объездил вместе с Джаредом и Патриком, который стал для нас буквально нянькой, не было ничего подходящего. Это понимал не только я, но и Джаред. Как-то Лизи обмолвилась, что, заходя в дом, ты должен сразу понять – это твоё. Конечно, за неё выбрал муж, но он разделял подобное мнение. Джаред сказал, что это была симпатия ещё до того, как он зашёл в дом. Когда он прогулялся по внутреннему наполнению, сомнений больше не оставалось. Вероятно, у меня должно быть аналогично. Но всё то, что мы посмотрели – не воодушевляло. С измученными гримасами, мы покидали очередной дом.

Хотя, шаг с мертвой точки я всё же сделал, узнав у Алекс, чего она желает. На сегодняшний день я точно знал, что мы должны жить в доме. В идеальности, она желала жить в районе Картеров, и это я тоже подчеркнул, изначально выбрав точку для будущего жилья в Нью-Йорке. Через неделю мне придётся улететь, и оставляя её тут, хочется знать, что она не одна. Я всегда буду спокоен, когда рядом с ними кто-то на соседней улице, а лучше в доме напротив, как когда-то было

в Вашингтоне.

Эта неделя не должна завершиться так печально. Следующий месяц меня не будет, тем самым всё отложится. Мне необходимо найти этот проклятый дом в ближайшее время.

Поверить не могу, что в мегаполисе невозможно подыскать ничего близлежащее к нашим предпочтениям. Радует только то, что я увеличу будущий бюджет на покупку, либо останусь должен Джареду меньше. Придётся рвать задницу, потому что в случае победы, сумма каждого участника команды увеличится даже не в два раза, а в четыре. А мне, чёрт возьми, это очень необходимо. Я готов рвать задницу за всю команду, даже если придётся играть в одиночку. Я сделаю это, потому что у меня есть цель. И не единственная. Их как минимум трое: Алекс; человек, проживающий внутри неё и наше счастливое совместное будущее. Всё упирается в деньги, как когда-то раньше, только сейчас всё иначе. Нам нужно своё. В двадцать пять я хочу понимать, что у меня есть любимая семья и свой дом, а не одиночество и съемная квартира.

Откидываюсь на спинку сидения и тяжело выдыхаю.

– Это какое-то беспросветное дерьмо.

– Попробую связаться с продавцами тех домов, но обещать не могу. Они не берут трубку третий день, – кивает Патрик, выезжая на дорогу.

– Спасибо.

– На сегодня есть ещё один, но он через три улицы. Цена – подарок.

– Что с ним не так?

– Документы.

– Я разберусь.

– Уверен?

– Я гребаный адвокат, если верить диплому, разве это не моя работа?

– Сейчас ты бейсболист, – усмехается Джаред.

– Я отбиваю мячи, а не голову.

– Я не особо что-то помню.

– Ты учился на уголовном. И, кроме того, ни единого раза не работал по специальности, – выгибаю бровь, смотря на брата, в то время как на его лице растягивается удовольствие от моих слов. Его явно устраивает настоящее время.

– Я только рад. Моя работа прибыльней и интересней.

– Да, мешать чьё-то лицо с кровью намного интересней.

– Я превращаю их в мясо, – смеётся он, а я закатываю глаза.

– Мы так гордимся нашим мальчиком, – верещу я писклявым голосом.

– Не бурчи, старик, – улыбается брат, – мы что-нибудь найдём. Буду ездить один или с Лизи, и звонить тебе по видео связи.

– Я улетаю через неделю. У меня есть семь дней, чтобы найти подходящий дом.

– За неделю мы перероем весь Нью-Йорк, не переживай на этот счёт, – вступает Патрик, и я благодарно улыбаюсь

мужчине за рулём.

Его янтарные глаза на секунду задерживаются на мне, после чего он вежливо улыбается.

– Будет обломно, если дом, о котором грезит Алекс я уже смотрел, но не счёл его за нужный.

– Дело не только в Алекс. Ты тоже должен чувствовать себя там комфортно, – говорит Джаред.

– Тебя это не особо беспокоило, когда ты искал дом.

– Да, не особо, – кивает он, – но Лиз всё равно сделала его намного лучше. Алекс может сделать то же самое, она – дизайнер. Она может его перестроить от и до.

– Зачем тогда нам дом, если мы перестроим его?

– Ты прав, – хмурится Джаред, – в любом случае, мы найдём что-то стоящее.

– Обязательно найдём, это моя работа, – улыбается Патрик, подъезжая к новому дому, где нас ожидает тройка людей.

Серый двухэтажный дом, по левому боку вперёд выпирает отдельная постройка под гараж; прямо на нас смотрит входная дверь и парочка окон по обе стороны от неё, с правой стороны лестница, от которой тянется дорожка, упирающаяся в стену с гаражом, соединяя на своём пространстве окна и двери. Белые перила от первой ступеньки, встречаются с той же стеной, где и навес гаража. Зелень, скрывает пустую стену гаража, и впервые я чувствую что-то проходящее, но те дома, на соседней улице от Картеров – всё ещё не дают

мне спокойно жить.

– Добрый день, – приветствует тройку Патрик.

Женщина и парочка мужчин вежливо улыбаются нам, и глаза, вероятно, владельцев дома, рассматривают меня и Джаред. По Патрику и мужчине, пожимающим ладони друга друга сразу понятно, кто они есть: брюки, рубашки, говорящие за них наперёд.

– Добрый день, – здоровается с нами мужчина, протянув руку в знак знакомства: – Эрик.

– Том, – киваю я, принимая его рукопожатие.

– Джаред, – следом отвечает мой брат.

– Талия и Роджер хотят лично убедиться, что в доме будет жить хорошая семья, – улыбается мужчина, и я переглядываюсь с Джаредом, который не сдерживает смешок.

– Мы братья, – сообщаю я, из-за чего глаза владельцев округляются, словно я выступаю в поддержку инцеста. Едва сдерживая смех в то время, как Джаред не славится подобным самоконтролем, я добавляю: – это сюрприз для жены. Брат мне помогает.

– А, – с сожалением, на меня смотрит женщина, и легкая улыбка поднимает уголки её губ.

– Всё в порядке, – киваю я, пожимая ладонь её мужа. – Патрик сказал, что у вас проблемы с документами. Какие именно?

– Площадь постройки, это нужно уточнять в архитектурном, – говорит Роджер.

– Я в курсе. Мне нужны документы.

– Вы даже не посмотрите дом? – недоверчиво спрашивает

Талия.

– Посмотрим, но мне нужно знать, что именно там не так и смогу ли я это исправить.

– Мы готовы оплатить юридические услуги, – выдыхает она, вероятно, сталкиваясь с этим не первый раз.

– Спасибо, это не потребуется, – вежливо улыбаюсь я, из-за чего их глаза расширяются, а брови поднимаются, и я скорей стараюсь исправить свою резкость: – у меня юридическое образование, я могу сделать всё сам.

– Мы всё равно можем оплатить Вашу работу, даже если Вы не будете приобретать дом, – благодарно улыбаясь, она смотрит на мужа, ища в нём поддержку, и Талия получает её в виде улыбки.

– Я могу сделать это безвозмездно, – киваю я, – для начала мне нужно знать, что там не так.

Эрик протягивает мне папку, а Патрик отклоняется в сторону из-за звонка. Быстро прохожусь взглядом по всем параметрам, рядом со мной тем же самым занимается Джаред, сведя брови и расставив руки по бокам. Моментально нахожу ошибки и расхождения в нескольких документах. Я не знаю, почему они не занялись этим раньше, потому что дело действительно плёвое, нужно лишь доказать правдивость либо одной квадратуры, либо второй. Стоит только вызвать кого-то из архитектурной компании для осмотра. Я уже ра-

ботал с подобным несколько раз, и могу всё исправить с закрытыми глазами, набрав нужный номер.

– Я знаю, что делать, – сообщаю я, – это же просто, вы бы давно продали его, если бы связались с любой юридической или архитектурной компанией. Это можно сделать самостоятельно.

– Может, это судьба? – немного улыбается Талия.

– Вполне может быть, – согласно киваю я.

Вытаскиваю телефон из кармана и нахожу номер Чарльза, нажав кнопку вызова.

– Том? – удивлённо восклицает он, – вернулся в бюро?

– Да, если бы решил совершить самоубийство, – смеюсь я, – нужна помощь. С меня билеты на первый ряд, когда будет игра.

– Принимается, – в ответ, смеётся Чарльз, – что нужно?

– Расхождения в квадратуре.

– Напиши адрес, в течении часа буду.

– Спасибо.

– Насколько всё плохо?

– Проще пареной репы.

– Значит, билет будет один? – с явной улыбкой в голосе, спрашивает он.

– Столько, сколько нужно. Для всей семьи.

– Я сделаю всё за день.

– Хорошо, – смеюсь я, – ты продажный, ты знал?

– Нет, просто люблю бейсбол.

– Ладно, жду.

Скидываю вызов и обращаю взгляд к Талии и Роджеру.

– Мы всё исправим за день, – сообщаю я.

– Хорошо, сколько нужно заплатить? – оживляется женщина.

– Ни сколько, он уже получил оплату другим образом.

– Боже, спасибо, – восклицает она.

Киваю и возвращаю папку Эрику. Быстро списываю адрес с таблички на доме и отправляю Чарльзу.

– Тот дом, который ты хотел посмотреть, они перезвонили, – с явным удовлетворением от проделанной работы, заявляет Патрик.

– Ладно, мы посмотрим оба. Они могу сегодня?

– Да, они дома.

– Ладно. Чарльз приедет всё исправить с документами.

– Проходите, – улыбаясь, Талия указывает на дом. Моя помощь явно помогла ей смягчиться, и теперь две пары глаз благодарно смотрят на меня.

Открыв дверь, Эрик пропускает нас вперёд, и первое, с чем я встречаюсь – серый диван с яркими подушками по обе стороны, который спинкой смотрит на меня. По обе стороны от него парочка кресел, а напротив телевизор и журнальный столик с зеркальным отражением. Один угол между креслом и диваном занимает высокое зелёное растение, а другой – напольная стальная лампа, дугой выгнутая над диваном. По правую сторону от телевизора – встроенные в стену полки,

на которых рамки и книги. Под ногами ламинат цветом венге, который, кстати, любит Алекс. Молочного оттенка стены, понизу которых тянутся белые плитуса. Белый потолок с выпирающим навесом над телевизором, по которому ровной линией выстроились мелкие светильники. Левую сторону у стены занимает лестница и окна от потолка до пола, открывая вид на лоджию, где разместились горшки с цветами. Раньше я не обращал внимания на такую мелочь, но именно зелень делает этот дом таким уютным и тёплым. Правую сторону занимает шкаф и парочка пуфов.

Эрик махает рукой и следует в сторону окон, где тянется небольшой коридор длиной примерно пять футов.

– Тут ванная комната, – указывает Эрик на дверь между двумя комнатами.

Открыв дверь, разглядываю квадрат, на котором поместилась душевая кабина, раковина и унитаз. Даже при таком минимализме, это кажется вместительным и уютным.

Ставлю парочку галочек в голове, когда перед глазами расстилается просторная белая деревянная кухня, по центру которой квадратный стол внушительных размеров, будто наша семья будет не из трёх человек, а в добавление к нам, будет четвёрка Картеров. Всё в одном дизайне, но в этот раз между объемными окнами, уместилась дверь, от которой тянется лестница на задний двор. В голове тут же вспыхивает картинка с Алекс, которая готовит кофе по утрам в моей футболке. Слишком просто представить её тут, будто это в

порядке вещей.

Выглядываю на задний двор и обнаруживаю пустоту, лишь зелёная трава и забор.

– Мы им не пользовались, – отвечает на мой немой вопрос Роджер, – я всегда в гараже, а жена на кухне.

– Тут очень уютно, – улыбаюсь я, разглядывая кухню, получая смущенную улыбку Талии. – Почему вы его продаёте?

– Хотим переехать ближе к внукам, они слишком далеко.

– Далеко?

– В Филадельфии.

Поджимаю губы и киваю. Моя мама, вероятно, узнав о беременности Алекс, была бы уже тут, планируя нашу свадьбу. Это заставляет меня улыбнуться и посмотреть на Джареда, который какое-то время жил, принимая помощь бабушек, чтобы окончить университет, и точно также жила Лизи. Но мы уже не в том возрасте, чтобы просить родителей, хотя они будут только рады.

Следую за Эриком, который поднимается на второй этаж.

В небольшом, но достаточно просторном коридоре расположилось четыре двери. Эрик открывает первую с правого бока.

– Гардеробная.

Быстро прохожусь по заполненным вешалкам и полкам, после чего киваю, поставив ещё плюс этому дому. Их уже три, а теперь и четыре.

Эрик открывает следующую дверь, где точная копия ван-

ной комнаты внизу. Различие лишь в присутствии окна и ванны, а не душевой кабины.

– Хозяйская спальня, – говорит он, распахнув новую дверь.

Комната достаточно внушительных размеров. Большое окно, открывающее вид на задний двор, по правую сторону большая кровать с парочкой прикроватных тумбочек, напротив дверь и женский туалетный столик.

– Тут тоже имеется своя ванная комната, – улыбается Эрик, видя замешательство на моём лице.

Открыв дверь, разглядываю белые плитки напоминающее мраморное покрытие. Прозрачная душевая кабина, унитаз, раковина, узкий шкафчик в уголке.

– Чёрт, нужно задумываться о переезде, – смеётся Джаред, – наш дом слишком маленький, если сравнивать с этим.

– Зато он уютней больше половины домов в Нью-Йорке.

– Твоя правда, – соглашается брат. – Но в любом случае, это нужно делать. Скоро мелким понадобятся отдельные спальни.

– Это да, – киваю я.

Эрик открывает новую дверь, и комната оказывается пустой.

– Это была детская, – вступает Талия, – нашей дочери она уже не нужна.

– Хорошо.

В последней комнате находится лишь парочка кроватей,

как заверяют нас хозяйева – для гостей.

– Я всё ещё не понимаю, почему он не продан. Сделать правильные документы не составит проблем.

– Это новые траты и всех покупателей почему-то пугало.

– Значит, мне повезло.

Телефон гудит в кармане, и видя на экране имя, я принимаю вызов.

– Я тут, – сообщает Чарльз.

– Мы уже выходим.

Сбрасываю вызов, обращаю взгляд к Эрику и хозяйевам.

– Чарльз приехал, он всё сделает.

– Мы можем пока съездить в тот дом, который ты хотел посмотреть. Они ждут, – говорит Патрик.

– Да, не будем тратить время, – соглашаюсь я.

Странное чувство потери окутывает меня, когда мы покидаем дом. Бросаю на него последний взгляд и вижу направляющегося к нам Чарльза. Убрав каштановые волосы назад пальцами, он пожимает мою ладонь, а следом остальных мужчин.

– Нам нужно отъехать, сделаешь без меня?

– Без проблем, – соглашается парень.

Оставляю четвёртку и прыгаю в машину, что вместе со мной делает Джаред и Патрик.

Как только дом скрывается с глаз, огорчённо выдыхаю. Что-то внутри меня не желает его отпускать. Не это ли чувство я должен испытывать, когда выбираю будущее место

для жизни? Этих мнительных ощущений не было, когда за спиной оставались десятки других домов. Во мне бушует ураган сомнений. К горлу буквально подступает разочарование, как будто при отсутствии нас там, его продадут без колебаний, оставив меня с грудой пепла из сожаления.

– Чёрт, я не могу отделаться от чувства, будто что-то упускаю.

Джаред поворачивает ко мне голову, и улыбка на его губах говорит за него.

– Тогда ты уже сделал выбор.

– Не хочу делать преждевременные выводы, мало ли тот дом будет ещё лучше.

– Поверь, для тебя не будет.

Пожимаю плечами и отвожу взгляд в сторону. Интуиция покидает меня, переходя на сторону слов Джареда. Но когда вижу нужный дом, она отступает.

Обшитые стены белым декоративным камнем, покрывают краску сиреневым цветом. Дом достаточно больше предыдущего, но почему-то сейчас кажется ничтожно малым. Одинокий мужчина, ожидающий нас на пороге – лишь больше угнетает меня.

Дальше ещё хуже. Всё внутреннее наполнение отталкивает своей современной роскошью. Как бы не старался мужчина, представившийся Брюсом, дом не производит должного впечатления. Это словно не моё. Не для нас. Я легко провожу параллели, где чувствовал себя комфортно и по-домаш-

нему. И когда мы покидаем дом, я едва могу улыбнуться.

По пути к машине, Джаред подталкивает меня плечом.

– Мысленно ты уже живёшь там.

– Есть такое, – выдыхаю я.

– Значит, выбор сделан.

– Хреново чувствовать, что можно найти лучше.

– Можно, ты только что его смотрел. Но это не твоё. Не уверен, что ты мог думать по-другому, даже не посмотрев предыдущий дом. Он бы не понравился тебе, поверь мне. Просто внешняя красивая картинка.

– Может быть. Мне было бы проще, если бы она была рядом с вами.

– Она и будет. Несколько улиц и она у нас.

– Не могу отделаться от мысли, что она предпочтёт моему выбору вот этот.

– Не предпочтёт, – кивает Джаред. – Она оценит.

Выдыхаю и киваю, надеясь на то, что слова брата станут истинной.

– Ты должен рассказать ей сегодня, – продолжает он.

– Лучше, когда документы будут готовы.

– Ты сказал, что они сегодня будут готовы.

– Сейчас узнаем.

– Так что? – присоединяется Патрик, – выбор сделан?

– Да, – киваю я.

Губы мужчины вытягиваются в улыбке.

По возвращению, получаю желаемый ответ от Чарльза.

Документы действительно можно сделать сегодня и, если бы не мой возраст, я мог верещать от радости, как маленький мальчик, получивший желаемую машинку на управлении. Подпись на документах и задаток подтверждает покупку, и мой взгляд падает на брата. Конечно, я легко могу сказать, что справился бы без него, но это не так. Он является не только материальной помощью, он является моральной поддержкой. Это гораздо ценнее и лучше бумажек, которые можно было бы взять в банке.

Прощаемся с Талией, Роджером, Чарльзом и Эриком. И ключи появляются в моей ладони. Джаред прав, я должен привезти туда Алекс сегодня же, как минимум по причине решения вопросов с мебелью, которую можно оставить, а можно отказаться. Чувствую себя чертовым властелином вселенной, когда падаю на сидение. Талия и Роджер уезжают сегодня к семье, оставляя дом в моём распоряжении, как и документы в руках Чарльза, который исправит погрешности и передаст Патрику и Эрику для решения дальнейших неурядиц.

Нервозность и волнение пропитывают каждую частичку сознания, когда я набираю сообщение для Алекс, указывая в нём время и адрес, где ей нужно быть.

Оказавшись в доме Картеров, падаю на диван и тяжело выдыхаю.

– Это безумие.

– Иногда оно нужно, – усмехается брат.

– Я должен тебе по гроб жизни.

– Давай не так долго? – смеётся он.

– Да. Если эта игра будет победной, я отдам четверть долга.

– Ты решил оставить мебель?

– Не знаю. Написал Алекс время и место, я уже выбрал дом, дальше решать ей.

– Если вы отказываетесь, то отдашь потом, когда обустроитесь.

– Я не могу оставить тебя без денег.

Джаред выгибает темную бровь, смотря на меня.

– У меня есть деньги.

– Какая разница? Я должен тебе.

– Да, но тогда, когда решите с дальнейшими планами. Где, вашу мать, моё приглашение на свадьбу?

– Пока мы застыли на предложении. Но она уже не стесняется меня, это прогресс.

– Да, прогресс спустя месяц, – гогочет Джаред.

Шутя, пинаю его ногу.

– Заткнись.

Джаред закатывает глаза и показывает мне средний палец.

– Где твоя жена и дети?

– На пляже, – буркает он. Тут что-то не так, я уверен в этом точно так же, как в утверждении, что Земля круглая.

– И ты сейчас сидишь со мной тут?

– Да, – Джаред пожимает плечами, и откидываются на

спинку дивана, устремляя взгляд в телевизор.

– Скажешь, что всё под контролем?

– Нет.

– Тогда что?

– Мне нужно улететь через пару недель.

– И?

– Хочу, чтобы она полетела со мной.

– В чём проблема?

– В моей жене, чёрт возьми, – фыркает он.

Выгибаю бровь, задавая немой вопрос или ожидая объяснений. Джаред упрямо продолжает сверлить глазами экран. Его хрен разговоришь, но это возможно. Мой брат – спящий вулкан. Стоит сделать шаг, и он взорвется.

– Поверить не могу, что задаю этот вопрос: вы разругались?

– Да, – кивает он, не поворачиваясь ко мне.

– В чём проблема?

– В том, что она отказывается лететь с детьми.

– Так оставь с родителями, пусть приедут в Нью-Йорк.

Это же не проблема.

– Скажи это Лиз, – бурчит он. – У неё работа.

– Я поговорю с Алекс, она её переубедит.

– Не нужно. Это должно быть её желание, а не моё принуждение.

– Вам нужно время вместе. Вы всё время с детьми.

– Они не так давно были неделю у родителей.

– И? Побудут пару дней.

– Неделю, – исправляет Джаред.

– Какая разница? Неделю. Что ты за слюняй?

Джаред усмехается и поворачивается ко мне.

– Что ты сейчас сказал?

– Слюняй, – повторяю я, с не менее широкой улыбкой, чем прежде.

– Это говорит мне слюняй.

– Возможно, это семейное, – смеюсь я.

– Мне досталось максимум двадцать процентов, остальная часть твоя.

– Ты себя видел? Да ты пропитан соплями со второго курса.

– Кто бы говорил. У тебя это ещё со школьной парты. Я подозреваю, что до Алекс ты был девственником.

– Заткнись, – хохочу я, пихая его в плечо, на что Джаред делает ответный толчок.

В итоге, наша словесная перепалка превращается в меси-во на полу, где, громко гогоча, мы успеваем стряхивать друг друга с себя, как малые дети. Наступаю Джареду на запястье, и он недовольно вскрикивает, отталкивая меня.

– Тебе хана, – через смех, заявляет он, а я салютую ему средний палец.

– Принеси себе слюнявчик.

– Захвачу второй для тебя.

Когда его колено выпивается в моё бедро, болезненно

вскрикиваю теперь я, пихая его в сторону. На пороге появляется Лизи, и глаза её расширяются от ужаса, но тут же страх заменяет спокойствие, когда она слышит наш смех и видит улыбки. Мэйс и Мэди вырывают свои ладони и мчатся к нам. Я снова смеюсь, когда Мэйс прыгает на него, и Джаред ударяется локтем о журнальный столик, пища, как девчонка.

– Ты пищишь как девчонка.

– Ты себя слышал? – усмехается он.

– Что на вас нашло? – спрашивает Лизи, положив ключи на столешницу.

– Мой брат – придурок, – сообщаю я.

– Мой брат – идиот, – говорит Джаред.

Лизи выдыхает и качает головой.

– Как это мило.

– Знаем, – смеюсь я, поднимаясь с пола, держа на руках Мэди. – Алекс должна освободиться через час.

– Тебя довезти? – предлагает Джаред.

Отрицательно кручу головой.

– Пройдусь пешком.

Обнимаю Лизи и передаю ей Мэди, оставив поцелуй на щеке племянницы. После, поворачиваюсь к Джареду и киваю головой в сторону Лизи, которая начала доставать стакан с полки. Либо это сделает он, либо я попрошу Алекс. Судя по насупленным бровям брата, он прекрасно понимает, что я хочу ему сказать.

Машу на прощанье Мэйсу и покидаю их дом. Моя покуп-

ка находится в нескольких улицах, за это время нужно справиться с волнением и мандражом. Ей должен понравиться мой выбор, иначе я складываю руки и признаю, что совершенно не знаю девушку, в отношениях с которой уже восемь лет.

Глава 27

Алекс

Сотня мыслей и предположений пролетала в моей голове так же быстро, как и такси по пустому шоссе. Я совершенно не знаю, для чего туда еду, и с какой целью. Будет забавно, если спустя несколько лет, Том перепутал адрес местожительства брата.

Водитель заезжает на просторный квадрат и глаза не находят машину Тома, что мне сразу не нравится. Мысль о том, что это чья-то приманка, а я попала на крючок – вырывает артерии от сердца. Становится до ужаса страшно, и я не топлюсь покинуть салон машины несмотря на то, что произвела оплату. Водитель с непониманием обращает ко мне взгляд карих глаз, но и это не смущает меня. Я не готова сдвинуться с места, пока не увижу Тома.

С минуту, мы сидим в полной тишине. Я смотрю в окно, а мужчина продолжает сверлить меня взглядом. Как только появляется человек, написавший сообщение, я открываю дверцу и покидаю салон. Явно довольный исходом, таксист скорей вылетает на дорогу, а я отшатываюсь, словно получила ожог.

– Что за идиот тебе попался? – хмурится Том.

– Задержись ты ещё на минуту, и он мог вытащить меня

вместе с креслом.

– Кретин.

– Что мы тут делаем? – спрашиваю я, разглядывая дом.

– Пошли, покажу.

Взяв за руку, Том практически тащит меня за собой, пока я в замешательстве гуляю взглядом по месту пребывания.

Вполне обычный нечем не приметный район, точно такой же дом. Место довольно милое и уютное, но я всё равно не понимаю, зачем мы тут. Моё день рождения лишь через месяц, поэтому о сюрпризе не может быть и речи. Картеры живут чуть дальше. Вечер вместе мы можем провести где-то в другом месте, не обязательно снимать для этого целый дом. В последнее время Том – сплошная загадка, мой кубик рубик, за ходом мыслей которого, я не могу успеть.

Открыв передо мной дверь, он пропускает вперёд и загадочная улыбка на его губах, заставляет меня нахмуриться.

– Я ничего не понимаю, – шепчу я, – идея забраться в чей-то дом не самая лучшая, когда нам почти четверть века.

– Мы бы не заходили в парадную дверь при таком раскладе, – смеётся Том.

Оглядываю гостиную и не слышу никаких посторонних звуков. Мы тут одни, либо все задержали дыхание.

– Тебе нравится?

– Ты решил переехать в дом? А как же квартира? Мы же только дум...

– Это наш дом, – перебивает он.

– Хорошо, – киваю я.

– Алекс, ты не поняла.

– Я поняла, эти наш дом.

– Я не уверен, что ты правильно меня поняла. Когда я говорю, что этот дом наш, я имею в виду его покупку.

Жар моментально проходится волной по всему телу, словно был получен солнечный удар. Чувствую, как на лбу выступает пот, а по спине катится капля от затылка. Я практически теряю равновесие, в вертикальном положении меня удерживает лишь рука Тома, которую я держу в смертельной хватке.

– Ч-что? – выдавливаю я, смотря на него, как на привидение.

– Чёрт, тебе плохо?

Заклучив лицо в ладони, Том рассматривает моё состояние, которое говорит само за себя. Я же едва могу удержать себя на ногах. Колени трясутся, а кровь отливает от мозга, делая меня бледной, как смерть.

– Алекс! Ты как?

– Наш? – шепчу я.

– Если тебе не нравится, то я отменю сделку, ты просто скажи, – говорит он, с беспокойным выражением лица.

– Я хочу сесть... я.. мне нужно воды...

Том быстро кивает, подведя меня к дивану, садит на мягкую поверхность, через секунду его фигура скрывается за поворотом, а я подношу ладонь ко лицу.

Я была бы рада, если бы этот стакан воды вылили мне на голову, чтобы пробудить ото сна. В горле пересохло, и пытаюсь откашляться, я получаю новую засуху. Мир сошёл с ума. Трудно поверить в происходящее. Вероятно, моя чёрная полоса завершилась, и за ней следует непрерывная белая. Я не знаю, где у неё конец, но хочется, чтобы его не было.

Том резко вылетает из-за угла и протягивает мне стакан. Делаю глоток и поднимаю глаза на парня, который с тем же беспокойством смотрит на меня.

– Алекс, скажи, что с тобой всё в порядке.

Вижу, как он проглатывает слюну, состоящую скорей всего из волнения, и мне хочется броситься к нему на шею.

– Боже, – выдыхаю я, медленно поднимаюсь с дивана и ставлю стакан на журнальный столик.

Исполняю своё желание, повисая на его шее, в которую утыкаюсь носом.

– Я давно должен был всё сделать, – шепчет он. – Мне нужен был пинок. Я его получил. Я больше не подведу тебя.

– Он был нужен нам двоим, – хмыкаю я.

Сжав кольцо собственных рук на шее, втягиваю мускатный аромат его тела и блаженно выдыхаю, вдыхая его вновь.

– Тебе нравится?

– Я буду жить с тобой даже в коробке из-под телевизора, – честно отвечаю я. В этом нет ни капли лести, я уверена в своих словах.

– Мне нужно знать, что тебе нравится, ещё не поздно всё

отменить. Был другой дом на соседней улице от Лизи и Джа-реда, но...

– Но?

– Я не ощущаю там себя в своей тарелке, Лизи говорила, что нужно чувствовать своё. Я чувствую его тут.

– Мы сделаем любой дом – своим. Он уютный.

– Да, – соглашается Том, с улыбкой смотря на меня. – Экскурсия?

– С удовольствием, – киваю я.

Рассматриваю каждую точку дома, и останавливаюсь на том, что кухня – это лучшее место. В ней столько света, семейности, тепла и уюта, кажется, закрывая глаза, я чувствую ароматы свежей выпечки, словно где-то рядом мама. Конечно, это лишь плод моих фантазий и бурное воображение, но он не отменяет того факта, что это особое очарование домашнего очага проникает в каждую клеточку тела. Том прав, незримое спокойствие ложится на плечи, когда ты переступаешь порог. Смотрю на пустой дворик, представляя, как легко его можно обставить и внести нотки комфорта, а не пустоты.

Остановившись за спиной, Том обнимает меня и кладёт ладонь на живот. Он часто это делает, и порой кажется, что он даже не задумывается, работая на автомате, словно за короткий срок выработалась привычка. Смотрю на задний двор, и улыбка трогает мои губы.

Наш дом.

Никаких съёмных квартир. Я знаю, что могу прийти в свой дом, куда не явится владелец и не попросит освободить жилплощадь. Я могу сделать тут всё, что пожелаю, вплоть до сноса стен и возведения новых. Ждать его с тренировки или игры, вместе ужинать. Нет лучшего чувства, чем то, когда тебе есть куда возвращаться и к кому.

– Мы можем поговорить? – тихо спрашивает Том, из-за чего я откидываю голову назад и смотрю в его глаза, не совсем понимая выбранную интонацию.

– Да, разве не для этого люди умеют говорить?

– Я улетаю через неделю... на месяц.

– Хорошо, – киваю я.

– Хорошо? – удивляется он.

– Ну, я ведь ничего не могу поделать. Это твоя работа, и ты любишь её.

– Да.

– Я буду скучать, – грустно улыбаюсь, смотря в его глаза, – но буду ждать.

– Я тоже буду скучать, Алекс.

Тянусь к его губам, на которых оставляю поцелуй.

– Твое хобби стало работой, это ли не лучшее из чувств?

– Да, но ещё лучше знать, что ты ждёшь меня.

Растягиваю губы в улыбке и отклоняюсь на его грудь, положив поперек рук Тома – свои. Молчание между нами такое уютное и приятное. Его губы оставляют десятки поцелуев на моём виске, закрываю глаза и впитываю каждую секунду,

чтобы запомнить его аромат и объятия на ближайший месяц.

– Мы должны сказать родителям.

– О чём? – спрашиваю я, вырываясь из блаженной эйфории.

– О беременности, о свадьбе, о покупке... обо всём. За это время произошло очень много, они имеют право знать.

– Хорошо.

– Когда?

– Я.. дай мне минуту.

Вытаскиваю телефон из сумочки и нажимаю клавишу вызова возле имени друга-начальника в одном лице. Слушаю гудки, и через четыре, раздаётся его уставший голос.

– Решила помочь?

– Ты знаешь, что всегда можешь обратиться ко мне за помощью в любое время, – улыбаюсь я.

– Спасибо, – вздыхает Фрэнк, – я почти закончил. Что-то случилось?

– Я хотела попросить...

– Чего ждёшь? – в голосе слышится очевидная улыбка, и я выдыхаю.

– Я могу уехать на день?

– Ты же знаешь, что у вас свободный график.

– Да, но мне нужно уехать в Вашингтон на день.

– Тебя подвезти?

– Нет, – улыбаюсь я, – просто хотела убедиться, что могу сделать это.

– Ты знаешь, что можешь улететь хоть на Луну, но в среду вернуться назад и сдать работу.

– Ты самый лучший начальник, – смеюсь я.

– Знаю, – хохочет Фрэнк, но смех стихает, на смену ему приходит некая обеспокоенность: – у вас всё хорошо?

Том выгибает бровь и смотрит на меня с долей замешательства, на что я лишь улыбаюсь.

– Всё хорошо, просто нужно уехать домой, нужно кое-что сделать.

– Без проблем.

– Спасибо, тебе точно не нужна помощь?

– Хочешь повышение? – подначивает он, из-за чего я хихикаю.

– Нет, меня вполне устраивает должность, которую занимаю сейчас. Хочу знать, что у тебя всё под контролем.

– Рад это слышать. Всё в порядке, осталось чуть-чуть и ужин.

– Скоротать твоё одиночество?

– А кто сказал, что я буду один? – смеётся друг.

Щурю глаза и улыбаюсь, прекрасно понимая, куда он ведёт.

– Тогда, приятного ужина, и не только.

– Спасибо, – говорит Фрэнк.

Сбрасываю вызов и возвращаю телефон назад.

– У меня завтра нет тренировки, – сообщает Том.

– А я могу не присутствовать на рабочем месте.

– Выезжаем прямо сейчас? – предлагает он.

– Да, приедем к позднему ужину.

Согласно киваю и получаю новый поцелуй.

Проделав путь от нового жилища к машине Тома, занимаю пассажирское кресло и сворачиваюсь клубочком, откинув спинку в полулежачее положение для лучшего обзора мужчины за рулём. Едва уловимый заряд электричества проходит через вены, намекая на волнение о предстоящем разговоре и восхищении своим водителем.

Взяв мою ладонь, Том обращает серо-голубые глаза ко мне, и нежная улыбка на его губах заставляет меня ответить взаимной.

– Всё будет хорошо, они давно этого хотели.

– Знаю, – выдыхаю я, – чьи узнают первыми?

– Можем что-нибудь придумать, – пожав плечами, Том отстукивает ритмы большим пальцем по рулю.

– Мы приедем туда через четыре или пять часов. Мало что можно придумать в одиннадцать ночи.

– Да, время не на нашей стороне.

– Ты... говорил про дом?

– Нет. Оставим это на потом? Сделки ещё не было, для начала нужно оформить документы.

– Хорошо.

Поджав губы, он выезжает на дорогу и хмурит брови. Это выражение лица – мне уже знакомо. Он задумался. Так бывает всегда.

Бросив в меня быстрый взгляд, Том тихо выдыхает.

– Я могу тебя кое о чём попросить?

– Да, – жму плечами и смотрю на парня рядом.

– Знаю, Джаред убьёт меня, если узнает, но я вижу, как ему это нужно.

– Том! – говорю я. – Просто скажи, я сделаю.

– Он улетает через полторы недели и хочет, чтобы Лизи улетела с ним.

– Хорошо, в чём проблема?

– В вашей упрямости, Алекс.

– Я должна уговорить её полететь с ним? А дети? Работа?

– Родители всегда рады посидеть с ними, можно же что-то придумать. Им это нужно.

– Что именно?

– Побывать наедине.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Том смотрит на меня, и я улыбаюсь, достав мобильник и помахав им в воздухе в знак того, что звоню прямо сейчас.

– Спасибо.

Набираю номер лучшей подруги и жду ответ.

– Привет, – раздаётся её голос.

– Как дела? – улыбаюсь я.

– Всё хорошо, – спустя небольшую паузу, отвечает подруга, и я ловлю её на лжи.

– Я в этом не уверена.

– Всё хорошо, просто... я немного устала.

– Много работы?

– Много всего, – вздыхает Лизи, и я нутром чувствую, как она грустно улыбается.

– Ты говорила мне, что иногда нужно сделать паузу и взять перерыв, почему бы тебе не сделать это сейчас?

– Я не могу всё оставить.

– Через-чур много ответственности, ты так не думаешь? Тебе двадцать три или тридцать два?

– Такое чувство, что двести три.

– Тебе нужен отдых, Лиз. Можешь уехать куда-нибудь одна, либо с Джаредом, – как только слова слетели с губ, Том кинул в мою сторону хмурый и удивлённый взгляд, на что я показала большой палец. Я не могу говорить ей напрямую, хотя это однозначно сократило бы время.

– Я.. не могу.

– Не усложняй. Почему ты не можешь всё бросить? Это не ради чужого человека, это ради себя самой.

– Я подумаю.

– Я люблю тебя, но подумай о себе. Тебе нужно сменить обстановку хотя бы на несколько дней. Джаред легко справится один.

– Знаю, – вновь вздыхает она, – он скоро улетает...

– Значит, у тебя ещё есть время.

– Почему мы говорим только обо мне? – заметно прибавив жизнерадостности и оживлённости к голосу, спрашивает Лизи.

– Мы едем в Вашингтон, чтобы сказать родителям. Том купил дом. Мой рабочий день свободен, и Фрэнк позволил уехать. Через пару дней мне нужно на приём, и я чувствую себя прекрасно. Да, ещё он сделал мне предложение на набережной, засунув в киндер кольцо и сделав принцессу в виде меня. Это все мои новости, но половину ты и так знаешь.

– Боже, – хохочет Лизи, – вы серьёзно решили сделать это сейчас?

– Да, лучшие решения принимаются спонтанно.

– Вы сумасшедшие.

– Но не безумней вас.

– Я бы поспорила, – хихикает она.

– Ладно, в любой момент может пропасть связь. Я люблю тебя, подумай над моими словами.

– Хорошо. Я тоже люблю тебя.

Скинув вызов, устремляю взгляд в сторону Тома и улыбаюсь.

– Всё.

– Джареду станет плохо, если она решит отдохнуть одна.

– Нет, она полетит с ним, гарантирую.

Спустя пятнадцать минут, телефон Тома сигналил о принятии нового сообщения. Посмотрев на экран, я начинаю хихикать.

– Он написал, что убьёт тебя.

– Я же говорил, – смеётся Том, и следом всплывает следующее.

– Спасибо.

– Что? – с замешательством, переспрашивает он.

– Джаред написал спасибо.

– Можешь ответить.

– Хорошо.

Подхватываю телефон и набираю сообщение: «Это я разговаривала с ней, и я не уговаривала её лететь с тобой. Она сама сделала выбор. Мы говорили об отдыхе для неё. Это был её выбор, она всегда выбирает тебя. Алекс». Джаред отвечает подмигивающим смайликом, и я улыбаюсь экрану.

В течении нескольких часов, мы перебираем десятки всевозможных вариантов, чтобы свести родителей в одном месте, но в итоге ничего не получается. В будний день выбор не велик, а ночью тем более. Хотелось бы сделать это по-другому, но сейчас всё действительно не на нашей стороне. Особенно время.

Резкие скачки и повороты на сто восемьдесят градусов стали моими верными спутниками в последнее время. Кажется, я только делаю шагжок, а судьба сделала уже десять. Конечно, это путь к лучшему, но я в растерянности. Из-за новости Тома, который в одну секунду сменил курс направления нашей совместной жизни – кружится голова. На самом деле, это состояние окрылённости довольно приятное. Он делает всё сам. Я вижу, что он старается, его желание, стремление и отношение не могут остаться незамеченными. Надежда лишь на то, что это внимание не прекратится.

Странно это признавать, но именно сейчас у меня проявляется желание быть лучше. Словно одно зависит от другого. Хотя, так и есть. Я не верила, что женское отношение полностью зависит от мужского. Но признаю это именно сейчас. Когда мужчина готов свернуть горы ради тебя – ты готова взять все необходимые инструменты и помочь ему это сделать. Вдохновлять его и быть поддержкой в любой ситуации, разве это не есть счастье? Это неопишуемое чувство, когда вы вновь пытаетесь обрести счастье, но не то, что было прежде, а новое. Совершенно иное, которое сделает лучше не только ваши отношения, но и вас самих.

Кладу ладонь на колено парня, разглядывая кольцо, которое сверкает блеском при каждой проезжающей мимо машине. Том бросает на меня быстрый взгляд, и его ладонь накрывает мою.

– Скоро приедем, – сообщает он, а я закрываю глаза, предварительно согласно кивнув.

Чувствую, как нежно сжимается ладонь, и приоткрываю глаза, фокусируя взгляд на родительском доме, подъездная дорожка которого освещена фарами. Не успеваю ответить на вопрос Тома о готовности, как дверь открывается, и на пороге появляются родители. Их удивлённые, обеспокоенные и в то же время радостные взгляды направлены в сторону машины. Замечаю, как папа сводит брови на переносице, следуя к машине.

– Идём? – предлагает Том, махнув головой в сторону до-

ма. – Они, кажется, не видят тебя.

– Пусть садятся, пусть они будут вместе.

Папа быстро появляется у двери Тома.

– Что слу... – грозно начинает он, но замечая меня, его плечи опускаются, и он облегчённо выдыхает. Прижав ладонь к сердцу, он смягчает тон: – Это была плохая шутка, Алекс.

– Я просто уснула, – хихикаю я, вылезая из машины.

Бросаюсь в объятия папы, болтая ногами в воздухе.

– Будь добра, в следующий раз принимай сидячее положение, я могу убить твоего парня при таком положении дел.

– А если бы я была на задних сидениях? – улыбаюсь я, втягивая родной аромат дома.

– Я не хочу об этом думать. Кто приезжает в такое время без звонка?

– Мы? – хихикаю я.

Покидаю его объятия, принимая следом мамины.

– Мы разбудили вас? – спрашиваю я, пока папа пожимает ладонь Тома.

– Ещё нет, я был бы ещё злее, чем сейчас, – отвечает папа.

– Я скучала, – шепчу я.

– Мы тоже скучаем, – вздыхает мама, крепче прижимая меня к себе и поглаживая спину.

– Нужно, чтобы вы поехали с нами, – сообщает Том.

– Зачем? – хмурится папа.

– Нужно поговорить.

Вижу, как спина папы снова напрягается, а брови съезжаются на переносице. Пристальный отцовский взгляд скользит по мне, и я тут же делаю замок из пальцев за спиной, чтобы не показывать кольцо.

– Что случилось?

– Мы всё объясним, – говорит Том.

Папа быстро кивает и открывает дверцу машины, пропуская маму вперёд. Его пронизательней взгляд всё также приклеен ко мне, словно я в чём-то провинилась. Поднимаю уголки губ, но чувствую, как на лице дёргается нерв из-за волнения. Мама, к счастью, в это время занимает место в машине и не видит мою нервозность.

– Всё хорошо, пап, поверь мне.

Занимаю место в машине, и прячу руки между ногами. Только представить: в свои двадцать три, я ужасно переживаю перед сообщением о своей беременности и предложении, в то время как Лизи должна была рассказать об этом в девятнадцать. Раньше я считала это пустяком, но сейчас думаю иначе и благодарю небеса, что мне не восемнадцать или девятнадцать. Мы уже взрослые. Хочется написать подруге, что она мой герой, но упрямство сильнее, и я не тороплюсь показывать руки.

Подъезжаем к дому Тома, и я тут же выскакиваю из салона, следуя вперёд. Чувствую, как спину сверлят взгляды родителей. Если повернусь лицом, то получу пулю в лоб. Застываю у входной двери и жду остальных, которые равняют-

ся со мной. Приходится опустить глаза в ноги, чтобы не видеть беспокойные взгляды родителей. Слышу топот ног, и дверь открывается.

Взгляд отца Тома полностью аналогичен моим родителям.

– Привет, – смеётся Том, обнимая отца, на лице которого написано замешательство.

– Это ещё что за заявления? – спрашивает мистер Дуглас, похлопав спину сына.

– Внеплановые. Может расценивать, как сюрприз, где мама?

– Время видел?

– Видел, – кивает Том.

Принимаю объятия мистера Дугласа и нервно улыбаюсь, когда нас пропускают в дом.

Семья застывает в пороге, но вздохнув, они проходят и занимают место на диване. Папа приобнимет маму за плечи и улыбается ей, словно пытается успокоить, но, честно говоря, получается слабо. Удивлённый взгляд миссис Дуглас, которая спускается по лестнице, бегаёт между моими родителями и супругом, после чего, обращается к нам, и счастливая улыбка озаряет её лицо.

– Что за сюрпризы на ночь глядя? – смеётся она, привлекая нас в свои объятия.

– Так вышло, мам, – улыбается Том.

– Если это не то, о чём я думаю, живо уезжайте, – хихикает она, отпускает нас и присоединяется к моим родителям на

диван, пока мистер Дуглас располагается в кресле рядом.

Мама устало вздыхает и обращает к нам свой взгляд.

– Скажите, что вы оба здоровы.

– Мы здоровы, – говорит Том, взяв мою ладонь, он сжимает её и с улыбкой, показывает родителям.

Глаза у четвёрки напротив выпучиваются, миссис Дуглас даже успевает пискнуть и нервно засмеяться.

– Подожди, мам, – смеётся Том.

Следом его ладонь ложится на мой живот, и в доме воцаряется тишина, из-за гула которой, готовы лопнуть барабанные перепонки. Мама ошарашено пучат глаза и ахают, закрыв рты ладонями.

– Это правда? – первой шепчет миссис Дуглас, – скажите мне, что я стану бабушкой.

Переглянувшись с Томом, мы обоюдно киваем и получаем радостные родительские вздохи. Не успеваю оглянуться, как четвёрка появляется возле нас и спешит поздравить объятиями и поцелуями.

Каждые осчастливленные улыбки, слова и объятия для меня словно бальзам на душу. Над макушкой кружат звёздочки, словно кто-то успел хорошенько зарядить битой по голове, и это похоже на какую-то сказочную эйфорию. Если так выглядит смерть, то хочется, чтобы моя была именно такой.

Слова благодарности вырываются автоматически, и когда руки Тома вновь возвращают меня в свои объятия, я об-

легчённо выдыхаю и опускаю плечи. Напряжение и нервозность отступают, но приятная взволнованность всё же остаётся. Встряхиваю головой и фокусирую взгляд на родителях. Обе мамы светятся от счастья, смахивая слёзы с лица, в эту самую секунду не выдерживает моё сердце, и эмоциональная нагрузка становится невыносимой. Слёзы бьют ключом по моим щекам.

Закрываю ладонями лицо и утыкаюсь в грудь Тома, получая в ответ крепкие объятия.

– Это лучшее, что я слышала в такое время, – хмыкает мама, поглаживая моё плечо.

Вижу, как Том ей улыбается, и его губы касаются моей макушки.

– Какой срок, Алекс? – спрашивает миссис Дуглас.

– Почти два месяца, – всхлипываю я.

Чувствую, как она обнимает меня поверх рук Тома, а на щеках остается поцелуй.

– Спасибо.

Хмыкнув, вытираю слёзы и, взглянув на неё, улыбаюсь.

Я знала, какую родительскую реакцию мы получим, но это не отменяло волнение. Наши отношения длятся восемь лет, почти девять, и всё это время приезжая в Вашингтон, я наткалась на притаившиеся с надеждой взгляды. Было тяжело видеть огорчения и грусть на их лицах, но всему своё время. Чувствовать их радость, видеть лучезарные улыбки и слушать слова поздравления – неповторимо. Что-то внутри про-

сит рассказать вторую часть, но та сторона меня, которая не желает портить момент и делать им больно – доминирует. На этот раз я готова солгать родителям в лицо, сказав, что мы решили остановиться на одном. Даже если они имеют право знать правду, некоторую лучше не говорить. Порой нужно поступить эгоистично, потому что какая-то информация ранит чужое сердце, а в нашем случае, это сердца близких людей.

Глава 28

Алекс

Смена фотографий в рамке, подаренной Томом, завоёвывает моё внимание. Несмотря на современную вещицу, я не убрала ту парочку, которая занимала свой уголок до нововведений. Конечно, эти фотографии тоже имеются в слайд-шоу, но рука не поднимается сдвинуть их в сторону, а то и вовсе убрать.

Обвожу пальцем все стороны рамки и улыбаюсь, подперев кулаком подбородок. Трудно поверить, что внутри меня живёт человек, это невообразимые чудеса природы. На третьем месяце мой живот всё такой же плоский, как и был, и желание почувствовать хоть какое-то движение – невыносимо душит. Лизи обмолвилась, что почувствовать первые шевеления можно не ранее, чем на четырнадцатой неделе, до которой мне ещё далеко. Сегодня лишь восемь недель и три дня. Но подруга говорила неуверенно, потому что у каждой девушки беременность протекает по-разному. Несмотря на это, я знаю, что малыш внутри меня всё слышит и чувствует, по этой причине постоянно напоминаю ему о том, как сильно люблю его. Ладонь действует автоматически и часто я ловлю себя на поглаживании.

У окна больше не стоят цветы, что немного печалит. Как

бы ни хотелось, но я привыкла к тому мини саду и приятным ароматам. В какой-то момент я даже подумывала купить их самой. Стук в дверь привлекает внимание, получая от меня приглашение войти.

Тело моментально напрягается, а нервы натягиваются в струну, слово представляют собой гриф гитары. Чарли закрывает дверь, но не торопится проходить дальше. Оставаясь в пороге, она смотрит на меня с каким-то непонятным сожалением, из-за которого дыхание учащается. Самые поганые мысли моментально окутывают сознание своей тьмой. Моя вечная проблема.

– Алекс... – начинает она, и первая струна дёргается, издав неприятный звук.

Он не мог. Он же не просто так что-то делал, чтобы разрушить всё в один момент. Сердце сжимается, и вместе с ним останавливается пульс.

– Я хотела извиниться, – говорит Чарли, а я желаю разбить рамку об собственную голову.

– За что? – тихо выдыхаю я.

– За своё поведение, – девушка жмёт плечам и убирает локоны волос за уши, сделав сомнительный шаг в сторону моего стола. – Я не хочу, чтобы ты думала обо мне плохо. Знаю, это твой парень, я думала, что он свободен... я не знала, правда...

– Подожди, – говорю я, – о чём ты?

– Мы проводили время вместе...

– Он был свободен. Мы не были в отношениях, когда между вами что-то было, – слова режут горло, но это моя суровая действительность.

– Он нравился мне... не хочу врать, он и сейчас нравится, но я не буду лезть в чужие отношения. Я не хочу быть врагами. Не хочу портить с тобой отношения. Мне нужно было время, чтобы принять: взаимности нет. Он сам это сказал, когда порвал со мной... Даже не то, чтобы порвал, мы и не были в отношениях, глупо так говорить.

– Тут нет твоей вины, – пытаюсь скрыть удивление, подняв уголки губ. Последнее, что я ожидала – извинения девушки, больше похожей на стерву, которая может стереть меня в порошок. Спустя несколько секунд, добавляю: – мы не виноваты, что появляются чувства, мы не можем ими руководить.

– Да, – издав нервный смешок, Чарли переплетает пальцы, продолжая стоять в дверях, словно я – злой директор, вызвавший её на ковёр.

Неловкая тишина повисает в кабинете и, открыв рот, она хочет что-то сказать, но тут же его закрывает. Такого со мной никогда не было. Всё было бы гораздо проще, если бы она ненавидела меня и была стервой. Жизнь любит преподносить сюрпризы.

– Звучит странно, но я желаю вам счастья, – немного улыбается Чарли. – Алекс... я правда не делала ничего. Не устраивала тот бардак. Я не хочу оправдываться или защищаться,

просто хочу, чтобы ты слышала это от меня. Том ничего не говорил, он только спросил зачем. Я не ответила. Признаться честно, было приятно, когда кто-то так сделал, но сейчас понимаю, что это моя глупая женская обида.

– Я знаю, кто это сделал. Ты можешь не извиняться.

– В любом случае, я была рада, но сейчас мне стыдно.

Вновь повисает тишина, и Чарли немного улыбается.

– Спасибо, что не бросила в меня чем-нибудь.

– Когда ты только зашла, я хотела бросить что-то в лоб себе, – признаюсь я, немного посмеиваясь.

– Понимаю, я переживала перед приходом сюда. Неделю думала, что сказать. Спасибо, что послушала.

– Да вроде не за что, – жму плечами и вздыхаю.

На губах Чарли растягивается улыбка. Кивнув, она покидает кабинет, а я падаю лицом в ладони.

Я думала, что картинка прекрасна только внешним видом, и тяжелей всего признавать, что внутренний мир ничем ей не уступает. Опыт со стервами уже был, и я знаю, как вести себя в подобном случае, но, когда происходит поворот на сто восемьдесят градусов – приноровиться сложно. Странное чувство понимать, что твоя соперница, может быть и бывшая, не такая, какой ты хотела её видеть.

Поднимаю телефон и пишу сообщение Тому с вопросом почему я. Не понимаю, почему он выбирает меня, а не её. Тяжело признавать, но, возможно, Чарли лучший вариант для отношений. Ответ не заставляет ждать долго: «О чём

ты?». Набираюсь храбрости и пишу следующий вопрос: «Почему я, а не она?». Карандаш бежит и следом всплывает: «Потому что я люблю тебя. Никто никогда не будет тобой и не заменит тебя». Слёзы стекают по щекам, когда я вновь и вновь перечитываю последнее сообщение. Это словно попытки добить себя. Знаю, я не лучшая девушка на свете, но он почему-то со мной. И он почему-то вернулся.

Вытираю слёзы и забираю сумку, вылетая из кабинета.

Путь до стадиона не длинный и не короткий. Спустя тридцать пять минут на такси, выхожу на улицу с зелёным цветом лица, поблагодарив мужчину за то, что он останавливался, позволяя мне прийти в себя, и даже дал пакетик. Проклятый токсикоз либо кружит мрачным вихрем над головой, либо полностью отсутствует.

Добираюсь до пункта пропусков, и суровый мужчина внимательно разглядывает меня, вероятно думая, что я ошиблась днём.

– Здравствуйте, – слабо улыбаюсь я, – мне нужно увидеться со своим парнем.

– Добрый день, – говорит он, – парнем?

– Томас Дуглас.

– У команды тренировка.

– Я знаю. Я могу пройти на поле?

Мужчина сводит брови на переносице, и обеспокоенность рисуется на его лице.

– Вам дать воды?

– Да... спасибо, – сиплю я, но улыбаюсь через силу, – я так плохо выгляжу?

– Вы побледнели, – продолжает он, протянув мне бутылочку из холодильника.

– Это не я, – вздыхаю я, на что его брови поднимаются. Понимая, что сморозила глупость, следом добавляю: – это токсикоз.

Мужчина кивает, и зелёный свет появляется на пропускном турникете. Благодарю мужчину новой выдавленной улыбкой и бреду вперёд, чувствуя взгляд на спине. Вода действительно спасает, но я молюсь, чтобы она не вышла наружу в самый неподходящий момент.

Вижу вдалеке команду, которая разминается на солнышке, собравшись в кучу, и занимаю место на трибуне. В парочке футов от меня, сидит ещё парочка девушек, и несколько из них с детьми. Глаза находят Тома, который вытянув руки вверх, тянется к небу. Улыбка моментально растягивается на губах, а фантазия даёт свой старт, когда края футболки задираются и оголяют его поясницу и пресс. Сжимаю ноги и тяжело выдыхаю, пытаюсь справиться с буйным пульсом. С каждым новым днём, во мне медленно развивается нимфомания.

Его чертовски аппетитная задница не может не привлекать моё внимание. Глаза автоматически опускаются на поясницу, и медленно скользят ниже. По моему лучшему желанию, Том опирается на одну ногу, подогнув вторую, и эта

вишенка становится ещё краше под обтягивающими штанами. Внутри меня ликует девочка-хотелка. Если бы я могла, то закричала бы: «Да, детка, да», но всё, что я могу – кусать губы и смотреть. Определённо лучшая часть в мужчине – его задница. И мне повезло. Божечки мои, как повезло.

Отвлекаюсь от Тома тогда, когда рядом возникает мальчик пяти лет, протягивающий конфетку. Принимаю сладость и улыбаюсь.

– Спасибо.

Энергично кивнув, он бежит к девушке лет тридцати и занимает место рядом. Послав ей благодарную улыбку, получаю подмигивание и только потом замечаю округлившийся живот. Глаза падают на упаковку в руках. Мятная конфета. Лизи уничтожала их тоннами. Теперь понимаю, почему заглядывая в её сумку или карманы, находила либо этикетку, либо конфетку.

Мята положительно воздействует на желудок, и зелёной остается лишь конфета во рту, в то время как моё лицо вновь приобретает румянец. Телефон сигналист, и видя незнаемый номер, принимаю вызов.

– Алло.

– Алексис Блинд? – спрашивает у меня женский голос.

– Да, это я.

– Это Виктория.

– А, да, – говорю я, узнав голос врача, который ведёт мою беременность, но я желаю уйти к Элеоноре – когда-то наблю-

дающему доктору Лизи, и по совместителю её акушеру.

– Вам сегодня удобно прийти на приём?

– Что-то не так? – моментально напрягаюсь я.

– Нет, с анализами всё в порядке. Мы не записались на следующий приём.

С сердца падает тяжёлый груз.

– Да, я могу сегодня, во сколько?

– К пяти вечера.

– Хорошо.

– До встречи, мисс Блинд.

– До встречи, – соглашаюсь я, и сбрасываю вызов.

Закрываю глаза и протянуто выдыхаю. Страх потерять ребёнка, который может стать единственным настолько силён, что после заявления, я проревела в подушку ещё неделю. Кажется, я не смогу дышать ровно до тех пор, пока не рожу.

Кладу ладонь на живот и поглаживаю поверхность, едва слышно шепча:

– Всё хорошо, я люблю тебя.

Почти два часа моя задница не отрывается от лавочки, но жаловаться я не тороплюсь. Нежась под солнечными лучами, получаю витамин D и наслаждаюсь игрой, которую между собой проводит команда. Взгляд застыл на Томе, который носком кроссовка ковыряет землю, расставив руки по бёдрам. Опустив голову, он хмурит брови и проводит языком по губам, из-за чего солнце знатно прибавляет жару. Хорошо, скорей это делает моё тело. Уверяю, сейчас могу прожечь

под собой любую поверхность. Подняв голову, он подставляет лицо под лучи, а я расставляю локти по коленям, смотря на него с вожделением и мечтательностью. Господи, пусть мне зарядят мячом в лоб, чтобы прекратить пускать слюни.

Том открывает глаза и устремляет взгляд на меня, из-за чего становится душно. Целую ладонь и посылаю ему воздушный поцелуй. Улыбка на лице парня, говорит о многом. Словно поймав в воздухе посыл, он подмигивает и убирает его в карман. По-дурацки хихикаю и расслабляюсь.

Ещё некоторое время ловлю его взгляд, а после предмет моих грёз направляется в сторону трибун. Срываюсь с места и несусь к нему сломя голову. Я могла бы сбить кого-нибудь на пути и не заметить, но спасибо, что по прямой траектории было пусто. Застываю между проходом на поле и трибунами, на что Том вопросительно выгибает бровь.

Расплываюсь в улыбке и снова подаюсь в бегство. Поймав меня в воздухе, Том крепко прижимает к себе, пока я целую его шею.

– Я грязный, – смеётся он.

– Вкусный, – говорю я, продолжая оставлять новые.

– С беременностью ты полюбила есть песок?

– На тебе нет песка.

– Есть, я же бегал в пыли и падал.

– Всё равно вкусный, – бурчу я между поцелуями.

Вернув меня на землю, Том поглаживает мою щёку и улыбается.

– Давно пришла?

– Вы только разминались.

– Сейчас на тебе нет маскировки, странно, что я тебя не заметил.

– Маскировки? – удивляюсь я.

– Да, где твоя шляпа невидимка?

– Она же невидимая, – улыбаюсь я, – убрала в сумку.

– Какая у тебя вместительная сумка два на два, – смеётся

Том.

– Мне хватает, – показываю язык и пожимаю плечами.

– Голодна?

– Немного.

– Подождёшь меня тут или пойдёшь смотреть голые мужские задницы?

– Только если одну, – улыбаюсь я, сжав его задницу, из-за чего на лице Тома отразилась боль и улыбка одновременно.

– Ты фетишистка, – посмеивается он.

Играю бровями и шлепаю его ещё раз, издав рычание. Том закидывает голову назад и смеётся, пока я наслаждаюсь звуками его голоса.

Решаюсь дождаться его на трибунах, приняв обещание вернуться через пятнадцать минут.

Поднимаю телефон и ужасаюсь. Начало пятого говорит о том, что я давно должна махать рукой, ловя такси. И когда Том появляется на горизонте, я нервно стучу пяткой и считаю минуты в обратном порядке. Осталось тридцать восемь

минут, и из этих тридцати восьми, нужно выделить десять для того, чтобы получить карту и заполнить бланк о приёме. Это чертовски плохо. Я заранее опоздала.

– Что-то случилось? – спрашивает Том, поравнявшись со мной.

– Я забыла о времени...

– В плане?

– Мне нужно на приём к пяти.

– Я пойду с тобой.

– Ты можешь пока приготовить ужин или подождать меня в машине.

– Я хочу быть с тобой в эту минуту, Алекс, – коротко улыбнувшись, Том оставил поцелуй на моей макушке, попрощался с мужчиной, который в эту минуту смотрел на меня, ища ту же бледность на лице, но приподнял уголки губ, увидев румянец.

– Хорошо, – улыбнулась я.

Занимаю место в машине и закрываю глаза. Это какая-то магия токсикоза, который предчувствует скорую поездку и тут же напоминает о себе. Благодарю всё на свете хотя бы за то, что он не появляется резкой вспышкой. Достаяю тот самый пакетик, который мне вручил таксист и начинаю энергично дышать.

Том медлит, смотря на меня.

– Нужно скорее! Мы не успеем! – тороплю я, из-за чего его глаза расширяются.

Не став что-то говорить о моей резкости, он кивает и выезжает на дорогу. Всё это время я просто молюсь, чтобы мы доехали без пробок и извержений, которые так и норовят выплеснуться наружу. Забиваю адрес и протягиваю мобильник Тому, который вновь кивает.

– Прости, – выдыхаю в пакетик, смотря на парня с сожалением.

– Всё хорошо, Алекс, – говорит он, взяв мою ладонь и сжав её в своей.

До тех самых пор, пока стены клиники не возникают на горизонте, моя поездка проходит в состоянии напряжения, а Том спокоен. В прочем, как всегда. Это спокойствие начинает раздражать как никогда ранее. И раньше, чем я могу сморозить какую-то глупость или испортить наши отношения, хватаю его руку.

– Всё в порядке? – обеспокоено спрашивает он.

– Я хочу оторвать себе язык, – бубню я.

– Алекс, это гормоны, рано или поздно пойдёт.

– Меня бесит это!

– Что?

– Твое спокойствие!

– Хочешь, чтобы я устраивал скандал и истерику каждые пять минут?

Хлопаю глазами, когда Том смотрит на меня и вскидывает вопросительно бровь.

– Хватит молчать! – взрывается он, стукнув по рулю.

Тишина между нами тут же нарушается. Смех накрывает меня с головой. Закрываю ладонями лицо и пытаюсь успокоиться. Это какое-то полное отсутствие адекватности, но мне почему-то смешно. Только мне. Лицо Тома полностью нейтрально.

Выдыхаю и поднимаю глаза на парня.

– Прости...

– Ты довольна? – улыбается Том.

– Ты что, пошутил надо мной? – ошарашено шепчу я.

Пожав плечами, он открывает дверцу.

– Ты же хотела истерику, решил начать с небольшого концерта.

– Как я должна понимать, что ты не шутишь? – хихикаю я, наблюдая за ним.

Том кладёт руку на дверцу, а вторую на бедро. Глаза падают на пресс, и я уже ничего не могу с поделать со слюной во рту. Он чертовски сексуальный.

– Вернись в машину, нам нужно кое-что завершить.

Похлопываю по креслу, на что он заливается смехом.

– Мы опаздываем, поторопись.

С недовольной гримасой, выползаю на улицу, попутно бубня проклятия. Меня уже не волнует время. Меня волнует мужчина рядом. Желание содрать с него одежду за ближайшим поворотом такое, что я готова сделать это абсолютно в любом месте. Раздражение сменяется на желание; но влечение растворяется, и хочется просто обнять его, втянув лю-

бимый аромат.

Как только ноги доплетаются до стойки регистратуры, обращаю внимание на стрелку часов. Три минуты до приема.

Получаю приветствие, улыбку, ответив своей взаимной, когда руки находят бланк и ручку.

Положив ладонь на мою поясницу, Том разглядывает клинику, краем глаза улавливаю, как в ответ девушка разглядывает его. И последнее, что нужно делать – переходить мне дорожку. Кажется, сейчас я способна на убийство на почве ревности. Слава Богу, Джаред учился на уголовном, я могу обратиться к нему, хотя он вряд ли что-то помнит. Разве что посмеётся и даст пять.

Двигаю лист в сторону девушки, которая наконец-то переводит взгляд с Тома на меня.

– Всё.

Получаю внимание серо-голубых глаз, и когда она забирает листочек, Том притягивает меня к себе. Улыбка на его губах самая нежная на свете. Получаю поцелуй в щеку и глупо улыбаюсь.

– Проходите, – напоминает о себе девушка.

Не успеваю забрать документы, потому что Том делает это за меня.

До нужного кабинета мы скорей долетаем, чем доходим. Оставляю его среди беременных девушек, и с предварительным стуком, заглядываю внутрь.

Подняв золотисто карие глаза, Виктория смотрит на меня,

и на её губах возникает вежливая улыбка.

– Добрый вечер, проходи.

– Здравствуйте, – говорю я, закрывая дверь. – Извиняюсь за опоздание. Запуталась во времени.

– Ничего страшного, мы постараемся побыстрее, – кивает женщина, убирая выбившийся локон русых волос за ухо.

На несколько минут в кабинете повисает тишина, раздаётся лишь едва уловимый шум ручки и шагов за дверью.

– Сегодня не будет узи? – спрашиваю я.

– По плану не было, а что?

Коротко улыбаюсь, и кручу головой.

– Совсем скоро будет скрининг первого триместра, хочешь быть не одна?

– Да, – киваю я.

– Он между одиннадцатой и тринадцатой неделей, уже скоро.

– Почти через месяц? – с досадой, переспрашиваю я.

– Чуть больше месяца.

– Мы можем отложить его на самый поздний срок? Пожалуйста. Мой парень уезжает, а мне бы очень хотелось...

– Чтобы он был рядом? – завершает за меня Виктория с лёгкой улыбкой.

Согласно киваю и сжимаю замок из собственных рук.

– Ближе к сроку я позвоню, и мы договоримся, хорошо?

– Спасибо большое, – облегчённо выдыхаю и улыбаюсь.

Возможно, я тороплюсь со сменой врача.

Проделав небольшие обряды, Виктория ещё раз рассматривает мои анализы и выписывает витамины из-за железа, которое понизилось. Покидаю кабинет и хочу расплакаться от облегчения, благодаря которому опустились плечи. Всё хорошо. Это всё, чего я когда-либо хотела и хочу.

Отрываясь от плакатов, Том следует ко мне и заключает в объятия.

– Всё?

– Всё хорошо, только железо понизилось. Буду пить витамины и есть гранаты.

– Придётся завозить его фурами в дом, – улыбается он, оставляя поцелуй на макушке.

Прижимаюсь к его груди, крепко обняв талию. Страшно представить, что этот новый мир, который мы выстраиваем – может рухнуть в один момент.

– Я могу кое-что спросить?

– Спрашивай, – киваю я.

– Не у тебя, у твоего врача.

Хмурю брови, но согласно киваю.

Том скрывается в кабинете, а я пытаюсь довести до логического конца каждую пролетающую мысль в голове. Он ведь доверяет мне?

Спустя пару минут, он вновь присоединяется ко мне, но не стоит на месте, потянув за собой на выход. Если бы не его загадочная улыбка, я могла бы сойти с ума.

Весь последующий путь до квартиры, он продолжает мол-

чать, и новые серые тучи сгущаются над головой. Не то, чтобы Том нёс пургу и вечно говорил, выставя себя идиотом, но после того, как он посетил кабинет – я ничего не слышала. Он взял у меня рецепт и сам купил витамины, вручив пару пачек.

До квартиры мы тоже дошли в тишине. Я уже начала сомневаться, что должна идти к нему. Хочется бежать, хотя половина моего гардероба устроилась у него. А если быть точной, моей одежды больше в его квартире, чем в моей. Я и сама не успела заметить, как они плавно переехали в его шкаф.

Бросив ключи, Том прошёлся вперёд, в то время как я осталась в пороге.

– Тебе помочь? – спросил Том, когда я не знала, что делать дальше.

– Ты странно себя ведёшь.

– Почему?

– Этот вопрос должна задавать я.

Присев на корточки, он расстегнул застёжки и снял с меня туфли. Серо-голубые глаза поднимаются и внимательно смотрят на меня.

– Пошли, – улыбается Том, поднимаясь на ноги.

Следующей точкой для падения стал диван.

Поджав ноги под себя и положив ладони на колени, я устремила взгляд на Тома, который упал вслед за мной с той же загадочной улыбкой, что и прежде. Ничего не имею против улыбки, но не тогда, когда от неё становится дурно, по-

тому что ты не знаешь её истинное значение. А сейчас я, чёрт возьми, чувствую, как встаёт дыбом каждая волосинка на теле.

– Меня разрывает в клочья из-за твоего молчания! – не сдержав порыв, восклицаю я.

– А меня разрывает в клочья, когда молчишь ты, – улыбается он.

– Ты нормальный? – фыркаю я.

– Сомневаюсь. С того момента, как ты поцеловала меня, я потерял здравый рассудок.

– Прекрати шутить надо мной, это невыносимо!

– Прекрати кричать на меня, это невыносимо! – передразнивает Том с аналогичным выражением лица. Свожу брови, и он повторяет за мной, из-за чего я закатываю глаза, и он делает это следом.

– К тебе перешёл идиотизм брата.

– Мы решили поменяться на время.

– Поменяйтесь обратно, я его на дух не выношу.

– Да, конечно, ты его на дух не выносишь, – смеётся Том, из-за чего я морщусь. Ладно, я люблю Джареда, но признаюсь только при смерти, и то, даже в этом сомневаюсь.

– Что за шутки, Дуглас?

– Что за недовольства, Блинд?

Развиваю рот и хлопаю глазами.

Том протягивает мне конверт, и я принимаю его. Если там нас уже поженили, то я откинусь на этом же диване. Но су-

дя по шуточкам, то смело можно ожидать свидетельство о заключении брака, подделывать мою подпись он умеет.

Не торопясь, разрываю упаковку, искоса следя за Томом, который упал на спинку дивана и начал перелистывать каналы, как в порядке вещей. Господи, скажите мне, что я просто сплю или выдумываю. Глаза падают на парочку билетов. Я едва могу сфокусировать внимание на словах, потому что в голову словно врезается Боинг. Он не мог об этом знать.

– Картеры исполнили твою первую мечту. Фрэнк исполнил вторую. Я хочу хотя бы войти в эту тройку.

Писк вырывается из рта, когда я падаю на Тома, сжимаю его в объятиях и попутно хныкаю от счастья.

– Ты же не думала, что я покупаю этот журнал просто так? – смеётся он.

– Ты засранец, Дуглас. Я весь вечер умираю из-за твоего молчания!

– Оно того стоило.

– Я ненавижу тебя, но люблю сильнее, – хихикаю я, оставляя поцелуи на его губах.

Глава 29

Алекс

Самолёт приземляется и вместе с ним, открываю глаза. Из-за предвкушения, я едва могла сомкнуть око и сейчас пребываю в смятении, как мне вовсе удалось уснуть. Вероятно, во всём виновато удобное плечо Тома, на котором я охотно пускала слюни.

Фокусирую взгляд на своей руке, которая покоится на колене парня, и улыбаюсь, потому что сверху накрывает его ладонь. Губы касаются моей макушки, за которыми следуют его слова:

– У меня мокрая футболка.

– У тебя слишком удобное плечо, – хихикаю я.

Том сжимает мою кисть, и я поднимаю голову, заглянув в его глаза.

– Добро пожаловать в Дели?

– Да, – улыбаюсь я. – Поверить не могу, что ты выбрал Индию.

– Это ты её выбрала. За пару месяцев ты выбирала их стиль трижды.

– Читаешь мои статейки?

– Статьи, – исправляет Том с лёгкой улыбкой на губах, – и да, я читаю их, ты же знаешь.

Целую его губы и благодарно улыбаюсь.

Том не интересовался ни одной областью дизайна, но в школе он ходил со мной на курсы по шитью, чтобы просто быть рядом; в университете терпеливо выслушивал гундэж по поводу и без по интерьеру; сейчас он читает мои статьи, хотя вряд ли данное направление его особо интересует. Он делает это только из-за меня, и через них – у него получается проникнуть и узнать меня ещё лучше. Я действительно трижды писала про Индию, хотя в школе любила Китай, да и сейчас люблю. Индия ассоциируется и заинтересовывает яркими красками, следованию давним традициям и резкими контрастами жизни. Скорей, по части Индии больше знала Лизи, но её интерес плавно перешёл ко мне.

– За неделю до отъезда ты решил успеть везде? – спрашиваю я, когда мы следуем за чемоданами по залу прилёта.

– Да, – смеётся Том. – Либо сейчас, либо непонятно, когда, а то и никогда.

– Хорошо.

Застываю, когда перед глазами образуются десятки золотистых тарелок поверх стоек. Огромные фигуры ладоней изображают различные мудры, и завораживают своей красотой. Автоматически в руках появляется телефон, а палец успеваеьт нажимать кнопку затвора. Том отпускает мою руку и следует вперёд. Ловя его движение краем глаза – улыбаюсь. Он знает, что лучше идти дальше, потому что моё занятие может затянуться.

Собственно, так и выходит, когда я нахожу лучший ракурс и делаю фото, он уже прошёл контроль и забрал чемодан, покорно ожидая меня.

– Прости, – говорю я, равняясь с ним.

Том жмёт плечами и берет мою ладонь.

– Я уже привык.

Находим такси и по счастливому стечению обстоятельств, мужчина хорошо говорит по-английски. Он с радостью делится с нами лучшими местами города. Конечно, я понимала, что хотела увидеть и даже знала, куда поеду в первую очередь. Наверно, когда ты думаешь о какой-то определённой стране, уже заочно знаешь, что желаешь увидеть. Но при этом не игнорирую советы мужчины. Местному жителю всегда виднее, чем туристу.

Город настолько сказочный, что я не могу подобрать нужных и лучших слов. Резкие переходы удивляют. Лизи была права, когда говорила о контрасте. Роскошь сменяется бедностью, в этом и есть вся Индия. Удивляет и то, что улыбка украшает лица основного количества людей, даже тех, кто сидит на ярких покрывалах, торгую фруктами, овощами или различными мелочами в виде украшений. Не более, чем принятие собственного положения, или лучше говорить касты. Не для кого ни секрет, что индийцы делят себя на пять каст. Сомневаюсь, что, родившись тут, смогла бы принять подобную судьбу, но это не исправить, разве что улететь в другую страну, но и переехать не так легко. Возможно, безвы-

ходность, но для меня нет выхода только из гроба. Хотя, кто знает, каково было бы моё мнение при жизни тут.

– Черт возьми, – шепчу я, когда мы двигаемся по дорожке. – Это какой-то дворец, а не отель.

Том подмигивает и улыбается, ведя меня к входу.

Здание похоже на треугольник без середины. Словно наплывы, сооружения выглядывают друг из-за друга. Во многих окнах горит свет, а понизу тянется подсветка оранжевых оттенков. Кроме того, крыша покрыта зеленью. На ней растут деревья и кусты. Несмотря на вечернее время, зелень в сочетании со светом из окон и освещению у входа придаёт некий волшебный антураж, который делает это место сказочно красивым.

Том подтверждает бронь, я же продолжаю рассматривать каждую деталь, каждую мелочь, которая нас окружает.

Номер бежевых оттенках с огромной кроватью и идеально белоснежным постельным бельём не так сильно привлекает меня, как широкое окно, едва достигающее пол и потолок. Ноги моментально перемещаются к нему, а счастливая улыбка трогает губы. Слышу, как закрывается дверь, но не могу повернуться к Тому, взгляд застыл на чудесности сада за окном, под которым расстелился большой бассейн и небольшая трасса со столиками и с другой стороны – лежаками. Окружённые фонарями и подсветкой, они зачаровывают и приковывают внимание.

Тёплые руки ползут по талии и ладони ложатся на живот,

а горячие губы оставляют поцелуй на шее.

– Ты счастлива? – шепчет Том.

Кладу голову на его плечо и обращаю взгляд к парню.

– Более чем, – выдыхаю я, смотря в его глаза.

Особая нежность в его взгляде и улыбке отключают мозг.

Оставляю на его губах несколько легких поцелуев и вновь смотрю в глаза.

– Спасибо.

– Ужин? Отдых? – предлагает он.

– Ужин, – выбираю я, – и прогулка.

– Ты уже знаешь, куда хочешь пойти, да?

– Да, – улыбаюсь я. – Сейчас закрыто, но хочу посмотреть на него вечером.

– Хорошо. Что первое?

– Храм.

Том кивает и, отпустив меня, убирает чемодан в сторону.

– Но сначала помоюсь и переоденусь, – добавляю я.

– Я тоже, – соглашается он, – четырнадцать часов сидя могут свести с ума.

Том прав, только сейчас я понимаю, насколько сильно вымотал перелёт. Не думаю, что дело в беременности, находиться в одном положении устанет любой человек, а у нас для этого было четырнадцать часов, десять из которых я проспала, а остальные четыре слушала музыку и просто смотрела на Тома, который читал книгу. Но даже долгий перелёт не способен отнять тех эмоций, которые испытываю. Это впе-

чатляюще, красиво, сказочно и просто одним словом невероятно. Китай, Нидерланды и Индия – это три моих мечты. И все они исполнились.

Тёплые струйки расслабляют и даруют покой. Закрываю глаза и откидываю голову назад, позволяя каплям биться о лицо.

Щелчок двери привлекает внимание. За матовым стеклом вижу силуэт Тома, который положив что-то на раковину, вновь направляется к двери.

– Не останешься? – тихо спрашиваю я, не веря тому, что была услышана. Но, вероятно, была, потому что Том останавливается почти у двери.

Знаю, мы не принимали душ вместе очень давно, хотя раньше это было вполне нормальным явлением. Я часто наполняла ванну пеной и залазила в неё, порой ко мне присоединялся Том, но это было в студенческие времена, в школе такое было невозможным. Вряд ли родители могли быть впечатлены тем, что мы вместе принимаем ванну в одном из домов, поэтому оставалось лишь то, что Том сидел со мной на краюшке ванной или крышке унитаза. Вспомнив это – улыбаюсь, хотя хочется засмеяться. Было действительно смешно, когда он сидел на унитазе, расставив локти по коленям.

Не успеваю опомниться, как он появляется рядом и вода тут же делает влажными его волосы. Подняв бровь, он вопросительно смотрит на меня.

– Вспомнила, как ты сидел на унитазе, – говорю я, пони-

мая его немой вопрос.

Том издаёт смешок.

– Да, было дело.

После этих слов, его взгляд медленно скользит по мне, и из-за такой уязвимости, переминаюсь с ноги на ногу. Раньше не было никаких смущений, но они почему-то появились сейчас. Чувствую, как на щеках выступает румянец, когда глаза падают вниз. Тут же поднимаю их к его лицу и не глядя беру с полки упаковку, отрывая её уголок, хотя дрожь в руках выдаёт волнение с потрохами.

– Ты странная, – выдыхает Том, пока тень улыбки скользит на его губах.

– Гель? – предлагаю я, протянув ему.

– Это мыло, – издав смешок, он смотрит на меня из-под лба, и я наконец читаю слова на упаковке.

– Мыло? – тут же исправляюсь я.

Приняв у меня упаковку, Том убирает её обратно и берёт другую.

Протянуто выдыхаю и согласно киваю на предложение, когда он молчаливо поднимает руку. Выдавлив содержимое на мою голову, Том запускает пальцы и начинает распространять шампунь по волосам медленными нежными движениями, из-за чего я закрываю глаза, наслаждаясь его заботой. Притянув меня под центр, он продолжает массировать голову, пока пена скользит по телу.

Приоткрываю глаза и беру его запястья. Том останавлива-

ется, и наши взгляды встречаются. Мой шаг к нему, и между нами почти нет расстояния. Продолжаю наслаждаться голубиной его глаз, зрачки которых стали гораздо шире, пленяя и сжигая своим очарованием. Отпустив руки, кладу их на его грудь и плавно веду выше, останавливаясь на шее. Касаюсь губами его груди, и ладони Тома ложатся на мою талию, сжимая её в ласковых тисках. Дорожка прокладывается выше, и когда путь завершается губами – медлю. Тёплое дыхание опаливает лицо и медленно уголки губ тянутся вверх. Пятерня запускается в мой волос, и его губы накрывают мои, заставляя дрожать.

Прижимаюсь ближе и не успеваю уловить то, как собственные ноги обвивают его талию, а спина врезается в стену позади. Одно движение, и я закрываю глаза, издав вздох, мешающийся со стоном. Цепляюсь за его плечи и откидываю голову назад, открывая больший доступ для его губ. Мурашки покрывают каждый квадратик тела, а волна эндорфинов накрывает с головой спустя некоторое время.

И когда ноги соприкасаются с плиткой, продолжаю держаться за Тома, чувствуя, как подгибаются колени.

Подняв мой подбородок указательным пальцем, он целует и легкая улыбка, посланная мне, гипнотизирует. Вслед чему, улыбаюсь я.

Обматываюсь полотенцем и падаю в кровать без сил. Прогулка и ужин не кажутся мне столько привлекательными, как прежде, хотя желудок потихоньку начинает напевать голод-

ные серенады. Услышав их, Том силой может поволочь меня в ближайшее кафе или заказать сотню тарелок в номер. В данном случае, я предпочитаю нагулять аппетит.

Нахожу в чемодане молочного цвета сарафан и облачаюсь в него, в дополнение к которому выбираю золотистые греческие сандалии. И когда Том выходит из ванной комнаты, я уже готова, мокрыми остались только волосы.

– Греческая богиня? – улыбается он, быстро водя пальцами по волосам, чтобы высушить их.

Оглядываю себя и согласно киваю.

Том начинает поиски своих вещей, а я проскальзываю назад, чтобы высушить волосы, хотя они могут быстро высохнуть на улице благодаря теплу.

Спустя десять минут, находим уютное кафе и занимаем столик, ещё пять, и выбор рисуется на планшетке официанта, который желает приятного вечера и скрывается с горизонта. Взгляд жадно блуждает по обстановке, наполняя сердце неопишымым восточным теплом.

Коричневая кожа на стульях сочетается с тёмным деревом, на бежевых стенах едва заметна роспись благодаря слегка светлому оттенку, нависающие над каждым столиком несколько люстр в различных фигурах, и камин у окна придаёт завершающую нотку домашнего уюта. Незримое спокойствие обволакивает сознание и душу, хотя Индия отнюдь не та страна, в которой царит мир и любовь. Уверена, где-то в темных закоулках могут происходить ужасные вещи, из-

за этого, настроение омрачается, но я быстро качаю головой, чтобы выкинуть подобные мысли. Как бы ни хотелось, мы не можем помочь всем. Это невозможно. Но у человека есть выбор, даже тут. Не знаю, как могла бы бороться за себя, родившись с клеймом на лбу.

Лизи всегда говорила, что Индия – страна контрастов, где нищее население, но правительству важнее познать космос, чем поднять собственный народ. Эта суровая реальность нашей жизни. Рассуждая на подобную тему, я сама себя загоняю в угол и даю зелёный свет грустному настроению.

– Хочешь что-нибудь купить? – предлагает Том, пристально следя за сменой моего настроения, которое написано на лице.

– Вряд ли мы купим что-то в такое время. Думаешь, что-то открыто?

– Как вариант, можем прогуляться. Но это если ты подтвердишь, что хорошо себя чувствуешь.

– Немного устала после перелёта, а так всё отлично. У нас всего лишь пара суток, даже меньше. Могу сказать, что я вообще обойдусь без сна.

– Сомневаюсь, – улыбается Том, и я выгибаю бровь, задавая немой вопрос, не хочет ли он поспорить и проверить. Конечно, в победе сомневаюсь, хотя она вполне возможна. – Придётся подсыпать тебе снотворное, других вариантов я не вижу.

– Думаешь, я выдержу?

– Как раз таки да. Ты более, чем способна.

Сощуривают глаза и хитро улыбаюсь.

– Ты прав.

Том улыбается, и берёт мою ладонь, сжимая её в своей.

– Я могу пригласить тебя на свидание?

– Спустя восемь лет и по наступлению беременности, ты решил пригласить меня на свидание? – смеюсь я.

– Да. Но если так, то я обязан жениться на тебе, а не распивать чай на свиданиях.

– Беременность вовсе не обязывает тебя жениться на мне.

Непринужденное настроение моментально сменяется. Повисает тишина, и чувствуется напряжение.

– Ты думаешь, что я сделал предложение только из-за этого? – настороженным тоном спрашивает он, смотря мне прямо в душу. И я понимаю, что лучше сказать правду, чем лгать ему в глаза. Он знает правду, потому что видит меня насквозь.

– Думала...

– Тебе было пятнадцать, когда мы начали встречаться. Когда ты бежала со мной от полиции, я хотел убежать в церковь, чтобы нас тайно обвенчали и сбежать с родительских радаров. Я сотню раз думал сделать тебе предложение, но не находил случая, а их было больше, чем миллион, Алекс. Есть один парадокс. Для этого вообще не нужен подходящий случай, и сейчас я жалею, что не сделал его раньше. А лучше сразу после школы. С беременностью или нет, но ты бы стала

моей женой. Это не изменить.

Затаив дыхание, смотрю на Тома, и чувствую, как глаза медленно становятся стеклянными, наполняясь слезами. Всё чаще гормоны начинают напоминать о себе.

– Только не думай, что я не надена на тебя кольцо. Ты обречена.

Смешок срывается с губ, и я закашливаюсь.

– Мы даже не говорим об этом, – выдыхаю я.

– О, поверь, тебе будет, о чём проговорить по возвращению в Нью-Йорк.

– Что ты имеешь в виду?

Том коротко улыбается и целует тыльную сторону моей ладони, вновь поднимая глаза на меня. Кажется, в них бегают задорные огоньки, и бушует ураган.

– Узнаешь. Так ты согласна?

– А у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, просто ты свой сделала так же, как и я.

– Хорошо. Это официальное свидание или мы просто погуляем?

– Официально просто погуляем, – жмёт плечами Том, пока загадочная улыбка не желает покидать его губы.

Официант приносит наши блюда, размещая их по столу, и я решаюсь не выпытывать ничего дальше.

Не зная, на чём остановить выбор, мы слепо доверились официанту, и согласились на предложение для меня в виде

навратан корма и сабджи для Тома. В итоге напротив Тома расположилась тарелка с блюдом, похожим на овощное рагу, я далеко не ушла, получая что-то похожее, но с ореховым ароматом.

Как только первая вилка достигает рта – закрываю глаза и мычу. Нежность и приятные вкусы начинают кружить голову. Моя вторая бела в том, что я не растягиваю удовольствие, а сметаю всё и сразу. Попутно успеваю воровать из тарелки Тома, а он пару раз из моей. Это мелочи жизни. Кажется, что приезжая в другую страну, мы желаем распробовать её на вкус. Дело касается не только традиций и какой-то истории, но и того, что она может дать и рассказать о себе в форме еды. Индия одна из тех стран, что придерживается древних традиций и культуры, хотя новшества наверняка успели внедриться в её жизнь.

Кафе мы покидаем сытыми и довольными.

Тёплый вечерний сквозняк теребит подол сарафана, когда мы медленно шагаем по заполненным улочкам. Оказывается, по активности этот город может легко дать фору Нью-Йорку. Народу тут ничуть не меньше ровным счетом так же, как и машин, велосипедов и мопедов. Всё вокруг живёт и двигает в быстром ритме, словно город начинает просыпаться к вечеру.

Благодаря карте доходим до желаемого мною места, и глаза округляются от бесконечной красоты.

– И что это? – спрашивает Том.

– Храм Лотоса.

– Лотоса? – с ноткой удивления, переспрашивает он.

– Да. Главный бахайский храм.

Том вопросительно смотрит на меня. Благодаря его взгляду понимаю, что в эту самую минуту становлюсь экскурсоводом, но ничего не имею против. Мысль о том, что я могу поделиться с ним своими знаниями – довольна приятна. Это то же самое, когда он рассказывает мне о бейсболе.

– Эта первая религия, которая желает объединить всех. Для Бахаи не важен цвет кожи, национальность, статус и вероисповедание. Он говорит, что Бог один, просто он носит разные имена. Бахаи выступает за гармонию во всём. Неважно, касается это науки или духовности – он не желает ставить на пьедестал что-то одно. Сила в единстве, нужен лишь рациональный подход. Он считает важным научное развитие, но и не забывает о духовном, которое помогает человеку расти внутренне. Он проповедует равенство. Не признаёт касты, социальный статус. Он не весит ярлыки, для него нет высшего и низшего. Тут нет главенства. Всё уживается в мире и гармонии.

– Похоже на хиппи, – улыбается Том.

– Может быть. Почти как мир во всем мире. Раньше эту религию не принимали, но она имеет право на существование. И если говорить честно, то мне по вкусу то, что проповедует Бахаи.

– Когда ты стала такой начитанной?

Пожимаю плечами и улыбаюсь.

– Смотрела места, которые хочу посетить, и когда дошла до Индии – первым увидела его. Потом начала читать и узнала больше. Придём сюда завтра? Он открыт до пяти.

– Да, – соглашается Том.

Обвиваю его руку и прижимаюсь виском к плечу, смотря на храм вдали.

Белые мраморные нахлёсты выстроены в форме раскрывающегося цветка лотоса внушающего размера и размаха. По прямой тропинке из камней, тянется ночное освещение вплоть до стен храма и вокруг его территории. Сама постройка освещается не меньше окружения. Тёплый желтый цвет от низа до верха – покрывает стены и, кажется, что храм примерно таких цветов, но на самом деле он белоснежный, а вокруг него девять бассейнов, наполненных водой. При дневном свете – они небесно-голубые, но под освещением фонарей и подсветки – темно синие или даже ближе к серому цвету. Храм выстроен так, словно цветок поднимается из воды и желает раскрыть лепестки.

– Красиво, – говорит Том.

– Да, – соглашаюсь я, – это самое первое место, которое я хотела тут посетить.

Достаю телефон и делаю несколько кадров, каждый из которых получается лучше другого. Магия и не более.

Том кладёт ладонь на мою поясницу и подталкивает вперёд со словами:

– Иди, я сфотографирую.

Счастливо улыбаюсь и спешу вперёд.

Сложив руки в молитвенном жесте, закрываю глаза и улыбаюсь, когда слышу звук сделанного снимка. Так меняю несколько поз, но лицо остаётся прежним: лучезарным.

За спиной Тома ещё десятки других, не менее восхищенных зрителей. Какая-то женщина предлагает ему помощь, и он соглашается, направляясь ко мне и вручив ей телефон. Пользуясь случаем, рассматриваю её ярко желтую сари и молча восхищаюсь красотой слоев ткани и золотистой вышивкой по краям.

Обняв меня сзади, Том оставляет на макушке поцелуй, в свою очередь кладу поверх его рук свои и улыбаюсь, повернувшись и посмотрев на безмятежность и умиротворённость, которые отражаются на его лице.

Благодарим женщину, которая возвращается к своему мужу, и открываем фотографии.

Сердце начинает стучать быстрее, когда на одном из снимков наблюдаю наши счастливые лица и глаза, которые смотрят друг на друга. Их всего лишь два: тот, где мы смотрим в камеру, и тот, где друг на друга. Оба наполнены нежностью, любовью и счастьем, от чего внутри сжимаются органы и тянутся невидимые ниточки души.

Том тихо смеётся у моего уха, когда я закидываю оба снимка в ленту сети, обозначив знаком бесконечности. Я люблю его до бесконечности, и когда смотрю в серо-голубые

Глаза – понимаю, что это взаимно.

Глава 30

Алекс

Многочисленный раз кручусь вокруг зеркала, в то время как Том занял место на диване и подпер кулаком подбородок. Кстати говоря, я не услышала ни одного вздоха и укоризненного взгляда, который мог сказать об усталости и нежелании находиться в магазине. Всё в точности наоборот: он честно высказывал свою позицию по тому или иному варианту. В итоге, выбор сократился до двух сари.

– Я не могу определиться, – хмурюсь я, смотря в отражение.

Красная ткань огибает талию, поверх которой через одно плечо тянется тюль с вставками золотых капель, а по краям следует цветочный орнамент такого же оттенка; рукава три четверти, но правую руку закрывает нежная прозрачная ткань. Тут же перевожу взгляд на желтую сари, которая послушно висит в примерочной. Различие в длине рукава и плотности всего материала. У желтого нет тюли. Все платье выкроено из одной ткани.

Смотрю на Тома, который получает электроволны моего замешательства.

– Красный, – говорит он.

– Почему?

– Потому что на выпускном ты была в красном.

– И это единственная причина за?

– Нет.

Покинув диван, он подходит ближе и обнимает меня сзади, смотря на наше отражение.

– А ты не хочешь свадьбу в индийском стиле? – предлагаю я, получая впервые подобный звоночек в голове.

– Ты не хочешь традиционное?

– Я никогда не думала об этом. Хотя, нет. Раньше я представляла что-то пышное, потом в А-силуэте, потом в греческом...

– Ты перебрала все варианты? – смеётся Том.

– Нет, цвет всегда был белый, – пожимаю плечами и поворачиваюсь к женщине, которая стала нашим консультантом.

– Если вы хотите такую свадьбу, то в Индии не принято выходить замуж в белом. Этот цвет носят вдовы. У вас огромный выбор, но красный выбирают чаще всего. Он символизирует благополучие и счастье, – улыбается она, понимая, какой вопрос я задам.

– Это... очень странно. Белый символизирует чистоту.

– Да, но ещё говорит о трауре. У нас он ассоциируется со смертью и перерождением души.

Выдыхаю и принимаю всю непоколебимость индийской культуры, но подобная идея всё равно не желает покидать мой пылкий мозг.

– Оно идеально для тебя, – улыбается Том, поглаживая

талию большими пальцами.

– В любом случае, к тому времени можно купить новое.

– Да, но и сейчас бери то, что понравится.

– О, я возьму, – хихикаю я, – ты видел витрину с браслетами?

– Видел, мне страшно.

– Мне тоже, но только от суммы, которая нарисуеться внизу чека.

Кивнув, Том оставляет поцелуй на моей щеке и отступает назад, вновь пройдясь взглядом по моему телу.

В итоге, останавливаюсь на красном и выбираю десятки браслетов, которые надеваю на себя. Кажется, что в эту самую минуту я была похожа на центральную ёлку у Рокфеллер центра, разве что без гирлянды. Из магазина мы выходим с парочкой пакетов. Точней, Том выходит с парочкой пакетов, а я надеваю солнцезащитные очки и широко улыбаюсь ему и совершенной покупке.

– Ладно. Мы спали максимум четыре часа. И сейчас почти обед, мы уже посетили пару храмов, сделали покупки для всех, – перечисляет Том, – и у меня для тебя кое-что есть.

– Что?

– Это сюрприз.

– Не слишком много сюрпризов за одни сутки?

– Этот ты точно оценишь, – смеётся он.

– Я оценила все.

В движении оставляю быстрый поцелуй на его щеке. Том

останавливается у мужчины смуглой кожи, который крутит ключи на пальце, и улыбается нам тёплой улыбкой.

– Спасибо, – благодарит Том, и мужчина, вручая ему связку, прощается с нами, забрав пакеты с нашими покупками.

С. Нашими. Покупками.

Хлопая глазами ему вслед, я переключаюсь на Тома, который подозрительно улыбается.

– Прокатимся?

– Что? – спрашиваю я, метая взглядом между парнем и мопедом.

– Ты должна прочувствовать Индию.

– На мопеде? – недоверчиво переспрашиваю я.

– Ага, – подмигивает он.

– Вот же черт, – шепчу я, – ты сумасшедший.

С этими словами, прыгаю на мопед, и Том хохочет.

Первый раз в жизни я села на мопед, который, как оказалось, стал колесницей смерти не из-за своей скорости, а из-за того, как близко к нам двигались машины и другие встречные мопеды и велосипеда. Несмотря на это, я поистине наслаждалась и смаковала порывы ветра в лицо. Как только Том оставил центр города за спиной, движения на дороге становилось гораздо меньше. Закрываю глаза и отпускаю талию любимого, выпрямив одну руку, наслаждаюсь, как волосы взвивают в воздухе, а приятный вкус свободы и безопасности поселяется в сердце.

Небольшое количество времени мы тратим на то, что

исследуем малонаселенные уголки города, поражаясь, как сильно он отличается от центра. Хотя, на самом деле удивляться нечему. Мы живём в чём-то подобном Дели: Нью-Йорке.

– Мы не съездим на реку? – спрашиваю я, когда поток машин вновь увеличивается с каждым новым поворотом.

– Это плохая идея.

– Почему?

– Потому что это испортит тебе настроение.

– Почему?

– Потому что экология в Индии желает лучшего, – вздыхает Том. – Я думал об этом, Алекс, но, когда увидел фотографии – передумал.

– Насколько всё плохо?

– По шкале от одного до десяти – нуль.

Поджимаю губы и спешу достать телефон из шорт, чтобы найти фотографии. Я уже видела, что происходит, но эта информация касалась реки Ганг. До неё можно доехать, но подобную идею я сразу отклоняю, зная её истинный вид. Несмотря на то, что население считает её священной, я слабо могу поверить в это. Со святым вряд ли можно творить то, что творят тут.

– Она загрязнена, Алекс, можешь не искать.

– Ты говоришь о Ганге, а я говорю о Джамне.

– Они обе загрязнены. Обе в мусоре. Там купаются, испражняются, а потом пьют, рядом кто-то может стирать

одежду, а на другой стороне проводить похоронные церемонии.

В тот же миг моё лицо меняется, и Том замечает это.

– Я же говорил.

– Я не хочу думать об этом.

– Согласен, – кивает он, – тебя уже ждут.

– Ждут?

– Да, – улыбается Том, в следующую секунду он вновь даёт газу, и мы трогаемся с места.

Весь путь я могу только гадать о том, что у него на уме. Если раньше я знала его будущие шаги, то сейчас не совсем понимаю и догадываюсь о задуманном. Этот новый Том становится для меня загадкой, которую хочется разгадать и узнать лучше.

Со временем понимаю, что дорога прокладывается к отелю, где меня что-то или кто-то должен ждать. На ум сразу приходят Картеры, но верится в подобное с трудом. Вряд ли они могли согласиться на перелёт в четырнадцать часов ради нескольких часов тут. Оно того ни стоит, ведь мы можем сделать это в одно время и вместе.

– А ты не пойдёшь со мной? – хмурюсь я, когда Том остаётся сидеть на мопеде, в то время как я покидаю сидение.

– Нет, встретимся через пару часов, – улыбается он.

– Через пару часов? Но Том...

– Я должен кое-что сделать, а это только для тебя.

Выдыхаю и принимаю его условия.

Один шаг навстречу, но получаю поцелуй в лоб, а не в губы, что ещё больше загоняет сознание в тёмные уголки.

– Ты скоро будешь совсем другой.

– Мне перестают нравиться такие загадки.

– Ты передумашь, – смеётся он.

С диким смятением плетусь в номер, продолжая решать ребусы и задавать вопросы, на которые найду ответы только с помощью Тома или кого-то.

Продолжаю мяться и у порога, не решаясь открыть дверь. Металлическая ручка кажется раскалённой кочергой, на которую боюсь положить ладонь и сделать одно движение вниз. Несколько упражнений на дыхание, чтобы успокоиться и наконец-то захожу внутрь, обнаружив в номере трёх женщин, облачённых в сари. Одна из них занимает место на стуле напротив туалетного столика с зеркалом и подсветкой, а другие расположились с двух сторон.

Вся тройка, одновременно обращает внимание на меня, и радушные улыбки расцветают на их лицах.

– Готова? – улыбается одна из них.

Ни слова, ни жесты не решаются литься из меня, я тупо уставилась на фиолетовый, зелёный и желтый цвет их платьев.

– Милая? – спрашивает вторая.

Выхожу из транса и хлопаю глазами.

– А.. – хочу задать вопрос, что происходит, но женщины моментально окружают меня, рассматривая со всех сторон.

– Лёгкие волны идеально подойдут твоему прекрасному личику, – вторит одна.

– Я подчеркну глубину глаз, – сопровождает вторая.

– Сядет великолепно, – подключается третья. – Подними руки.

С удивлением поднимаю их вверх, но женщина с улыбкой тянет их вниз и рассматривает тыльную сторону кисти, что-то тихо бубня себе под нос. В конце концов, за один миг, я телепортируюсь на стул и продолжаю в недоумении метать глазами между тремя насадками.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Готовим тебя к твое... – говорит женщина в фиолетовом, как её тут же перебивает вторая.

– Свиданию.

– Свиданию, – улыбается первая, повторная за той, что в зелёном.

– Просто расслабься и наслаждайся, – с улыбкой, говорит та, что в желтом. – Наша работа сделать тебя настоящей индианкой.

– Я ведь не могу отказаться? – риторический вопрос от меня, но они обоюдно кивают и смеются. – Ладно, это должно быть весело.

Получаю новые воодушевленные слова и расслабляюсь, опустив плечи. Улыбка трогает уголки губ, когда смотрю на собственное отражение и представляю образ, который воссоздадут мои феи.

Не знаю, что задумал Том, но приятно радуется его забота и внимание. Но главный плюс в понимании меня без слов, я же знакомясь с новым человеком, который зародился после нашего расставания.

Ровно два часа я практически не шевелилась. Медленно волосы становились теми самыми волнами, ниспадающими на плечи; глаза приобретали блеск, а красная помада подчеркивала губы. Единственное, о чём я начинала задумываться в последние минуты – выбор одежды. Всё, что сейчас может меня украсить – белое платье, которое я захватила по счастливой случайности.

Когда мой живой салон красоты отходит назад и смотрит на меня восхищёнными взглядами, я улыбаюсь, смотря на себя.

С воодушевлением рассматриваю руки, круча их перед лицом. Кисти исписаны хной, где сочетаются цветы, животные и птицы. Наверно, единственная нехватка – точка на лбу. Конечно, глупо её рисовать, ведь она несёт в себе какой-то смысла, поэтому решаюсь на вопрос.

– Я могу поставить точку?

– О, дорогая, ты совсем скоро её получишь, – улыбается та, что рисовала на мне. – Бинди говорит о религиозном поведении, социальном статусе и замужестве.

– Значит, я смогу её получить только в Нью-Йорке, – вздыхаю я, на что женщины добродушной улыбаются с озорством в глазах.

Женщина в зелёном уходит в ванную комнату и тут же возвращается. Но не одна. В руках у неё моё сари, купленное несколько часов назад и браслеты.

– Я.. кхм. Я буду в нём?

– Конечно, а когда ещё? – подмигивает она. – Ты же в Индии.

– Хорошо.

Последующие несколько минут слушаю их наставления о том, как правильно его надевать и ухаживать. После полного посвящения в индианки, подхожу к зеркалу и рассматриваю отражение.

Ткань настолько приятно ложится на тело, что я практически не чувствую слоёв. Улыбка то и дело украшает губы, и я не могу стереть её с лица. Не знаю, догадывается ли Том о моём внешнем виде, но интуиция подсказывает, что это его наставления. Закрыв глаза, кажется, что я по волшебству перенеслась в самую настоящую сказку или Болливудский фильм, где музыка, танцы и любовь, которая спасает всё и всех. В этом вся Индия.

Женщины прощаются со мной, предварительно сообщив, что у входа меня будет ждать машина. Слезы едва не скатываются по щекам, когда они оставляют поцелуи на моём лбу и говорят сотни комплиментов.

В номере ещё раз рассматриваю себя до тех пор, когда не раздаётся телефонный звонок с сообщением о том, что меня ожидает машина.

Весь путь кажется таким долгим. Время превратилось в воду, которая колыхается и не спешит бежать вперёд. Замечаю, как ненароком, мужчина бросает в мою сторону взгляд и его губы дёргаются в улыбке.

– Куда я должна идти? – спрашиваю я, когда мы останавливаемся у входа в какой-то парк, полностью заполненный природой.

– Я провожу вас, мисс, – говорит мужчина, паркуя машину.

В следующую минуту дверца с моей стороны открывается, и он подаёт ладонь, которую я принимаю и тут же рассматриваю сари на признаки целостности. Тюль настолько тонкая и мягкая, что я едва могу шевелиться, чтобы не испортить её.

Следуя по дорожке за мужчиной, рассматриваю местность и его костюм, который соответствует национальной одежде. Многие расстелили коврики и заняли место на траве, наслаждаясь солнечными лучами и ланчами. Это напоминает мне о центральном парке, хотя подобную картину можно увидеть в любом парке. Чистота, красота и тишина приятно радуют. Глаза округляются, когда замечаю древнее сооружение, похожее на храм и замедляю шаг. Этого в Нью-Йорке точно нет.

– Это сады Лоди, мисс, – говорит мужчина.

– А это что? – спрашиваю я, указывая на массивную постройку.

– Усыпальница Бара Гумбад, построена в пятнадцатом ве-

ке. Переводится как «Большой купол». В саду есть ещё Шиш Гумбад, что в переводе «Лазурный купол». И мавзолей Сикандара Лоди, но до них мы не дойдём.

– Почему?

– Потому мы уже на финишной прямой, – с улыбкой говорит он, и я переключаю внимание с усыпальницы на тропинку перед собой.

Ноги застывают, отказываясь идти дальше. Даже не представляю, как я могла выглядеть в эту самую секунду, но, честно говоря, выражение моего лица можно снимать на камеру, а после чего компрометировать снимком всю оставшуюся жизнь.

Красный сюртук на Томе чем-то напоминаем моё сари: с такими же вставками золотых крапин и рисунков, под которым скрывается белые штаны. Когда взгляд доходит до ног парня, я едва сдерживаю смех. Туфли с загнутыми носками и расшитые бисером настолько забавные, что я подношу кулак к лицу и сдерживаю новые порывы. Красный тюрбан на его голове забавляет меня ещё больше. Но веселье быстро сменяется на шок, когда глаза устремляются за его спину. Что-то напоминающее большую беседку, декорировано шторами, цветами и нитями с вставками различных украшений. Глаз дёргается, останавливаясь на мужчине, который только что шёл рука об руку со мной, и вновь возвращается к Тому, потому что мой шафер присоединяется к нему.

– Ты что... пригласил меня на...

– Твою свадьбу, Алекс, да, – улыбается Том. – Я же говорил, что ты вернёшься в Нью-Йорк другой. С новой фамилией.

В горле словно образовался стеклянный ком, который режет изнутри. Не успеваю уловить тот момент, когда слёзы создают тропинки на щеках, а я медленно опускаюсь вниз, закрыв лицо руками.

– Это всего лишь сон, ты спишь, – шепчу я для самой себя.

Чувствую, как на плечо ложится тёплая ладонь, и уже знаю, кому она принадлежит.

– Алекс, я хочу, чтобы ты стала моей женой прямо здесь и сейчас. Я больше не хочу писать разные фамилии, я хочу, чтобы мы носили одну.

Эти слова должны были успокоить, но я ещё больше упи-
ваюсь слезами.

– Ты всё ещё можешь сказать нет, – мягко говорит Том, поглаживая большим пальцем моё плечо, тем самым пуская разряды тока по телу.

– Я не хочу говорить нет... – шепчу я.

– Тогда ты можешь сказать да.

Протянув ладонь, он смотрит на меня с той же нежной улыбкой сверху вниз, и я решаюсь подняться на дрожащие ноги в коленях. Оглядываясь, я ловлю десятки взглядов, которые принадлежат незнакомцам. Они словно стали гостями на торжестве, хотя всего лишь зрители.

– Ты говорил, что это будет свидание, – говорю я с ноткой

обиды.

– Свидание, которое ты точно не забудешь, – улыбается Том, смахивая слёзы с моего лица. – Ты выглядишь прекрасно. Понимаешь, почему я выбрал красное?

– Выпускной бал, я поняла.

– Да. Если бы захотела сбежать, я бы снова тебя остановил. Встречаюсь с ним глазами, и стараюсь выгнать всё напряжение из легких.

Это же Том, мой Том, – талдычу себе. Чего я боюсь? Я влюблена в него с тринадцати лет, а мне почти двадцать четыре. Мы вместе восемь лет. Восемь самых лучших лет моей жизни. Мне с трудом даётся представить себя без него. Я не знаю этого состояния. Он – мой лучший друг, мой мужчина, отец моего ребёнка и мой будущий муж.

– Я люблю тебя, – тихо говорит он, погладив мою щеку, из-за чего я закрыла глаза и насладилась касанием. – Я всегда тебя любил.

Сердце замирает, и я прижимаюсь к его ладони, положив свою на запястье.

– Ответишь на вопрос? – спрашивает Том, вырывая меня из мечтаний.

Делаю согласный кивок и открываю глаза, встретившись с его взглядом полным любви и нежности.

– Ты станешь моей женой прямо тут?

– Хочешь это проверить? – улыбаюсь я.

– Если речь о согласии, то да. Но бросок у тебя так себе, –

смеётся Том.

– У меня отличный бросок! – восклицаю я, – ты сам это говорил!

– Ты же всё время говоришь, что я поддаюсь тебе.

– Я просто беру тебя на слабо.

– А я просто всегда поддаюсь тебе, потому что не могу не поддаваться.

Эти слова находят отклик в душе, и дарят счастье и умиротворённость. Брак ничего не изменит между нами. Я знаю, что буду любить его без штампа и кольца.

Том подмигивает и делает несколько шагов назад к мужчине, готовому обручить нас прямо сейчас. Подумав об этом, я получаю лёгкое приятное головокружение.

– Ты же понимаешь, что никогда не получишь развод? – хихикаю я, – ты больше никуда не денешься.

– Это ты больше никуда не денешься. Может, пора сделать это?

Занимаю место у огня, и смотрю в глаза, в которых тону уже десять лет.

Мужчина, который совсем недавно был мои шафером, сейчас становится священником, я же хочу упасть лицом в огонь, чтобы хоть как-то сжечь в голове вихри бушующих эмоций. Он начинает молитвы, но я ничего не слышу. Всё, о чём я могу думать – Том. Что-то подсказывает, что он тоже занят мыслями в голове, а не проповедями. Том улыбается мне и подмигивает, и я, наконец, могу услышать что-то за

собственными дилеммами.

Сердце обрывается по новой, когда парень задаёт мне вопрос.

– Приготовила клятву?

– Я даже не знала, что сегодня у меня свадьба. Но мне есть, что сказать, – киваю я, не проигрывая в этом маленьком сражении.

– Мужчина начинает первым, – сообщает священник.

– Хорошо, – соглашается Том. Протянув ладони мне, я вкладываю в них свои, и он сжимает их с особой нежностью. – Я не думал, что кто-то может сразить меня одним поцелуем в щёку. Это, конечно, было глупо и слишком быстро, но ты даже не представляешь, как долго я потом думал и вспоминал. С того самого дня жизнь разделилась на до и после. Я не хочу возвращаться в до, Алекс, я хочу жить в после. Только с тобой. Хочу слушать твои капризы. Хочу смотреть, как ты создаёшь свои маленькие шедевры. Хочу видеть твои танцы и дурачества. Хочу видеть твои глаза, когда ты встанешь не на ту полосу или проезжаешь с двойной скоростью там, где у меня может случиться инфаркт. Хочу принимать участие в твоём сумасшествии и наблюдать за твоими мини-показами из примерочных. Хочу, чтобы мы всегда понимали друг друга без слов, чтобы между нами не было тайн. Хочу знать, что у нас есть не только завтра, но и целая вечность впереди. Обещаю, что перенесу с тобой всё, что встанет на нашем пути. Обещаю, что не буду видеть никого, кроме те-

бя. Я и никогда не видел. Я всегда был только твоим. Им останусь навсегда. Ничто не способно отнять тебя у меня. И меня у тебя.

Чувствую собственный стеклянный взгляд, и медленно поворачиваю голову в сторону бывшего шафера, который едва касаясь моего плеча, пытается вырвать меня из оцепенения и вернуть к дыханию, которое остановилось. В эти секунды я не видела и не слышала ничего, кроме Тома. Звук его голоса окружил и пленил, отключая окружающую среду.

– Мисс? – спрашивает мужчина.

Колблюсь, смотря на огонь, после чего, поднимаю взгляд и встречаюсь глазами с Томом, который немного улыбается, одновременно указывая на слабину и поддержку.

– Я приходила на стадион, чтобы посмотреть на тебя, – выдыхаю я. – С тринадцати лет. А потом ты перешёл в старшую школу, а я так и осталась в средней. Этот год был самым ужасным для меня. Но ещё хуже был тот, когда ты вовсе уехал в другой город, ведь в школе я могла тайно проскользнуть на территорию старших классов. Я миллион раз мечтала и представляла наше знакомство. Но ни одно из не было тем, что произошло. Эван сейчас икает, и я была готова его убить. Но оборачиваясь сейчас назад, я хочу броситься и задушить его в объятиях. Самая большая глупость обернулась самым лучшим шагом.

Выдыхаю, и собираюсь с новыми силами.

– Я люблю тебя. С того самого момента, как только уви-

дела. Я последую за тобой хоть куда: в огонь, в воду, на войну. В любое место. Там, где будешь ты – буду я. Я поддержу тебя во всём, даже если ты решишь податься в хиппи и жить в палатке на одной из улиц Нью-Йорка – я последую твоему примеру. Буду с тобой рядом везде, даже если не смогу присутствовать физически, буду рядом мысленно. Сердце и душа всегда будут только около тебя. Я не могу иначе. И я не хочу иначе. Обещаю оберегать то, что есть у нас. Обещаю быть для тебя намного больше, чем женой.

– Ты всегда будешь для меня намного больше этого звания, – мягко говорит Том. – Я люблю тебя.

Заглушаю эмоции, которые готовы взорваться, и обмениваюсь с Томом цветочными гирляндами, как знак того, что отныне я принадлежу ему в другом статусе, как и он – мне. Священник связывает наши гирлянды и по обряду, мы вместе обходим огонь.

Подняв небольшую миску, мужчина подносит её Тому, который макнув палец, ставит на моём лбу ту самую красную бинди, о которой я говорила с женщинами. Смотрю в сторону и нахожу глазами свой сегодняшний салон. Вся тройка улыбается мне. Конечно, они знали, куда меня готовят. Отвечаю им взаимной улыбкой и поворачиваюсь к Тому, который подносит ко мне какую-то восточную сладость, а священник держит тарелку, чтобы я взяла подобную. Делаем укус, смотря друг другу в глаза и улыбаемся.

– Алексис Дуглас, – шепчет Том, взяв мою ладонь.

– Да, – киваю я с не менее широкой улыбкой, чем у него.

Церемония завершается, и я с шоком принимаю радушные и воодушевляющие поздравления от всех, кто окружал нас в эти минуты. Единственными людьми, кто более-менее знаком мне – женщины в сари, который готовили меня к этому. В какой-то момент эмоции больше не могут оставаться внутри, и я со слезами на глазах продолжаю принимать пожелания и поздравления незнакомых людей.

То, с какой искренностью звучат их комплименты и пожелания – трогает каждый потайной уголок в душе. В какой-то момент, кажется, что это мои друзья, семья и знакомые, с которыми нас сейчас разделяют тысячи миль.

– А мы можем пойти в номер? – спрашиваю я.

– Зачем? – улыбается Том, шагая в ногу со мной к выходу из парка.

Слегка толкаю его в плечо.

– Только не говори, что ты забыл о брачной ночи.

Том закидывает голову назад и смеётся.

– По индийским традициям, первую ночь муж и жена спят по разным комнатам.

– Это не правда! – восклицаю я.

– Правда, – хохочет парень. Повернув ко мне лицо, он подмигивает. – Но я немного обновил их и современно подошёл к этому.

– Ты говоришь загадками.

– Нет, может, мы хотя бы отметим это ужином?

– Серьёзно? Через несколько месяцев первым в комнату будет заходить живот, а потом я. Думаешь, я хочу терять время на трапезу?

– Как бы там ни было, тебе придётся. Я не хочу заниматься некрофилией.

– Ты только что кормил меня.

– Это не считается.

– Если ты сейчас же не снимешь штаны, я прикрываю это лавочку.

– Это святое место, – смеётся Том. – Не оскверняй его.

– А ты не оскверняй свою жену, которая может превратить твою жизнь в ад.

– Значит, будет жарковато.

– Горячо, – киваю я.

Подмигнув мне, он открывает дверцу, и я занимаю место в машине, а Том прыгает за руль.

– Тебе понравится, – улыбается он, повторяя эти слова миллионный раз.

– Ты будешь там голым? – предполагаю я.

– Нет, – снова смеётся он.

– Тогда я сомневаюсь.

– У тебя гормоны сходят с ума.

– О, это не гормоны. Это твоя новоиспечённая жена.

Его новый смех и моё страстное желание готовы спалить машину, оставив лишь горку пепла. Но у меня нет вариантов, это не мои условия и не мои планы.

Город быстро скрывается за спиной, и это чувство незнания окрыляет. За пару дней Том успел сделать несколько сюрпризов, и я в томительном ожидании того, что он задумал дальше. Мы словно нагоняем упущенное время, что в действительности только помогает расти новообретенным чувствам.

Машина поднялась в гору, и последними остались ворота, которые она тоже миновала.

Покидаю салон и осматриваю местность. Ограждения из массивных камней, под ногами выложена уменьшенная версия первых. По центру небольшой подъем, с двух сторон которого по одной ступеньке, в середине стол и парочка стульев. Но самое главное – картина, которая открывается за ними. Город, на который ложится ночь, облачая голубое небо в оранжевые и желтые оттенки заката. Природа – одно слово, которое имеет иное название: лучший художник. Без сомнения, эти оттенки станут моим будущим выбором для статьи.

Подхожу к ограждению и опираюсь ладонями на камни, впитывая каждую секунду в этой сказочной стране.

Ладони Том обнимают талию, и поверх его рук – кладу свои.

– Тут невероятно, – выдыхаю я, положив голову на плечо парня.

В ответ получаю поцелуй в висок.

– Потанцуешь со мной?

– Без музыки?

Том вытаскивает из кармана телефон и наушники.

– Музыка есть, – сообщает он. – Выбор за мной или за тобой?

– За тобой, – киваю я.

Как только первые звуки клавиш доносятся до сознания, улыбка расцветает на моих губах. Удивляет его выбор, но я знаю, где он услышал эту песню. Мелодия и слова Jeremy Camp – Never Stopped Loving дарят этому дню и вечеру ещё больше нежности. И, кажется, я буквально плавлюсь в руках Тома.

Прижав меня ближе, он улыбается и подмигивает, ведя нас в танце, я в это время подпеваю словам и наслаждаюсь нашей уединенностью. Словно весь мир остался где-то позади. Нет ничего, даже силы гравитации, которая должна удерживать на Земле. Замерло всё, и моё сердце в том числе.

Я никогда не думала, что моя свадьба будет такой. Но жизнь настолько изворотлива и непредсказуема, что я ни капли не жалею о том, что банальные желания перевернулись с ног на голову и воплотились в реальность именно таким способом. Подумать только, я танцую с любимым человеком не в каком-нибудь ресторане под громкую музыку, а на горе, где перед глазами расстелился закат и мегаполис, а в ушах одна капелька наушника, потому что вторая у моего мужа. Это лучшее, что со мной случилось.

Том кладёт ладонь на мою щеку, и я закрываю глаза, по-

лучая самый лучший на свете поцелуй.

– Больше всего на свете, я люблю тебя, Алекс Дуглас, – шепчет он у моих губ.

– Больше всего на свете, я люблю тебя, Том Дуглас, – отвечаю я, не скрывая улыбки.

Глава 31

Том

Эти несколько недель стали сущим адом на планете. Всё, о чём я могу думать – моя жена. Чертовски охренительная жена, которая на другом конце страны. И я ненавижу чувство того, что её нет со мной. Алекс обещала присутствовать рядом, даже если это будет мысленно. Она не соврала. Мысли крутятся вокруг неё. Они начинаются с этой девушки и ею заканчиваются. Я думаю обо всём, даже как по её коже может стекать вода или ласкать ветер. Это утомительно. Ещё парочка недель тут, и я поеду, как сопля. Хотя, сомневаюсь, что мне нужно столько времени. Уверен, для это потребуются лишь несколько суток в однотипном круговороте.

– Эй, ты идёшь? – Джейден вопросительно смотрит на меня, пока я продолжаю сторожить задницей лавочку в раздевалке.

Киваю и поднимаюсь с места, направляясь за товарищем по команде.

Непонятно, сколько ещё будет длиться игра, но то, что мы выигрываем – утешает мои внутренние колебания. Задницу рвут все, никто не хочет упасть в грязь лицом, и это охренительно, потому что мне очень нужна эта победа. Другого варианта я не рассматриваю. Лучше бы всем и дальше напря-

гаться.

Плетусь на поле, где занимаю положение дома и беру битую.

На этот раз начинаю я, и надежда парней чувствуется в виде взгляда на мою спину. Я не могу подвести команду, болельщиков и себя. В какой-то миг мне кажется, что чувствуется ещё один знакомый взгляд. Слишком родной и любимый, но я знаю, что это невозможно, я разговаривал с ней пару часов назад, когда Алекс валялась в кровати. Скорей, это галлюцинации из-за тоски по ней или она просто смотрит матч по телевизору. Скорей оба варианта. Выдыхаю и на пару секунд закрываю глаза, чтобы вспомнить образ той, ради которой я готов разбить черепную коробку.

Взмах руки питчера, и я моментально реагирую на бросок, вдарив по мячу с такой силой, что сам удивляюсь. Под громкие одобрительные крики команды и стадиона – срываюсь с базы и бегу к следующей. Взглядом ищу любого, кто бежит за мячом или делает броски какому-то из членов команды, но ничего. В эту секунду, я решаюсь не останавливаться. И когда мяч появляется у Фила – товарища команды противников, моя нога уже задевает вторую базу, а мяч касается голени ещё через долю секунды.

– Тебе повезло, Дуглас, – шипит он, награждая меня недобрый взглядом.

Этот парень по непонятным причинам самый мерзкий тип из их команды. Своим языком он отталкивает каждого, и, кажется, не только нас, но и собственную команду, хотя он –

ценный игрок из-за хорошей скорости. Они не выкинут его.

– А тебе не особо, – выпрямляюсь я, наградив его взаимным взглядом.

– Когда я зацеплю тебя, мы посмотрим, кто из нас быстрее, – отвечает он, делая несколько шагов в сторону.

– Мы только что это выяснили.

– Кажется, ты не понимаешь, что зря дерзишь мне.

– Кажется, тебе кажется. Имей чувство собственного достоинства, а не длинный язык.

Цокнув, он почти рычит.

Странно, но это поджигает кровь и прибавляет адреналина. Я способен заткнуть его, несмотря на разницу в возрасте. Он – ветеран, которого как ни крути уважают. Но для меня нет разницы в возрасте. Сколько бы тебе не было лет, имей должное воспитание. Это спорт. Побеждает только один. И в данную секунду им был я.

Перевожу взгляд на тренера, который скрестил руки под грудью и показал мне указательный палец вверх. Этот немой жест знаком каждому человеку в команде. Он означает, что ты хорош, но подобный риск ни стоит совершать необдуманно, лучше быть предусмотрительным. В данном случае, я действительно рисковал, ведь даже не видел мяч. Мной управляло стремление принести команде победу.

Киваю ему, и получаю ответный.

Переместиться с базы получается только через несколько ударов. И когда ноги достигают базы «дом» – облегченно вы-

дышаю, принеся команде ран. Лайв и Стив хлопают меня по спине в знак благодарности, после чего, первый занимает базу, взяв в руки биту.

К концу игры чувствую себя настолько измотанным, что ноги едва держат тело в вертикальном положении, но скрипя зубами, беру биту и принимаю удобную позицию, взметнув её в сторону. Даг, который является питчером команды соперников, щурится и смотрит, будто сквозь меня. Я знаю, куда направлен его взгляд: на кэтчера, который сидит на корточках рядом и ждёт любой удачной возможности перехватить мяч. Не в этой жизни. Ну, по крайней мере, не со мной.

Сделав взмах рукой, он высоко задирает ногу, но этот бросок является обманкой. Он не бросает мяч. Верней, бросает, но не в верном направлении. Мы не играем в баскетбол – хочу ему напомнить, когда мяч пролетает над моей головой и приземляется позади, словно проскальзывает через сетку корзины. Улыбка Дага настолько самоуверенна, что я выгибаю бровь, не понимая шутки, которую он решил учудить не в самый подходящий момент. Но ещё больше удивляют взгляды за мою спину, из-за чего я тут же делаю поворот на сто восемьдесят градусов.

– Алекс, – выдыхаю я, не веря собственным глазам.

В руках она держит мяч и улыбается.

– Я же не поймал его лбом? – спрашиваю я, на секунду задержав взгляд на Грегори, занимающего позицию кэтчера.

– Нет, – смеётся он, хлопнув меня по плечу.

Я всё ещё думаю, что мне двинули битой или зарядили мячом в лоб. Не верю, что она сделала это. Не верю, что каким-то чудом связалась с командой противников и договорилась об этом. Не верю, что она тут.

Она может.

Я разговаривал с ней, когда она была в кровати. Сколько белых простыней в данный момент обрамляет кровати? Миллионы. Она умело утаила присутствие в Калифорнии.

– Черт, детка, – смеюсь я, – ты сумасшедшая!

Алекс смеётся и бежит ко мне. Ловлю её в воздухе и прижимаю настолько сильно, насколько это вообще возможно, словно она – мираж, который может рассеяться в воздухе. Но это не шутка. Она тут. Пересекла страну ради меня, прилетев в Лос-Анджелес. Я чувствую запах её цветочного шампуня и тёплое дыхание на шее.

– Я обещала, – улыбается девушка, заключив мои щёки в свои ладони.

– Обещала?

– Следовать за тобой повсюду, – игриво напоминает она, мягко толкнув меня в плечо.

– Ты точно сумасшедшая, – смеюсь я, вновь обнимая её всеми оставшимися силами.

– Ага, напоминаю сталкера, – хихикает Алекс, – ты должен вернуться в игру.

– Дождёшься меня?

– А у меня есть выбор? Я прилетела сюда не ради пляжа.

– Разве? Ты шопоголик и тусовщица, – улыбаются я.

Алекс высовывает язык и приближается к моему уху. Положив ладонь на мою шею, она тихо говорит:

– Порви их.

Подмигивает и уходит с мячом в руках. Единственное, что я хочу порвать – её нежно-розовое платье, едва достигающее колен и открывающее плечи. Слежу ней до тех пор, пока она не подходит к трибунам и не вручает какому-то маленькому мальчику мяч, который от восторга, начинает плакать и смотреть на неё, как на Богиню.

– У тебя охрененная девчонка, – говорит Грегори, когда я снова занимаю базу.

– Она не моя девчонка. Она – моя жена, – киваю я, и он понимающе улыбается. Вероятно, во всей команде есть только один урод.

Спустя новый круг, я уже не чувствую усталости, словно Алекс стала допингом или болеутоляющим.

Как только слышится сигнал, смотрю на табло, а стадион взрывается в овациях, и мы тоже. Вырвать победу получилось не так легко. Мы знатно сдали обороты и напряглись под завершение, вырвав зубами несколько РАНов. Периоды казались нескончаемыми. В итоге во всей игре вышло семь проклятых иннингов, который, клянусь Богом, успел проклясть каждый на поле. Кажется, воодушевление было только во мне, но сомневаюсь, что мог чувствовать себя хуже, если бы не Алекс.

Жмём ладони команды соперников, и ноги несут меня к трибунам быстрее остальных. И каково же моё удивление обнаружить на трибунах не одну Алекс. Рядом с ней Лизи и Джаред.

– Черт, у меня едет крыша? – спрашиваю я, протирая глаза.

– Вполне, ты себя видел? – усмехается брат.

– Видел, а ты себя видел? – в ответ, ёрничаю я.

– Видел, – кивает он, пожав мою ладонь и, обняв, похлопал по спине.

– Какой насыщенный диалог, – смеётся Лизи, которую я обнимаю следом.

– Вы разве не должны быть в Вегасе?

– Бой только через два дня, у меня есть время достать тебя, – сообщает Джаред, и я закатываю глаза.

– Мы будем ждать тебя на парковке, – улыбается Алекс, оставив поцелуй на моей щеке.

Улыбка не сползает с моего лица. Не знаю, как они провернули это за моей спиной, но я чертовски рад видеть их тут и знать, что они были рядом. Каждый из них – это моя семья, кровная или нет, не имеет значение. Семья не всегда та, что объединяется общей родословной и кровью. Её можно обрести с другими людьми. Два из этой тройки – мои родные и близкие люди, обретённые со временем, в то время как Джаред имеет должность двоюродного брата. Сейчас нас объединяют брачные узы, но те люди, что сейчас в Нью-

Йорке тоже моя семья. Крис, Трент, Камилла, Дин – каждый из них. Ещё одна девушка, которая живёт в этом городе.

Отвожу взгляд и обнаруживаю того самого мальчугана, который получил от Алекс мяч. Зачаровано хлопая золотисто-карими глазами, он смотрит на меня, как на какого-то Бога, сошедшего с Олимпа. Подмигиваю и ладонью взъерошиваю его каштановую копну.

Тренер произносит в раздевалке воодушевлённые речи и благодарит каждого за старания и усилия для победы. Я же сижу, словно на раскалённых углях, желая скорей присоединиться к семье. И когда это случается, я облегченно выдыхаю, радуясь их пребыванию в этом городе.

Занимаю место в машине, Алекс тут же протягивает мне квадрат, обёрнутый золотой бумагой.

– Что это?

– Не только ты умеешь делать сюрпризы, – улыбается она.

Даже не представляю, что там может быть, поэтому наспех разрываю упаковку, обнаружив внутри белую коробочку. Открываю крышку, которая поднимается вверх не отделившись от основы, и обнаруживаю небольшой закрытый конверт.

– Если это квест, то слишком короткий, – смеюсь я.

Джаред и Лизи наблюдают за нами с передних кресел, пока Алекс сидит напротив, закусив нижнюю губу.

Открываю конвертик и достаю карточку. Метаю глазами между снимком и Алекс, которая, кажется, задержала дыха-

ние. Очертания не так понятны, но уже хорошо видно голову и тело, внизу написано только одно слово: мальчик. Лёгкий мандраж и головокружения, когда я поднимаю глаза на девушку перед собой.

– Это... мальчик? – спрашиваю я, получая кивок Алекс.

Губы дёргается в улыбке, и вот я уже прижимаю к себе жену, которая вовсе начинает плакать.

– Я же говорила, что она не удержится, – хихикает Лизи. – Гони мою сотню, Картер.

Джаред смеётся и достает из кармана бумажник, протянув ей купюру.

– Вымогательница.

– Это был честный спор. Я знаю свою лучшую подругу.

Джаред передразнивает её и подставляет мне кулак, по которому я стучаю своим.

– Мужик, – с улыбкой, кивает он.

– Спасибо, – улыбаюсь я, рассматривая фотографию, пока Алекс всхлипывает у моей шеи.

Утыкаюсь в её волосы и вновь втягиваю цветочный аромат, прижав к себе хрупкое тело.

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – шепчет она.

Всю дорогу я только успеваю рассматривать снимок и держать ладонь на животе Алекс, который начал заметно выпирать. И будь она в облегающем платье, положение было бы сразу понятно.

– Прости, что так вышло, – тихо говорит она, – я хотела, чтобы ты был рядом, но пришлось перенести скрининг.

– Сейчас ты тут, и это самое главное, – говорю я, оставив поцелуй на кончике её носа.

Джаред паркуется на подъездной дорожке и покидает салон, что следом делаем мы.

– Чей дом? – спрашиваю я.

– Арендовали на пару дней, – сообщает он, закинув сумку на плечо.

Вилла просторная и такая летняя, что волей-неволей чувствуется тепло и уют. Свет и простор тоже помогают первым двум характеристикам. Судя по заднему двору, где лежат продукты и кепка, понимаю, что они были тут задолго до меня.

– Сегодня вы в роли рабов и слуг, – улыбается Лизи.

– Я только что носился по полю в течении двух часов, – смеюсь я.

– Это не оправдание, – хихикает Алекс, и они обе падают в кресла из ротанга.

– Ладно, – соглашаюсь я, занимая место у разделочной доски.

Кромсать овощи никогда не требовало особого применения силы, поэтому я с энтузиазмом берусь за это занятие. Уверен, если бы не они, я бы тупо завалился в кровать без сил на последующие сутки.

– Том, твоя мама передаёт тебе привет и поздравляет с

победой, – сообщает Алекс.

– Мои родители звонят тебе? – смеюсь я.

– Проверь телефон, потому что тебе звонила мама и мой папа.

Достаю из кармана телефон и обнаруживаю шквал сообщений с поздравлениями. Кажется, меня поздравили даже те, с кем я учился в школе, но уже не помню их лиц. Мои парни со школы, Эван, брат Алекс, друзья с Нью-Йорка, семья и куча остальных. Отвечаю всем благодарностью, и когда нажимаю клавишу отправки с сообщением для Адама, экран переключается на входящий вызов мистера Блинд.

– Парень, ты чертов ураган! – с восхищением говорит он, в то время как я даже не успеваю сказать приветствие или простое алло.

– Спасибо, – смеюсь я.

– Если в следующий раз не будут выделять лучших игроков, я подам иск в мировой суд.

– Можем решить это на мирной ноте, Ваша дочь умеет рисовать медальки.

– Моя дочь и шею может себе свернуть, – шутя, заявляет он. – Как дела?

– Намного лучше, чем отлично, – улыбаюсь я, смотря на Алекс, которая завершила разговор с моей мамой, и теперь переключилась на Лизи. – Ваши?

– Неплохо, – на заднем фоне у него начинает говорить возмущенный женский голос, а следом за ним, голос мистера

Блинд повышается на несколько тонов. Радость так и сучится из динамика в виде его голоса: – внук? Боже, сынок, у нас внук!

– Я знаю, – смеюсь я.

– И ты сейчас молчал?

– Я узнал об этом максимум минут десять назад, не предоставилось минуты рассказать.

– Ох, вы сведёте меня в могилу!

– Ни стоит торопиться, вам ещё надо понянчиться.

– Ты прав. Он... он такой крошечный. Алекс отправила нам фотографию.

– Знаю, – улыбаюсь я.

– Ладно, отдыхайте, София передаёт тебе привет и поздравления.

– Спасибо, поздоровайтесь за меня.

– Без проблем.

Прощаемся, и обоюдно сбрасываем вызов, не успеваю убрать телефон в карман, как тут же звонят родители Джареда. На этот раз, вызов по видео звонку, сразу принимаю его.

– Том, милый, мы вас поздравляем! – говорит Рейчел с ослепительной улыбкой, – это такая прекрасная новость.

– Спасибо, – улыбаюсь, когда она разворачивает экран, и я обнаруживаю дядю.

– Присоединяюсь, – улыбается он. – И с победой команды. Молодцы, парни!

– Спасибо, – успеваю сказать я, как телефон исчезает из

руки с помощью Джареда.

– Привет, ма, – говорит братец. – Как вы? Я скоро стану дядей, вот же охрененно.

Рейчел смеётся, и я слышу точно такой же смех дяди.

– Да, я тоже хорошо, не спрашивайте, – продолжает он, в то время как родители ещё не успели сказать и слова, из-за чего я начинаю смеяться.

Джаред уходит с телефоном к грилю, и я закатываю глаза. Типичный Картер. Он с оживлением что-то говорит, после чего слушает родителей. Наконец, мой телефон появляется у меня в руках. Но на этом звонки не прекращаются. Следующий принадлежит маме.

– Привет, мам, – отвечаю я с улыбкой.

– Здравствуй, милый, – с тем же радушием, отзывается она. – Это так... не знаю, я уже успела вырветь океаны слез. Твой отец пошёл переодеваться.

– Боже, мам, – смеюсь я.

– Спасибо, – вздох, и я чувствую её улыбку даже через тысячи миль. – Мы гордимся тобой.

– Я знаю, спасибо.

– Ты был неотразим.

– Спасибо, мам.

– Передаю трубку папе.

Слышатся небольшие шорохи, после которых, звучит голос отца.

– Она права: мы гордимся тобой.

– Спасибо, пап. Я уже сказал это раз десять, – посмеиваюсь я. – Вам спасибо.

– Ты сам всё сделал.

– Не без вашей помощи.

– Она была небольшой.

– Да, вы всего лишь меня вырастили.

Отец начинает смеяться, и я улыбаюсь, вновь посмотрев на Алекс.

– Ты прав, поздравляю с победой и сыном.

– Спасибо.

– Не будем отвлекать.

Прощаюсь с родителями и жду, когда на экране снова всплывёт какой-нибудь вызов, но ничего не происходит. Убираю телефон в карман и вновь приступаю к нарезке.

Необъяснимо чувство того, что семья поддерживает тебя со всех сторон. Они всегда на линии, и это приятное чувство того, что никогда не останешься один – дарит душе покой. Родители Алекс принимают меня с распростертыми объятиями, то же самое делают мои в отношении неё. Это намного больше и лучше всяких объяснений. Мы словно одна огромная шведская семья, уживающаяся в мире и гармонии между собой, конечно, после разрешения всех вопросов и ссор между Джаредом и дядей. Они наконец-то пришли к своему перемирию, от чего спокойней стало всем, особенно им двоим. И мне в какой-то степени тоже. Последний раз их стычка произошла на моих глазах, но, слава Богу, ураган стих.

Смотрю на девочек, которые шепчутся о чём-то, пока я режу овощи, а Джаред готовит гриль. В отличие от брата, я прекрасно их слышу, я не всегда вдавался в подробности их обсуждений, но сейчас решаюсь подсушивать. Мы пообещали друг другу ничего не скрывать, но у Алекс может быть что угодно в голове.

– Последний раз, когда я решила купить презервативы, у меня спросили размер. Это был первый и последний раз, когда я это делала, – тихо говорит Лизи, и я удивляюсь теме, покосившись в их сторону.

Но удивлён только я, потому что Алекс тут же разряжается диким хохотом, колошматя стол перед собой.

– Это не смешно! – бурчит Лизи, и, честно сказать, это правда забавно. – Видела бы ты моё лицо!

– Я его сейчас представляю, – едва вытягивая слова, говорит моя жена, – Джаред знает об этом?

– Ещё бы. Я взяла... кхм стандартный размер? Что это вообще обозначает? Есть какие-то стандарты? – шепотом восклицает Лизи.

– Боже! – кричит Алекс, из-за чего я пялюсь на них, как на двинутых. Джаред не отстаёт. По взгляду, он советует мне вызвать службу спасения, пока она продолжает допрос: – И как?

– Ты хочешь узнать, подошли ли они? – выгибая бровь, с нотками скепсиса спрашивает Лизи.

– Я не знаю, хочу ли я об этом знать, – хохочет Алекс. И

я поддерживаю. Не думаю, что нужная информация для её головы – это размер члена моего брата.

– Нет. Они не подошли. Цитирую Джаред: «Что это за дерьмо?», – на тон ниже, говорит Лизи.

Новая волна смеха и почти разбитый стеклянный стол виллы с помощью ладони моей жены.

– Ну, ты могла бы делать бомбочки или носить в них воду в случае войны, – предлагает Алекс, на что Лизи закатывает глаза.

– Можно посвятить нас в подробности? – спрашивает Джаред, но ему лучше не знать.

Смотрю на девочек, и по взгляду понимаю, что Алекс норовит рассказать правду.

– Не сме...

– Лизи рассказывала, как первый раз покупала презервативы, – одновременно с ней, произносит Алекс.

Лоб жены моего брата ударяется о стол, а Джаред разряжается диким ржачем. Ему настолько смешно, что он согнулся пополам. Перевожу взгляд на Лизи, и начинаю сомневаться, что история не была сокращена до минимума.

– Помню. Это было весело, – откашливается Джаред, смотря на неё с озорным блеском. – Она больше не покупала их, кстати.

– Не думаю, что должен и хочу это знать, – вздыхаю я. – Я уже услышал слишком много.

– Чувак, это обычные презервативы. Не говори, что пада-

ешь в обморок при слове «месячные», – гогочет он.

Лизи отрицательно крутит головой, словно не до конца хочет верить в услышанное, а я закатываю глаза и фыркаю.

– Что ещё обсудим?

– Не будь занудой, Томми, – улюлюкает брат. – Это просто суровая реальность и необходимость.

– Переворачивай сосиски.

Джаред играет бровями и подмигивает жене.

– Я схожу с тобой в аптеку и подробно обо всём расскажу, – сообщает он для Лизи. – Попробуем попытать удачу вместе, прошло столько лет.

– Не думаю. Я лучше суну в раскалённую лаву язык.

Он снова начинает смеяться и приступает к готовке. Я перенимаю его энтузиазм и поворачиваюсь к разделочной доске. Ладно, это действительно смешно. Никогда не думал, что Лизи такая... скромная? Даже спустя несколько лет жизни с Джаредом, она привыкла к его дебильным шуткам, но не может купить презервативы.

Чьи-то руки проникают через мои и обнимают. Сразу чувствую, что это Алекс. Кто, кроме неё? Хотя, Джаред вполне способен на подобные дурачества. Смотрю на неё через плечо и улыбаюсь, когда она прижимается ближе. Теперь её щека покоится у моей лопатки, а руки крепко сжали кольцо вокруг талии.

– Тебе помочь?

– Кто-то недавно говорил, что мы сегодня ваши верные

слуги и рабы, – смеясь, напоминаю я.

– Да точно, – хихикает она, – но я могу сделать исключение.

– Я уже всё доделал, осталось перенести на стол.

Алекс кивает и забирает пару тарелок с овощами и фруктами, расставляя их на столе, в то время как Лизи уже переместилась к Джареду, который теперь заинтересован в ней, а не в готовке. Краем глаза смотрю на этих двоих, которые хохочут и сходят с ума, тыкая друг в друга ложками.

Алекс тянется ко мне, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать её, но эта маленькая лиса облизывает моё лицо и хихикает.

– Кто бы сомневался, – смеюсь я, а она показывает язык.

– Вкусненько.

Занимаю соседнее кресло, когда на пороге появляется никто иной, как наша бизнес-леди. Чёрная юбка карандаш, туфли, легкая блузка, очки, которые закрывают её глаза, но не могут скрыть широкую улыбку, с которой она расставляет руки в стороны и несётся к девочкам, которые в ответ бросаются к ней. Эта сумасшедшая тройка университетских времён воссоединилась, и каждому жителю Лос-Анджелеса лучше скрыться дома, пока они вновь не разъедутся.

Мы с Джаредом тоже получаем её объятия, и поздравления, после чего, они начинают оживлённо болтать, перебивая друг друга и громко смеясь. Всё это время ладонь Алекс покоится в моей, и лежит на моем колене. Я бы ревновал её энергичность в отношении подруги, если бы не понимал, как

сильно они скучают по друг другу. К сожалению, наша реальность такова, что жизнь распорядилась иначе и закинула Бекку на другую сторону страны. Я вернусь в Нью-Йорк, и буду получать её внимание, в то время как общение с Беккой вновь перейдёт на социальное или периодичные звонки.

Судя по тому, что Джаред не торопится встречать – тоже понимает необходимость их общения между собой, в котором нам, некоторое время, не нужно принимать участие.

– Лизи отпустили надолго?

– Дали отпуск на две недели, вы вообще планируете свадьбу?

– Зачем? – смеюсь я.

– Затем, что я должен хоть где-то погулять. Ты обламываешь меня, засранец.

– Погуляешь по набережной у дома.

– Очень смешно, – усмехается он. – У Лизи до сих пор дёргается глаз.

– Если ты не заметил, то он дёргается у неё с тех пор, как она познакомилась с тобой.

– Где понахватался?

– Чего?

– Силы духа, идиот, – гогочет Джаред.

– Там, докуда ты не дошёл, придурок.

– Вот же дерьмо, с каждым последующим годом с тобой становится интересней.

– Это не взаимно, потому что с тобой – нет.

– Меня невозможно не любить, мой милый Томми, – продолжает смеяться Джаред, шагая к грилю.

– Я бы на твоём месте прекращал обманывать себя. Это жизнь в отрицании и неприятии. Пора принять реальность. Ты уже давно не милашка.

– Хрена с два.

Джаред показывает мне средний палец и усмехается. Но он прав. В последние годы я в какой-то степени полюбил его компанию и с удовольствием в ней нахожусь, даже если нас только двое. А дурные шутки стали заразительными. Страшно, что мы становимся чем-то схожи.

– Вы уже придумали имя? – спрашивает Бекка, бегая глазами между мной и Алекс.

– Нет, – говорю я, пожимая плечами.

– Я предлагаю исключить их из компании до тех пор, пока они не устроят для нас грандиозную тусовку, – провозглашает Джаред, и я замечаю, как вспыхивает гневный огонёк в глаза Лизи, но он тут же тлеет, и она смеётся.

– У тебя двое детей, твоя тусовка может проходить только в Макдональдс, – хихикает Алекс.

– Ой, какая ты шутница, – пищит он, – какое предложение будет дальше? Купим мыльные пузыри и будем бегать за ними, кто больше налопает и наглотается мыла?

– Придурок, – смеётся она, – не жди приглашения.

– Я сам прихожу, если ты не заметила, – подмигнув, Джаред ставит на стол большую тарелку с сосисками и стайка-

ми. – У вас даже нет колец, ни хрена вы не обручены.

– Мне нужно выпить, – выдыхает Бекка.

– Это трезвая тусовка, пей сок, – заявляет мой брат, сунув вилку в рот.

– Ты не меняешься, – улыбается Бекка.

– Да, каким был милашкой, таким и остался. Томас ослеп.

– Да, действительно, – с неприкрытой иронией, соглашается Бекка, а я закатываю глаза.

Джаред обольстительно улыбается, пока мы смеёмся. Милость и Картер – это два несопоставимых случая.

Взгляд переключается на Алекс, которая кладёт голову на моё плечо, в ответ, получая мой поцелуй на макушке. Протягиваю руку по спинке её кресла и прижимаю к себе. Она обещала – она выполнила обещание, последовав за мной.

Эпилог

4 года спустя

Алекс

– Как он всё успевает? – выдыхаю я, смотря на некогда красивый пончик в шоколадной глазури розового цвета и конфетти.

– Следи в оба, – смеётся Том, убегая за мелким проказником с именем Трэй.

Парочка любимых мужчин мчится чуть ли не сломя голову к воде, хотя, я бы сказала, что Трэй мчится с озорством, а Том с ужасом за ним. Мы оба знаем, что за ним нужен глаз да глаз. Желательно много глаз. Как можно больше. Минута, и сгорит дом, кот станет лысым, стены цветными, а после наступит конец света. Но самое смешное, что в нём умело сочетается спокойствие и ураган. И чего ожидать через минуту – полная загадка.

Надеваю солнцезащитные очки и откидываюсь на локти, приступив к наблюдению за их дурачествами в воде. Уголки губ просто не могут оставаться неизменными, а сердце не трепетать от радости. На душе такой приятный покой и умиротворённость, словно я постигла свою дзен. Но, наверно, так и есть.

– Мам! – кричит тонкий голосок, показывая мне что-то

напоминающее ракушку. – Смотри!

– Собери для меня несколько, – улыбаюсь я.

Убедившись в их занятости, достаю из сумки полароид и дневник. Щелчок и фотокарточка в моих руках. С помощью клея прикрепляю её к страничке и улыбаюсь, рассматривая снимок. Сидя на корточках, Том протянул руку Трэю, получая новую находку от сына. Оба довольно улыбаются, смотря на ладонь. Фотография не такая светлая, потому что в эти минуты солнце падало за горизонт, разукрашивая небо в пёстрые оранжевые оттенки, но в этом и есть вся магия и волшебство момента, который мною запечатлён. Оставляю под кадром слова «Сентябрь. Пятнадцать лет назад я увидела тебя первый раз. Тринадцать лет я люблю тебя. Три года у нас самый лучший на свете малыш. Сегодня тот самый день, когда я поцеловала тебя на обеде. Я люблю тебя. Я счастлива».

– Что делаешь? – спрашивает родной голос, из-за чего я вздрагиваю и резко захопываю дневник.

Том любопытно рассматриваю вещицу в моих руках, и выгибает бровь.

– Где Трэй? – тут же тараторю я.

– Завёл знакомства и бросил меня, ударившись в постройки, – отвечает он, продолжая рассматривать меня и дневник с призрением. – Так что это?

– Мои работы, – быстрый ответ лишь усугубляет и топит ложь ещё больше. Сейчас я буквально вижу, как медленно

тонет мой сюрприз.

Нахожу взглядом сына, убеждаясь в правдивости его слов, и вновь смотрю в глаза Тома.

– Дашь посмотреть?

– Ты уже видел.

– Алекс? – с ноткой недоверия и неуверенности произносит он, и я сдаюсь.

Вздыхаю, рука дрожит, но протягиваю дневник Тому, который крутит его и рассматривает со всех сторон. Солнечные блики играют на блёстках, которыми украшена обложка, после чего, он открывает первую страницу. Чувствую его взгляд, но устремляю свой вдаль, умоляя сердце успокоиться. Сегодня наша годовщина и я хотела подарить его Тому, в знак того, что лучшее время – это время с ним. Там записано всё. Абсолютно всё, что я чувствовала за эти годы: радость, тоску, разочарование, грусть, романтику, совершенные безумные поступки, любовь. Весь спектр испытываемых эмоций. Каждую мелочь, которую не сможет сохранить память, но умело сохраняют страницы. Я оберегала его от всего и завела тогда, когда он улетел в Нью-Йорк.

– Это...

– Мой дневник.

Том с удивлением смотрит на меня.

– Дневник?

– Я.. хотела тебе подарить его сегодня.

Листая его, он смотрит на даты, которые я указывала в

уголке и которые немного выцвели за прошедшие годы. Когда страничка осталась одна, Том взглянул на полароид, лежащий рядом с моей ногой, а после прогулялся глазами по записи, которую я сделала последней.

В серо-голубых глазах отразилась буря, когда они встретились с моими.

– Черт, Алекс, – тихо выдыхает он, – детка, как тебе удалось прятать его столько лет?

– Я умею хранить секреты, – немного улыбаюсь я.

Дневник ложится на ткань коврика, после чего, Том тянет меня наверх, заключает щёки в свои ладони, оставляя сотни поцелуев на моих губах.

– Я люблю тебя, – выдыхаю я между поцелуями. – Хочу, чтобы ты знал: самые лучшие моменты были только с тобой. И ты только что испортил мой подарок.

– Я не портил его, – смеётся он.

– Совсем нет.

– Я могу сделать удивлённый вид, – предлагает Том, и я жму плечами.

В любом случае, он увидел бы его сегодня вечером на ужине.

– Я не писал дневник, но я не могу представить жизнь без тебя, – шепчет парень, крепче сжимая меня в объятиях. – Не понимаю, как тебе пришла в голову эта идея.

– После твоего отъезда. Хотела сохранить это в памяти, мало ли что может случиться. Вдруг у меня будет амнезия,

я могла бы перечитывать его.

– Да, я помню тот огромный чупа-чупс, – смеётся Том. – Было весело.

– Не могу согласиться. Совсем не весело.

– Да ну? – хохочет он, – у тебя были отличные навыки.

Хихикаю и шлепаю его ладонью по груди.

– Алекс, я не мог не смотреть. Смотрели все.

– Это позор, – выдыхаю я, чувствуя, как краснеют щёки. –

Поверить не могу, что ты видел это.

– Если это может утешить, то мне понравилось.

– Это совсем не утешает, – хмыкаю я.

– Главное, все те навыки были проверены только мной, – продолжает смеяться Том, но тут же щурится и сканирует меня взглядом. – Только я?

– У меня не было времени на других, – киваю я.

– Где доказательства?

– Ещё слово и я двину тебе между ног.

Том делает вид, словно застёгивает рот на замок и через плечо выкидывает ключ.

– Молчу, молчу.

– Ма-а-ам, – разносится рядом голос Трэя, а после, маленькие ручки заключают в объятия мои ноги и ноги Тома.

Опускаю глаза вниз и улыбаюсь малышу, который намного больше, чем любовь всей моей жизни. Те самые глаза, которые принадлежат его отцу, смотрят снизу-вверх – и я таю. Ничего не могу с собой поделать, но один взгляд серо-голу-

бых глаз способен сломить меня меньше, чем за долю секунды.

– Я хочу строить замок, – без колебаний, заявляет он.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Мы построим его вместе.

– А меня можно включить в список вашей команды? – улыбается Том, взъерошив копну каштановых волос, которые сыну достались от меня.

Трэй энергично кивает, и с помощью одного движения, Том подхватывает его на руки и сажает на шею. Взяв мою ладонь, он кружит меня под своей рукой и подпрыгивает на месте, из-за чего вместе с ним подпрыгивает сын, весело хохоча в маленьких полётах. Звучащий смех двух любимых мужчин находит свой отклик в сердце, который не перестаёт биться в ритме танца.

Трэй выбирает место на песке, и наша тройка с искренним восторгом и азартом начинает строить замок, который, по словам сына, станет нашим домом, где с нами будут жить Супермен и Бэтмен. Том пытается заверить его, что они не могут жить дружно, но Трэй отказывается в это верить, ссылаясь на то, что способен помирить двух противостоящих друг другу сверхлюдей.

– Мне надо палочку, – говорит он.

Том принимает задание и через минуту появляется с деревяшкой в руке, протянув её своему маленькому прорабу и начальнику стройки.

– Теперь мне нужна тряпочка, – сообщает он.

В дело вступаю я, бросаясь на поиски чего-то подобного в сумке.

К счастью, удача на нашей стороне, потому что на дне обнаруживаю сухие салфетки. Вытаскиваю одну и протягиваю сыну. Подмигнув мне, Том с улыбкой наблюдает за тем, как Трэй проделывает дырочки и водружает знамя на верхушке самого большого квадрата, созданного с помощью ведёрка.

– А мы переждем в него? – спрашивает малыш, смотря то на Тома, то на меня.

– Конечно, – с улыбкой, отвечает Том, – сегодня вечером мама займётся дизайном твоей комнаты.

Губы сына вытягиваются в трубочку, когда он с восторгом смотрит на меня.

– Я хочу много самолетиков, ты нарисуешь их?

– Столько, сколько захочешь, – киваю и улыбаюсь я.

– Круто! – верещит он, прыгая от радости.

Выгибаю бровь и смотрю на мужа, который жмёт плечами.

– Я не говорил.

– Малыш, кто научил тебя новому слову? – играючи, интересуюсь я.

– Дядя, – кивает он, продолжая скакать на месте.

– И что оно означает?

Трэй останавливается и смотрит на меня своими хрустальными глазками, словно только что уличил кого-то в обмане.

– Хорошо, – с толикой сомнения, отвечает сын.

– Всё правильно, – улыбаюсь я, и он вновь пускается в скачки по волнам, которые то приходят, то уходят от берега.

Благодарю Бога, что Джаред не подобрал другой синоним к этому слову в менее детском варианте и быстро собираю вещи. Том снова подхватывает Трэя и сажает к себе на шею. Переплетаю пальцы, а во второй руке покачиваю пляжную сумку.

Шлепая ногами по берегу, вкушаю каждую секунду нашего семейного отстранения от всего. Воскресенье – тот день, который мы проводим только втроём. Нет ничего важнее нашей семьи. Нет ничего лучше мира, который мы создали и в котором живём. Нет ничего ценнее и дороже. Каждое утро я открываю глаза и радуюсь тому, что нахожусь в объятиях любимого мужчины. И когда второй прибегает под утро к нам, сворачиваясь рядом – я чувствую себя самым счастливым человеком во вселенной.

Все недопонимания, ссоры, обиды остались за спиной, но мы всё ещё учимся. Отношения – это постоянная работа над собой. Мы стараемся, хотя, на самом деле, это даже не нужно. Том часто улетает на игры, и всё, о чём я могу думать, когда он возвращается – его объятия. Нам некогда выяснять отношения и тратить бесценное время на глупые перепалки. Мы посвящаем его друг другу и семье. Мы не стремимся к идеалу, но по кирпичику выкладываем идеальный мир для нас. Удивительно, как легко можно достигнуть чего-то, если есть желание.